

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 12 (78). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2026

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 2 от 24.03.2026 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н., проф.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. – д. филол. н., доц. (ответственный секретарь)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Курьянов С. О. – д. филол. н., доц.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включены в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 24.03.2026 г. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь,
 пр-т Академика Вернадского, д. 4. <http://sn-philol.cfuv.ru>

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2026 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82'06(470)

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19018591>

«ПЕРЕЗВОНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» Б. К. ЗАЙЦЕВА

Баранская Е. М.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье рассматривается литературно-редакторская деятельность Б. К. Зайцева в эмигрантском журнале «Перезвоны», издаваемом в Риге в издательстве «Саламандра» с 1925 по 1929 гг. Литературным отделом «Перезвонов» Б. К. Зайцев заведовал с октября 1925 г., из состава редакции вышел в январе 1927 г. Недолгий период сотрудничества Б. К. Зайцева с журналом позволяет, тем не менее, акцентно представить миссию русского православного писателя в эмиграции: «прививать Святую Русь» западному миру в ее высшем духовном облике. Анализируется подборка литературных произведений, размещенных на страницах тематических номеров, посвященных знаковым явлениям российской культуры в эмиграции, – «Пасхального» (№ 19) и посвящения «Дню Русской Культуры» (№ 20). В частности, выделяются работы кн. П. Долгорукова, И. А. Ильина, К. Притисского, И. С. Шмелева, И. А. Бунина, а также «Легкое бремя» (№ 19) и «Обитель» самого Б. К. Зайцева (№ 20). К исследованию привлечены публицистические работы и рецензии, дневники, мемуарная проза Зайцева разных лет.

Ключевые слова: Б. К. Зайцев, эмиграция, русское православие, «Святая Русь», литературно-редакторская деятельность, журнал «Перезвоны».

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к творчеству и биографии Б. К. Зайцева занимает прочное место в отечественном литературоведении. Критики и ученые разрабатывают преимущественно вопросы поэтики прозы писателя. О пантеизме Б. Зайцева, его приверженности «стихии» говорили К. И. Чуковский [28] и О. Н. Михайлов [16]; современники и позднейшие исследователи подчеркивали импрессионистическую манеру его письма [14; 16; 28; 13], акварельность красок [16]. В частности, О. Н. Захарова в «Поэтике прозы Б. К. Зайцева» (2014) акцентирует черты неореалистического синтеза, присущие художественному сознанию писателя, выделяя «импрессионистичность, <...> мифопоэтичность, апелляцию к архетипическим праистокам национальной ментальности» [13, с. 4]. О. Н. Михайлов, поддерживавший тесное знакомство с Б. К. Зайцевым, отмечал в его прозе «русское начало», «чистоту лирического голоса, мягкую задушевность» [16, с. 254]. «Умиляющийся художник», «единственный в России “воспевающий” художник» [28, с. 189] – таким Зайцев виделся Чуковскому.

Однако комплекс исследовательских работ, посвященных Б. К. Зайцеву, предоставляет довольно скудную информацию о его литературно-редакторской деятельности. Известно, что в 1922 г. Зайцев был избран председателем Московского отделения Всероссийского союза писателей. В марте 1923 г., в эмиграции, избран вице-председателем берлинского Союза русских писателей и журналистов; сотрудничал в берлинской газете «Дни», пражском журнале «Воля России». С 1927 г. являлся почетным членом литературно-философского общества «Зеленая лампа» (основано Д. Мережковским и З. Гиппиус). Публиковался в журнале «Современные записки», в газете «Последние новости», после – в «Возрождении». Уже в 1940-е гг. сотрудничал с журналами «Грани», «Вестник РСХД», «Мосты», «Новый журнал», газетами «Русская

мысль», «Новое русское слово» и др. А в 1947 г. избран председателем Союза русских писателей и журналистов во Франции и остался на этом посту остался до конца своих дней (Т. Ф. Прокопов) [9, с. 6–30; 23].

В контексте формирования художественного мировоззрения **православного** русского писателя Б. К. Зайцева нас интересует его литературно-редакторская деятельность в рижском журнале «Перезвоны», с которым он начал сотрудничать в 1925 г. Литературные объединения и журналы русского зарубежья уже привлекали внимание исследователей. В частности, обзор русской печати в Латвии 1920–30-х гг. представил создатель Латвийского общества русской культуры Ю. И. Абызов, подчеркнувший усилия Зайцева по привлечению авторов в «Перезвоны» с целью «поддерживать в оторванных от родины русских приобщенность к ее прошлому, к истории, искусству» [1]. Этим же исследователем описано содержание номеров «Перезвонов» в историко-библиографическом очерке «А издавалось это в Риге» (2006) [2]. «Перезвоны» представили интерес для В. П. Крейда (Крейденкова), который, соглашаясь с Г. Струве о популяризаторской тональности некоторых материалов, оспаривает мнение о «провинциальности» журнала, подчеркивает высокий уровень авторского состава, профессионализм журнала, не уступающего «столичным» образцам; более того, «Перезвоны» В. Крейд называет «журналом старших», поскольку в нем сотрудничало «большинство оказавшихся в эмиграции видных прозаиков старшего поколения» [15, с. 200–201]. С. В. Сомова характеризует структуру журнала, его направленность, говорит о «Перезвонах» как о «встрече с родиной для многих представителей “русского Берлина”, “русского Парижа”, “русской Праги”» [25, с. 140]. При этом С. В. Сомова полагает, что «Перезвоны» не были журналом «для семейного чтения» [25, с. 139]. В. П. Крейд, напротив, считает, что журнал задумывался как «еженедельник для семейного чтения в традициях дореволюционного иллюстрированного журнала» [15, с. 200], и, видимо, опирается на характеристику, данную журналу самим Зайцевым: «провинциальный “семейный” журнал, особенно ни на что не претендующий» [11, т. 11, с. 21–22].

Цель статьи – представить литературно-редакторскую деятельность Б. К. Зайцева в журнале «Перезвоны» в контексте его художественно-мировоззренческих установок. **Материалом** исследования послужили избранные номера литературно-художественного журнала «Перезвоны»: №№ 1 (1925), 19 (1926), 20 (1926).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Истина все-таки придет из России. <...> “Святою Русью”»

После революции 1917 г. новый мир писателя Б. К. Зайцева выглядел полюсно: «Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви» [11, т. 4, с. 589]. Б. К. Зайцев эмигрировал в 1922 г. О периоде эмиграции пишет много, пишет болезненно, страдальчески, со свежей раной от минувших потерь и разочарований и с чувством ностальгии по России; пишет просветленно. Вдали от России писатель истинно глубоко начал постигать «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда» («Молодость – Россия») [11, т. 9, с. 17]. «Святая Русь» Зайцева проникнута православием (как и для многих писателей-эмигрантов, из которых в близкий круг Зайцева входили И. А. Бунин, И. С. Шмелев). Свою писательскую миссию за рубежом Зайцев видел в открытии «Святой Руси» западному миру («своеобразная прививка Западу чудотворного “глазка” с древа России...») («Ответ Мюллеру». 22.05.1929) [10, с. 646–647]) и просветлении нового русского мира.

Н. А. Струве в статье «Писатель-праведник» называл Б. К. Зайцева «символом для русской эмиграции», «примером честности и правдивости», поскольку «за всю свою полувековую эмигрантскую жизнь Борис Константинович никогда ни на какие общественные компромиссы не шел, не запятнал себя никакими, столь характерными для эмиграции, ненужными выпадами или партийными ссорами <...>. Религиозен Борис Константинович был без надрыва и пафоса, коренно, истово <...>» [26, с. 181]. З. Гиппиус, давая оценку «Преподобному Сергию Радонежскому» Б. Зайцева, говорила о «любовной нежности Зайцева к Сергию» – «святителю русского православия», о «благочестивой памяти о древней Руси» и православии, созданной автором [7, с. 202].

Для Ю. Б. Мандельштама главенствующее в жизни Зайцева то, что отражает «некое таинственное странствие человеческой души в мире» [цит. по: 8, с. 465]. Даже Г. Адамович (несмотря на несколько скептическое отношение к религиозным взглядам писателя¹) в 1960 г. говорил о Зайцеве как о «христианине и притом христианине церковно-послушном, смиренном, без всякого вольномыслия, без умственной гордыни, без поправок к Православию» [цит. по: 8, с. 466]. Такое истолкование личности Б. Зайцева дало возможность П. Грибановскому в 1975 г. определить жизненный путь писателя как «постепенное его воцерковление, постепенное приобщение к богочеловеческому организму Церкви» [8, с. 466].

Жизнь в «изгнании» обратила Зайцева к православию, к древней Руси с ее исконными традициями. В 1925 г. писатель – в ожидании «истины <...> из России»; ждет, что «Святая Русь» придет, «чтобы просветить усталый мир» [11, т. 9, с. 54]. Мысль о России «трагической», «России, терзающей и терзаемой», («Молодость – Россия») [11, т. 9, с. 17] определила все эмигрантское творчество Б. К. Зайцева. Достаточно привести подборку текстов с указанием на предмет авторского интереса только из 7-го тома собрания сочинений Зайцева «Святая Русь», чтобы убедиться в этом: «История русской души», «День русской культуры», «Слово о Родине», «Россия», «Русская слава» – «Дневника писателя». Из «России»:

*«... Старомодное слово. Но все равно. Так называем и будем называть.
Давно ушла она от нас или мы от нее. Но в снах долго сопровождала. Потом сны стали реже <...>»*

«Долгие годы казалось, что каким-то неясным образом, из-за политических перемен, в Россию вернешься. Потом перестало казаться. Теперь не кажется» [11, т. 7, с. 375].»

«Здесь ты “самый последний” и безмерно одинок»

«Художник русский» [8, с. 466] – назвал Б. Зайцева П. Грибановский (декабрь 1975 г.). Г. Адамович, обосновывая само существование духовного творчества в эмиграции, апеллировал к созидательной деятельности таких писателей, как Зайцев, к сострадательности Зайцева к миру: «<...> И грусть, и сострадание обращены у него именно к миру, а не к самому себе. Большею частью обращены к России» [4, с. 449].

Тема России в творчестве Б. Зайцева не просто главная – витальная. В автобиографическом очерке «О себе» (Париж) Зайцев признавался: «Вообще годы

¹ В отзыве 1936 г. на книгу Б. К. Зайцева о Валааме («Валаам, Б. Зайцев») Г. Адамович увидел в ней «гипертрофию нежности и сладости», упрекнул писателя в том, что тот зовет на Валаам лишь «наслаждаться покоем, полюбоваться древней скудостью быта, подумать о вечности. Отдохнуть, одним словом»; и потому «Зайцевский рай – легкий рай» [8, с. 464].

оторванности от России оказались годами особенно тесной с ней связи в писании. За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит. <...> Если есть за что-то мне благодарить тут, то – Россию. Если есть чем болеть и страдать, то болезнями, уродствами и искажениями той же России» [11, т. 4, с. 590–591].

О днях революции (России «трагической») Б. Зайцев писал в книге воспоминаний «Далекое»: «Это было очень страшное время – террора, холода, голода и всяческого зверства» (Гл. «Пастернак в революции») [11, т. 6, с. 226]. «Осенью 1922 г. почти все Правление нашего Союза¹ выслали за границу <...>», – вспоминал Зайцев, высказывая признательность Троцкому от лица всех высланных: «Это дало им возможность дожить свои жизни в условиях свободы и культуры» [11, т. 6, с. 230]. Зайцев разделял мнение Г. В. Адамовича о положении русского писателя в эмиграции: «Одиночество и свобода» [11, т. 6, с. 232]. И все же – «одиночество». 11 октября 1925 г. в Париже Б. Зайцев запишет: «Как пусты и пустыньны лица! Боже мой, это мои братья, я их не узнаю. Может быть, и у меня здесь такое же лицо? <...> Здесь ты “самый последний” и безмерно *одинок* (курсив мой – *Е. Б.*)» («Странник <Дневник 1925–1929 гг.>») [11, т. 9, с. 48]. Б. Зайцев осознает необходимость выживания в «чужом» западном мире: «Париж насыщен похотью», «высасывает Францию» [11, т. 9, с. 63], – записывает он 24 февраля 1926 г. Уже на третий год в Париже, дыша «воздухом умеренности и свободы», читая о казнях и расстрелах у себя на родине, Зайцев не может простить Парижу помост около русского ресторана, где «отрубают голову», а толпы приезжают в Версаль из Парижа, «чтоб на рассвете “сподобиться”, “улицезреть”» казнь [11, т. 9, с. 62–63] (18 фев. 1926 г.). Земля в эмиграции – «не рай» [11, т. 9, с. 41] (27 сент. 1925 г.).

Воссозданное импрессионистическими мазками эмигрантское «одиночество» проступало едва ли не в каждом художественном произведении, литературном этюде, очерке. Из «Дневника писателя. 1925–1939»; 21 ноября 1925 г., Париж:

«Здесь <...> растапливают щепочками – ligots. На днях среди своих лигошек встретил одну, в белом. Боже мой, береза! Белая кора, с коричневыми черточками, с оторванной, тончайшей кожицей – всегда она трепещет, нежно дрожит в ветерке – Россия. Зачем же Западу береза, это наше древо <...>. Да, береза облик чистоты и скромной непорочности, бедности и суровости. Святая Русь. <...>

Монашенка и девственница, и заступница. Брошу ли тебя в печь, французская сестра? Нет, лежи, спрятанная. Память, вздох, надежда.

Когда-нибудь и на родной земле я обниму твой ствол» [11, т. 9, с. 52–53].

В 1926 г. Б. Зайцев еще верит в возвращение домой, ибо в этом «весь смысл этих “годов странствий”»: «Мы здесь состоим *при* жизни, но не *в* жизни. *В* жизни мы будем лишь дома» [11, т. 9, с. 71] (5 авг. 1926 г.). Но подспудно зрела мысль о невозможности

---

¹ Идея создания профессионального писательского Союза была предложена М. О. Гершензоном в марте 1917 г. В 1918 г. Союз писателей и был создан и поначалу существовал только как «Московский»; в 1920 г. переименован во «Всероссийский»; функционировал до постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций»; спустя два года реорганизован «в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» [24]. В Москве председателем Союза в 1921 г. был избран Б. Зайцев, вице-председателями стали Н. Бердяев и М. Осоргин. 21 июля Зайцев, Осоргин, Муратов, Дживелегов и др. деятели культуры вступили во Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол), через месяц последовал арест. Зайцева и Муратова освободили через несколько дней. Зайцев уехал в Притыкино, в 1922 г. вернулся в Москву.

возврата, а Париж уже становился отчасти «своим»: «Уж на что улица Фальгьер: как мучила вначале грохотом. Тяжкая улица! <...> И все же улица Фальгьер – отчасти уж моя <...>» [11, т. 9, с. 51]. В 1930 г. Зайцев запишет: «Уже в Париже стало ясно, как далека родина». Надежда, «оправившись за границей», вернется на родину «для жизни, для работы новой – тяжелой, конечно, но нужной» становилась иллюзорной. «На Кресте наша Родина <...>, – писал Зайцев, – распинают ее» [11, т. 11, с. 324–325]. В 1939 г. в мемуарной книге «Прощании с Москвой» снова прозвучит мучительный вопрос: «Удаление из Москвы <...> – временное ли? Или навсегда?» [11, т. 6, с. 154].

В такой ситуации для Зайцева остро стоял вопрос о предназначении русской литературы, которая в эмиграции, по мнению писателя, осознает «тягости отрыва от родины» и вынуждена вести окопную жизнь, «в подземельях» воссоздавать «истории русской духовной культуры и жизни» [11, т. 9, с. 122].

Многим писателям «золотого века» русской литературы довелось пережить разочарование Европой [17; 18], и закономерно, что многим представителям «века серебряного» Европа внушила то же чувство. Однако русская литература XIX в. демонстрирует, что, даже сознавая всю «чуждость» западного мира, а порою и его враждебность, русские авторы стремились «просветить» европейский мир относительно истинной России, донести до западного сознания зерно и суть русской культуры [19, с. 500–537]. В этом отношении Б. К. Зайцев, безусловно, явился продолжателем «золотого века» и настойчиво вырабатывал представление о миссии, которую призвана выполнять русская литература на Западе.

В 1931 г. в «Дневнике писателя» Зайцев, отвечая на статью М. Л. Слонима «Заметки об эмигрантской литературе»¹, поднял вопрос о христианских корнях русской культуры: «Литература эмиграции выросла на почве христианской культуры. Для нее слова: Бог, человек, душа, бессмертие – что-то значат. <...> Божий мир полон, глубок, трагичен, грозен, иногда непонятен, но он не есть пошлость и не есть плоскость» [11, т. 9, с. 121].

«Да, Русь. Да, Мать». Б. К. Зайцев в журнале «Перезвоны»

«Книжка о русском духе» [12] – охарактеризовал Б. Зайцев в 1923 г. журнал «Russia», созданный проф. Этторе Ло Гато. Писателя привлекла сама идея «осведомления» о русской культуре, о духовной жизни русских.

А с 1925 г. по 1929 г. в Риге вышло 43 номера литературно-художественного журнала «Перезвоны». Журнал выходил в издательстве «Саламандра», созданном Н. А. Белоцветовым². Ответственным редактором журнала «Перезвоны» был

¹ М. Л. Слоним разделял мнение Д. П. Святополка-Мирского и М. А. Осоргина о затухании эмигрантской литературы. Противоположной точки зрения придерживались И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, В. Ф. Ходасевич, которые видели в эмигрантской литературе хранительницу традиций русской классики. Слоним выступил с докладом «Конец эмигрантской литературы» на заседании группы «Кочевье» 8 ноября 1931 г. Статья «Заметки об эмигрантской литературе» («Воля России», 1931, № 7–9) прозвучала как приговор всей русской литературной эмиграции.

² Николай Алексеевич Белоцветов (1863, Владимирская губерния – 1935, Рига) – директор-распорядитель страхового общества «Саламандра». После революции 1917 г. уехал в Югославию, впоследствии – в Ригу; центральный офис страхового общества «Саламандра» переместился в Копенгаген. Для своих изданий Н. А. Белоцветов создал акционерное общество печатного дела – «Саламандра». Главной задачей ставилась не прибыль, а просветительская деятельность. С 1924 по 1929 гг. выходила национально-демократическая газета «Слово». С ноября 1925 г. издавался литературно-художественный журнал «Перезвоны» и журнал для юношества «Юный читатель», сборники, посвященные Дню русской культуры, сочинения русских классиков [5]. Ю. И. Абызов относил Н. А. Белоцветова к «наезжим» [3, с. 290] в отличие от «укорененных» русских в Латвии.

С. А. Белоцветов¹. Редакция имела представительства в Эстонии, Литве, Финляндии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Франции, Германии, Турции, Египте, Китае, США. В частности, болгарскую эмиграцию представляли Л. Столица и А. Федоров; О. Далматова – Латвию; Н. Белоцветов – Германию [15]. С октября 1925 г. литературным отделом «Перезвонов» заведовал Б. Зайцев.

Журнал был художественно оформлен: обильно иллюстрирован цветными репродукциями, в каждом номере – цветные вклейки высокого качества. Материалы художественного отдела занимали около трети объема в каждом номере и посвящены Анненкову, Билибину, Васнецову, Верещагину, Добужинскому, Коровину, Куинджи, Кустодиеву, Левитану, Перову, Репину, Серову и др. Примечательно стилизованное цветное оформление обложки: художник М. В. Добужинский (один из основных художников «Перезвонов») изобразил дерево с изогнутым стволом и зелеными ветвями, среди которых – колокола, будто раскачиваемые ветром и издающие звон. На переднем плане – образцы европейской архитектуры, и это дает понять, что дерево растет на чужой почве. Но на общем фоне – русские храмы.

№ 1 вышел 8 ноября 1925 г. С № 1 по № 13 (1825–1826) выходил еженедельно; с № 14 по № 20 (1926) – два раза в месяц; с № 21 по № 41 (1826–1829) – ежемесячно; №№ 42 и 43 (1929) – один раз в два месяца. Соответственны подзаголовки журнала: еженедельный литературно-художественный журнал (1925–1926, №№ 1–14) и литературно-художественный журнал (1926–1929, №№ 15–43). Журнал придерживался сплошной пагинации страниц.

В 1-м номере в обращении редакции заявлена концепция журнала:

«“Перезвоны” – орган русского художественного слова и русского искусства и старины: в иллюстрированной части журнала исключительное внимание – систематическому воспроизведению картин русских художников и памятников русской старины; в литературной части – новейшим художественным

¹ Сергей Алексеевич Белоцветов (16 марта 1873, Владимирская губерния – 22 марта 1938, Рига) – редактор и педагог, брат Н. А. Белоцветова. До 1923 г. работал нотариусом в Александровске Екатеринославской губернии (с 1921 – Запорожье). В 1923 г. по вызову брата прибыл в Латвию, работал в газете «Слово» и журнале «Перезвоны». С. А. Белоцветов – номинальный редактор обеих изданий, которые, не выдержав конкуренции с концерном «Сегодня», в конце 1920-х гг. прекратили существование [27]. Впоследствии преподавал Закон Божий в Рижской школе. Был членом Союза русских учителей Латвии [5].

произведениям русских авторов; в специальном *отделе для детей* будет широко использована старая детская литература, так недоступная теперь детям и так необходимая им в условиях эмигрантской жизни.

Перезвоны русской культуры должны звучать в эмиграции!..» («Перезвоны», 1925, № 1) [20, б. с.].

«Отклик в журнале» должны были найти «жизнь эмиграции, жизнь Советской России, мировые события дня, достижения науки и искусства» («Перезвоны», 1925, № 1) [20, б. с.].

Открывался журнал стихотворением Ольги Далматовой «Перезвоны»:

*На чужбине растет дерево...
Не молчит, говорит,
И поет, и звенит перезвонами...
Как слушаешь, – чуду верится:
Где-то светит, горит,
Восковая свеча пред амфонами...

Колокольни, что стражи вечные...
Все глядят в небеса,
То в туманы, то в синь искрометную...
Через дали земли бесконечные,
Медным звоном поют
И плывут голоса...*

*Через горы, долины, леса,
Перезвоны летят перелетные... [20, с. 1].*

Итак, Б. К. Зайцеву было поручено руководство (руководил из Парижа) литературно-художественным отделом журнала. Отделом искусства и старины руководил проф. Н. И. Мишеев, «Детским уголком» – священник о. М. Бурнашев. Художественной частью заведовал худ. ред. А. М. Пранде.

В 1926 г. номера выходили тематические, посвященные как отдельным деятелем культуры, так и явлениям/событиям российской культуры; например, № 5 – древнерусскому зодчеству; № 6 – В. М. Васнецову; № 7/8 – изображениям Богородицы и Св. Младенца в искусстве; № 19 – Пасхальный; № 20 – посвящен «Дню Русской Культуры»¹.

Сотрудниками литературно-художественного журнала «Перезвоны» (в № 20 1926 г., в частности) были: М. А. Алданов, Мих. Арцыбашев, К. Д. Бальмонт, Н. Г. Бережанский, проф. Н. А. Бердяев, И. А. Бунин, Н. Н. Белоцветов, Ю. Галич, Г. Гребенщиков, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Б. К. Зайцев, Евг. А. Зноско-Боровский, А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. Роцин, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучев, В. Ф. Ходасевич, А. Черный, Евг. Н. Чириков, Марина Цветаева, И. С. Шмелев, Сем. Юшкевич, А. Федоров. Художники: акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, М. Добужинский, А. М. Пранде, Ю. Г. Рыковский и др. [22, б. с.].

¹ Дни русской культуры стали отмечаться русским зарубежьем с 1924 г. ежегодно 26 мая (6 июня), в день рождения А. С. Пушкина. Инициатива исходила от эмигрантов Эстонии. 6 июня 1926 г. в парижской однодневной газете «День русской культуры» Б. Зайцев опубликовал свой очерк «Пушкин». Такие же выпуски были изданы в том году в Белграде, Варне, Двинске [11, т. 11, с. 377].

В 19-м выпуске 1926 г. Б. Зайцев разместил рассказ «Легкое бремя» (с. 571–572), повествующий о русских эмигрантах-артельщиках, которым на «Марселе-товарном», на Страстной неделе, «когда изболелась душа по Родине», довелось «в России побывать», к «пшенице русской, из Одессы», привезенной в Марсель, прикоснуться: «Русская... <...> Наши все обступили... все к зерну тянутся... А кто на колени стал, руки в мешок запускает, гладит... И молчим все. Шапки снимали, только зернышко всё ласкаем, <...> с родной Кубани. <...> Всё что-то глаза утирали» [11, т. 7, с. 244]. Для эмигрантов эта пшеница обернулась «доброй вестью, благою вестью»: «Точно бы и нас вот, вовсе уж заброшенных, нагих и сырых, осенил крылом Ангел Господень, и святое Его перышко на нас упало [11, т. 7, с. 245].

В этом же 19-м выпуске, «Пасхальном», публиковались произведения К. Д. Бальмонта («Острый час»), П. Кожевникова («Просимое чудо» (Эмигрантский рассказ)), А. Ремизова (Из книги «Страды мира»), Е. Чирикова («Невеста»), Н. Бережанского («Вербная неделя» (Историко-этнографический очерк)), В. Никифорова-Волгина («В березовом лесу» (Пасхальный этюд) – посв. Б. Зайцеву, Нарва); Г. Адамовича («Два стихотворения»), А. Черного («Пасха в Гатчине», Париж, март 1926 г.), О. Далматовой («Христос воскрес...»), Л. Столицы («Заплачки»). Рассказ размещался сразу после статьи проф. Н. И. Мишеева «Праздников – Праздник...»: о светлом празднике Пасхи, который есть «Царь дней», «Торжество из торжеств», поскольку «он посвящен радости победы над смертью, единственной и конечной цели всей человеческой культуры!..» [21, с. 571]. Примечательно: настоящий (19-й) номер журнала завершался обращением к читателям от редакции «Перезвонов» по поводу грядущего празднования «Дня русской культуры»:

«<...> Редакция открыла его страницы для русских писателей независимо от политических их устремлений и чаяний, учитывая лишь то, что объединяет всех русских людей, – любовь к родине, ее прошлому, веру в ее будущее, и оставляя на ответственности авторов то, что разъединяет русских людей – детали оценки русской культуры в прошлом, различия в верованиях и взглядах на будущее. День русской культуры да будет днем объединения всех любящих родину...» [21, б. с.]

Следующий (20-й) номер журнала, «выпускаемый по соглашению совместно с “Педагогическим Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей”, задуман как посвящение празднованию “Дня Русской Культуры”» и анонсирован в «увеличенном размере» [21, б. с.]. Номер иллюстрирован тематическими подборками; открывается изображением А. С. Пушкина (с портрета О. А. Кипренского), а далее: Н. Н. Ге «Пушкин в селе Михайловском. (Посещение Пушина)», М. В. Нестеров «Преподобный Сергей благословляет Дмитрия Донского», В. М. Васнецов «Святые земли русской», В. И. Суриков «Боярыня Морозова», мозаичная картина М. В. Ломоносова «Полтавская баталия», «Кремлевские укрепления в XVIII веке» (с картины Фр. Гильфердинга 1787 г.), изображение Спасской башни – со стороны Красной Площади и мн. др.; портреты деятелей русской истории (например, Петра I, Екатерины II). В приложении к журналу – цветные иллюстрации картин: В. Орлов «У стен Кремля», И. И. Шишкин «Рожь», С. А. Виноградов «Усадьба», К. А. Савицкий «Встреча иконы», 4 изображения лаковых шкатулок работы палехского кустика И. Голикова.

Предваряет номер статья кн. Петра Долгорукова «День русской культуры» (Прага, апрель 1926 г.), которая и задает тональность выпуска: «Бережно относиться к Русской культуре во всех ее проявлениях, лелеять ее, приобщать к ней растущее за рубежом

России молодое поколение – обязанность каждого русского беженца» [22, с. 598]. По мысли автора, «весь смысл, вся идеология» и даже оправдание беженства состоит в подготовке «молодежи к работе по воссозданию России» [22, с. 598]. Кн. П. Долгоруков утверждает ценность культурного «прошлого своей родины», настаивает на сохранении самоощущения себя как русского человека, что возможно только при сохранении русской культуры: «<...> Русская культура не только не умирает, но продолжает творить там <...>. И здесь, в беженском распылении, в тяжелых нравственных и экономических условиях русская культура жива и пускает ростки, несмотря на свою оторванность от родной почвы» [22, с. 598].

Тем самым кн. П. Долгоруков в споре о жизнеспособности русской культуры вне русской почвы утверждает ее право на жизнь, поскольку важнейшим признаком нации является именно «культура народа и его язык»: «Культура является более точным и постоянным национальным определителем, чем какие-либо географические границы или государственные образования», а «мощь русской культуры» позволяет надеяться на победу русского народа и русской государственности [22, с. 598].

Далее следует статья проф. И. А. Ильина «О России» (с. 599–605): «Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться <...>. Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине» [22, с. 599].

К. Притисский говорит о миссии русской литературы в судьбе русского народа («Русская литература, как “наказ” русского народа», с. 605–609), исходя из убеждения в том, что «в конечном международном споре» место нации будет определяться не силой, а «качеством духовных ценностей» [22, с. 605], на которых «лежит печать утверждения жизни» на началах любви, добра, простоты [22, с. 605].

И. С. Шмелев представил рассказ «Блаженные (Из “Встреч”» (апрель 1926 г., Ланды) (с. 619–624), в котором звенящей струной звучало прощание «с Россией, с прежней. Многие в ней потоптали и разметали, но прежнего еще оставалось – в России деревенской» [22, с. 619].

«Обитель» Б. К. Зайцева (с. 626–628) воскрешала, являла воочию «образ Сергия (Радонежского – Е. Б.) и образ Матери-России...»:

«Последний раз, на литургии, я встретил ее, Мать и Русь <...>. Она явилась в облике старушки. <...> Она стояла впереди меня, маленькая, в теплой кацавейке, седенькая, с простым и незаметным лицом русским, серыми глазами, аккуратную прической, с тем пронзительно-невыразимым отпечатком и страдания, но и порядка, и покорности в самом страдании – что есть плод выдержки и силы. Стояла больше на коленях. Иногда истово крестилась, земно кланялась, но без надрыва. И спокойно, тесно, тоже аккуратно были у нее прижаты одна к другой подошвы – старенькие, выхоженные, в тех дырах бедности, на какие равнодушно взглянуть трудно.

Да, Русь. Да, Мать» [22, с. 627–628].

Зайцев тщательно подбирал художественные произведения, созвучные духу праздничного номера. На его страницах опубликованы стихотворения К. Д. Бальмонта («В горной долине» (из книги «В раздвинутой дали»), «Колодец»), А. Федорова («Медный всадник», София, 1924 г.), Л. Столицы («Житие преподобного Сергия»),

кн. Ф. Касаткина-Ростовского («Серые птицы»), Д. Мережковского («Плавают лебедь...»), В. Горянского («Крестный ход» (из цикла «Хозяин»)), А. Смирнова («В притворе темном...»). Опубликованы и прозаические произведения И. Лукаша («Дурной арапчонок» – о Пушкине), Г. Гребенщикова («Послание из Америки (Из книги “Алтай – Жемчужина Сибири”»). Нью-Йорк, 1926 г.), А. Ремизова («Неугасимые огни (из книги “Взвихрённая Русь”»)), Тэффи («Непрощеное дерево»). Размещены заметки С. Завадского («Памяти русского суда»), М. Новикова («Первый русский университет»)), Н. И. Мишеева («Село Палех и мастер Голиков»; «Русское искусство»), Н. Анина («Русский театр»).

Еще 20 апреля 1926 г. Б. К. Зайцев писал И. С. Шмелеву с просьбой: «<...> Что-ниб<удь> ко дню русск<ой> культ<уры> в “Перезвоны” – очень прошу, сейчас же, а то лишь портрет Ваш. Ив<ан> Ал<ексеевич> уже прислал, я даю что-то, Вы необходимы, надо же показать русских писателей к этому дню. <...> 15-го день р<усской> культ<уры> в Риге, а надо еще переслать, № будет большой, и т. п.» [11, т. 11, с. 27]. А уже 27 апреля благодарил: «Дорогой Иван Сергеевич, спасибо за “Блаженных” – мне очень понравилось, и очень подходит к № дня культуры. Уже отправлено в Ригу, вместе с портретом» [11, т. 11, с. 27]. 13 мая 1926 г. (Париж) Зайцев передавал Шмелеву хвалебные отзывы Белоцветова о переданном для публикации «действительно прекрасном рассказе»: «<...> Это будет украшение № “Дня русской культуры”» [11, т. 11, с. 28–29].

Показательно мнение редактора о праздничном номере «Перезвонов»: «Кажется, ко дню культуры подобались вещи, в один центр бьющие» [11, т. 11, с. 28].

Б. Зайцев проделал огромную работу, собирая в журнал лучшие силы русской литературы, которые, в конечном итоге, и представили характер «Перезвонов» с его особенно проникновенным и ностальгическим духом. Речь идет об Алданове, Амфитеатрове, Арцыбашеве, Бунине, Куприне, Осоргине, Ремизове, Тэффи, Черном, Шмелеве и др. Причем слова из рассказа И. Бунина «Поруганный Спас» (с. 616–617) удивительно перекликались с изображением на обложке журнала: «И несказанно прекрасны очертания церковей над сумраком земли» [22, с. 617]. Влияние личности самого Б. Зайцева на духовную составляющую «Перезвонов» было преобладающим: «Я и не стал политиком, – констатировал писатель уже 23 апреля 1927 г. в письме к И. А. Новикову, – мир, красота и религия, вот что мне ближе всего, “Свет Афонский” и т. п.» [11, т. 11, с. 34]. Зайцев не единожды подчеркивал аполитичность журнала, главенствующую идею русского мира и культуры – русскости.

5 октября 1925 г. Зайцев писал Бунину: «Дорогой друг, “Перезвоны” <...> – иллюстр<ированный> журнал в Риге <...>. Никаких особ<ых> ухищрений, литературный, национальный, без политических статей. Литературным отделом заведую я <...>. Очень прошу поддержать меня, дать что-ниб<удь> в первый №» [11, т. 11, с. 20–21]. 6 октября 1925 г. Зайцев писал Шмелеву: «<...> Сейчас получил небольшую работу – заведовать ли<тературным> отделом рижского илл<юстрированного> журнала “Перезвоны”. <...> Жур<нал> этот литературный, без политики, со снимками, еженедельный, название без меня устроили, но думаю (уверен), что приличным он будет, провинциальный “семейный” журнал, особенно ни на что не претендующий <...>. Приглашены все т<ак> н<азываемые> “известные” писатели, <...>. Написал, конечно, Бунину, да вообще тут парижский наш круг весь будет. <...> Очень хотелось бы иметь Ваше. Отзовитесь» [11, т. 11, с. 21–22]. 23 октября 1925 г., письмо В. И. Немировичу-Данченко: «<...> Я принял на себя заведование литературным отделом журнала “Перезвоны” – еженедельный журнал с иллюстрациями, без политики <...>. Приглашаем

все видные лит<ературные> силы. Обращаюсь к Вам покорнейшей просьбой прислать что-нибудь» [11, т. 11, с. 23–24].

Подготовка выпусков осложнялась материальными издержками, в том числе и на оплату писательского труда. Так, 5 октября 1925 г. Зайцев сообщал Бунину по поводу гонорара: «1 франк за строку (другим неск<олько> меньше, третьим гораздо меньше). Но Вы понимаете, что это не моя область, и, конечно, Вам надо платить не франк и не два, но тут уж начинается чужбина и условия “эмигрантской печати”» [11, т. 11, с. 21]. И. Шмелеву 6 октября 1925 г. предлагался гонорар «82 сант<има> за строку», при этом длина строки еще не установлена [11, т. 11, с. 21].

В период формирования «Перезвонов» проблематичными были и вопрос сохранения старой орфографии либо введения новой, и вопрос общего идеологического направления журнала. Так, И. Бунин крайне подозрительно отнесся к «Перезвонам» (письмо Б. Зайцеву от 16 октября 1925 г.) из-за вероятности перехода на новую орфографию, категорически им неприемлемую («Но лично у меня это пункт помешательства. <...> Не соглашусь на нее даже за миллион долларов») в силу идеологической подоплеки: «Что же до орфографии, то ее теперь употребляют и не одни большевики и сменовеховцы <...>. На каком основании отказал В. С. Мирову (Миролюбову) дать что-нибудь в сборник – «пишет по новой орфографии» [6, с. 33–34]. Б. Зайцев, уверенный в использовании старой орфографии, обещал, тем не менее, прояснить вопрос у С. А. Белоцветова [6, с. 774] и эмоционально пояснял И. Бунину направление «Перезвонов»: «Белоцветова я знаю лично, это крупнейший делец и такой “буржуй”... – что только З<инаида> Н<иколаевна>, которой я написал сейчас резкое письмо, может думать, что журнал будет “сменовеховский”» [11, т. 11, с. 21].

Примечательно, что концепция русского древа, выраженная иллюстрацией на обложке «Перезвонов», близка размышлениям Б. Зайцева о неизбежном вращении русского человека в чужую землю, но при этом – и сохранении русскости на новой почве. Из цикла «Странник» (1925–1929), 29 октября 1925 г.:

«Да, мы пускаем корни. Этого не станешь отрицать. Похож на кошку, привыкаешь к местности и прирастаешь к ней. Так, затопив печку, в кабинетике, взглянув на рю Фальгельс, вдруг ощутил: и у меня, “безродинного”, все-таки есть угол, и даже некий уголок Парижа стал моим» [11, т. 9, с. 51].

Важно, что в период активной работы в «Перезвонах» Б. Зайцев пристально наблюдал за положением православия в Латвии. 12 октября 1926 г. он отмечает, что в Латвии «серьезно взялись» за православие, «даже серьезнее, чем в России»: «Там упразднено 5% храмов, в Латвии 19% (правосл[авных] церквей)». Он фиксирует, как в «Риге “взрывают”» православную часовню, отбирают архиерейский дом, здания бывших семинарий, в то время как «православной Латвии священников не хватает». Вот еще наблюдения писателя: «В приморской архиерейской даче собираются поселить министра иностранных дел, погостные дома отчуждают административно вопреки решению собственного же суда, русское кладбище продают какому-то спекулянту, который сносит кресты, разрывает могилы и строит на русских костях доходный дом» [11, т. 9, с. 77]. Так чем же отличались современные «передовые» немцы и французы от новой России, оставленной писателем? Для Б. Зайцева очевидно одно: «Великая красота и правда православия нашего времени есть его гонимость – и в России, и в неблагодарных мелких государствах» [11, т. 9, с. 77]. Уже в 1960 г., обращаясь к русским молодым людям, он призывал нести в себе «Человека», чье достоинство есть «вольное следование пути

божью – пути любви, человечности, сострадания» [цит. по: 16, с. 258]. В «Слове о Родине» (1938) («Дневник писателя») писатель говорил о просветленном, пронизательном, очищенном видении облика оставленной вдали России: «Для русского человека есть Россия, духовное существо, мать, святыня <...>» [11, т. 7, с. 327]. Духовным завещанием звучит наставление «словом, жизнью и примером прививать Святую Русь иноземцам» в ее духовном облике, и на просторах России осуществлять ту же миссию, только на родном языке («Уходящие приходящим», 1965) [11, т. 11, с. 338].

В заметке «Восемьдесят ступеней» (1961), которую А. М. Любомудров назвал «квинтэссенцией зайцевского православного мировоззрения» [10, с. 56], Б. К. Зайцев подвел нравственный итог XX в: «Жили, трудились, кто как умел, старались хранить святыни <...>: религию, человечность, свободу. Годы шли. <...> Но про самую жизнь скажу все же прежде: рядом с ужасом есть в ней и свет, и любовь, и тишина. <...> И они исходят из мира высшего» [11, т. 9, с. 373–374].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительно недолгая литературно-редакторская деятельность православного русского писателя Б. К. Зайцева в литературно-художественном журнале «Перезвоны» концентрировала в себе идею избраннической миссии русского писателя за рубежом: сохранение памяти о русской духовной жизни, сохранение национальной идентичности русского человека на географически чуждой ему земле, более того – перерождение прагматичного Запада, «европейца пересыщенного», через открытие ему «Святой Руси». В определенной степени работу над «Перезвонами» можно расценивать как редкую для Б. Зайцева – уже на земле эмиграции – попытку открытого противостояния бездуховности западного мира, разрушающего православные церкви и святыни, в частности, в Латвии 1926 г. Можно проследить, как эмиграция формировала мировидение русского писателя: начавшись с личной боли, эмиграция возвращает в нем зрелое размышление о будущем российского государства, сбережении им духовности, эмиграция стимулирует аналитическое сопоставление Запада и России и заставляет с трепетом наблюдать за рождением смиренного и благожелательного «человека духовного» в России, на Родине, способного принести слово Истины Святой православной Руси всему миру – той Истины, о которой, по мысли Б. К. Зайцева, громко говорила вся русская литература «золотого века» и которая столь чужда европейцу.

Список литературы

1. *Абызов Ю. И.* 20 лет русской печати в независимой Латвии // Русские в Латвии: История и современность. – Рига: Б. и. – Вып. 2 / Сост. И. И. Иванов. – Рига: Лад, 1997. – С. 3–33. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/rus-in-latvia-edition2/abizov-rus-latvii-2.html>. – (Дата обращения: 13.01.2026).
2. *Абызов Ю. И.* А издавалось это в Риге 1918–1944: историко-библиографический очерк. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2006. – 413, [1] с.: ил.
3. *Абызов Ю. И.* Латвийская ветвь российской эмиграции // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. – Тарту: Издательство тартуского университета, 1996. – С. 282–309.
4. *Адамович Г.* Борис Зайцев // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5-ти т. – Т. 7. (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М.: Русская книга, 2000. – С. 445–457.
5. *Б. и.* Николай Белоцветов // Русские Латвии. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-belotsvetov-senior.html?source=businessmen>. – (Дата обращения: 13.01.2026).
6. *Бунин И. А.* Из писем к Б. К. и В. А. Зайцевым // И. А. Бунин: pro et contra / Сост. Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 33–51.

7. *Гиппиус З. Н.* Борис Зайцев. Преподобный Сергей Радонежский // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений: В 15 т. – Т. 12. Там и здесь: Литературная и политическая публицистика 1920–1927 гг. – М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2011. – С. 201–203.
8. *Грибановский П.* Борис Зайцев о монастырях // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 7. (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М.: Русская книга, 2000. – С. 458–466.
9. *Зайцев Б. К.* Осенний свет: Повести, рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. Т. Ф. Прокопова. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
10. *Зайцев Б. К.* Путникам в Россию: Роман, очерки, публицистика / Сост., вступ. ст. и коммент. А. М. Любомудрова. – М.: Сибирская Благозвонница, 2019. – 766 с.
11. *Зайцев Б. К.* Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Русская книга, 1999–2001. – Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. – 544 с.; Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – 624 с.; Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – 555 с.; Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – 528 с.; Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 560 с.; Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. – 384 с.; Т. 11 (доп.). Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. – 509 с.
12. *Зайцев Б. К.* Электронное научное издание Полного собрания сочинений Б. К. Зайцева в оригинальной орфографии / Соболев Н. И., Вяль Е. Н., Солопова А. И., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. и др. – Петрозаводск, 2007. – (Русский яз.). – Режим доступа: <https://philolog.petsu.ru/zaitsev/index.html>. – (Дата обращения: 10.01.2026).
13. *Захарова В. Т.* Поэтика прозы Б. К. Зайцева: монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – 166 с.
14. *Колтоновская Е. А.* Поэт для немногих // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. – М.: Русская книга, 2001. – С. 187–195.
15. *Крейд (Крейденов) В. П.* «Перезвоны» (1925–1929) // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1 (3). – С. 200–201.
16. *Михайлов О. Н.* Борис Константинович Зайцев // Михайлов О. Н. Литература русского Зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – С. 254–277.
17. *Орехов В. В.* Европейский мираж русской литературы // Русский язык в поликультурном мире: IX Международный симпозиум (8–12 июня 2025 г.). Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 119–126.
18. *Орехов В. В.* Европейский фантом в русском литературном сознании // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т. 26 (65). – № 4. – Ч. 2. – С. 127–133.
19. *Орехов В. В.* Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
20. Перезвоны. – 1925. – № 1.
21. Перезвоны. – 1926. – № 19.
22. Перезвоны. – 1926. – № 20.
23. *Прокопов Т. Ф.* «Вес написанное мною лишь Россией и дышит...». Борис Зайцев в эмиграции // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. – М.: Русская книга, 1999. – С. 3–28.
24. Протесты Всероссийского Союза писателей против цензурного террора (1920–1921 гг.). Публикация А. Блюма / От редакции // Вопросы литературы. – 1994 – № 4. – С. 275–289.
25. *Сомова С. В.* Русская эмиграция на страницах рижского журнала «Перезвоны» // Вестник СамГУ. – 2009. – № 3 (69). – С. 136–142.
26. *Струве Н. А.* Писатель-праведник (1881–1972): Памяти Б. К. Зайцева // Струве Н. А. Православие и культура: Сб. ст. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2000. – С. 181–182.
27. *Фейгмане Т.* Сергей Белоцветов // Русские Латвии. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/s-belotsvetov.html>. – (Дата обращения: 13.01.2026).
28. *Чуковский К. И.* Борис Зайцев // Чуковский К. И. От Чехова до наших дней: Литературные портреты, характеристики. – СПб., М.: т-во М. О. Вольф, [1908]. – С. 182–196.

References

1. Abyzov Yu. I. *20 let russkoi pechati v nezavisimoi Latvii* [20 Years of Russian Press in Independent Latvia]. *Russkie v Latvii: Istoriya i sovremennost'*. Riga, issue 2. Comp. I. I. Ivanov. Riga, Lad Publ., 1997, pp. 3–33. Available from: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/rus-in-latvia-edition2/abizov-rus-latvii-2.html> (accessed: 13.01.2026).
2. Abyzov Yu. I. *A izdavalos' ehto v Rige 1918–1944: istoriko-bibliograficheskii ocherk* [And this was published in Riga 1918–1944: A historical and bibliographic essay]. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'E» Publ., Russkii put' Publ., 2006. 413, [1] p.
3. Abyzov Yu. I. *Latviiskaya vetv' rossiiskoi eh migratsii* [The Latvian Branch of Russian Emigration]. *Blokovskii sbornik XIII. Russkaya kul'tura KHKH veka: metropoliya i diaspora*. Tartu, Izdatel'stvo tartuskogo universiteta Publ., 1996, pp. 282–309.
4. Adamovich G. *Boris Zaitsev* [Boris Zaitsev]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* Vol. 7. (additional). *Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstvii. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. Pp. 445–457.
5. No name. *Nikolai Belotsvetov* [Nikolai Belotsvetov]. *Russkie Latvii*. Available from: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-belotsvetov-senior.html?source=businessmen> (accessed: 13.01.2026).
6. Bunin I. A. *Iz pisem k B. K. i V. A. Zaitsevym* [From letters to B. K. and V. A. Zaitsev]. *I. A. Bunin: pro et contra*. Comp. B. V. Averin, D. Riniker, K. V. Stepanov, comment. B. V. Averin, M. N. Virolainen, D. Riniker, bibliography T. M. Dvinyatina, A. Ya. Lapidus. St. Petersburg, RKHGI Publ., 2001. Pp. 33–51. (*Russkii put'*).
7. Gippius Z. N. *Boris Zaitsev. Prepodobnyi Sergii Radonezhskii* [St. Sergius of Radonezh]. Gippius Z. N. *Sobranie sochinenii: V 15 t.* Vol. 12. *Tam i zdes': Literaturnaya i politicheskaya publitsistika 1920 – 1927 gg.* Comp., text preparation by A. N. Nikol'yukin and T. F. Prokopov; Commentary by A. N. Nikol'yukin. Moscow, Izdatel'stvo Dmitrii Sechin Publ., 2011. Pp. 201–203.
8. Gribovskiy P. *Boris Zaitsev o monastyryakh* [Boris Zaitsev about Monasteries]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* Vol. 7 (additional). *Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstvii. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. Pp. 458–466.
9. Zaitsev B. K. *Osennii svet: Povesti, rasskazy* [Autumn Light: Stories, Short Stories]. Compiled, introduction and notes by T. F. Prokopov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 544 p.
10. Zaitsev B. K. *Putnikam v Rossiyu: Roman, ocherki, publitsistika* [To Travelers to Russia: Novel, Essays, Journalism]. Compiled, introduction and notes by A. M. Lyubomudrov. Moscow, Sibirskaya Blagozvonnitsa Publ., 2019. 766 p.
11. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Collected Works: In 5 Volumes]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. Vol. 2. *Ulitsa svyatogo Nikolaya: Povesti. Rasskazy* [St. Nicholas Street: Stories. Short Stories]. 544 p.; Vol. 4. *Puteshestvie Gleba: Avtobiograficheskaya tetralogiya* [Gleb's Journey: An Autobiographical Tetralogy]. 624 p.; Vol. 6 (additional). *Moi sovremenniki: Vospominaniya. Portrety. Memuarnye povesti* [My Contemporaries: Memories. Portraits. Memoir Stories]. 555 p.; Vol. 7 (additional). *Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstvii. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya* [Holy Rus': Selected Spiritual Prose. Books of Wanderings. Stories and Short Stories. A Writer's Diary]. 528 p.; Vol. 9 (additional). *Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zаметki. Retsenzii* [Days. Memoir Essays. Articles. Notes. Reviews]. 560 p.; Vol. 10 (additional). *Pis'ma 1901–1922 gg. Stat'i. Retsenzii* [Letters 1901–1922. Articles. Reviews]. 384 p.; Vol. 11 (additional). *Pis'ma 1923–1971 gg. Stat'i. Vospominaniya sovremennikov* [Letters 1923–1971. Articles. Memoirs of Contemporaries]. 509 p.
12. Zaitsev B. K. *Ehlektronnoe nauchnoe izdanie Polnogo sobraniya sochinenii B. K. Zaitseva v original'noi orfografii* [Electronic scientific edition of the Complete Works of B. K. Zaitsev in the original spelling]. Sobolev N. I., Vyal E. N., Solopova A. I., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. et al. Petrozavodsk, 2007. (*Russian*). Available from: <https://philolog.petrus.ru/zaitsev/index.html> (accessed: 10.01.2026).
13. Zakharova V. T. *Poetika prozy B. K. Zaitseva: monografiya* [Poetics of B. K. Zaitsev's prose: monograph]. N. Novgorod, Mininskii universitet Publ., 2014. 166 p.
14. Koltonovskaya E. A. *Poet dlya nemnogikh* [Poet for the few]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* Vol. 10 (additional). *Pis'ma 1901–1922 gg. Stat'i. Retsenzii*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001. Pp. 187–195.

15. Kreid (Kreidenkov) V. P. «Perezvony» (1925–1929) [“Perezvony” (1925–1929)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2001, no. 1 (3), pp. 200–201.
16. Mikhailov O. N. *Boris Konstantinovich Zaitsev* [Boris Konstantinovich Zaitsev]. Mikhailov O. N. *Literatura russkogo Zarubezh'ya*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. Pp. 254–277.
17. Orehov V. V. *Evropejskij mirazh russkoj literatury* [The European Mirage of Russian Literature]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: IX Mezhdunarodnyj simpozium. Sb. nauch. statej. V 2-h t. T. II*. Simferopol': KFU Publ., 2025, pp. 119–126.
18. Orehov V. V. *Evropejskij fantom v russkom literaturnom soznanii* [The European Phantom in Russian Literary Consciousness]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija: Filologija. Social'nye kommunikacii*, 2013, vol. 26 (65), no. 4 (2), pp. 127–133.
19. Orehov V. V. *Russkaja literatura i nacional'nyj imidzh (Imagologicheskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom dialoge pervoj poloviny XIX v.)* [Russian literature and national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue of the first half of the 19th century)]. Simferopol', Antikva Publ., 2006. 608 p.
20. *Perezvony* [Perezvony], 1925, no. 1.
21. *Perezvony* [Perezvony], 1926, no. 19.
22. *Perezvony* [Perezvony], 1926, no. 20.
23. Prokopov T. F. «*Ves napisannoe mnoyu lish' Rossiei i dyshit...*». *Boris Zaitsev v eh migratsii* [“Everything I've written breathes only Russia...” Boris Zaitsev in Exile]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t. Vol. 2. Ulitsa svyatogo Nikolaya: Povesti. Rasskazy*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999. Pp. 3–28.
24. *Protesty Vserossiiskogo Soyuza pisatelei protiv tsenzurnogo terrora (1920–1921 gg.)*. *Publikatsiya A. Blyuma* [Protests of the All-Russian Writers' Union against Censorship Terror (1920–1921). Publication by A. Blum]. From the editors. *Voprosy literatury*, 1994, no. 4, pp. 275–289.
25. Somova S. V. *Russkaya eh migratsiya na stranitsakh rzhskogo zhurnala «Perezvony»* [Russian emigration on the pages of the Riga magazine «Perezvony»]. *Vestnik SaMGU*, 2009, no. 3 (69), pp. 136–142.
26. Struve N. A. *Pisatel'-pravednik (1881–1972): Pamyati B. K. Zaitseva* [Righteous writer (1881–1972): In memory of B. K. Zaitsev]. Struve N. A. *Pravoslavie i kul'tura: Sb. st.* 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, Russkii put' Publ., 2000. Pp. 181–182.
27. Feigmane T. *Sergei Belotsvetov* [Sergei Belotsvetov]. *Russkie Latvii*. Available from: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/s-belotsvetov.html> (accessed: 13.01.2026).
28. Chukovskij K. I. *Boris Zaitsev* [Boris Zaitsev]. Chukovskij K. I. *Ot Chekhova do nashikh dnei: Literaturnye portrety, kharakteristiki*. 3rd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg, Moscow, T-vo M. O. Vol'f Publ., [1908]. Pp. 182–196.

«CHIMES OF RUSSIAN CULTURE» BY B. ZAITSEV

Баранская Е. М.

This article examines the literary and editorial work of B. K. Zaitsev at the émigré magazine *Perezvony*, published in Riga by Salamandra Publishing House from 1925 to 1929. Zaitsev headed the literary department of *Perezvony* from October 1925 and left the editorial board in January 1927. The short period of Zaitsev's collaboration with the magazine nevertheless allows us to emphasize the mission of the Russian Orthodox writer in emigration: to "inculcate Holy Rus" in the Western world in its highest spiritual guise. The article analyzes a selection of literary works published in the thematic issues dedicated to significant phenomena of Russian culture in exile – "Easter" (No. 19) and dedicated to "Day of Russian Culture" (No. 20). In particular, the works of Prince P. Dolgorukov, Professor I. A. Ilyin, K. Pritissky, I. S. Shmelev, I. A. Bunin, as well as "The Light Burden" (No. 19) and "The Abode" by B. K. Zaitsev himself (No. 20). The study draws on journalistic works and reviews, diaries, and memoirs by B. K. Zaitsev from various years.

Keywords: B. K. Zaitsev, emigration, Russian Orthodoxy, "Holy Rus", literary and editorial work, the magazine "Perezvony".

УДК 821.161.1

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19018943>

КОНСТАНТЫ БЫТИЯ В РОМАНЕ А. Б. САЛЬНИКОВА «ОККУЛЬТРЕГЕР»

Дюсекеева М. Р., Иванова Н. П.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

E-mail: dysekeeva_madina@mail, N-P-Ivanova@yandex.ru

Статья посвящена исследованию основных аспектов онтологической проблематики романа А. Б. Сальникова «Оккультрегер»: осмыслению ключевых (согласно авторской концепции) констант бытия, которые рассматриваются в указанном произведении с позиций философии идеализма. В качестве бытийных основ, обновление которых представляется необходимым в рамках эстетики метамодернизма, выделяются стремление к осознанному восприятию действительности, поиск гармоничного соединения красоты, добра и правды, сохранение духовного начала и взаимосвязи с другими людьми, возможность перехода с бытового уровня осмысления реальности на бытийный, приобщение к культуре цивилизации, приближение к божественному началу, способность к осознанному самопожертвованию, возможность прощения греха и сохранения достаточного для продолжения человеческого существования уровня развития межличностных отношений и гармонизирующих тенденций («тепла») при условии постоянной борьбы с деструктивным началом («мутью»). Анализ проведен с учетом специфики художественного мира романа, контекста творчества его автора, а также функций интертекстуальных включений. В ходе исследования прослеживается эволюция мировоззренческих систем героев романа в аспекте отношения к основным бытийным категориям.

Ключевые слова: постмодернизм, метамодернизм, онтологическая проблематика, константы бытия.

ВСТУПЛЕНИЕ

Философская проблематика представляет собой текстообразующую основу художественного произведения. Она содержит «осмысление наиболее общих, универсальных закономерностей бытия общества и природы, как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах» [2, с. 30]. В этом случае внимание автора направлено не на изображение изменений внутреннего мира героев, то есть не на динамику образов, а на выявление и фиксирование истин, постулатов, по которым существует мироздание. Характер осмысления законов бытия определяет тип художественного мышления, и современные модификации модернизма в той или иной мере предпринимают попытки конструирования вторичной реальности путем трансформации первичной, при этом или создавая постмодернистские симулякры, или воссоздавая так называемый «модус идеального бытия» посредством «перерегистрации всего того, что иллюзорно претендует на вечность – в целях обновленческой редукции оснований» [1, с. 157], в чем современная гуманитаристика видит основную задачу метамодернизма. Такого рода основаниями представляются базовые константы бытия, осмысление, а главное, переосмысление которых и происходит в романе А. Б. Сальникова «Оккультрегер», вышедшем в 2022 г. и в связи с этим еще практически не ставшим предметом литературоведческих исследований. Однако роман несомненно вызывает исследовательский интерес, о чем свидетельствуют, в частности, работы С. П. Костырко «Неподъемные истины» (2022), Д. Л. Куликовой «Интертекстуальность в романе А. Сальникова "Оккультрегер"» (2024) и М. В. Шин «Творчество А. Б. Сальникова через призму современной литературной

критики» (2024), затрагивающие онтологическую проблематику романа лишь опосредованно. Вышеизложенные факты обусловили актуальность проводимого исследования, целью которого является анализ форм и результатов осмысления ключевых бытийных констант в романе А. Б. Сальникова «Оккультрегер».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблематика каждого романа А. Б. Сальникова в той или иной мере затрагивает фундаментальные размышления об утверждении онтологического статуса человека в условиях «мерцающего», нестабильного мира – неслучайно характерной чертой метамодерна является осцилляция. Однако именно в романе «Оккультрегер» писатель наиболее отчетливо выражает свое представление о мироустройстве и роли человека в данных условиях. В одном из интервью он четко обозначает круг вопросов, над которыми размышляет в романе: «Я планировал описать человеческое одиночество, как оно выглядит. С другой стороны, хотел показать то, как люди любят друг друга, в конце концов. Кем является человек настоящий, что нас делает людьми – об этом тоже хотел поговорить. Какие-то вопросы хотел позадавать» [8].

Предыдущие романы включают в себя фэнтезийные элементы лишь в некоторой степени, но в «Оккультрегере» указанная составляющая определяет характер художественного мира произведения в целом. Причины такого подхода были обозначены самим А. Б. Сальниковым в интервью, где он сформулировал одну из ведущих тенденций современного литературного процесса: «Сейчас все тонет в волшебстве. Даже самые реалистичные и очевидные вещи превращаются в какую-то штуку с допущениями. Пишут вроде о заводе или о заброшенной деревне, но картина, измененная авторским восприятием, искажается магической линзой» (2019) [9]. Несмотря на множество фэнтезийных элементов художественного мира, указанный роман гораздо точнее отражает реальную жизнь по сравнению с другими произведениями писателя. К примеру, роман «Опосредованно» впитал в себя различные феномены культуры, но все они были переосмыслены автором так, что часто противоречат действительности. Совершенно иначе обстоит дело с «Оккультрегерам», в котором все явления первичной реальности органично вписаны во вторичную, на что указывает С. П. Костырко: «Оккультные персонажи в романе в той или иной степени – обычные люди. И как раз их "оккультность" у Сальникова не затемняет, а высвечивает их человеческую природу» [5, с. 207]. Фантасмагория романа острояет привычный мир и раскрывает его волшебство в обыденности, причем магией обладает не сама природа, а деятельность людей, которая создает так называемый «магический капитализм» [10, с. 147].

Специфика художественного мира романа указывает на важность приобщения читателей к философским размышлениям, которые делают существование человека более осмысленным. В христианстве, как и в философии идеализма, особое значение имеют абстрактные понятия справедливости, красоты, морали. Обсуждение сложных философских истин является важной частью ткани текста. Некоторые из них высказаны прямо, а другие должны быть выведены эмпирически.

Одним из смысловых центров романа является диалог о возможности единства красоты, добра и правды как констант бытия. В то время, как херувим продвигает пессимистичные размышления, оккультрегер Наташа пытается доказать возможность приближения к лучшему будущему. Она верит, что прогресс способен привести человечество к высшей ценности – добру, – и выстраивает градацию: «На инфраструктуре должно все постепенно нарасти. И цивилизованность. И свобода.

И доброта» [10, с. 125]. Оккультрегер верно видит то, что достижению истинного добра должна предшествовать свобода. Человек должен выбрать движение к свету по своей воле. Однако сытость и устроенность жизни, подразумеваемые под «цивилизованностью», кажутся неверной основой для воплощения морального идеала. В действительности внешняя учтивость и соответствие всем нормам нравственности не всегда обозначают добро.

С другой стороны, слова Наташи отражают сформулированное в сочинении «Условия абсолютного добра» представление Н. О. Лосского о значительности материальных оснований для развития души. Православный философ также осознает, что «в чисто промышленном строе общества, при высоком развитии культуры, страдания будут сравнительно редким явлением» [7, с. 124]. При этом достижение гармонии посредством распространения цивилизации неосуществимо в мировоззренческой системе А. Б. Сальникова. Так, на оккультрегера Прасковью – главную героиню романа – нападают бандиты, внешне соответствующие представлениям о цивилизованном, даже прогрессивном, человеке, но при этом их действия не ограничены моралью и нравственностью. С другой стороны, человек, живущий в жестокости и бедности, может вырасти с верно расставленными нравственными ориентирами.

По определению П. А. Флоренского, «Истина, Добро и Красота – эта метафизическая триада есть не три разных начала, а одно» [12, с. 34]. Однако в романе «Оккультрегер» понятие триединства красоты, добра и правды подвергается сомнению, которое высказывает херувим: «Красота, добро и правда. Правда редко, когда красива и редко, когда добра. Добро не всегда правдиво, а красота очень редко, когда добра и правдива» [10, с. 35]. Герой приходит к выводу о невозможности достижения этого идеала на Земле. Нарушение единого бытийного основания приводит к дисгармонизации реальности и ее трансформации в реальность парадоксов. Следовательно, постулируется основополагающее утверждение о невозможности воплощения триединого абсолюта в земной жизни. Н. О. Лосский так говорит об этом: «... абсолютное добро осуществляется только в Царстве Божиим, состоящем из личностей, вполне освободившихся от эгоизма, действительно любящих Бога больше себя и ближнего, как себя» [7, с. 231].

На более высокий уровень обсуждения ключевых бытийных проблем выходят только персонажи, представляющие магический мир, то есть способные менять и переосмысливать реальность. Можно говорить о том, что люди, не соприкасающиеся с магией, остаются на уровне бытовом, а те, кто взаимодействует с ней, переходят на бытийный. Описания красоты быта, деталей, отражающих прекрасное в земной жизни, также связаны с оккультными персонажами.

Создавая художественный мир романа и следуя традициям постмодерна, писатель активно использует интертекстуальные включения. Существование оккультрегера невозможно без приобщения к культуре цивилизации, поэтому текст изобилует цитатами и реминисценциями, отсылающими к фильмам, песням и литературным произведениям, однако в главе, где Прасковья уступает свое тело сознанию обычной девушки, влияние интертекста ослабевает. Диалоги между Милой и ее мамой, а потом и подругой Галей сводятся к обсуждению бытовых тем. Приземленны и внутренние мотивы поступков героини, которая существует только в бытовой парадигме, где исчезают и свойственные творчеству А. Б. Сальникова описания бытового мира, и изобилие упоминаний художественных объектов. Такая интертекстуальная пустота данной главы, не свойственная творческому методу писателя, может быть объяснена также безжизненным

состоянием города. Населенный пункт почти «остыл» из-за деятельности «мути» – некоего скорее энергетического, чем субстанционального образования, непосредственно влияющего на возможность беспрепятственного существования базовых бытийных начал и воплощенного в теле экстрасенса. Люди, существующие в «остывшем» состоянии, не живут полноценно и поэтому не способны приобщиться ни к красоте мира, ни к культурному контексту, в то время как приобщение к культуре также способствует утверждению онтологического статуса. В романе обычные люди могут знать о произведениях искусства, любить их, но не переживать влияние творчества на их бытие. Например, один из похитителей Прасковьи включает песню «Imagine» Джона Леннона о всеобщем равенстве и любви людей друг к другу. Между тем, он говорит и действует совершенно противоположно смыслу своей любимой песни, тем самым показывая, что не способен перейти с бытового уровня на бытийный.

То же можно сказать и о жизни бывшего оккультирегера Егора, описанной в эпилоге, появившемся гораздо раньше самого романа (об этом А. Б. Сальников говорил в одном из интервью [3]). Д. Л. Куликова обращает внимание на то, как стилистически выделяется эта часть романа, в которой «нарастает метафоричность и насыщенность средствами выразительности, стихает какофония переключек с претекстами» [6, с. 49]. Более того, отсутствие магии переосмысления в жизни персонажей замещается «магией повседневности», созданной посредством избытка метафор: «...пришлось отступить с тропинки в снежный творог, в снежный адыгейский сыр, в снежную сметану» [10, с. 258]. Это подчеркивает неистинную связь Егора с трансцендентным миром, который был им предан и забыт. С другой стороны, пристальное внимание к реалиям подчеркивает одиночество бывшего оккультирегера: «Егор подумал, что если человек один, то может замечать круг от фонаря и смотреть на него, как японец на вишню, может замечать, что трещинка на штукатурке похожа на профиль Николая Васильевича Гоголя, что ноготь на указательном пальце похож на Клару Лучко и т. д.» [10, с. 260]. А если в жизни человека присутствует кто-то близкий, то внимание к бытовым деталям теряет свою значимость, так как люди могут заключать в себе особую красоту, которую А. Б. Сальников ставит на первое место.

Одним из ключей к прошлой жизни Егора представляется являющееся ему видение мальчика, в котором читатель узнает преданного и убитого гомункула, с чьим образом связано представление о детстве не только как об особом лучшем мире по сравнению с реальностью взрослых (достаточно устойчивый бытийный постулат), но и как о времени обладания вселенской мудростью (элемент индивидуально-авторского мифотворчества). Гомункулы – представители иномирия – обладают в романной реальности самой крепкой связью с трансцендентным миром, являются в наш мир в образах вечных детей, обладают даром всеведения и чтения мыслей, причем их особое знание не становится временным даром, а заключается в их сути.

Образ гомункула как искусственно созданного человека также имеет интертекстуальную природу, начиная с гетевского «Фауста», представляет собой некий Абсолют в теле ребенка и является сакральным по следующим причинам. Во-первых, гомункул не рожден оккультирегером, а появляется на земле вместе с ним, что восходит к идее непорочного зачатия. Во-вторых, гомункула можно предать, произнеся его имя и тем самым отказавшись от него. Истоки подобной сакральности видятся в запрете упоминания имени Бога всуе. В-третьих, оккультирегер может приказать гомункулу расти, но тогда вырастет необычный человек. Престол в диалоге с Прасковьей говорит:

«Такое две тысячи лет назад произошло, если ты понимаешь, о чем я» [10, с. 216], что, несомненно, указывает на рождение Христа согласно православному календарю в 1 г. до н. э. – таким образом А. Б. Сальников включает библейский сюжет в авторский миф.

Цитируя Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам, херувим Сергей высказывается о балующейся девочке-гомункуле: «Она никогда не перестанет, – пошутил Сергей. – Хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...» [10, с. 246]. Однако он меняет слово «любовь» из первоисточника на местоимение «она», обозначающее гомункула. Принимая во внимание сущность неизведанного существа, мы делаем вывод о том, что херувим на самом деле говорит о вечной жизни Абсолюта, не ограниченного никакими рамками. Гомункул приравнивается к самой любви, которой, согласно христианскому постулату, и является Бог. К тому же гомункул, являясь неотъемлемой частью Прасковьи, воплощает в себе ее душу: «Прасковья не понимала, как она без него сможет существовать. Без всех остальных, скорее всего, смогла бы» [10, с. 171]. А демон Надя признается: хоть у нее и нет души, но когда она видит гомункула, то «кажется, что есть» [10, с. 207]. Следовательно, преданность гомункулу подразумевает веру в Бога. Приобщение к Богу помогает главной героине утвердиться в реальности. В таком случае предавший гомункула оккультирегер обрекает себя на неполноценную жизнь, так как отказывается от своего духовного начала. Соответственно, особый мир детства представлен лучшим временем в жизни людей. Именно в этот период они оказываются наиболее близки к состоянию идеальной христианской любви, а приближенность человека к божественному началу является одной из ключевых констант бытия.

Итак, существа, связанные с горним миром, наделены возможностью постигать философские истины и размышлять о предназначении пребывания на Земле, в то время как не способные к этому люди никогда не узнают о сверхъестественной стороне жизни, несмотря на то что находятся в контакте с ней. Так, об ограниченности духовного мира Милы говорит ее брезгливое отношение к собственному сыну: она только стыдится его («Миле хватало и проблем с Яриком, у которого были астма и энурез» [10, с. 91]) и не осознает свою причастность к волшебному детскому миру, проводником в который может стать ее ребенок. Ярик – единственный ребенок в романе, не связанный с ирреальным миром, что говорит о «духовной глухоте» его матери, через призму позиции которой изображен мальчик.

Одной из констант, обеспечивающих онтологическую уверенность [4], является способность к безусловному самопожертвованию, что символизирует готовность отказаться от личных ценностей ради общего блага. К примеру, талантливые люди, выступающие в качестве «угольков», жертвуют своей славой для того, чтобы «согреть» города – наполнять их созидательной энергией, а значит, поддерживать в них жизнь. Жертвенность является основополагающей чертой и образа главной героини: Прасковья, беря на себя чужую боль и травмы, впитывает плохие воспоминания других людей и укрепляет в их памяти хорошие, борется с «мутью», а для спасения другого оккультирегера осознанно и многократно жертвует своей жизнью, собственным примером доказывая бесспорность ключевой бытийной константы.

Херувимы и демоны также нуждаются в оккультирегерах для того, чтобы бороться с «мутью», а те преобразовывают негативную энергию в идеи художественных произведений для «угольков», что подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость всех элементов в этом мире. Эта модель поведения отражает сложные симбиотические

отношения, где каждый должен не только принимать жертву другого, но и отдавать нечто взамен. Фраза «вам без нас никак, нам без вас тоже» [10, с. 83] подчеркивает созависимость всех участников общества, стирая границы между различными сущностями.

Стремление стать частью человеческого сообщества постулируется с самого начала произведения. Страдая от одиночества, Прасковья выходит на улицу и заговаривает с соседом лишь для того, чтобы стать ближе к людям. Героиня стремится к ним несмотря на то, что именно людские воспоминания являлись причиной ее тяжелого самочувствия. Когда она теряет свои оккультрегерские способности, то также проводит время во дворе херувима, наблюдая за людьми, что подчеркивает важность социального взаимодействия для укрепления чувства собственного присутствия в мире.

Существование во взаимосвязи с каждым членом общества ради общего блага способствует проявлению человека в реальности. Все направлено на сохранение «тепла», которое можно интерпретировать как символ коллективной энергии, поддерживающей не только людей, но и сам город, что делает ее фундаментальным аспектом социальной и онтологической структуры. Постулат о силе человека в обществе независимо от позитивной или негативной направленности такого рода энергии формулируется престолом: «Человек без других людей и не человек вовсе – так, существо не сильнее барсука» [10, с. 215].

Примечательно, что Прасковья в начале повествования собирается постареть на год, для чего совершить убийство (таков закон существования оккультрегеров). К тому же героиня пересказывает свой сон – мечту «жить в городе, который заселяли бы одни только таксисты» [10, с. 53], демонстрируя, казалось бы, отторжение социума. Сон Прасковьи об опустевшем городе все же является не только мечтой, но и подсознательным отображением действительности. Так, каждый человек, находясь в большом городе, существует в отдельном «мире», что подтверждает описание контакта с официанткой: «...получила ответ и тут же выпала из Надиной с Прасковьей реальности и вычла их из своей» [10, с. 54]. Эта сцена показывает, как люди могут взаимодействовать друг с другом, но при этом находиться в своих особых, изредка пересекающихся реальностях. Темы одиночества и забвения обнаруживают свою трагичность благодаря несколько гротескным законам художественного мира романа. Согласно им, оккультрегер постепенно забывает каждое существо, ушедшее из его жизни, даже тех, кого он очень любил и ради кого был готов пожертвовать всем.

Тем не менее, линия убийства не раскрывается, и оккультрегер, в очередной раз доказывая закон противоречия, лежащий в основе мироздания, делает все для того, чтобы спасти людей. Отклонение от изначального плана свидетельствует также о внутреннем преображении героини, и А. Б. Сальников осмысливает различные точки зрения на возможность прощения греха. С. П. Костырко в статье «Неподъемные истины» определяет проблематику романа как ответ на вопрос о борьбе с «противоречивостью нашей жизни» и «неистребимостью в ней жестокости и дикости» [5] и видит в образе учительницы математики из эпилога оккультрегра Прасковью в новом облике. Характерная для христианской философии концепция возможности прощения греха реализуется в способности создать «пронзительные» взаимоотношения с бывшим оккультрегером Егором, пытавшимся убить героиню. В то же время ранее Прасковья не смогла простить парня из четырнадцатой квартиры, видевшего в ней обычного человека и также осуществившего попытку убийства. Когда же она попробовала понять, почему Егор предал своего гомункула, то отделила грех бывшего оккультрегера от него самого.

Таким образом, героиня не только побеждает внешнее зло, но и преобразуется духовно на этом пути, поэтому «неподъемное оказывается для Прасковьи подъемным» [5]. Она выбирает не убить, а пожертвовать собой, а позже не отомстить, а простить Егора, что приводит ее к сближению с другими живыми существами, и квартира, в которой обычно находились только Прасковья с гомункулом, наполняется друзьями.

Город, как и реальность в целом, также обладает признаками живого существа. Он рассматривается как сложная система, подобная живому организму. При этом оккультрегеры, как и люди, от которых зависит «температура» города, принадлежат этому месту: «Мне кажется все же, это не город наш, а мы его» [10, с. 78], что подчеркивает взаимную зависимость между городом и его обитателями. Оккультрегеры не только сохраняют «тепло», но и являются неотъемлемой частью городской экосистемы. Следовательно, город является местом соединения людей, существующих в постоянной зависимости друг от друга. Интегрированность в общество позволяет человеку осознать свою принадлежность к реальному миру. Взаимная зависимость и жертвенность героев становятся константами, удерживающими их в зыбкой действительности. Взаимоотношения между демонами, херувимами и оккультрегерами строятся на солидарности, где каждый большую часть своей силы и жизни отдает ради сохранения целостности и энергии города – символа общего бытия.

ВЫВОДЫ

Таким образом, художественный мир романа А. Б. Сальникова «Оккультрегер» отражает сложное и неоднозначное устройство реальности, в которой человек должен заслужить право пребывать осознанно. Особое место в романе занимает образ Прасковьи – фигуры одновременно и лишнего человека, и сильной женщины, которая балансирует между отчуждением и желанием найти связь с окружающим миром. Её история – это метафора кризиса идентичности, поиска своего «я» в мире, где материальные и духовные основы постоянно меняются и разрушаются.

Писатель исследует возможности переосмысления себя и мира и приходит к выводу о том, что полноценное существование человека на Земле возможно благодаря реализации основополагающих констант бытия, заключающихся в стремлении к осмыслению реальности, сохранению духовного начала и взаимосвязи с другими людьми, поисках гармоничного соединения красоты, добра и правды, возможности перехода с бытового уровня осмысления реальности на бытийный, приобщении к культуре цивилизации, приближении к божественному началу, существовании во взаимосвязи с каждым членом общества ради общего блага, возможности прощения греха и сохранения «тепла» (созидательного начала) при условии постоянной борьбы с «мутью» (деструктивной энергией), способности к осознанному самопожертвованию.

Онтологическая проблематика романа включает в себя важные аспекты, характеризующие состояние современного мира, подчеркивает его зыбкость, неустойчивость и стремительную изменчивость. А. Б. Сальников в своем романном творчестве предлагает глубокие философские размышления о современном человеке, которым он должен стать, – мыслящим, гибким и сопричастным к жизни в её множественных формах. Каждый из романов предлагает свой путь к достижению этой цели, поэтому перспектива дальнейших исследований видится в изучении аспектов их онтологической проблематики, в той или иной мере соотносящихся с ключевыми константами бытия.

Список литературы

1. Андреева Е. Ю. Усталая конструкция теории искусства: о метамодернизме // Новое искусствознание. – 2021. – № 2. – С. 154–157.
2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пос. – М.: Флинта, 2011. – 167 с.
3. Издательские сервисы литрес. Книжный клуб с Алексеем Сальниковым. – Режим доступа: https://youtu.be/gg_dlfm9tI?si=oFPxy46DQyxjC1Jy. – (Дата обращения: 24.04.2025).
4. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность: понятие и операционализация: Автореф. дисс. ...докт. психол. наук: 19.00.01. – Екатеринбург, 2013. – 46 с.
5. Костырко С. П. Неподъемные истины // Новый мир. – 2022. – № 11. – С. 206–209.
6. Куликова Д. Л. Интертекстуальность в романе А. Сальникова «Оккульттрегер» // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 46–55.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
8. Пахомова Д. Алексей Сальников: «Я хотел описать человеческое одиночество, как оно вглядит». – Режим доступа: <https://www.litres.ru/journal/aleksei-salnikov-ia-khotel-opisat-chelovecheskoe-odinochestvo-kak-ono-vygliadit/?ysclid=mbf33utgm643288963>. – (Дата обращения: 14.03.2025).
9. Попова П. Сейчас не время писать сатиру: писатель Алексей Сальников о новом романе, «Игре престолов» и успехе «Петровых в grippe» // Global city. – 2022. – 20 августа. – Режим доступа: <https://globalcity.info/interview/44941>. – (Дата обращения: 14.03.25).
10. Сальников А. Б. Оккульттрегер. – М.: АСТ, 2022. – 416 с.
11. Сизых О. В. Онтологическая проблематика современной русской прозы. – М.: Флинта, 2014. – 149 с.
12. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.
13. Черепова Т. И. «Проклятые вопросы» – этическое ядро русской философии и литературы // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2016. – № 24. – Вып. 38. – С. 195–198.
14. Шин М. В. Творчество А. Б. Сальникова через призму современной литературной критики // Ташкентский литературоведческий форум. – 2024. – Т. 1. – С. 364–369.
15. Шогенцукова Н. А. Опыт онтологической поэтики. – М.: Наследие, 1995. – 232 с.

References

1. Andreeva E. Ju. *Ustalaja konstrukcija teorii iskusstva: o metamodernizme* [The Tired Construction of Art Theory: about Metamodernism]. *Novoe iskusstvoznanie*, 2021, no. 2, pp. 154–157.
2. Esin A. B. *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija: uchebnoe posobie* [Principles and Methods of Literary Production Analysis: A Study Guide]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 167 p.
3. *Izdatel'skie servisy litres. Knizhnyj klub s Alekseem Sal'nikovym* [Litres Publishing House. Book Club with Alexey Salnikov]. Available from: https://youtu.be/gg_dlfm9tI?si=oFPxy46DQyxjC1Jy (accessed 24 April 2025).
4. Kopteva N. V. *Ontologicheskaya uverennost': ponyatie i operacionalizaciya: Avtoref. diss. ...dokt. psikhol. nauk* [Ontological certainty: concept and operationalization: Abstract of thesis]. Ekaterinburg, 2013. 46 p.
5. Kostyrko S. P. *Nepod'emnye istiny* [The Unbearable Truths]. *Novyj mir*, 2022, no. 11, pp. 206–209.
6. Kulikova D. L. *Intertekstual'nost' v romane A. Sal'nikova «Okkul'treger»* [Intertextuality in Salnikov's Novel "Occulttregar"]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*, 2024, vol. 1, no. 1, pp. 46–55.
7. Losskij N. O. *Uslovija absoljutnogo dobra* [The Conditions of Absolute Good]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p.
8. Pahomova D. *Aleksej Sal'nikov: «Ja hotel opisat' chelovecheskoe odinochestvo, kak ono vgljadit»* [Alexey Salnikov: "I wanted to portray human loneliness the way it truly is"]. Available from: <https://www.litres.ru/journal/aleksei-salnikov-ia-khotel-opisat-chelovecheskoe-odinochestvo-kak-ono-vygliadit/?ysclid=mbf33utgm643288963> (accessed 14 March 2025).
9. Popova P. *Sejchas ne vremja pisat' satiru: pisatel' Aleksej Sal'nikov o novom romane, «Igre prestolov» i uspehe «Petrovyh v grippe»* [Now is not the time to write satire: writer Alexey Salnikov on his new novel, *Game of Thrones*, and the success of *Petrov's Flu*]. *Global city*. 2022, 20 August. Available from: <https://globalcity.info/interview/44941> (accessed 14 March 2025).

10. Sal'nikov A. B. *Okkul'ttregar* [Occulttregar]. Moscow, AST, 2022. 416 p.
11. Sizyh O. V. *Ontologicheskaya problematika sovremennoj russkoj prozy* [The ontological problems of modern Russian prose]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 149 p.
12. Florenskij, P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoj teodicei* [The Pillar and Affirmation of Truth. The Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow, AST Publ., 2003. 640 p.
13. Cherepova T. I. «*Proklyatye voprosy*» – *eticheskoe yadro russkoj filosofii i literatury* ["Cursed Questions" – the ethical core of Russian philosophy and literature]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 2016, no. 24(245), Iss. 38, pp. 195–198.
14. Shin M. V. *Tvorchestvo A. B. Sal'nikova cherez prizmu sovremennoj literaturnoj kritiki* [The work of A. B. Salnikov through the prism of modern literary criticism]. *Tashkentskij literaturovedcheskij forum*, 2024, vol. 1, pp. 364–369.
15. Shogencukova N. A. *Opyt ontologicheskoy poetiki* [The experience of ontological poetics]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 232 p.

CONSTANTS OF BEING IN A. SALNIKOV'S NOVEL *OCCULTREGER*

Dyusekeeva M. R., Ivanova N. P.

This article investigates the main aspects of the ontological problematics of A. B. Salnikov's novel, focusing on the author's conceptualization of the "constants of being" interpreted through the lens of idealist philosophy. The study identifies existential foundations that, as framed within the aesthetics of metamodernism, require renewal: the pursuit of consciously experiencing reality; the search of harmonious unity among beauty, goodness, and truth; preservation of the spiritual principle and connection with other people; the ability to shift from mundane to existential comprehension of reality; engagement with the culture of civilization; progression towards the divine; the ability for conscious self-sacrifice and forgiveness; and the maintenance of interpersonal development and harmonizing tendencies ("warmth") sufficient for human continuation, conditioned by an unending struggle with the destructive ("murk"). The analysis was conducted with consideration of unique features of the novel's artistic world, the context of the author's oeuvre and the functions of intertextuality. The evolution of the character's worldview systems is traced in relation to the key ontological categories.

Keywords: postmodernism, metamodernism, ontological problematics, constants of being.

УДК 821.161.1–1''1941/1945''

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019067>

ФРОНТОВАЯ ПОЭЗИЯ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО: ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Зайцева И. П.

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
Витебск, Республика Беларусь
E-mail: irinazaj91@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению особенностей поэтических произведений, написанных непосредственно в период Великой Отечественной войны – стихотворений, которые создавались срочно, по требованию момента, часто – для выполнения боевой задачи, что обуславливало их выраженную публицистичность (актуальное соответствие текущему моменту, привлечение внимание к конкретному, только что свершившемуся или ожидаемому в ближайшем будущем событию и т. п.), императивность и ряд других качеств, способствующих воплощению в стихотворной функции воздействия на адресата – как правило, на массовую аудиторию. Такого рода стихотворения, составляющие фронтовую лирику (фронтовую поэзию), по мнению автора, следует отнести к особой жанрово-стилистической разновидности, обозначив их как стихотворения-призывы и / или стихотворения-наказы, которые целесообразно анализировать несколько иначе, нежели более традиционные жанровые формы лирики. Приоритетными для рассмотрения в данном случае являются композиционное оформление произведения и привлечённые автором для создания поэтического текста грамматические средства, прежде всего – морфологические (разного рода глагольные формы, в первую очередь в значении повелительного наклонения; местоимения и т. п.). Именно эти речевые средства и способы организации речевого материала обеспечивают эффективную реализацию воздействующей функции – в данном случае основной для анализируемых стихотворений.

Ключевые слова: Михаил Матусовский, фронтовая лирика, публицистичность, воздействующая функция, стихотворение-наказ, грамматический уровень, повелительное наклонение.

ВВЕДЕНИЕ

Поэтическое наследие Михаила Львовича Матусовского весьма многогранно как по тематике, так и по жанровым разновидностям, среди которых *лирические стихотворения, поэмы, баллады* – поэтические произведения, нечасто встречающиеся в поэзии второй половины XX-го столетия, а также жанровые формы, которые в принципе не укладываются в существующие сегодня классификации. К последним, к примеру, принадлежит облечённое поэтом в стихотворную форму – по просьбе бойцов указанной гвардейской части – «Письмо Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза И. В. Сталину от гвардейцев бойцов, сержантов и офицеров 53 стрелковой дивизии Н-ской Гвардейской Краснознамённой стрелковой части в день её второй годовщины», которое в октябре 1943 г. было опубликовано в газете этой дивизии «Вперёд, на Запад!» [11]. Это, довольно объёмное произведение, по сути представляет собой высказанные на общем митинге Н-ской Гвардейской Краснознамённой стрелковой части суждения, пожелания, обращения и т. п. к Верховному Главнокомандующему, которым участники мероприятия попросили воюющего с ними рядом поэта, военного корреспондента Михаила Матусовского придать стихотворную форму. Именно это и было сделано, о чём свидетельствует заключающая письмо фраза: *Текст письма поэта-фронтовика Михаила Матусовского:* пойдя навстречу высказанным пожеланиям, М. Матусовский прозвучавшей устной речи (которая в большинстве случаев реализуется в общении с привлечением, помимо общеупотребительных речевых средств, средств разговорного стиля) придал рифмованную форму.

При этом и созданные М. Л. Матусовским-лириком произведения очень разнятся как по тематике, так и по концептуально-эстетическим особенностям, а также по свойственным им жанрово-стилистическим характеристикам. Безусловно, самое значимое место в лирическом творчестве поэта занимает война, о чём он сам говорит прямо и определённо:

*И опять о войне, о войне,
О пурге, обжигающей лица,
О седой обгорелой стерне,
Где почти невозможно укрыться,
О расщелине «лисей норы»,
Там, где сырость живёт постоянно.
О последней щепоти махры,
Обнаруженной в складках кармана.
Об уменье не выказать страх,
Леденящий нам душу некстати.*

<...>

*И опять – о войне, о войне –
О другом пусть напишут другие*

(«И опять о войне, о войне...», 1980) [7, с. 509].

Однако война переживается, осмысливается, оценивается поэтом в широком диапазоне чувств, настроений, эмоциональных состояний. Так, стихотворение «Памяти неизвестного санитаря» [7, с. 181–182], в основу которого положен реальный факт (гибель санитаря, убитого на глазах у Михаила Матусовского, когда он пытался спасти военкора, раненного в 1941 году недалеко от Духовщины), было написано в 1956 году, через 15 лет после случившегося. Это, безусловно, философское осмысление войны, которая, как отмечают все писатели-фронтовики, не «отпускает» участвовавшего в ней на протяжении всей его жизни – сквозь призму этого события оценивается и всё, происходящее в последующей, мирной, действительности:

*Давно разрывы не терзают слух,
Давно развеян едкий запах гари,
Но всё напоминает мне вокруг
О том, меня спасавшем, санитаре.*

*Оставшись сам с собой наедине,
Я часто вижу взгляд его под каской.
И он опять, за пядью пядь, ко мне
Ползёт, ползёт, ползёт по глине вязкой.*

*И кажется, как будто наяву,
На жизнь мою он смотрит без улыбки,
И проверяет, так ли я живу,
И отмечает все мои ошибки... [7, с. 181–182].*

В настоящей публикации предметом нашего рассмотрения является стихотворение, которое не включено ни в один из поэтических сборников поэта – оно, как и ряд других поэтических произведений, написанных поэтом в период Великой Отечественной войны, не вошло в доступные сегодня читателю сборники произведений поэта – эти стихотворения некоторые опубликованы лишь во фронтовых газетах. Это истинно

фронтная поэзия, в которой, как правило, средствами художественной словесности осмысливалось конкретное, нередко только что случившееся, событие либо личность, героически себя проявившая на глазах её соратников совсем недавно (несколько дней назад, вчера, сегодня и т. п.), или иные, чаще всего трагичные, но иногда и радостные, реальные факты и события военного времени.

Такая поэзия, безусловно, имеет немало общего с поэзией в её традиционном понимании: это композиционное оформление, активное введение в текст произведения изобразительно-выразительных средств и иные способы создания образности и т. п. Однако в то же время свойственная фронтной поэзии очевидная *публицистичность* обуславливает в такого рода текстах и ряд коммуникативно-речевых особенностей, которые нацелены прежде всего на реализацию воздействующей функции – одной из ключевых именно для публицистики. Цель настоящей публикации – выявить и проанализировать в рассматриваемом поэтическом тексте ряд коммуникативно-речевых характеристик, которые, с нашей точки зрения, помимо прочего формируют основу для особой жанрово-стилистической разновидности в типологии поэтических произведений, ещё не нашедшей в теории художественной словесности достаточно полного описания.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Стихотворение М. Л. Матусовского, которое в данном случае является предметом нашего внимания, называется «Поможем Югу!». Оно было опубликовано в ежедневной красноармейской газете Северо-Западного военного округа «За Родину» 12 августа 1942 г., однако больше нигде не было напечатано – ни в один поэтический сборник, как и ряд других, написанных в годы Великой Отечественной войны, оно не включено. Конечно, для создавшейся ситуации может быть много причин: например, Матусовский мог просто забыть о каком-либо своём произведении, формируя очередной поэтический сборник – как известно, он к собственному творчеству иногда относился довольно, образно говоря, легкомысленно; однако нам эта причина, которую, с нашей точки зрения, уместнее будет привести **после** проведённого анализа поэтического текста, видится вполне конкретной и обоснованной.

Предваряя анализ указанного стихотворения Михаила Матусовского, целесообразно охарактеризовать ситуацию со средствами массовой информации (далее – СМИ), сложившуюся во время Великой Отечественной войны. Структура СМИ была в этот период существенно перестроена – число центральных газет сократилось вдвое (некоторые источники называют цифру – до 18); их тиражи уменьшились; многие специализированные, отраслевые, а также комсомольские издания перестали выходить; местная пресса в стране также сократилась. В то же время была создана сеть новых изданий, прежде всего – *фронтных* газет: это были газеты военных подразделений всех уровней – *армейские, бригадные, стрелковые, танковые, общевойсковых соединений, войск противовоздушной обороны* и т. п. К концу 1942 г. таких газет всего было создано около **700** [4]. В армии и на флоте выходило и **5** центральных газет, главной из которых была «Красная звезда»; кроме этого, в этой сфере издавалось и около **20** журналов – политического и литературно-художественного направления. В газете «Красная звезда» с началом войны стали печататься известные писатели, среди которых Василий Гроссман, Константин Симонов, Алексей Сурков, Алексей Николаевич Толстой, Илья Эренбург и другие [4].

Для работы во всех перечисленных изданиях в соответствии с директивами партийных органов проводились специальные мобилизации журналистов – как известно,

Михаил Матусовский отправился на фронт в одной из первых групп военных корреспондентов – 23 июня 1941 г., на второй день после начала войны. С этого времени он был военным корреспондентом газеты Западного фронта «Красноармейская правда», часто выезжал на передовую. Получив ранение под городом Белый, он после лечения в госпитале вновь отправился на фронт и в декабре 1941 г. был переведён в газету Северо-Западного фронта «За Родину», где и было напечатано стихотворение «Поможем Югу!».

Лирические стихотворения, создаваемые уже состоявшимися поэтами во время их непосредственного нахождения на фронте, где они плечом к плечу с другими воинами сражались за свою страну, – это, безусловно, особенная лирика. К сожалению, исследований, посвящённых анализу композиционного и лингвостилистического своеобразия такой поэзии, её богатейшего ценностно-образного колорита очень немного, как, впрочем, и работ философско-культурологических; однако в немногих имеющихся литературоведческих исследованиях иногда можно обнаружить удивительно глубокие и тонкие наблюдения, раскрывающие суть такой, истинно фронтовой, лирики. Так, например, в главе «Литература периода Великой Отечественной войны» коллективной монографии «История русской советской литературы. 1941–1957» авторства А. Д. Синявского находим:

«Общность идей, переживаний, чувств, общность жизненной судьбы породила писателя с бойцами. «Писатель общей жизнью с солдатами заработал право от первого лица говорить об всём, что делается на войне» <«Литературная газета», 5 мая 1945 г.>. Вот почему лирический герой многих произведений самых различных поэтов выступает как рядовой участник всенародной борьбы с фашизмом. Говоря с народом от имени самого народа, поэзия продолжала традиции Маяковского, чей рассказ «о себе» неизменно перерастал в страстное лирическое повествование «о времени», о жизни всей советской страны» (выделено мною. – И. З.) [13, с. 12].

В этой же работе А. Д. Синявского даётся обзор состояния в годы Великой Отечественной войны сферы литературно-художественного творчества, где поэзия занимала чрезвычайно значимое место:

«В 1941–1945 гг. переживает подлинный расцвет советская поэзия. Многие поэты создают в дни войны произведения, этапные для своего творчества в целом, а порою – и для всей советской литературы («Василий Тёркин» А. Твардовского, «Киров с нами» Н. Тихонова, «Пулковский меридиан» В. Инбер, «Сын» П. Антокольского, «Россия» А. Прокофьева и т. д.). Для ряда поэтов – А. Суркова, К. Симонова, М. Алигер, О. Берггольц – это время явилось периодом творческого взлёта. <...>

*С первых дней войны в газеты и журналы, в центральную и фронтовую печать хлынул широкий поток лирических стихотворений. «Никогда у нас не писали столько стихов» <«Литература и искусство», 11 сентября 1943 г.>, – отмечала пресса. **Выполняя важную агитационно-мобилизующую роль, лирика военных лет была прежде всего страстным, боевым призывом поэта к соотечественникам»** (выделено мною. – И. З.) [13, с. 10].*

Актуализация обозначенной функции обусловила появление лирических стихотворений особого рода, в которых и структурно-композиционное оформление, и практически все привлекаемые речевые средства подчинены её воплощению.

«Лирическое стихотворение и строилось часто как обращение, рассчитанное на немедленный отклик слушателя, побуждающее к действию, к борьбе. В нём нередко преобладали призывно-ораторские интонации, звучало требовательное, повелевающее слово поэта-гражданина. “Вперёд! В наступленье! Назад ни шагу! За нашей спиной Москва” <Алексей Сурков. Избранные стихи. М., 1947, стр. 84>, – призывает А. Сурков. “Убей его!” – обращается К. Симонов к советскому воину, защищающему родную землю от врага. Недаром широкое распространение в эти годы получает форма стихотворного послания, лирического письма, наказа, а монолог поэта зачастую развёртывается как живой разговор с товарищем или выступление, обращённое к массовой аудитории. Обращённость к каждому советскому человеку, непосредственный контакт с читателем – отличительные особенности лирики военного времени» (выделено мною. – И. 3.) [13, с. 11].

Отмеченные в приведённой цитате характеристики лирического произведения: призывно-ораторские интонации, обращённость к массовой аудитории, присущая слову особая действенность и т. п. – свидетельствуют о безусловной публицистичности таких поэтических произведений, их близости к публицистическим жанрам, в которых наиболее явно представлена воздействующая функция: *призыв, слоган, лозунг* и под.

Яркой иллюстрацией поэтических произведений такого рода является стихотворение **К. М. Симонова «Убей его!»** («Если дорог тебе твой дом...»). Стихотворение написано в июле 1942 г. и опубликовано в газете «Красная звезда» 18 июля 1942 г. – на следующий день после начала Сталинградской битвы. 19 июля оно было перепечатано газетой «Комсомольская правда». По собственному признанию, Константин Симонов написал стихотворение «Убей его!» летом 1942 г. за один день, находясь на фронте – на Волге, «к которой подходили немцы». Это прямой призыв к повсеместному физическому уничтожению врага, который пришёл завоевателем на чужую землю, – призыв, адресованный не только всем воюющим на фронте, но и каждому из тех, для кого эта земля родная. Стихотворению свойственна очевидная *натуралистичность*:

*Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоём ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, – так её любил, –*

*Чтоб фашисты её живьём
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли её втроём,
Обнажённую, на полу;*

*Чтоб досталось трём этим псам
В столах, в ненависти, в крови
Всё, что свято берёг ты сам
Всею силой мужской любви...*

*Если ты фашисту с ружьём
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что родиной мы зовём ... [12].*

Помимо этого, стихотворение отличается подчёркнутой *императивностью*, которая передаётся прежде всего глагольными формами повелительного наклонения и градационно возрастает к финалу лирического текста:

*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мёртвым стоял.*

*Так хотел он, его вина, –
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.*

*Пусть исплечется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.*

*Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!* (выделено мною. – И. З.) [12].

Давид Ортенберг, главный редактор газеты «Красная звезда», очень точно определил значимость такой поэзии для тех, кто сражался на фронте. Он так описывал появление стихотворения в редакции: «Мы ждали материалы от Симонова. Вот, наконец, доставили пакет. На конверте надпись: «Д. И. Ортенбергу. Лично. Срочно. От Симонова. Аллюр...», а за этим словом Симонов нарисовал, как это было принято в кавалерии для обозначения сверхсрочности, три креста! Раскрыл пакет, а там оказался не очерк – стихи «Убей его!». Не буду объяснять, как нужен был этот **прямой публицистический призыв** в тяжёлые дни нашего отступления. Об этом лучше всего сказали сами фронтовики. Писатель Михаил Алексеев вспоминает:

«Мне, политруку минометной роты, в самые тяжёлые дни Сталинградской битвы не нужно было без конца заклинять своих бойцов: «Ни шагу назад!» Мне достаточно было прочесть стихотворение Симонова “Убей его!” – стихотворение, появившееся как раз в ту пору. Свидетельствую: оно потрясло наши солдатские души» (выделено мною. – И. З.) [10, с. 243].

Стихотворение Михаила Матусовского «Поможем Югу!» было опубликовано в газете «За Родину» менее чем через месяц после появления произведения К. М. Симонова, «перекличка» с которым очевидна уже в названиях, представляющих собой прямые призывы, выраженные с особой эмоциональностью. В это время ещё продолжается *оборонительный* период Сталинградской битвы, «тяжёлые дни нашего отступления», по выражению Д. И. Ортенберга, когда любой появившийся «прямой публицистический призыв», тем более облечённый в стихотворную форму, был на вес золота:

ПОМОЖЕМ ЮГУ!

*Подумай о своей судьбе.
Ты видишь – родина в крови,
И вся земля кричит тебе:
Враги идут. Останови!*

*Мертва кубанская земля,
Горит народное добро.
Тревожны и грозны слова
Советского Информбюро.*

*Во имя женицин и ребят,
Во имя жизни и любви,
Ни шагу не ступи назад!
Останови! Останови!*

*Враги спешат на Юг скорей,
Чтоб нашу правду раздавить,
Чтоб бронированных зверей
Советской нефтью напоить.*

*Чтоб перед немцем пали ниц
Друзей-станичников тела,
Чтоб пил он из твоих криниц,
Чтоб ел он с твоего стола.*

*Неужто можешь ты стерпеть
И сердце гордое смирить,
Чтоб ты не смел по-русски петь,
Не мог по-русски говорить?!*

*Чтоб немец в хате пировал,
Закончив свой ночной разбой,
А ты бы немцу подавал
Хлеба, возвращённые тобой?!*

*В пожарах Северный Кавказ,
Кубань и Дон в кровавой мгле...
Товарищ, ты стоишь сейчас
На древней ильменской земле.*

*Товарищ, скоро новый бой,
И до атаки полчаса,
В рассветной дымке пред тобой
Лежат валдайские леса.*

*Ты бьёшься на реке Ловать,
Но чем сильнее твой удар,
Тем легче будет отстоять
Далёкий город Краснодар.*

*Ты немца замертво свали
И через труп шагай вперёд.
Он так хотел твоей земли –
Набей ему землёю рот!*

*Сражайся ночью, бейся днём
И все пути ему отрежь.
Под сокрушительным огнём
Переступи любой рубеж...*

*На всех фронтах твоей страны
Идёт великая борьба...
Сегодня на полях войны
Решается твоя судьба.*

Мих. Матусовский

Созданное Михаилом Матусовским стихотворение сразу же было воспринято именно как *наказ*, как *призыв*, как *руководство к действию* – подтверждением этому, среди прочего, служит то, что текст этого произведения почти сразу стал использоваться как *листовка*.

На особом внимании воюющих бойцов к появляющимся во фронтовых газетах стихотворениям М. Матусовского делает акцент Наталья Шерстнёва, библиотекарь одной из муниципальных библиотек, в публикации «Пути-дороги военкора Михаила Матусовского»:

«...Западный, Юго-Западный, 2-й Белорусский фронт... Все 1418 дней войны военкор Михаил Матусовский был на передовой, смотрел в безжалостные глаза смерти, мечтал, как и все, что когда-нибудь этот ад закончится. В армейской среде любили и знали его стихи. Их вырезали из фронтовой газеты и хранили на память. Особенностью его творений была сюжетность, напряжённость действия, драматизм ситуации, переплетение трагического и радостного в жизни людей на войне. Как и другие фронтовые поэты, Михаил Львович писал стихи-репортажи, стихи-очерки, стихи-призывы, писал срочно, по требованию момента, выполнял боевую задачу. Но вместе с этим рождались строки настоящей поэтической пробы» (выделено мною. – И. З.) [15].

В приведённой цитате, которая взята не из научного текста, при акцентировании на публицистичности фронтовой поэзии (писал *срочно, по требованию момента, выполнял боевую задачу*) затронута весьма важная и, с нашей точки зрения, пока ещё явно недостаточно разработанная тема – тема жанровой принадлежности стихотворений, относящихся именно к *фронтовой поэзии*: создаваемых по требованию момента, в срочном порядке, часто непосредственно связанных с выполнением боевых задач. Н. Шерстнёва, определяя жанровый диапазон произведений поэта-фронтовика Михаила Матусовского, называет среди этих форм стихотворение-*призыв*. А. Д. Синявский в уже упоминаемом ранее исследовании отмечает, что в период Великой Отечественной войны «широкое распространение ... получает форма стихотворного послания, лирического письма, наказа» (выделено мною. – И. З.) [15, с. 11].

Для жанрово-стилистической квалификации рассматриваемого стихотворения Михаила Матусовского, упомянутого ранее стихотворения К. М. Симонова «Убей его!» и сходных с ними по концептуально-эстетическим, стилистическим и иным характеристикам, как представляется, наиболее подходящим определением являются номинации *стихотворение-наказ* и /или *стихотворение-призыв* (как это было уже отмечено, нередко эти параметры объединяются в одном произведении).

В качестве термина у номинации *наказ* прежде всего актуализируются те семантические компоненты, которые выявляются у неё при *диахроническом* подходе, которые при осмыслении с позиций *синхронических* оказываются на периферии семантической структуры. Так, наиболее полный на сегодня толковый

Листовка со стихотворением М. Матусовского

лексикографический источник русского языка – «Большой академический словарь русского языка» (БАС-3) отмечает у данной лексемы два значения (каждое из них имеет и оттенки значения), с указанием на стилистическую и функциональную ограниченность первого:

«НАКАЗ... 1. Устар. и разг. Приказание, распоряжение, наставление. *Есаулу Товкачу передал [он] свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком.* Гог. Тарас Бульба. *Дед шамкал беззубым ртом: – Вот тебе наказ, Кулик, мать не забывай.* А. Н. Толст. Ег. Абозов. Перед отъездом Чупров обходил хозяйство, бригадирам, заведующим фермами давал указы: «Так-то и так-то без меня действовать». Тендряк. Падение Ив. Чупрова. *◇ С неопр. ф. глаг. Особенно тревожит Коляна Ксандра. Вопреки наказу не отставать, держаться за санки, она постоянно забегает в стороны, разглядывает валуны.* А. Кожевн. Солнце ездит на оленях. // Документ, содержащий такое распоряжение, наставление. *Наказы строго предписывали, как нужно держать себя послу в чужой стране. Уклонение от этих правил могло подвергнуть виновника «великой опале».* Автократова и Буганов, Дела посольские.

2. Требование, пожелание избирателей, обращённое к их депутатам. *Старательно записываю указы избирателей, обдумывая, как ответить на них. Даю слово написать о лучших людях совхоза – это по плечу! Уверенно обещаю помочь в оформлении клуба.* Почивал. Мои больш. хутора. // Документ, содержащий перечень таких требований, пожеланий. *На столе перед директором лежит указ рабочих своей комиссии. Указ подписали все восемь тысяч.* Вс. Иван. Пархоменко [2, с. 172–173].

В предыдущем академическом толковом словаре русского языка – «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах, изданном в середине прошлого века (БАС), данная номинация истолкована практически так же, хотя и с некоторыми отличиями: отсутствует стилистическая маркировка первого из значений (в этом словаре оно единственное, имеющее несколько оттенков). В обоих словарных статьях в значительной степени совпадает и иллюстративный материал:

«Указ ... Приказание, распоряжение, наставление. [Владимир] *отправил своего надёжного Терёшку в Ненародово... с подробным, обстоятельным указом.* Пушкин. Метель. *Есаулу Товкачу передал [он] свою власть вместе с крепким указом явиться сей же час со всем полком.* Гог. о Тарас Бульба. *Дед шамкал беззубым ртом: – Вот тебе указ, Кулик, мать не забывай.* А. Н. Толст. Ег. Абозов. *Чекисты работали всю ночь, выполняя указ правительства: очистить от бандитских шайек пограничные районы страны.* В. Беляев, Стар. крепость. // Государственный акт, содержащий инструкции о выполнении какого-либо поручения, задания, возложенного на подчинённых лиц. *Указ Екатерины II. Указ Совета Труда и Оборона.* // Перечень требований, задач и пожеланий избирателей выдвигаемый перед их депутатами. *Два раза в год совет отчитывается перед избирателями о том, как он исполняет их указ.* Правда 10 янв. 1948. Передовая. *На столе перед директором лежит указ рабочих своей комиссии. Указ подписали все восемь тысяч.* Вс. Иван. Пархоменко [14, стб. 237].

Максимально полно семантическая структура рассматриваемой номинации отражена, с нашей точки зрения, лишь в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, хотя описание присущих данной лексеме значений представлено в нём в гораздо меньшем объёме, нежели в приведённых ранее (прежде всего из-за введения в описание лишь одного иллюстративного примера):

«**Наказывать, наказать** что кому, кого чѣмъ (наказываю и наказую); давать наказъ, приказъ; приказывать строго, повелѣвать, предписывать, велѣть; *нынѣ болѣе говор.* о словесномъ приказаньи; ... || *Наказъ*, приказъ, приказанье, повелѣнье, предписанье; инструкція, наставленье; || *твр. ярс.* проповѣдь, речь, поученье. *У поляка и наказъ разсказъ* (goskaz, попольски приказанье)» [3, с. 430] ¹.

Как можно убедиться, описание лексемы *наказ*, являющейся *отглагольным* существительным, включено в словарную статью с заголовочным словом-глаголом (*наказывать*), чем косвенно делается акцент на семантическом компоненте 'действие'. свойственном и имени существительному (этот компонент, безусловно, значим для формирования у данной номинации *терминологического* значения, в котором, по нашему мнению, она вполне может употребляться). Именно в словаре В. И. Даля при толковании лексемы *наказ* (*наказъ*) охвачен *весь* спектр её значений: как активно функционирующих в русском языке второй половины XIX в. (*живой язык*, нормы которого зафиксированы в далевском словаре) – *синхронический* аспект; так и уже находящихся в пассивном языковом запасе и / или за пределами литературного языка (в частности, в диалектной речевой среде – значения 'предписанье', 'проповедь', 'поученье', 'речь') – аспект *диахронический*. Причём представляется, что для использования у номинации *наказ* в качестве литературоведческого термина актуальны именно те смыслы, которые выявляются у неё в первую очередь *диахронически*: 'предписанье', 'наставленье', 'поученье', 'повеленье'.

Выраженная *императивность* обоих стихотворных произведений создаётся прежде всего своеобразием их *грамматического* строя – причём на уровнях как морфологии, так и синтаксиса. Так, в синтаксическом оформлении стихотворения «Поможем Югу!» обращает на себя внимание системное использование сложноподчинённых предложений с однородными придаточными цели: *Враги спешат на Юг скорей, / Чтоб нашу правду раздавить, / Чтоб бронированных зверей / Советской нефтью напоить; Чтоб перед немцем пали ниц / Друзей-станичников тела / Чтоб пил он из твоих криниц / Чтоб ел он с твоего стола* и т. п. (в стихотворении К. М. Симонова сходный приём использован с более разнообразными типами придаточных – определительными и обстоятельственными (условия, цели, сравнения): *Если дорог тебе твой дом, / Где ты русским выкормлен был, / Под бревенчатым потолком, / Где ты, в люльке качаясь, плыл; ... Если ты не хочешь, чтоб пол / В твоём доме фашист топтал, / Чтоб он сел за дедовский стол / И деревья в саду сломал...* и т. п.). При этом используемые синтаксические конструкции, помимо организации с помощью приёма *параллелизма*, располагаются *градационно*, что, безусловно, способствует как повышению

¹ При цитировании «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля сохраняется оригинальная орфография этого источника.

экспрессивности поэтического текста, так и более эффективной реализации воздействующей функции. Примечательно и то, что в обоих стихотворениях включённые в них придаточные предложения часто *парцеллируются* – отсекаются от главной части предложения с целью подчёркивания заключённого в них смысла. Таким образом, композиционное оформление обоих стихотворений способствует актуализации именно тех параметров словесно-художественных текстов, которые отличают стихотворения-наказы и / или *призывы*.

Особо показательным в поэтических произведениях означенной жанрово-стилистической разновидности является *морфологический* уровень – прежде всего, функционирующая в стихотворениях система *глагольных* форм. Ведущая роль, обусловленная приоритетностью воздействующей функцией, ожидаемо принадлежит в таких случаях глаголам *повелительного* наклонения. В текст стихотворения «Поможем Югу!» включено **11** глаголов в форме повелительного наклонения, значимость которых в большинстве случаев подчёркивается восклицательной интонацией и другими способами (в частности – *повтором*) – ср., к примеру: *Во имя женщин и ребят, / Во имя жизни и любви, / Ни шагу не ступи назад! / Останови! Останови!* Обратим внимание на то, что все три глагольные формы в этом высказывании образованы от глаголов *совершенного* вида, что подтверждает свойственную им *категоричность*, отмечаемую исследователями. «Формы повелительного наклонения могут выражать различные оттенки побуждения к действию. Эти оттенки значения не имеют морфологических показателей, они создаются интонацией и семантикой глагола: одна и та же форма, произнесённая с разной интонацией, может обозначать и **приказ**, и **мольбу**, и **требование**, и совет, и вежливое побуждение к действию. Однако для **выражения приказа или категорического требования** чаще употребляются формы повелительного наклонения глаголов совершенного вида» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 346]. Настойчивые, категорические требования, заключённые в глаголах повелительного наклонения, обращены одновременно и ко всем, кто прочтёт стихотворение, и к каждому из этих адресатов конкретно: этому, помимо прочего, способствует форма единственного числа всех употреблённых в тексте глаголов – к примеру: *сражайся ночью; бейся днём и все пути ему отрежь* и т. п. Формы повелительного наклонения используются в стихотворении на тех участках текста, которые или отличаются очевидным натурализмом, или же демонстрируют особенно высокую степень экспрессии (хотя о последнем качестве текста можно говорить лишь с долей условности – рассматриваемое произведение полностью пронизано безусловной экспрессией): *(немца) замертво свали и через труп шагай вперёд; набей ему землёю рот!* и т. п.

В анализируемом тексте весьма заметная роль в реализации воздействующей функции принадлежит и глаголам в форме других наклонений – *изъявительного* (таких форм в стихотворном тексте **6**) и *сослагательного* (таких форм, где данное модальное значение выражается разными способами, в тексте **7**). Формы изъявительного наклонения со значением настоящего времени использованы преимущественно для характеристики предполагаемого адресата, с призывом к которому обращается лирический герой: *(ты) видишь; (ты) можешь стерпеть и сердце смирить; ты стоишь сейчас на древней ильменской земле; ты бьёшься на реке Ловать; решается судьба твоя.*

Формы *сослагательного* наклонения, основным значением которого, как известно, является представление обозначаемого действия (процесса) как возможного, предполагаемого или желаемого, употребляются в стихотворении достаточно необычно. Во-первых, эти формы использованы для характеристики возможных действий вторгшегося захватчика: *(чтоб) пил он (немец) из твоих криниц; (чтоб) ел он (немец) с твоего стола; (чтоб) немец в хате пировал*, – причём во всех приведённых контекстах значение сослагательного наклонения выражено не совсем типичным способом: частица **бы** (**б**), являющаяся его формальным показателем, входит в данном случае в состав подчинительного союза, присоединяющего придаточные предложения. Во-вторых, данные формы используются и для характеристики соотечественников адресата и лирического героя (автора) – точнее, для создания воображаемой картины унижения и трагизма, которые могут ждать их всех в случае оккупации: *(чтоб) перед немцем пали ниц друзей-станичников тела; (чтоб) ты не смел по-русски петь, не мог по-русски говорить; а ты бы немцу подавал хлеба, возвращённые тобой*.

Таким образом, активно вводимые в стихотворный текст глагольные формы, обладающие различными модальными значениями, играют исключительно важную роль в придании произведению именно тех качеств, которые отличают поэзию, создаваемую на фронте – по сути, в боевых условиях, когда действовать нужно немедленно; призыв к таким действиям – отличительная черта фронтовой лирики.

Помимо глаголов, в реализации как воздействующей функции, так и образной конкретизации изображаемого (как уже отмечалось, одной из характерных особенностей в этом плане является натуралистичность, намеренно подчёркиваемая авторами при изображении того, что ими категорически отвергается) в рассматриваемом тексте заметная роль принадлежит **местоимениям** – прежде всего *личным* и *притяжательным*.

Исследователи отмечают, что по богатству экспрессивных красок на первом месте среди этих частей речи стоят *личные* местоимения. Личное местоимение второго лица единственного числа **ты** употреблено в стихотворении **10** (!) раз – *семикратно* в именительном падеже и *трижды* в косвенных, часто в рамках одного высказывания: *Ты видишь – родина в крови, / И вся земля кричит тебе: / Враги идут; А ты бы немцу подавал / Хлеба, возвращённые тобой?!* и т. п. Этим местоимениям, как и другим личным, присуща выраженная *дейктическая* функция – в данном случае местоимение **ты** указывает на лицо, к которому обращается говорящий, на воображаемого собеседника лирического героя; частотность их употребления в поэтическом тексте обеспечивает *градационное наращивание* этой дейктичности, которая к финалу приобретает особую выраженность. Взаимодействие *десятикратно* употреблённого местоимения **ты** с системой притяжательных местоимений – прежде всего, с *шестикратно* (в различных грамматических формах) включённым в текст местоимением **твой**: *твоих криниц; с твоего стола; твой удар; твоей земли; твоей страны*, – ставящим особые акценты на принадлежности адресату реальных его малой родины и ценностей Родины большой, существенно повышают экспрессивность стихотворения и, соответственно, усиливают апеллятивность воздействующей функции, превращающую *призыв* в *наказ*. Особенного накала этот наказ достигает в финальной части текста: *На всех фронтах твоей страны / Идёт великая борьба... / Сегодня на полях войны / Решается твоя судьба*.

ВЫВОДЫ

Проанализированные выше особенности стихотворения Михаила Матусовского «Поможем Югу!», как представляется, дают основания для выделения его и подобного рода поэтических произведений (в том числе и стихотворения К. М. Симонова с первоначальным названием «Убей его!») в группу жанрово-стилистических форм лирики особого рода: *стихотворения-наказы* и /или *стихотворения-призывы*, а также синкретичные формы, совмещающие обе обозначенные разновидности. Характерные черты таких поэтических произведений: выраженная публицистичность (в частности – приоритет воздействующей функции); подчёркнутая актуальность (соответствие текущему моменту); часто – включение в стихотворный текст элементов натурализма; отбор автором соответствующего языкового материала (как показывают наблюдения, прежде всего функционирующего на грамматическом уровне текста) и т. п.

Такого рода поэтические произведения адекватнее всего воспринимаются именно в тех условиях, в которых они были созданы – в военное время, когда адресату стихотворения (как правило – массовому) приходится реагировать на возникающие обстоятельства молниеносно, когда любое промедление может стоить человеку жизни.

Именно этим можно, с нашей точки зрения, отчасти объяснить то, что некоторые из написанных на фронте стихотворений не включены М. Матусовским в сборники произведений, изданных в мирное время. Такое мнение подтверждает и ответ К. М. Симонова Д. И. Ортенбергу на вопрос о его стихотворении «Убей его!»: «Эти стихи вошли во все Собрания сочинений Константина Симонова, но без газетного заголовка. Теперь они называются по первой строке: «Если дорог тебе твой дом...» Я спросил Симонова: почему? Он ответил шуткой:

Тогда, в войну, кто бы ни прочитал заголовок, сразу понимал, что надо убивать гитлеровцев. А ныне такое название поставило бы читателя в недоумение: кого, мол, надо убивать? Пришлось бы ему прочитать стихотворение, а не у каждого бывает на это охота...» [10, с. 243].

Вероятно, Михаил Матусовский тоже полагал, что не все стихотворения, созданные во время войны и явившиеся, как правило, непосредственным откликом на сопровождающие каждый день боевые действия, могут быть адекватно восприняты их адресатами – читателями и слушателями – в мирной жизни. Этим обуславливается необходимость учёта при анализе фронтовой лирики социокультурного контекста, в условиях которого создавались произведения: при таком подходе восприятие как ценностно-эстетического, так и жанрово-стилистического своеобразия подобных стихотворений будет, безусловно, более приближенным к авторскому замыслу, а соответственно – и более адекватным.

Разноаспектные исследования фронтовой лирики, как представляется, будут в значительной степени способствовать и прояснению многих моментов, связанных с изучением не только словесно-художественных, но речевых жанров в принципе – в частности тех, которые сейчас активно привлекаются для массовой коммуникации.

Список литературы

1. Белоусов Е. Н. Повелительное наклонение // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов; изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 346–347.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А. С. Герд. – Т. 11. Н – Недрителья. – М.-СПб.: Наука, 2008. – С. 172–173.

3. *Даль Владимиръ*. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Томъ второй. И–О. – Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. – С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18; Москва, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова, 1882. – 814 с.
4. Журналистика в период ВОВ. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9263780/page:10/>. – (Дата обращения: 21.01.2026).
5. *Заец Алина*. Народы и поколения соединяет гений. *На Луганщине отметили 107-летие известного земляка, поэта-песенника Михаила Матусовского* // Читайте на WWW.KP.RU. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27428.5/4628546/> (<https://www.kp.ru/daily/27428.5/4628546/>). – (Дата обращения: 21.01.2026).
6. *Матусовский М. Л.* Поможем югу! // За Родину. Ежедневная красноармейская газета Северо-Западного фронта. 12 августа 1942 г.
7. *Матусовский М. Л.* Избранные произведения: В 2-х т. – М.: Худож. лит. 1982. – Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Песни. – 639 с.
8. *Матусовский М. Л.* Избранное; сост. А. В. Бобрышева; предисл. И. П. Зайцевой. – Луганск: Изд-во Академии Матусовского, 2025. – 325 с.
9. *Михайлов Тимофей*. Фронтная поэзия Михаила Матусовского // Проза.ру. – Режим доступа: <https://proza.ru/2020/09/11/1338>. – (Дата обращения: 21.01.2026).
10. *Ортенберг Давид*. Год 1942: Рассказ-хроника / Предисл. Л. Лазарева. – М.: Политиздат, 1988. – 462 с.
11. Письмо Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза И. В. СТАЛИНУ От бойцов, сержантов и офицеров // Вперёд, на Запад! 17 октября 1943. – Режим доступа: <https://forum.vgd.ru/post/2553/79926/p2903697.htm>. – (Дата обращения: 29.01.2026).
12. *Симонов К.* Убей его! («Если дорог тебе твой дом...») // Константин Симонов – стихи. – Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoi-dom>. – (Дата обращения: 21.01.2026).
13. *Синяевский А. Д.* Литература периода Великой Отечественной войны // История русской советской литературы. – Т. III. 1941–1957. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 5–53.
14. Словарь современного русского литературного языка. – Т. VII. Н. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – 1468 стб.
15. *Шерстнёва Наталья*. Пути-дороги военкора Михаила Матусовского // Межпоселенческая библиотека. Муниципальное бюджетное учреждение культуры муниципального образования Темрюкский район. – Режим доступа: https://www.bibliotemyuk.ru/news/news_1134.html?curPos=20. – (Дата обращения: 21.01.2026).

References

1. Belousov E. N. *Povelitel'noe naklonenie* [Imperative mood]. Russkiy yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia], Karaulov Yu.N. (Ed.). Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Scientific Publ., pp. 346–347.
2. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka [Big Academic Dictionary of the Russian Language]. A. S. Gerd (Chief Ed.). Moskva–St. Petersburg, Nauka Publ., 2019. Vol. 25. Overhang–Sorrow. 728 p.
3. Dal' V. I. *Tolkovij slovar' zhivago velikoruskago yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Moskva–St. Petersburg, Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa Publ., 1882. Vol. 2, 814 p.
4. *Zhurnalistika v period VOV* [Journalism during the Great Patriotic War]. Available from: <https://studfile.net/preview/9263780/page:10/> (accessed 21 January 2026).
5. *Zaets Alina. Narody i pokoleniya soedinyayet genii. Na Luganshchine otmetili 107-letie izvestnogo zemlyaka, poehta-pesennika Mikhaila Matusovskogo* [Genius unites peoples and generations. The 107th birthday of the famous local poet and songwriter Mykhailo Matusovsky was celebrated in Luhansk Oblast]. *Chitaite na WWW.KP.RU*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/27428.5/4628546/> (accessed 21 January 2026).
6. *Matusovskij M. L. Pomozhem Yugu!* [Let's Help the South!]. *Za Rodinu. Ezhednevnyaya krasnarmejskaya gazeta Severo-Zapadnogo fronta*. 1942. 12 avgusta.

7. Matusovskij M. L. *Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh t.* [Selected works: in 2 volumes]. Moskva, Khudozhestvennaja literatura publ., 1982. – T. 1. *Stikhotvorenija; Poehmy; Pesni* [Poems; Poems; Songs]. 639 p.
8. Matusovskij M. L. *Izbrannoe*; sost. A. V. Bobrysheva; predisl. I. P. Zaitsevoi [Selected Works; compiled by A. V. Bobrysheva; preface by I. P. Zaitseva]. Lugansk, Izd-vo Akademii Matusovskogo publ., 2025. 325 p.
9. Mikhailov Timofei. *Frontovaya poehziya Mikhaila Matusovskogo* [Frontline poetry of Mikhail Matusovsky]. *Proza.ru*. Available from: <https://proza.ru/2020/09/11/1338> (accessed 21 January 2026).
10. Ortenberg David. *God 1942: Rasskaz-khronika* [Year 1942: A Chronicle Story]. Moskva, Politizdat, publ., 1988. 462 p.
11. *Pismo Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu Marshalu Sovetskogo Soyuzo I. V. STALINU Ot boitsov, serzhantov i ofitserov* [Letter to the Supreme Commander-in-Chief, Marshal of the Soviet Union I. V. STALIN from soldiers, sergeants and officers]. *Vpered, na Zapad!* 17 oktyabrya 1943. Available from: <https://forum.vgd.ru/post/2553/79926/p2903697.htm> (accessed 21 January 2026).
12. Simonov K. *Ubei ego!* («*Esli dorog tebe tvoi dom...*») [Kill him! (“If your home is dear to you...”)]. *Konstantin Simonov – stikhi*. Available from: <https://www.culture.ru/poems/32889/ubei-ego-esli-dorog-tebe-tvoi-dom> (accessed 21 January 2026).
13. Sinyavskii A. D. *Literatura perioda Velikoi Otechestvennoi voiny* [Literature of the Great Patriotic War]. *Istoriya russkoi sovetskoi literatury*. T. III. 1941–1957. Moskva, Izd-vo AN SSSR Publ., 1961, pp. 5–53.
14. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. T. VII. N–M. [Dictionary of modern Russian literary language. T. VII. N–M]. Moskva–St. Petersburg, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1958, 1468 stb.
15. Sherstneva Natal'ya. *Puti-dorogi voenkora Mikhaila Matusovskogo* [The paths and roads of war correspondent Mikhail Matusovsky]. Mezhpоселенческая библиотека. Munitsipal'noe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury munitsipal'nogo obrazovaniya Temryukskii raion. Available from: https://www.bibliotemryuk.ru/news/news_1134.html?curPos=20 (accessed 21 January 2026).

**FRONTLINE POETRY OF MIKHAIL MATUSOWSKI:
GENRE-STYLISTIC AND CONCEPTUAL-AESTHETIC ORIGINALITY**

Zaitseva I. P.

This article examines the characteristics of poetic works written during the Great Patriotic War – poems created urgently, as required by the moment, often to fulfill a combat mission. This determined their pronounced journalistic quality (relevance to the current moment, attention drawn to a specific event that had just occurred or was expected in the near future, etc.), imperativeness, and a number of other qualities that contribute to the poetic function of influencing the addressee – usually a mass audience. This type of poem, which constitutes frontline lyrics (frontline poetry), in the author’s opinion, should be classified as a distinct genre and stylistic variety, designated as appeal poems and / or mandate poems, which it would be appropriate to analyze somewhat differently, than more traditional genre forms of lyric poetry. In this case, the priority considerations are the compositional design of the work and the grammatical devices employed by the author, primarily morphological ones (various verb forms, primarily in the imperative mood; pronouns, etc.). These speech devices and methods of organizing speech material ensure the effective implementation of the persuasive function—in this case, the fundamental for the analyzed poems.

Keywords: Mikhail Matusovsky, frontline lyrics, mandate poem, publicistic style, persuasive function, grammatical level, imperative mood.

УДК 821.161.1

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019164>

**О НЕИЗВЕСТНОЙ РУКОПИСИ Н. П. СУСЛОВОЙ
В ФОНДАХ КРЫМСКОГО АРХИВА:
ТЕКСТ И КОНТЕКСТ**

Орехова Л. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: la.orehova@gmail.com*

В статье впервые представлен анализ сохранившейся в Государственном архиве Республики Крым рукописи первой русской женщины-доктора медицины Н. П. Суслевой, жившей почти 40 лет близ Алушты в имении Кафель-Приморский. Рукопись Н. П. Суслевой «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» рассматривается в текстовой и контекстовой связи с написанным ею также в Крыму и опубликованным в 1900 г. в «Вестнике Европы» рассказом «Из недавнего прошлого», а также с ранними произведениями «Рассказ в письмах» и «Фантазерка», опубликованными в «Современнике» в 1864 г.

Ключевые слова: Н. П. Суслева, А. Е. Голубев, «женское движение», Кафель-Приморский, рукопись «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь».

ВВЕДЕНИЕ

Хранящаяся в Государственном архиве Республики Крым рукопись, о которой пойдет речь, принадлежит известной в России и Европе Надежде Прокофьевне Суслевой-Голубевой (1843–1918), получившей в Цюрихе медицинское образование и защитившей в декабре 1867 г. под руководством И. М. Сеченова докторскую диссертацию. Название рукописи «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» мало соответствует ожиданию читателя, рассчитывающего на авторский рассказ о личной судьбе автора, пути в науку, истории женской эмансипации, наконец, о Крыме, где 40 лет жила Н. П. Суслева.

Актуальность исследования вытекает из очевидного интереса к истории женского образования в России и, соответственно, личности Н. П. Суслевой, проявившей необыкновенную целеустремленность и трудолюбие, что позволило бывшей крепостной (отпущена на волю в 1856 г. [41–44]) в возрасте 24 лет получить диплом доктора медицины. В 2018–2025 гг. в интернете появилось немало популярных статей журналистов и блогеров о Н. П. Суслевой [10; 13 и др.]; есть даже статья школьника из Нижнего Новгорода Ярослава Зыкова [12], что не может не радовать.

Однако сложившееся впечатление «изученности» темы обуславливает подчас досадные неточности в интерпретации фактов. Скажем, в сведениях о крымском периоде жизни Н. П. Суслевой можем встретить суждения о «нищете» Суслевой-Голубевой, «разграблении» ее дома в 1918 г., что, однако, следует лишь из написанного за границей романа И. С. Шмелева «Солнце мертвых», но опровергается архивными документами [28]. В некоторых статьях (на примерах не задерживаемся) встречаем поверхностное и предвзятое отношение к драматичной судьбе Аполлинии Суслевой, сестре Н. П. Суслевой, хотя исследования, располагающие к объективному пониманию ее истории давно предприняты [39; 29].

Вместе с тем, с удовлетворением отмечаем, что многие из статей (заметок) о Н. П. Суслевой отражают активные регионально-краеведческие поиски (в Н. Новгороде, Иваново, Крыму). Современное развитие исторической и филологической

регионалистики [35] обусловлено пониманием, что интерес «к фактам, связанным с историей родных мест, – объективная психологическая закономерность» [26, с. 166–168]. Человек ощущает «сопричастность истории», выстраивая в сознании «детализированную» историческую панораму [36, с. 4; 57–58; 14, с. 181–185], что особенно важно в школьном обучении и воспитании любви к родному краю [38, с. 85, 172–175].

Поэтому в ряду журналистских публикаций о Н. П. Сусловой не можем не выделить работу нижегородского журналиста Галины Филимоновой, представившей в 2018 г. в рамках проекта «Белые пятна карты “мест памяти” Нижегородской области» основанную на новых документах статью-исследование о Н. П. Сусловой и истории санитарно-медицинского дела в Нижнем Новгороде [43; 44]. Последовательно пропагандируя краеведческие знания, Г. Филимонова организует мероприятия, рассказывающие о жизни Н. П. Сусловой в Нижнем Новгороде: интервью, «экспедиции» на родину Н. П. Сусловой в с. Панино Нижегородской области и даже в рамках проекта «Громко с выражением» чтение опубликованного в 1864 г. «Рассказа в письмах» Надежды Сусловой [43]. Кстати говоря, это редкий случай прямого обращения к литературному творчеству женщины-врача; как правило, все ограничиваются лишь упоминанием о ее публикациях 1860-х гг.

В этом контексте очевидна необходимость не только актуализации знаний об опубликованных текстах Н. П. Сусловой, но и включения в научный оборот сведений о «крымской» рукописи «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь», что составляет **цель** статьи и предполагает решение **задач** атрибутирования рукописи, обоснования исторической, биографической и историко-литературной ее значимости.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рукопись «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» хранится в Государственном архиве Республики Крым в личном фонде (№ 536) мужа Н. П. Сусловой профессора гистологии Александра Ефимовича Голубева (1836–1926). С конца 1870-х годов супруги жили в своем имении Кафель-Приморский (ныне с. Лазурное в Профессорском Уголке близ Алушты), в двухэтажном доме, построенном Голубевым на купленном в 1872 г. недалеко от моря участке.

После смерти профессора в феврале 1926 г. его библиотека была перевезена в Крымский пединститут; некоторые книги с дарственными надписями выдающихся ученых представлены в собрании Редкого фонда Научной библиотеки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Личные документы супругов Голубевых помещены в Крымском архиве, в 1930-е годы хронологически систематизированы профессором Крымского пединститута, чл.-корр. АН СССР Е. В. Петуховым, участвовавшим и в составлении описи фонда А. Е. Голубева [31].

Среди материалов фонда хранятся две «общие» тетради дореволюционного образца с одинаковыми названиями и практически тождественными рукописными текстами, чернилами, одним почерком: ед. хр. 108 (151 л.) и ед. хр. 109 (128 л.); оборотная сторона листов в обеих тетрадях свободна – для поправок. «Оборотки» сохранили существенные следы черновой работы [8, ед. хр. 109, л. 120 об., 121 об., 124 об. и др.]. Принадлежность рукописи Н. П. Сусловой подтверждается четко прописанной фамилией в каждой тетради под текстом. Очевидно, у автора были сомнения, как назвать текст. Название записано в обеих тетрадях в три строки: первая – «Мечты и действительность» (в кавычках), на второй – «или», третья строка – «Мертвая жизнь» (в кавычках). Допускаем,

что «или» может означать отложенное авторское решение о названии. Поэтому в своем анализе будем пользоваться двойным заголовком «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь». Рукопись не датирована, под заголовком обозначен жанр: «Очерк». Тексты в тетрадах разнятся несущественно. Однако в одной из них [8, ед. хр. 109] записи велись густыми чернилами, с многочисленными исправлениями; расстояние между словами минимальное («сжато»), что затрудняет чтение; объем 128 листов. В другой тетради [8, ед. хр. 108] правки уже незначительные, записи четче, разборчивее (видимо, в расчете на читателя), рукопись занимает 151 лист. Отсюда следует, что эта тетрадь является более поздним по срокам рабочим вариантом рукописи. При анализе и цитировании опираемся на нее. Хотя объем рукописи, стилистика повествования не совсем отвечает традиционным представлениям об очерке, сохраняем при анализе авторское жанровое определение «очерк».

Название озадачивает подчеркнутым трагизмом («Мертвая жизнь»). Почему прославившаяся своими достижениями женщина на склоне лет ощущала пропасть между мечтами и действительностью и, имея достаточно времени на обдумывание, все же остановилась именно на таком названии? Чтобы судить о значимости этой рукописи для Н. П. Сусловой, следует понять, как написанное ею в начале XX в. (такая датировка будет обоснована позднее) связано с концептуальными раздумьями автора о пережитом в 1860–1880-х годах – о женской эмансипации, о политических настроениях второй половины XIX в.

Конец XIX – начало XX вв. для многих уже немолодых «шестидесятников» стал этапом осмысления эпохи Чернышевского, Писарева, женской эмансипации, развития в России женского образования и распространения «женского труда». В 1888 г. Н. В. Шелгунов писал редактору журнала «Русская мысль» В. А. Гольцеву о посещающем его «все чаще» убеждении писать воспоминания, статьи, «подводящие итоги»: «будет о светлых и темных явлениях, и об умственном мужестве», «об идеалах и о том болевом умственном состоянии, в котором мы теперь пребываем» [2, с. 283]. Можно заметить определенную «этапность» в осмыслении «женского движения» в печати: от первых успехов «пионерок эмансипации» – к достигаемым результатам женского образования в 1870–1890-е гг.

Так, в ноябре 1868 г. во «Внутреннем обозрении» журнала «Дело» народник П. А. Гайдебуров (1841–1893) помещает значительный по информативности и объему очерк о важности женского движения для России, о путях женского образования и о его противниках (раздел «Нечто о борьбе неравным оружием» и далее). Автор останавливается на инициативе, решительности и успехах самих женщин:

«Все, конечно, помнят то впечатление, которое произвела у нас г-жа Сулова, вернувшись в Россию, после пятилетнего пребывания за границей, доктором медицины. Многих, а в том числе и нас, в высшей степени интересовал вопрос, будет ли дозволено г-же Сусловой прилагать свои знания в России. То или другое решение этого вопроса должно было иметь очень важное значение в деле женского образования. Наконец вопрос разрешился положительно. Назначенная для испытания г-жи Сусловой комиссия дозволила ей практиковать в России на правах доктора и этим оказала громадную услугу нашему обществу. Многие робкие люди увидели, что, во-первых, женщина способна к самым серьезным занятиям, а во-вторых, что в России действительно образованной и способной женщине не совсем закрыта возможность прилагать свои знания к делу.

Пример г-жи Суловой имел огромное значение и для самих женщин, а именно для тех из них, которые, получив, благодаря исключительно счастливой обстановке, основательное общее образование, желали продолжать свои занятия и заняться каким-нибудь предметом специально. Они вслед за г-жой Суловой, ободренные ее успехом, также отправлялись за границу и там учились. Говоря даже только о тех фактах, которые уже получили печатную огласку, мы можем назвать последовательниц г-жи Суловой» [3].

В журнале «Дело» П. А. Гайдебуров заведовал отделом беллетристики. Не без его участия еще ранее, в январской книге журнала за 1868 г. были опубликованы стихи Н. П. Суловой «Труд», «Пытаясь решить все сомненья...» [23]. Здесь же напечатано стихотворение Е. Глобиной «Решительный шаг» с посвящением: «Доктору медицины Цюрихского университета Надежде Суловой» [4]. Елизавета Николаевна Глобина (урожд. Брылкина) известна своим современникам как автор поэмы «Ульяна. Очерки из жизни женщины» [5].

К началу 1870-х гг. читательская аудитория уже не дивилась идеям о женском образовании – во многом благодаря публикациям о беспримерных заслугах Н. П. Суловой. С 1869 г. соредактором П. А. Гайдебурова и Ю. А. Росселя петербургской газеты «Неделя» стала Евгения Ивановна Конради, знакомая Н. П. Суловой активистка женского движения. А в 1872 г. П. А. Гайдебуров и Е. И. Конради издали сборник «Русские общественные вопросы», где обсуждались ближайшие задачи земской медицины, санитарных служб, устройства аптек («Жизненные задачи земства» земского врача В. Португалова); затронуты проблемные вопросы развития печати, оплаты литературного труда в статье Е. Конради «Организация литературного труда» [16].

В 1880–1890-е гг. о женском движении 1860-х гг. писали уже в мемуарно-биографическом и историческом жанрах. В 1887 г. появился исторический очерк В. Овцына «Развитие женского образования». Автор, что важно, опирался на уже внушительный список европейской и отечественной журналистики. Упомянул В. Овцын и «г-жу Сулову, окончившую курс Цюрихского университета» и получившую в России, «в виде исключения», «право заниматься медицинской практикой» [24, с. 9, 30]; указал на важность заслуг Н. Суловой, по примеру которой в Цюрихском университете в 1872 г. обучалось 109 студенток, из которых 54 русских [24, с. 10].

В историческом осмыслении женского движения значимую роль играла вышедшая в 1896 г. книга «Памяти Надежды Васильевны Стасовой» [32]. Впервые были приведены ранее не известные читателю факты и сведения, отражающие деятельность Н. В. Стасовой, которая «благословила зарю новой женской доли», «пережила всю мучительную борьбу за право женщины на знание и труд» [32, с. 88]. Впервые «произнесены» многие имена подвижниц женского образования, которые, как отметил профессор А. Бекетов, «уже занесены на страницы истории» [32, с. 71]. Впервые в характере женщины-«борца» Н. В. Стасовой отмечены не только твердость, «бодрость духа» [32, с. 4], а, в оценке К. Бестужева-Рюмина, главное – душевная отзывчивость («всегда являлась на помощь нуждающимся» [32, с. 73]), которая и поддерживала ее «энергию», умение «принимать к сердцу нужды и потребности всех сирых, обойденных жизнью и задавленных эгоизмом» [32, с. 91].

Но наибольший вклад в изучение истории женского образования внесла Е. О. Лихачева (1836–1904), подготовившая четырехтомное издание «Материалы для

истории женского образования в России» (СПб, 1890–1901), отмеченное почетным отзывом Академии наук [34]. Елена Осиповна Лихачева (1836–1904) известна своей образованностью и необыкновенной судьбой. Во время сербско-турецкой войны 1876 г. выполняла тяжелый труд сестры милосердия и репортера, опубликовала в «Отечественных записках» репортажи «Из Сербии». В 1860-х гг. она выпустила вместе с А. И. Сувориной, женой издателя А. С. Суворина, несколько книг для детей и юношества, среди которых «Путешествие к центру Земли» Жюль Верна. Справедливо считают Е. О. Лихачеву одной из видных деятелей женского образования; на открытых в 1878 г. Бестужевских женских курсах она проработала 24 года, сотрудничая с Н. В. Стасовой, А. П. Философовой, В. П. Тарновской, О. К. Нечаевой; впоследствии на Курсах была учреждена стипендия имени Е. О. Лихачевой [34]. Е. О. Лихачеву с Н. П. Сусловой связывала большая дружба, на этом мы еще остановимся.

Существенный интерес представляет и вышедшая в 1901 г. в Петербурге популярная брошюра известного издателя Николая Елисеевича Зинченко «Женское образование в России». В поле обзора попадают 1870–1880-е годы, организация женских учебных заведений различных уровней. Отмечается при этом, что в первую очередь востребованными оказались педагогическое (имеющее, по убеждению автора, «цивилизационное» значение) и медицинское направления, но вполне перспективны и другие направления, например, сельскохозяйственное, так что женщина во многих «отраслях науки и промышленности окажет благотворнее влияние рациональным использованием и труда, и знания» [11, с. 43]. Подробно рассказано об истории медицинских женских курсов с итогами их работы: во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «по приглашению правительства» 28 студенток старших курсов «отправляли обязанности врачей и заслужили полнейшую признательность со стороны раненых» [11, с. 43]. Упоминается о Н. П. Сусловой и ее последовательницах в Цюрихе [11, с. 44], а также о том, что в 1879 г. женщины законодательно получили разрешение занимать места врачей в городских, земских и других общественных учреждениях» [11, с. 41]. Так, «в Петербурге за восьмидесятые годы ординарными врачами состояло 17 женщин». Помещен список этих врачей, и открывает его имя Н. П. Сусловой [11, с. 42].

Писалась история женского движения в России. Безусловная значимость приведенных изданий состоит в стремлении донести до всех читательских слоев населения знание о движении за женское равноправие и образование, которое с 1860-х гг. в восприятии многих запоздало ассоциировалось со «стрижеными нигилистками».

Отметим еще одну инициативу. В 1899–1900 гг. в Петербурге известная детская писательница, публицист, участница гарибальдийского движения А. Н. Пешкова-Толиверова (Якоби) издавала ежемесячный литературный журнал «Женское дело». В планы журнала входила популяризация деятельности, творчества женщин, поддержка общественного внимания к «женскому вопросу», что предполагало и публикацию материалов участниц «женского движения». И уже в первый год издания журнала (1899) в нескольких номерах были помещены хорошо известные сегодня воспоминания Л. П. Шелгуновой «Из далекого прошлого», настолько привлечшие читательское внимание, что уже в 1901 г. отдельным изданием вышла книга «Из далекого прошлого: Переписка Н. В. Шелгунова с женой» [45]. Содержание ее составляют не только письма Н. В. Шелгунова разных периодов (в том числе из заключения и ссылки) с комментирующими фрагментами воспоминаний Л. П. Шелгуновой, но и воспоминания самой Людмилы Петровны о детстве, родителях, знакомых, стремлениях и увлечениях,

встречах с выдающимися писателями. В результате воссоздается «панорамная» и редкая по откровенности (Н. В. Шелгунова уже не было в живых) жизненная картина становления идеалов, осуществленных и неосуществленных мечтаний и надежд людей 1860-х. Книга обрела значение актуального исторического и биографического источника. Л. П. Шелгунова умерла 13 декабря 1901 г.

Сказанное убеждает, что, обращаясь к рукописи «Мечты и действительность...» Н. П. Сусловой, следует учитывать наметившиеся в литературе конца XIX в. историческую и мемуарную «тенденции» в освещении «женского вопроса». Необходимо также видеть текст рукописи в соотнесении содержания и стилистики с ранними литературными произведениями Н. П. Сусловой.

Еще до отъезда в Цюрих она сдала в «Современник» две рукописи, которые были опубликованы в 1864 г.: «Рассказ в письмах» [21] и «Фантазерка» [22]. Юная Н. Суслова была близка кругу «Современника», разделяла убеждения «новых людей», что подтверждается воспоминаниями А. Я. Панаевой [33, с. 348–349]. Позднее С. В. Ковалевская в неоконченной повести «Нигилист» (1890), посвященной памяти Н. Г. Чернышевского, уверенно показывает Суслову в ближайшем окружении писателя: «Надя Суслова была еще моложе своих товарок. На вид ей было не больше 18 лет. Небольшого роста, но крепкого сложения, со смуглым бледным лицом, с неправильными чертами и сильно заметным калмыцким типом, она скорей могла назваться дурнушкой, чем хорошенькой. Но все ее существо дышало энергией и силой, а серые умные глаза глядели так прямо и так смело из-под черной прямой линии сросшихся на переносице бровей, что придавали всему лицу печать оригинальности, почти красоты. Пройти мимо этой девушки, не заметив ее, было невозможно. В кружке она слыла «сильным человеком» и от нее ждали очень многого в будущем» [15, с. 282]. Разумеется, С. В. Ковалевская не могла участвовать в описанных событиях, которые, судя по упомянутым в повести фактам исторического и природного характера: разговоры о беспорядках в Петербургском университете, вспыхнувшие 23 сентября 1861 г., снег, сани – происходят зимой 1861–1862 гг. Тогда С. В. Ковалевской было 11 лет. «Современник» она читала с юности и до конца дней осталась приверженной к идеям Чернышевского. Познакомившись с возвратившейся из Цюриха Сусловой, Софья Васильевна ощутила единомыслие с нею и потому детально выписала и ее образ, и восхищенное отношение к Чернышевскому, «обличенному в глазах ее ореолом гения» [15, с. 283].

В 1863–1864 гг., когда Н. Суслова работала над своими первыми произведениями, тема женской эмансипации «звучала» только в журналистике, но никто не видел конкретных путей ее реализации. Повсеместно активизировались разговоры о женской эмансипации, принимаемой молодежью, но находящей огромное количество противников «женского движения», что сказывалось в семейных отношениях, сохранявших тяжелые правила подчинения дочерей родителям. Первые произведения написаны юной Сусловой с пониманием обстановки и под обаянием идей Чернышевского. Героине ее «Рассказа в письмах» Саше свойственны ригоризм, верность поставленной цели, необыкновенная трудоспособность. Эти качества воспитала в себе и Надежда Суслова.

Сюжет строится на переписке сестер, так что читатель самостоятельно «складывает» из упомянутых в письмах фактов представление о жизни и положении девушек в их семье. Постепенно знакомимся с главной героиней Сашей, которая «сбежала» из дома за два дня до «выгодного» брака с нелюбимым человеком. Сняла комнатку в Петербурге,

зарабатывает частными уроками. Даже «пристрастилась» к своей работе, чувствует удовлетворение («Так весело смотреть на эту сильную восприимчивость детей, так легко прививается к ним все хорошее, если следить за ними с заботливостью и любовью...») [21, с. 158]. У нее сложились, как она пишет младшей сестре Наде, «твердые» принципы; она и волосы остригла. Впрочем, тут же объясняет: «Когда хочешь сбросить с себя все старое, то всегда доходишь до утрировки. <...> Разве взбивать волосы не так же глупо?» [21, с. 143]. К семье своей, где живут страстью к деньгам и бесконечным развлечениям, не испытывает уважения. Тоскует лишь о Наде, доверчивой, мечтательной, и, в конце концов, оказавшейся обманутой близкими людьми и несчастной. Но у Нади недостаточно воли по примеру Саши уйти из помещичьего круга в непонятный мир; она недоумевает в своем письме: «Что такое делается в Москве и Петербурге? Что ни книга журнала, что ни номер газеты, все бранят и смеются над теми женщинами, которые учатся, читают, ходят на лекции и интересуются не одними тряпками...» [21, с. 151].

Следующая повесть Н. Сусловой «Фантазерка» связана с «Рассказом в письмах» очень короткими сроками публикации и написания. Но теперь внимание сосредоточено не на сильной личности, подобной Саше, а на судьбе девушки из дворянской семьи Александры Кирилловны Каратинской (Alexandrine, как обращаются к ней дома). Семья «в С-ом уезде считалась аристократической, потому что все члены этой фамилии были неприступно горды своим родом и имели значительное родство в Петербурге» [22, с. 181]. К тревоге матери, Alexandrine увлечена «новыми идеями» «об эмансипации женщин», отказывается от выездов, целыми днями занимается чтением, музыкой, проявляет «полное равнодушие к удовольствиям и нарядам» [22, с. 169–170]. Девушка влюблена в соседа по имени Алексея Сергеевича, сына помещиков «средней руки», который много говорил ей о «другой», а не светской жизни [22, с. 178]. Была у нее и подруга, несколько старше годами, дворянка Мери, которая, хоть и воспитана в дворянских условиях, «все-таки видела людей с новым образом мыслей, слышала их толки и сама почитывала русские журналы» [22, с. 183]. Вообще высказываться в духе «новых» идей становилось «модным», «прогрессивным». Даже отец Алексея Сергеевича, «помещик средней руки», «прикидывался свободомыслящим» [22, с. 187], красноречиво толковал учителю своего сына-подростка, что «уважает» молодых людей, увлеченных «на труженический подвиг», и что он «друг этих мощных бойцов за нравственные убеждения» [22, с. 189].

В «Фантазерке», в отличие от «Рассказа в письмах», наблюдаем гораздо большую погруженность в критическое осмысление жизни провинциальных помещиков и петербургского общества. Развивается популярная тема о положении девушки в дворянской семье, ее влюбленности и обманутой любви, о «двуличии» избранника. Можно сказать, что сюжет о Наде из «Рассказа в письмах» развивается в самостоятельный сюжет о судьбе Alexandrine в «Фантазерке». Повествование «в письмах» сменилось на сценичность действия с участием многих действующих лиц, на авторскую речь в описании характеров и «углубление» в вопросы воспитания. Подробно рассказывается об избраннике Alexandrine – Алексее Сергеевиче, речи которого о «необходимости труда», вдобавок к красивой внешности говорящего, совершенно покорили воображение доверчивой Александры Кирилловны. Ей казалось, что пришла та любовь, о которой мечталось, и с ней тот человек, о котором мечталось. Надо сказать, что и Алексей Сергеевич искренне «воображал, что убеждения его очень стойки». Но, приехав в Петербург, «сам того не замечая, он предавался барству, ездил с визитами к

местным аристократам на радость отцу и матери, – словом, делал все то, что никак не могло идти к его будущей труженической жизни, да и от самой мысли о такой жизни стал он отвыкать все более и более» [22, с. 191]. Случилось отвратительное: его, в конце концов, соблазнила сестра Александры Кирилловны – Sophie, знавшая о сложившихся романтических отношениях Алексея и Alexandrine. Впрочем, у Sophie своя история, которая многое объясняет: ее выдали замуж за нелюбимого человека; через годы, научившись не считаться с мужем, она, всегда нарядная и «эффектная», весело довольствовалась обществом поклонников, в число которых быстро попал Алексей Сергеевич. Об этом знали все, даже мать Александры Кирилловны, молодящаяся барыня, продолжающая искать внимания мужчин и растратившая состояние на наряды и удовольствия.

Мечта о любви, превратившаяся в любовь, всецело охватившую Александру Кирилловну, по мнению ее сестры Sophie, была «фантазией девственной души», «глупой фантазией» [22, с. 186], «детской фантазией» – так написал Алексей Сергеевич в последнем письме к Alexandrine, жестко прерывая с ней отношения. Александра Кирилловна не могла пережить обмана и горького понимания, что мать стала для нее «чужой женщиной», и сестра – «тоже чужая женщина» [22, с. 211]. Alexandrine выбросилась из окна гостиницы. Причины самоубийства девушки семья «прикрыла» разговорами о ее психической нездоровости («с детства проявлялись признаки помешательства») [22, с. 219).

Повесть подписана инициалами «Н. С.». Это требует дополнительного подтверждения авторства Н. П. Сусловой, тем более что в «авторской речи» повести однажды появляется «я *должен*» – возможно, с целью сокрытия авторства: «Для окончательного знакомства со всеми действующими лицами я *должен* (выделено мною. – Л. О.) познакомить читателя с молодым человеком, которого любила Александра Кирилловна» [22, с. 187]. В «Воспоминаниях» А. Я. Панаева подтверждает, что повесть принадлежит Н. П. Сусловой, но над названием «Чудная» [33, с. 349, 480]. Допустимо предположить, при редактировании повести Авдотье Яковлевне запомнилось первоначальное ее название. Однако в редакции журнала решили его изменить, используя неоднократно упомянутое в тексте слово «фантазия» и отождествляя «фантазию» с иллюзиями, заблуждением. Это расширяет смысл повести: «фантазии» – это не только мечты Александры Кирилловны о любви, а иллюзорное, до трагизма ошибочное представление о людях и циничных нравах в ее ближайшем окружении. Между тем как прежнее название «Чудная» легко ассоциировалось бы со словом «чудаковатая», т. е. «странная» («со странностями»), что снижало бы критическое напряжение текста.

Как видим, «Расказ в письмах» и «Фантазерка» содержательно привязаны к эпохе начала 1860-х гг. А. Я. Панаева была уверена, что г-жа Сулова «не продолжала свою литературную карьеру, посвятив себя медицинской науке» [33, с. 349]. Действительно, следующее большое произведение Н. П. Сусловой будет опубликовано лишь спустя 36 лет, в 1900 г. В жизни Н. П. Сусловой произошли большие изменения, сказавшиеся на ее понимании социально-политических процессов 1870–1890-х гг. и видении своего места в этих процессах. Нам потребуется обращение к истории ее жизни в эти годы.

Уехав в Цюрих учиться, она в начале 1869 г. возвратилась в Россию с дипломом доктора медицины, хирургии и акушерства. В Цюрихе познакомилась со швейцарским студентом Фридрихом Гульдрейхом Эрисманом (1842–1915). В 1865 г. Эрисман получил

звание доктора медицины в Цюрихском университете. Весной 1868 г. женился на Н. П. Сусловой; на свадьбу из Граца приехали И. М. Сеченов и его гражданская жена, подруга Н. П. Сусловой М. А. Обручева-Бокова.

Надежда Прокофьевна не соглашалась остаться за границей и еще до свадьбы сумела склонить Эрисмана к переезду в Россию. Сохранилось письмо Ф. Эрисмана от 12 февраля 1868 г. к Н. Сусловой, в ту пору еще невесте (перевод с немец. яз.):

«С тех пор, как я понял, что ты являешься дочерью своего народа, я уже не пытаюсь больше отыскать для себя поле деятельности. Свои планы я тоже изменил. Как жаль, что я не являюсь твоим соотечественником! В настоящее время могу считать, что я происхожу из твоего народа, потому что идеи, которыми живет твой народ, мне гораздо ближе, чем те, которые волнуют людей у нас на Западе <...>» [27, с. 59].

И, готовясь ехать в Россию, Эрисман принялся изучать русский язык по книге И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», а вскоре начинает работу над переводом с русского языка на немецкий книги В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» [27, с. 59].

В России принял «удобное» в произношении имя «Федор Федорович». Сделал немало для развития социально-гигиенического направления медицины, в Москве был установлен памятник Ф. Ф. Эрисману (перед зданием Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова). Из России вынужден был выехать после увольнения в 1896 г. из Московского университета за поддержку студенческих волнений. До конца дней оставался социалистом.

Возвратимся к 1860-м гг. В Петербурге Н. П. Сусловой пришлось сдать экзамены, подтверждающие ее специализацию; ей разрешили, в порядке исключения, частную врачебную практику. Поселились они с мужем в Петербурге на углу Ивановской улицы в д. № 6 на первом этаже в кв. № 17 [9, л. 2 об.]. Но жизнь в Петербурге оказалась далеко не спокойной. За супругами Эрисман установили полицейское наблюдение. Было подозрение, что Надежда Прокофьевна связана с народовольцами. Предполагались и связи с политическими эмигрантами, с Герценом. За границей с А. И. Герценом Н. П. Суслова действительно встречалась. В Женеву к А. И. Герцену ее привезла сестра Аполлинария Прокофьевна, с которой Герцен уже был знаком. О встрече свидетельствует короткая, но характерная фраза из письма Герцена к Н. А. Герцен от 17 июня 1865 г.: что были у него «вице-нигилистка из Цюриха Суслова с сестрой – доктором медицины (эта девушка очень умная – жаль, что ты ее не увидишь)» [6, с. 80].

Сохранившиеся в ГАРФ полицейские отчеты доносят до нас представление о жизни супругов Эрисман в 1870-е годы. Например, о часах приема больных Н. П. Сусловой: «Больных принимает к себе жена Эрисман с 1-го часа дня по понедельникам, вторникам, четвергам и субботам. Определенное число 20 женщин, затем кончает прием» [9, л. 37]. Сообщается обо всех приходящих к Эрисманам и уходящих: «вышли две негилистки» (так в тексте. – Л. О. [9, л. 25, 31]), «проследили стриженных» (стриженных. – Л. О.) [9, л. 24]. Встречаем фамилии известных людей (врачей, издателей), с которыми общались супруги Эрисман. Некоторые отчеты достойны цитирования. Скажем, за 18 сентября 1872 г. (записи приведены к нормам современной грамматики с сохранением характерных ошибок):

«Наблюдающими за г. Эрисманом замечено, что к подъезду, где он квартирует, около 10-ти часов утра был привезен на ломовом извозчике воз книг, толщиною в корешке в три пальца, имеющих обложку сиреневую и зеленую, полагая приблизительно в 400 экземпляров, вследствие чего наблюдающие, желая удостовериться как в содержании книг, так и об лице, к которому книги были привезены, могли выработать только то, что книги эти привезены в контору редакции “Неделя” Г. Гадебурову (П. А. Гайдебурову. – Л. О.), но содержания их узнать не могли по той причине, что от подъезда воз был ввезен во внутренность двора и затем перенесены в квартиру редакции “Неделя” все книги при большом стечении дворовой прислуги, мешавшей наблюдающим утащить или узнать содержание их» [9, л. 32 об.–33].

Начальственная резолюция карандашом: «Через полицию сделано распоряжение узнать, какие это книги» [9, л. 32 об.]. Полицейские распоряжения по результатам наблюдений также достойны цитирования. 15 сентября 1872 г.: «Составить ведомость всем лицам, с которыми супруги Эрисман сообщались во время наблюдений. Причем представить справки по агентуре и о лицах, помимо уже известных» [9, л. 29 об.]¹ Ф. Ф. Эрисман часто выезжал в Швейцарию, где у него оставались родные, и эти отъезды еще более настораживали полицию.

Среди петербургских знакомых семьи Эрисман был врач Александр Ефимович Голубев, с которым Н. П. Сулова познакомилась еще в Граце (Австрия), где они одновременно стажировались в 1867 г. А. Е. Голубев происходил «из обер-офицерских детей», в 1857 г. закончил Казанский университет. 8 лет служил врачом в Сибири; переехав в Петербург в 1865 г., работал в военном госпитале. В 1867 г. проходил стажировку на медицинском факультете университета в Граце у известного физиолога и гистолога А. Роллета, у которого в это время работал И. М. Сеченов и стажировалась Надежда Прокофьевна. Встреча послужила началом их дружбы, потом переписке. Возвратившись из Граца с дипломом доктора медицины, А. Е. Голубев недолго работал в Казанском университете. Выйдя в 1871 г. в отставку в числе семи профессоров университета в знак протеста против увольнения профессора П. Ф. Лесгафта, перебрался в Петербург, стал экстраординарным профессором Медико-хирургической академии, преподавал на курсах акушеров при Медико-хирургической академии. В эти годы стало понятным, что Н. П. Сулова и А. Е. Голубев, пережившие много разочарований и горестей, имеют много общего в судьбах и характерах. В 1878 г. Н. П. Сулова приняла решение о разводе с Ф. Г. Эрисманом (документ о разводе получен в 1883 г.). А. Е. Голубев 15 апреля 1879 г. подал в отставку и переехал вместе с Надеждой Прокофьевной в Крым, в новый дом своего имения Кафель-Приморский. 25 января 1885 г. они поженились, вместе прожили вместе почти 40 лет.

Думается, еще в Петербурге Н. П. Сулова задумала и начала работу над новым произведением о 1860-х гг., а в Крыму подготовила текст к публикации. В июне 1900 г. в журнале «Вестник Европы» (издатель и ответственный редактор М. М. Стасюлевич) был напечатан ее новый рассказ (жанр обозначен под заглавием) «Из недавнего прошлого».

¹ За помощь в подготовке представленных документов выражаю благодарность Екатерине Викторовне Ульяновой (Перротте), прадед которой А. А. Перротте, будучи специалистом по виноделию, состоял управляющим крымским имением А. Е. Голубева Кафель-Приморский. Семейю Лыткиных-Перротте с А. Е. Голубевым и Н. П. Суловой-Голубевой связывали многолетняя дружба и взаимопомощь.

Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX вв. появилась мемуарно-биографическая проза участниц «женского движения». В большинстве своем это были публикации в журналах, что способствовало скорости издания и популяризации. Разумеется, Надежда Прокофьевна была знакома с этой литературой – как и со многими, уже далеко немолодыми, авторами публикаций. Естественно ожидать, что первая женщина-врач особенно взыскующе относилась к опубликованным воспоминаниям, «проверяя» в памяти пережитое, сопоставляя факты и их оценки, вынося «итоговое» представление об эпохе 1860–1870 гг. Думается, что именно желание высказать собственное мнение «о прошлом» руководило ею при написании рассказа для «Вестника Европы». Определенную информацию об истории публикации рассказа можно почерпнуть из писем Е. О. Лихачевой к Н. П. Сусловой, сохранившихся в фонде А. Е. Голубева.

16 января 1900 г. Е. О. Лихачева – Н. П. Сусловой:

«Дорогая моя, прошло уже более месяца с тех пор, как я послала тебе рукопись. Ты хотела вернуть мне ее с «оказией» <...> и я начинаю беспокоиться: дошла ли она до тебя? Пожалуйста, напиши мне два слова об этом.

Живу я так себе, устала, при всех ограничениях моей общественной деятельности. Надеюсь, что тебе живется сносно (хорошо, думаю, никому не живется).

От души обнимаю тебя и шлю поклон Александру Ефимовичу.

Твоя вечно, Е. Лихачева» [8, ед. хр. 26, л. 13].

24 февраля 1900 г. Е. О. Лихачева – Н. П. Сусловой:

«Дорогая моя, твоя рукопись отдана Стасюлевичу в руки. Он не сказал, когда она будет напечатана, но в редакции на это установлены свои законы, кот(орым) подвергается твой редактор» [8, ед. хр. 26, л. 16–16 об.].

Опираясь на эти письма, можем предположить (по письму от 16 января 1900 г.), что рукопись рассказа еще в конце 1899 г. Н. П. Суслова переслала в Петербург своей подруге Е. О. Лихачевой для передачи М. М. Стасюлевичу. Возможно, оговаривалось условие, что без согласования с автором редакция ничего менять в тексте и сокращать не будет. Познакомившись с рукописью, М. М. Стасюлевич согласился на публикацию, но мог высказать какие-то свои замечания (пожелания). Для авторской корректуры Е. О. Лихачева выслала рукопись в Кастель-Приморский в середине декабря 1899 г. А в письме от 24 февраля 1900 г. она сообщает, что рукопись Н. П. Сусловой (по-видимому, новый вариант текста) уже получена и передана «в руки» М. М. Стасюлевичу.

Возможно, что с редактором обговаривалось и название рассказа. В то время были востребованы исторические исследования, воспоминания свидетелей исторических событий, разножанровые тексты, объединенные темой «из прошлого». Например, исследование С. С. Татищева «Из прошлого русской дипломатии» (1890). Причем особый интерес «из прошлого» вызывали 1860-е годы. В мае 1896 г. «Вестник Европы» (преимущественное внимание в журнале уделялось истории и политике) печатает статью Н. Котляревского «Наше недавнее прошлое» посвященную эпохе 1860-х. Автор статьи признавал, что в 1860-е гг. «работа была разрушительная и созидательная», но «если на первый взгляд может показаться, что разрушенного сравнительно больше, чем созданного, то в этом надобно винить не принципиально разрушительные стремления этих людей, а опять-таки исключительные условия»: «Эти условия предрасполагали

преимущественно к быстрому разрушению и были очень неблагоприятны для созидания» [18, с. 18]. В 1899 г. журнал «Женское дело», как уже было сказано, предпринял публикацию воспоминаний Л. П. Шелгуновой «Из далекого прошлого». «Вестник Европы» в майском номере 1900 г. под «сходным» названием печатает воспоминания Н. Крылова «Очерки из далекого прошлого» [19, с. 135–188], объемные и насыщенные фактическим материалом о подготовке реформы 1861 г., настроениях народа и помещиков на этапе ожидания реформы. В связи с этим нельзя исключать «связующий» издательский ход. Выпустив в мае «Очерки из далекого прошлого» Н. Крылова и запланировав в июньской книге журнала напечатать сочинение Н. П. Сусловой, редакция предложила для него «связующее» название «Из *не*давнего прошлого», тем логично переводя историческую тему «эмансипация крестьян» к исторической теме «эмансипация женщин». Это лишь предположение, хотя в рассказе Н. П. Сусловой такой «связующий фрагмент» будто предусмотрен – когда об исторической связи крестьянской реформы с развитием «новых» идей говорит героиня рассказа Вера:

«В ту пору только что пало крепостное право; всеми чувствовалось радостное возбуждение от свершившегося, бодрость для будущего <...>. Время общего подъема духа, широких стремлений и добрых дел... <...>» [25, с. 627].

Объем «Из недавнего прошлого» Н. П. Сусловой и «география» развития действия (безымянное подмосковное селение, Париж, Швейцария, Сен-Готард, Борромейские острова, озеро Маджоре, Цюрих – и вновь Россия), а также графическое разделение текста римскими цифрами на фрагменты, скорее, соответствуют жанру повести. Начинается рассказ сценой у озера в Подмосковье (ч. I): сестры Елена и Вера, собираются уехать за границу учиться. У Елены – есть жених, Виктор; они счастливы. Юная Вера поддерживает старшую сестру и Виктора в желании учиться, «чтобы стать способными к хорошей трудовой жизни» [25, с. 624], хоть и предостерегает от «необузданности», стремлений «все знать, все видеть, во всем живом принимать участие...» [25, с. 624]. Елена и Виктор говорят мало; концептуально значимые вопросы проясняются в монологической речи Веры. В частности, о родителях: они, «выйдя из народа, из бедности», «вынесли суровую школу мучений всякого рода, которая смягчила их до чрезвычайной чуткости и отзывчивости к другим людям» [25, с. 624–625]. «Только труд дает содержание и смысл человеческой жизни», – убеждена Вера [25, с. 627]. В этих словах прямая перекличка со стихотворением Н. П. Сусловой «Труд» («Полюбите всем сердцем вы труд!»):

*«Крепнут силы и крепнет душа
В благородной, посильной работе;
С ней нам жизнь, как любовь, хороша,
Нет в ней места хандре и заботе...»* [23, с. 390].

На вопрос Виктора, как возникло желание стать врачом, Вера отвечает:

«Наше теперешнее настроение сложилось медленно и постепенно под влиянием многих <...> иногда неуловимых впечатлений. Первое влияние <...> оказала угрюмая обстановка нашего детства: бедность, лишения, теснота и суровость жизни; чрезвычайно добрая, но пассивная мать, энергичский, но угрюмый отец, свобода и простор бесконтрольного уличного воспитания с его случайными впечатлениями. <...> Потом нашу скороспелость довершила плохая, обыкновенная у нас школа <...>» [25, с. 626].

При этом Вера размышляет, что «тяжелые впечатления иногда действуют благоприятно»:

«Раздражая и огорчая, они вызывают иногда <...> потребность в лучших условиях <...> Сначала нас волновало недовольство, потом туманное стремление к лучшему, которое определилось впоследствии чтением и окончательно установилось общим настроением тогдашнего образованного общества. В ту пору только что пало крепостное право <...> Я стала искать себе занятия, которому мне бы хотелось посвятить собственную жизнь, и тогда две огромные по своему значению работы привлекли мое внимание и сочувствие – воспитание детей и уход за больными <...> Я решила, что уход за больными проще, легче, доступнее, чем воспитание души. <...> Сделав такой выбор, я, конечно, пожелала научиться этому делу как возможно больше и как можно лучше, и мысль, что такое занятие в своем полном размере обыкновенно не представляется женщинам, не могла уже остановить меня» [25, с. 627].

Похоже, автор передает свои мысли героине рассказа.

После отъезда Елены и Виктора (Ч. II) Вера сблизилась с семьей Станевских, студентом Александром и сестрой его Анной. Семья Станевских стала «центром лучшей молодежи тогдашнего образованного общества» [25, с. 629], состоявшего из людей, «для которых ранние потрясения, боль и тяжкие утраты бесповоротно нарушили мирное течение их развития и преждевременно толкало их на общественное дело», и самое «жесткое противодействие не могло усмирить эти души, жаждавшие какого-то подвига» [25, с. 630]. Это была «сияющая самоотверженностью молодежь», с «фантастичностью замыслов» [25, с. 631]. А Вера смотрела на присутствующих «с тоской» и мыслью, «как спасти, <...> остановить их движение к гибели» [25, с. 631].

Вопреки ожиданиям, отец Веры благословил ее план учиться за границей: «Я верю тебе, я уважаю тебя, я люблю тебя и потому хочу твоего счастья и буду способствовать всеми доступными мне средствами исполнению твоих планов... Я не сочувствую твоему пути, но я знаю, что ты не пойдешь по дурной дороге...» [25, с. 633]. Здесь отметим, что отец Н. П. Сусловой, П. Г. Сулов, хоть и родился крепостным, был грамотным человеком и, благодаря трудолюбию и честности, стал управляющим в имении графа Шереметева. Очень заботился об обучении своих детей Василия, Аполлинии и Надежды. Логично привести здесь отрывок из его письма, посланного 21 августа 1874 г. дочери Надежде и ее мужу за границу после недавней смерти (в 1873 г.) брата Н. П. Сусловой Василия. В письме П. Г. Сулова – выстраданные строки о своей родительской тоске по незабвенному сыну. И далее:

«Для нас очень утешительно, что вы оба здоровы <...>. Отдыхайте, отдыхайте, друзья, для новых подвигов на пользу страждущих. Счастлив тот, кто может помогать своему ближнему. Жизнь людей как будто нарочно устроена так, что один другому нужен и без помощи, взаимно одним другому делаемой, невозможно существование человеческого общества.

Что касается до нас самих, то мы, благодаря Бога, живем пока втроем по-прежнему <...>» [29, с. 69].

Представляется, что Н. П. Сулова включает разговор с отцом в текст рассказа в знак памяти о своих родителях, так много сделавших для дочерей. Далее еще заметнее будет влияние родительского воспитания на взгляды и убеждения Н. П. Сусловой. И это тоже элемент автобиографизма в тексте, хоть и вуалированный. Прямых ассоциаций со своей

героиней Суслова избегала. Кроме обучения медицине за границей, Веру с автором ничего «не связывает». Это способствует свободе в развитии сюжета и, главное, свободе автора «передать» героине собственные мысли об увиденном, услышанном, пережитом. И, отметим, никакой биографической, даже ассоциативной, связи между сестрой Веры Еленой и сестрой Надежды Сусловой Аполлинарией нет.

Итак, через два месяца Вера приезжает к сестре в Париж (ч. III) и узнает, что сестра в браке оказалась несчастной. Обе девушки не могли и подумать, что «обман, измена и тому подобное могут проникнуть в их личную жизнь» [25, с. 637]. Вера отчаянно смотрит на Париж, «великий город», с надеждой найти «добрые влияния», которые подняли бы силы», «спасли бы от блужданий, безумия и отчаяния» – и не находит: «Неужели все привлекательно только издали, <...> и только при опьянении юношеской любовью к жизни, а вблизи поражает грубостью форм, пошлостью содержания?..» [25, с. 637–638]. Ей пришлось познакомиться и с обществом Виктора (ч. IV), состоящим из циничных сплетников «с сочиненными чувствами» [25, с. 641], «охотно спускающихся», «в качестве участливых сердцеведов», «в глубину сердца людей»: «После милостивого суда, когда ими была окончательно перетрепана и вывернута наизнанку предполагаемая внутренняя жизнь и достаточно опозорена, разговор перешел от частных на обобщения» [25, с. 639] с выводами, что «сердце может быть не удовлетворено своей первой любовью, <...> а последующие привязанности могут быть прочнее» [25, с. 640]. Вера видела во всем этом «адскую смесь легкомыслия, жестокости и пустоты», «суетную толкотню и праздный разговор на высокие темы при холоде и черствости сердца» [25, с. 641]. Так Суслова выступает против циничного отношения к браку, любви, против разврата, замаскированного под «идейные» позиции.

И действительно, «красивая, ничем не занятая, скучающая» Мария Ивановна, жена химика Владимира Алексеевича Шилова, «тихого», «ничем не выдающегося и совершенно заучившегося» [25, с. 639], часто бывала у Виктора (ч. V). Вера убеждается, что «прежние слова» Виктора «о драгоценности дружбы и сотрудничества» в семейной жизни «говорены <...> с чужого голоса», «а ныне забыты перед повелительным голосом собственных внутренностей»: «Мы сами виноваты, <...> что не поняли элементарности Виктора. Мы приняли младенческий лепет вечного подростка за убежденные слова установившегося человека и отдали в его руки судьбу Елены, а он <...> теперь порхает от одного настроения к другому <...> по легкомыслию и неустойчивости» [25, с. 645].

Чтобы как-то отвлечь Елену от угнетающих чувств, Вера увозит сестру в путешествие по самым красивым местам Европы (ч. VI). Поселившись на несколько недель близ озера Маджоре, рассчитывает на «примиряющее влияние природы». Но «состояние души Елены не прояснилось»; «из семейного разлада она вынесла одно отвращение к жизни, <...> ничего не желала от будущего» [25, с. 646]. Уговорив Веру вернуться учебе и обещая спокойно пожить на красивом озере еще несколько дней, а потом возвратиться к мужу (ч. VII), Елена покончила жизнь самоубийством. То, с каким психологическим проникновением переданы долгие мучительные мысли Елены перед последним решением, говорит о стремлении Н. П. Сусловой оставить в памяти читателя картину трагических последствий так называемой «свободы» отношений.

После смерти сестры Вера, продолжив обучение медицине, вела затворнический образ жизни (ч. VIII). И вновь испытывала разочарование: «Симпатичное дело – посильной помощи страждущему – выродилось в уродливость: облегчение больного – не единственная цель оказывающих помощь, а повод для состязательной борьбы самолюбий и тщеславия» [25, с. 653]. Пережила Вера и короткое увлечение Николаем Павловичем,

русским врачом, приехавшим за границу «на несколько месяцев для научных занятий» (Ч. IX). Вновь встречаемся с детальным психологическим анализом чувств Веры: от «просветленности» любовью – до горького открытия, что за внешним обаянием «спрятан» другой тип личности. Николай Павлович «пространно и красиво высказывался» [25, с. 657], «тепло говорил о России, о своем стремлении к общественной деятельности» [25, с. 658], но, как выясняется, «его холодное сердце было недоступно для теплых привязанностей» [25, с. 660], зато был «технический навык к предательству» [25, с. 663]. «О, неужели я его любила? – поражена Вера. – Любить можно только что-либо прекрасное, высокое. Но как любить человека лживого, порочного, человека без сердца? Как можно любить бездушие, безобразие?» [25, с. 664].

После восьми лет пребывания за границей Вера уезжает в Россию, предварительно посетив могилу сестры (ч. X). Все тусклее было ее впечатление от европейских городов, где «один мрак, человеческое недружелюбие, война каждого с каждым и со всеми вместе, механические связи» [25, с. 668]. Ее радует скорая встреча с Родиной, но пугает предчувствие, что «при первых же ее шагах ее сомнет могущественное течение установившейся жизни и раздвоит ее беспомощную душу, где, как в маленькой лампадке, теплятся добрые чувства. Но нет ни сил, ни желания бороться» [25, с. 668]. Случайно встретила в купе Александра Станевского; узнала, что от «радикальных» он отошел, поняв, что делать нужно то, что возможно в сложившейся обстановке. Он не изменил своим стремлениям, хотя стал чиновником и идет «совершенно не той дорогой, которую предполагал идти в юности» [25, с. 669]: «Я учитель, я доктор, я литератор <...> я ищу участия во всяком, по-моему, хорошем общественном деле, <...> я бросаюсь во все миры, хватаюсь за многие дела, лишь бы они казались мне добрыми и касались многих» [25, с. 670]. Узнала Вера и о судьбе Анны, сестры Станевича: «...приспособилась к новым течениям, теперь с весом и влиянием, в замужестве» [25, с. 671]. На вопрос о Наталье Алексеевне Ливневой, подруге Анны, которая «во все вносила сердечность» и которая поэтому нравилась Вере, Александр ответил коротко, с горечью: «А Наталья Алексеевна погибла... Знаете, в процессе... Теперь – Бог знает, где она...» [25, с. 671].

Мы подошли к итоговой мысли рассказа. «Что же осталось реального, – думала Вера, приближаясь к Москве, – от всего нашего милого прошлого, от всех наполовину погубленных, наполовину искалеченных друзей незабвенной юности? Лучшие, прямолинейные, великодушные – погибли без следа, худшие – из самосохранения переделались во что-то убогое, уродливое. Все *тогдашнее* разбито, разбросано, почти стерто с лица земли» [25, с. 672]. «Нет, не воевать, не бороться, – приходит к выводу она, – а всем сердцем сострадать всем страждущим хочу я в этой общей свалке и быть им полезной... Кому же стараться быть полезной? Кому служить в жизни? Тем ли, кого я понимаю и кому сочувствую, или всем, кому помочь сподобит случай? Да, всем, кому можно, не разбирая правых и виноватых. Мое ли это дело – судить других людей? Мне ли, слабой, еле держашейся на ногах, – порицать, осуждать? Нет, служить нужно всем, кто страдает, потому что нет для меня отныне ни правых, ни виноватых, а есть только более или менее несчастные» [25, с. 672]. На родине, на холме, где 8 лет назад она сидела с сестрой и мечтала, Вера все это произносит как решение на всю оставшуюся жизнь.

«Туда! Туда! – вскричала Вера, опять, как восемь лет назад, вскакивая с места и тем же порывистым жестом простирая вдаль руки. – Придется оставить навсегда высокомерные помыслы – спасать людей и ломать строй окружающей жизни. Теперь я буду считать себя счастливой, если сумею хоть кому бы то ни было помочь в трудном положении, облегчить какое бы то ни было

горе, одним словом, совершить не подвиг, а простое проявление любви и милосердия и оживить мое сердце настолько, чтобы оно могло всех любить и все простить: в этой простой формуле собрались результаты всей моей духовной жизни – вся премудрость многолетней работы головы. Все живое чувство сердца...» [25, с. 673].

Это заключительные слова в рассказе. Внизу имя автора – Надежда Сулова.

Если искать в рассказе автобиографические параллели, то они, как мы уже отметили, угадываются в главных жизненных ситуациях Н. П. Суловой: Вера, как и Н. П. Сулова, выросла в небогатой трудовой семье со строгими христианскими нравами; уехала учиться медицине за границу, где прожила несколько лет. Упомянутые по ходу действия географические объекты, конечно, тоже знакомы Суловой; воспроизведенные впечатления от увиденных европейских городов (в частности, Парижа) – собственно авторские. Имена героев вымышлены, иные созданы по прототипу, что, по замыслу Н. П. Суловой, не должно угадываться. По сути дела, у Веры (у Н. П. Суловой), происходит не переоценка ценностей (в этом она тверда), а переоценка идеологических концепций изменения общества и тактики сопротивления злу. Такая постановка темы соответствовала либеральной стратегии «Вестника Европы». Нам понадобился столь подробный анализ рассказа «Из недавнего прошлого», чтобы провести логические связи с последним произведением Н. П. Суловой, которое она также готовила для «Вестника Европы». В новом литературном произведении Н. П. Суловой предлагает дальнейший рассказ об исканиях, сомнениях, принципах и решениях Веры из «Недавнего прошлого». В рукописи Н. П. Суловой «Мечты и действительность» Вера – уже практикующий врач; жизнь воспринимает глазами взрослого и немало повидавшего человека.

Кроме того, «Из недавнего прошлого» и «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» сходны по «финальной» кульминации текста: это монолог главной героини в форме высокой риторики (по сути, «призыв» к читающим), программа дальнейшей жизни. Характерно, что собственный «вердикт», «заключение» по «пересмотру прошлого» обе героини произносят не перед слушателями, а в одиночестве и – на родном природном ландшафте: на холме у родного селения в «Недавнем прошлом» и на берегу Черного моря, где Вера поселилась с мужем в «Мечтах и действительности». Наблюдаем и структурное сходство произведений. Текст делится на нумерованные фрагменты, подобно разделению сцен (действий) в драматургии, и, в соответствии с драматургическими законами, каждое действие предполагает появление новых персонажей, усложнение интриги или смену места действия. В результате в обоих текстах Н. П. Суловой ощутима подчеркнутая («выпуклая») структурность, достигаемая прерывистостью (дискретностью) сюжета и «подбором» идейно «нагруженных» сцен. Думается, что избираемая Н. П. Суловой форма «финальной» кульминации также вырастает из структурной логики драматургии.

Представляя сегодня алуштинскую рукопись Н. П. Суловой, считаем необходимым коротко рассказать о жизни супругов Голубевых в Крыму. А. Е. Голубев родился в небогатой семье унтер-офицера, причем тяжелобольного. Потому особо подчеркнем, что средства на покупку большого участка в Крыму «происходили» из доходов от золотых приисков в Сибири, оставленных А. Е. Голубеву в наследство его сводным братом А. А. Семеняевым в 1864 г. [30, с. 438; 28, с. 192–193]. Выйдя в отставку, А. Е. Голубев поселился с Надеждой Прокофьевной в Кастеле-Приморском. Занимался садоводством, виноградарством, виноделием; за вино «Кастель-Приморский» на Петербургской выставке в октябре 1910 г. Российским Обществом плодоводства А. Е. Голубеву была

присуждена малая серебряная медаль. Труд «на земле» А. Е. Голубев считал нравственным долгом. Но при этом не оставлял научных исследований по гистологии; выступил с докладом на проходившем 28 декабря – 4 января 1910 г. VII Съезде русских естествоиспытателей в Москве [30, с. 439]. Профессор-гистолог, кстати говоря, и стихи писал, и опубликовал в Одессе небольшой сборник под псевдонимом «Сибиряк» [7]. Надежда Прокофьевна тоже работала в саду, в цветнике у дома и гордилась выращенными растениями. Кроме того, открыла амбулаторию, где бесплатно принимала больных. Уроженец этих мест Сундукчи Умер Ашир, который с 13 лет работал в имении Голубевых на обрезке и подвязке винограда, вспоминал, как Надежда Прокофьевна, «маленькая, сгорбленная, хлопотливая старушка», лечила бесплатно женщин, ежедневно 8–10 человек: «Я был мальчиком, мне говорили: “Очень много помощь дает, принимает только бедных”» [37, с. 52]. Н. П. Сусллова открыла бесплатную школу для девочек, помогала Алуштинской и Ялтинской гимназиям, широко занималась благотворительностью. Жизнь своей она совершенно подтвердила высказанное в ее стихотворении «Труд» убеждение: «Жалок праздный, изнеженный люд, / Жизнь влачащий, как скучное бремя» [23, с. 390].

В 1913 г. А. Е. Голубев заболел глаукомой, в 1917 г. ослеп. Но, готовясь к такому исходу, успел освоить пишущую машинку и пользовался ею до конца дней, продолжая научную работу. После кончины жены от сердечного приступа в апреле 1918 г. он оставался жить в нескольких отапливаемых комнатах своего дома, пользовался помощью сиделки, ему выделялся академический паек. В остальных помещениях были поселены местные жители, здесь и сейчас живет 9 семей. Дом сохранил первоначальные внешние формы, внутри произведена некоторая перепланировка. Н. П. Сусллова и А. Е. Голубев похоронены на небольшом кладбище, на холме у берега моря в их бывшем имении.

Как уже сказано, рукопись очерка «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» не датирована. В письмах Н. П. Сусловой начала 1900-х гг. упоминаний о литературной работе не встречаем. Но, кроме рабочих вариантов рукописи, хранящихся в фонде А. Е. Голубева, существовал «чистой» список, который был отправлен для публикации, что подтверждается двумя письмами, адресованными Н. П. Сусловой. Так, письмо от редактора «Вестника Европы» К. К. Арсеньева от 28 ноября 1908 г. извещало о том, что «рукопись передана в новую редакцию журнала, помещающуюся на Знаменской улице д. 34, куда и следует обращаться впредь» [8, ед. хр. 75, л. 12 об.].

Здесь необходимы пояснения. С 1866 г. до 1908 г. редактором и издателем Вестника Европы был М. М. Стасюлевич (1826–1911), и, как помним, именно ему «в руки» в 1900 г. Е. О. Лихачева передала рукопись Н. П. Сусловой «Из недавнего прошлого», опубликованную М. М. Стасюлевичем в июне того же года. Тогда редакция журнала находилась в доме, где более полувека жил (и оставался жить) М. М. Стасюлевич: Галерная улица, д. 20, кв. 80. Судя по всему, Н. П. Сусллова новую свою рукопись «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» отправила по этому адресу осенью 1908 г. Она еще не знала, что М. М. Стасюлевич решил передать редакторство «Вестника Европы» К. К. Арсеньеву, и в конце 1908 г. редакция журнала разместилась по новому петербургскому адресу – на ул. Знаменской, д. 34.

4 января 1909 г. Н. П. Сусловой получено новое письмо из «Вестника Европы»:

*«Милостивая Государыня. Редакция, к сожалению, не может воспользоваться присланной Вами рукописью. С искренним почтением,
Н. Котляревский»* [8, ед. хр. 75, л. 10–10 об.].

Как видим, ответ новой редакции формальный, причины отказа не объясняются. С одним словом в письме Н. Котляревского можно согласиться: «к сожалению».

Н. А. Котляревский (1863–1925) принадлежал к новой формации публицистов, исследователей литературы; в 1900-е гг. он уже автор публикаций ряда публикаций на различные исторические и литературные темы, широко известный в литературных кругах и впоследствии ставший первым директором Пушкинского Дома. Его мнению доверяли в «Вестнике Европы». В 1900-е годы журнал ориентировался на новые запросы читателей начала XX в. Эта мысль ясно звучит опубликованном в ноябрьском номере журнала 1908 г. обращении нового редактора К. К. Арсеньева «От новой редакции журнала “Вестник Европы”». Объявляется, что «ближайшее участие в трудах редакции будут принимать М. М. Ковалевский, Н. А. Котляревский, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. С. Посников и Л. З. Слонимский» [1, с. 3].

Думается, в понимании Н. А. Котляревского, текст Н. П. Сусловой, кроме того, что был архаично длинен, с «тяжелой» стилистикой, не соответствующей новым тенденциям в литературе и журналистике, не содержал конкретной исторической информации и сводился к идеям толстовства, против которых открыто выступил Н. А. Котляревский в 1898 г. [17]. Неискушенность Сусловой в вопросах литературы и журналистики «нового времени» очевидна. Но столь очевидно из ее рукописи желание донести до читателей свое неприятие политического радикализма, тревожащие ее душу предчувствия опасного развития событий в стране. Приверженность учению Л. Н. Толстого выростала из сложившихся убеждений о службе страждущим, из исконного и незыблемого долга врача помогать всем нуждающимся независимо от симпатий и обстоятельств. Ясное и по-своему аргументированное заявление об этом в художественной форме уже делает рукописный текст Н. П. Сусловой *литературным фактом*. Как, впрочем, и ответ Котляревского из «Вестника Европы» с подчеркнутым использованием уже уходящей из этикета формы обращения «Милостивая государыня» – без имени и отчества.

Действие в рукописи Н. П. Сусловой «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь» относится к концу 1870-х гг., когда уже не удивляло стремление женщин к образованию и труду. Очерк открывается картиной, где на исходе «петербургского дня» в «просторной, с суровой простотой обставленной комнате», «расположившись за большим столом, заваленным книгами, оживленно разговаривали три молодые девушки». Юлия, блондинка «с миловидным лицом», воспитательница и учительница в состоятельных семьях, со слезами рассказывает о своей работе, к которой стремилась, но к которой теперь чувствует неспособность, «неосведомленность», «неясность руководства», тем более когда в семье ребенок получает совсем другие нравственные ориентиры, учится «дурному живыми примерами из окружающей действительности»: «Только при полной душевной окаменелости можно работать при безнадежных условиях, потому что для всякого осмысленного труда необходима уверенность в правильной постановке своего дела и своей способности его выполнить» [8, с. 3, 5]. Ей в ответ черноглазая переводчица Анна «вскрикнула, как от боли»:

«А мои неудачи и огорчения иного происхождения! Я понимаю тяжесть дела, которым не удается овладеть вполне, вследствие чего оно не ладится и валится из рук, но я лично страдала не от трудностей занятия, а от отсутствия серьезного дела <...> Тоска от бессодержательности и холода ничем не занятой жизни заставила меня усиленно искать полезного труда. Я всем моим существом желаю служить людям, делая только полезное и доброе, но часто недоумеваю, где добро и в чем зло» [8, с. 15].

Анна рассказывает о детстве, юности, как готовилась к труду, мечтала «пристроиться к книгоиздательскому делу». Теперь же, выполняя редакторские заказы, понимает, что «переводы и компиляции» не соответствуют ее «потребности деятельно участвовать в окружающей жизни», «в тяжкие минуты раздумья кажутся <...> никому не нужным *переписыванием* не всегда хороших книг», а «предполагаемая полезная деятельность от разноречий и несогласий вырождается в себялюбивое и корыстное ремесло...» [8, с. 22].

В разговор вступает третья из подруг, Вера, «с длинной русой косой», задумчивая и «очень бледная». Девушке, как понятно станет из дальнейшего, отведено место главной героини в повествовании, потому описание ее внешности подробнее: «Серьезное, даже сумрачное лицо ее, казалось, никогда не прояснялось радостными улыбками на все живое доверчиво и ласково отзывающейся молодости, и вся ее проникнутая фигура и печальные глаза выдавали глубокое душевное недомогание» [8, с. 22]. Обращаясь к подругам, Вера буквально «взмолила»:

«Не гасите Вашей душевной энергии праздными рассуждениями о недостатках Вашего дела! Что может быть выше работы, избранной по склонности и подкрепленной опытностью. Душевное расположение к взятому на себя делу и добросовестное исполнение его возвышает всякое занятие и дает прочное основание для удовлетворенности и счастья» [8, с. 23].

Вера признается, что и ее работа врача «имеет свои темные стороны»:

«Когда я готовилась стать врачом, <...> казалось тогда, что на врачебном поприще легче сделаться нужной и полезной окружающим людям, <...> в действительности все вышло не так. <...> Около меня стали толпиться не беспомощные несчастливцы, которых я ждала и участием к судьбе которых желала осмыслить мою жизнь, а праздные и скучающие люди, приведенные ко мне любопытством и поисками развлечения и потехи. Передо мной стали мелькать суетные, ничем не занятые женщины, от скуки и праздности считавшие себя больными и этим создавшие себе повод для посещения многочисленных врачей, и потом в немудрой критике полученных советов и в пересказах замеченных у каждого врача приемов обращения с больными, находившие себе убогое развлечение. При дальнейшем ознакомлении с существующей постановкой врачебного дела, я убедилась, что лечение <...> не подвижничество и священнодействие, каким оно казалось издали, а простое врачебное ремесло, сопровождаемое дурными спутниками всякого ремесленно производимого дела, – взаимным соперничеством и недоброжелательностью в среде врачей и недоверчиво оборонительным отношением к врачам многих нуждающихся во врачебной помощи» [8, с. 24].

Большая цитата передает представление о беседе девушек: не короткие диалогические «части целого», свойственные разговорной ситуации, а пространные монологи из продуманных сложных предложений, «отяжеленных» причастными оборотами, придаточными предложениями. Почти сразу складывается представление, что концептуальные задачи автор предполагает решать не в сюжетных «переплетениях», а в сопоставлении мнений-монологов, которые в этом случае должны быть максимально информативны, ясны и структурно организованы.

Так, Вера долго говорит о врачебной практике, об условиях работы – и подводит к оценке пропагандистов радикальных политических действий:

«Считая себя призванными упорядочить мирскую жизнь (в текст позднее внесены слова: «без ясного представления об этом». – Л. О.), без всяких полномочий, даже без спроса и совета кого-либо, они, не имея ни терпения, ни умения изучить положение дел и найти правильный и для всех наименее тяжелый выход, считали нужным яростно нападать на охранителей существующего с одними негодными средствами и, таким образом, вся их преобразовательная работа выражалась до сих пор не в примерной жизни, не в подвигах великого труда на общую пользу, а в голословном проповедовании высоких, но неопределенных задач, в вызывающей толкотне на улицах, в демонстративных процессиях, в нападениях из-за угла и в жестокой жизни, вызывающей ужас и отвращение своими насилиями. Нужно полное нравственное безумие, чтобы совмещать желание свободы и общечеловеческого братства с измышлениями и практикой злодеяний, и для достижения общечеловеческого счастья причинять огромную массу зла! <...> Все, что до сих пор предпринималось для улучшения общественной жизни, исходя не от сострадательной любви к людям, а от холодного умствования, от злобы на основателей и охранителей существующего, от щегольства радикализмом и популярностью, оказывалось, по существу, или ребяческим озорством, или голым злодейством, и на таких дурных побуждениях основанная деятельность вносила в жизнь одно разорение, несчастье и смуту... Вместо братской охраны каждой человеческой жизни, вместо доброжелательного внимания и деятельной помощи всем ослабевшим, заблуждающимся и нуждающимся, <...> они восторженно приветствуют все общественные бедствия, утверждая, что чем хуже, тем лучше, потому что ухудшение жизни ведет ко всеобщему возмущению и, следовательно, к разгрому и перевороту... Вся их преобразовательная работа выражалась до сих пор не в примерной жизни, не в подвигах великого труда на общую пользу, а в голословном проповедовании высоких, но неопределенных задач, в вызывающей толкотне на улицах, в демонстративных процессиях» [8, с. 25].

Слушая Веру, девушки задают вопрос: «Так что же делать?». Вопрос «что делать?» звучит в тексте многократно, становясь главным для героев и читателей. Вера убежденно отвечает:

«Нужно, прежде всего, отрешиться от недостижимо высокой для нас задачи – переустроить мир, о чем мы не имеем никакого определенного представления <...> Справедливое переустройство мирской жизни должно совершиться естественным развитием самосовершенствования людей без всяких мучений и насилий. Только после долгого и упорного труда над своим духовным самовоспитанием и нравственным совершенствованием можно возвыситься до способности хорошо служить людям при непременно условии – помогать в нужде и несчастьи всем, без всяких различий и исключений; всех, насколько хватит сил, оберегать от зла и горя, никого не осуждать, никому и ни при каких условиях не причинять зла...» [8, с. 26].

При этом надо много трудиться: «Жизнь не наслаждение, а тяжелый труд, всегда неоконченный, всегда более или менее неудачный. Вложите же в этот труд все, что у Вас

есть дорогого на сердце, расходуите на него все Ваши телесные и духовные силы» [8, с. 28].

В споре девушек о будущем Вера «с тревогой и печалью» выступает против так называемого «общего воспитания детей»:

«...Я пока не представляю себе, чтобы оно было хорошо. Какое дело может быть значительнее, заманчивее и, наконец, обязательнее воспитания собственных детей! И возможно ли от него уклоняться в интересах какого бы то ни было ремесла... Женищина, у которой есть семья, уже пережила периоды тревожных исканий целей жизни, семья образовала вокруг нее очарованный круг, внутри которого должны уложиться все дела, все горести и радости ее жизни! Те женищины, которым тесно в таком очаровательном кругу, не должны в него заключаться, основавшись в нем; стремиться за его пределы – значит нарушать свои уже взятые на себя священные обязанности... Не говоря уже о всех пороках подобного заводского выращивания детей, от него отталкивает уже одно то, что при нем выпадает самый могущественный агент для развития сердца ребенка, безусловно необходимый для предохранения людей от полного одичания – влияние материнской любви» [8, с. 29].

По большому счету, читателю уже ясны убеждения автора, высказанные в первой главе рукописи, ясна и первая часть названия рукописи – «Мечты и действительность». Но что кроется под вторым названием – «Мертвая жизнь»? Этому посвящены остальные семь частей текста. Во второй части действие перенесено в квартиру доктора Петлицкого, где собирается студенческая молодежь и куда пришла Вера в тот день, когда «собравшееся общество», возбужденное «начавшимися в то время во многих высших учебных заведениях студенческими волнениями», обсуждало план «освистать» старого профессора за якобы «слышанное» от него «одобрение грубых полицейских мероприятий». Не поддерживал затею лишь сидевший одиноко молодой человек лет тридцати с «измученным и печальным лицом». Это был Владимир Петрович Степнин, «бывший доцент университета, недавно вышедший в отставку, чтобы переселиться в какую-то глухую провинцию» [8, с. 64]. Вера подошла к Степнину; они быстро сошлись во мнениях о происходящем, долго еще говорили. В образе Владимира Петровича угадываются некоторые биографические черты А. Е. Голубева, вышедшего в отставку в 1879 г. и готовившегося уехать в Кабель-Приморский. Только доценту Голубеву в 1879 г. было 43 года, а Надежде Сусловой исполнилось 36 лет.

В третьей части рукописи показаны новые встречи Веры на «многолюдных собраниях» молодежи. Подтвердились ее ощущения «деланности общественного настроения», отчего «слабые признаки жизни бесследно тонули в пучине мертвенного, деланного, вполне искусственного общественного настроения» (выделено мною. – Л. О.)» [8, с. 75]. Очередные собрания у Петлицких (Ч. IV) лишь подтверждают ее ощущения, «в отчаяние» приводят «безрассудные речи, представляющие противоречивую смесь стремлений к всеобщему братству и равенству, высокого догмата о непротравлении насилем – с оправданием жесточайших насилий над убеждениями, поступками и жизнями людей, с агитацией в пользу учебных и деловых забастовок и нападений из-за угла» [8, с. 71]. В тот день они говорили с Владимиром Петровичем «обо всем на свете, оба в каком-то экстазе, в припадке душевного голода по сочувствию и согласию»: «Они с увлечением открывали друг другу свои истомленные сомнениями и тревогами души и жили общими чувствами часа три в согласии и любви» [8, с. 78].

На другой день (Ч. V) Вера, «взволнованная вчерашними событиями, не могла взяться ни за какое дело»: «...Мысли были заняты Владимиром Петровичем. Она чувствовала, как он ей мил и дорог, но сознание скороспелости, а следовательно, возможной непрочности этой привязанности сильно смущало ее» [8, с. 103]. Откровением видится цитата:

«Ее уже давно тяготило одиночество, и она давно сознавала, что ей для ее благополучия необходима твердая опора, дружеская рука, теплоту и поддержку которой она бы постоянно чувствовала, нежные слова сочувствия и ободряющий взгляд правдивого друга. Она давно болезненно чувствовала отсутствие этих необходимых для нее условий жизни, и ей уже несколько раз мерещился между встречаемыми людьми много желанный образ ожидаемого друга... Она уже несколько раз ошибалась, как может ошибаться и теперь... (На полях рукописи авторское дополнение к тексту: «После нескольких часов внутренней борьбы она решила непременно выяснить размеры их взаимной привязанности, прежде чем связывать вместе их жизни». – Л. О.) [8, с.103].

«Мы оба знаем, как велики и часты несчастья личной жизни в окружающем нас обществе, – говорит Вера пришедшему вечером Степнину, – почти все известные нам браки после большей или меньшей продолжительности взаимного мучительства заканчивались тяжелым разрывом, и такое злополучие зависит в большинстве случаев от легкомысленного заключения браков, при вымученных обманом, кокетством и притворством чувствах друг к другу. Потребность личного счастья так велика и так плохо регулируется разумом, что люди при помощи самообмана заключают самые невероятные союзы. Как же можно допустить, чтобы мы, видевшие множество горя от неустройства личной жизни, от этого же бедствия пострадали сами: не зная, а вообразив сущность друг друга, представили бы себе, что любим друг друга и сошлись бы на общую жизнь, а потом страдали бы от так называемого “несходства характеров”, изводили бы себя вечными мучениями приспособления друг к другу» [8, с. 108].

Вот ответ Владимира Петровича и его понимание «свободы» личности в брачных отношениях:

«...Я чувствую, что не нервами и кровью, а сердцем люблю Вас, какая Вы есть, со всеми Вашими достоинствами и недостатками! Даже те Ваши особенности, которые мне кажутся слабостями, не отталкивают меня, не возбуждают во мне желания им противодействовать, переделывать и ломать их, т. е. мучить Вас! Я только соболезнаю, жалею Вас за эти слабости и желаю разделить с Вами их предполагаемые мною горькие последствия. Мне, нетвердому, часто ошибающемуся человеку, кажутся недостатками Ваши некоторые особенности, но у меня нет непоколебимой уверенности в этом. Как же я, любя Вас сердцем, могу решиться переделывать Ваши качества без твердой уверенности в их ошибочности и этим причинять Вам, может быть, совсем напрасное страдание! Жизнь укажет нам обоим наши заблуждения, и мы будем вместе переживать и переносить ее уроки. О нет, не переделывать Вас по желанному мною образцу хочу я, а делить Вашу жизнь, беречь Вас, жалеть, как трогательно выражает народ это чувство. Когда люди, сойдясь на всю жизнь, начинают переделывать друг друга для личного удобства и вести взаимную борьбу за свои права и преимущества, их жизнь превращается в грубое состязание эгоистов, отнимающих друг у друга свое добро – из предполагавшегося

сотрудничества любящих друзей, охраняющих друг друга от жестокостей жизни» [8, с. 109].

И добавляет: «...Счастье доставляет не внешний успех, не какое-либо хитроумное приобретение чего-либо замысловатого и труднодостижимого, а душевная удовлетворенность» [8, с. 109].

«...Не повторяйте, – воскликнул Владимир Петрович, – холодных измышлений бессердечных людей, утверждающих, что нельзя ручаться за продолжительность своих чувств. Нет, за свои чувства должно ручаться. Вся жизнь строится чувствами, и она была бы действительно непереносима при шаткости, неустойчивости своих основ, если бы все любимое могло превращаться в ненавистное, все дорогое – в ненужное, даже обременительное. Нет, нет! Изменчивы только физиологические ощущения и настроения, а не чувства, изменчива преисполненная эгоизмом половая страсть, изменчива вся путаница причуд и капризов людей, управляемых нервами, а не сердечные привязанности, заканчивающиеся только смертью. Разве можно утомиться любить свою мать, пересытиться дружбой братьев? Разве по отношению к этим крепким привязанностям возможна вся дьявольщина измен и предательства, которая разрушает личные связи в окружающем нас обществе? Как жаль, что, насмотревшись на дурную жизнь исковерканных людей, мы боимся друг друга и из-за этого страха и уродуем собственное существование» [8, с. 110].

Владимир Петрович посвящает Веру в свой план дальнейшей жизни: «Я скоро отсюда уеду в большую глушь, где предполагаю устроиться до конца моих дней. Хочу осесть на землю и в земледельческом труде искать, если не душевного удовлетворения, то, по крайней мере, успокоения от тоски по простой правдивой жизни, соответствующей моим силам и склонностям» [8, с. 112].

Как и думал Степнин, не было у Веры решимости уехать из Петербурга в сельскую глушь:

«Вы пока равнодушны к такому тихому обособленному существованию, Вас томит жажда широкого общения с людьми, общего движения к переустройству всего жизненного строя. Вы очарованы заблуждением, будто всеобщую жизнь можно по неведомому праву и неизвестным волшебным образом изменить сразу насильственными мерами. О, как спасти Вас от этого пагубного ослепления, как уяснить Вам, что мы не можем, не знаем и никогда не сможем узнать способы спасти человечество, а должны считать себя счастливыми, если усилиями целой жизни сумеем поставить на ноги трех-четырёх брошенных детей и не только, выучить их чтению и письму (какая польза в этой неодоухотворенной грамотности!), а направить их на добрый путь, пробудив и укрепив в них добрые чувства. О, зачем Вам нужно для Вашего самосовершенствования озлобленное общество обезумевших от ожесточения людей?» [8, с. 113].

Решили расстаться на какой-то срок, чтобы проверить свои чувства. Степнин уехал в Крым, Вера осталась в столице (Ч. VI). Ее «свободное от обязательных занятий время стало вновь заполняться случайными встречами, пустыми разговорами, состоящими из никому и ни для чего ненужных заявлений каждым своих радикальных мнений о разных разностях, поголовного осуждения всех и злобных попыток унижить и провалить все мнения и убеждения, не согласные со своими» [8, с. 117]. В жизни молодежи происходили изменения, связанные с жесткими политическими процессами и смертными

приговорами. За период 1879–1882 гг. было проведено 99 политических процессов с общим числом подсудимых в 470 человек; суды вынесли 67 смертных приговоров. «А те, кто шел на смерть, даже собственную казнь старались превращать в оружие (теперь уже последнее) революционной борьбы» [40, с. 185]. «А между тем, время шло, – читаем в рукописи, – подвергая всех переделке и перетасовке. Вышла замуж кудрявая жизнерадостная Юлия, исчезнув из вида всех ее знавших. Никому из ее прежних подруг не было известно, как ей живется в замкнутой семейной жизни. <...> Она вся ушла в исполнение какого-то взятого на себя долга и только потому цела, что несет свой крест, стараясь твердо держаться на ногах для невредимости своей ноши! Умерла, сгорев от бесконечных тревожений, хрупкая и задорная Анна, разошлись Петлицкие, и весь их кружок распался. *Период нравственной распущенности молодежи и ее младенческого лепета* (подчеркнуто карандашом. – Л. О.) по поводу мирового переустройства сменился периодом жестокой боевой анархии. Сильные экземпляры, зараженные этой болезнью, разносили повсюду гибель и несчастья, а слабые, не смогшие выйти из сферы понятий невменяемого младенчества, были бесследно сметены событиями. Только немногим из них, случайно уцелевшим, пришлось, когда затихла буря, приспособиться к первому попавшемуся незначительному делу, чтобы иметь возможность существовать. Нужно было влезть в первую попавшуюся упряжь за простой хлеб насущный и, таким образом, каждого уцелевшего от крушения засосало какое-нибудь гостеприимное болото, откуда было непристойно подавать свой голос при разговорах на прежние темы» [8, с. 130].

Событие, произошедшее с Верой спустя два года после отъезда Степнина, поместилось в краткой седьмой части: Вера получила от него короткое письмо. «Что с Вами? – писал он. – Я хочу знать лично от Вас, как Вам живется. По отношению к Вам я все тот же. Верьте и не забывайте о моей неизменной преданности» [8, с. 131].

«Сердце Веры радостно встрепенулось от этих задушевных слов и она, много раз прочитав и вновь перечитывая их, обливала письмо слезами благодарной и счастливой любви». «Ваше письмо пришло как нельзя более вовремя, – писала она в ответном письме. – Я сбилась с намеченного пути, изверилась и измучилась. Все, чем я жила до сих пор, пусто, бесцельно и безрассудно. Спасите меня, если можете, от полного отчаяния. Желая присоединиться к Вам и жить отныне Вашими делами и надеждами. Из всего, встреченного мною в жизни, Вы самое дорогое и любимое мною существо. Вся Ваша со всеми моими мыслями и чувствами. Вера» [8, с. 131].

В заключительной (VIII-ой) части видим Веру на Черноморском побережье:

«Через три месяца Вера поселилась на юге в большой глуши вместе с лучшим из известных ей людей. Мертвая тишина вокруг и смутный страх от окружающей безжизненности в сердце, но об руку с нею переживающий <...> одинаковые надежды, верный и правдивый друг... С жутким сознанием своей оторванности от всего прошлого и отчужденности от прежних интересов, они пошли, крепко взявшись за руки, на пустынный каменистый морской берег, и в тоске по даром растраченной и бесполезно прожитой жизни смотрели вдаль полными слез глазами» [8, с. 134–135].

И вот заключение:

«Вера чувствовала, как еще крепка ее душевная связь с живущими, и ее влекло окинуть прощальным взглядом длинные ряды начинающей свою скорбную боевую жизнь молодежи, по недоразумению и слепоте бодро идущую на никому не нужное заклание и в порыве глубочайшего сострадания вскрикнуть ей в ее горные высоты

из глубины своих низин: “Сестры мои и братья! Остановитесь! Оставьте заботы о переустройстве мировой жизни и о судьбе всего человечества! Такая задача недостижимо высока и Вам недоступна! Но отдайте все Ваше внимание, все Ваше знание и все сердце – на помощь друг другу – людям, с которыми встречаетесь и посредством которых бесплодно проходит Ваша доброжелательная, но без добрых дел холодная и мертвая жизнь. Всмотритесь в Ваших ближних, поймите Ваших незамечаемых и неузнаваемых братьев. Вы непременно почувствуете взаимное с ними родство, пожалейте и полюбите друг друга, а любовь укажет Вам дело, стоящее жизни, и сохранит Вас от вражды, злобы и всех их ядовитых последствий. В братском единении с окружающими людьми и только в этом – заключается вся отрада, все счастье и весь смысл жизни”. Н. Сулова» [8, с. 151].

Итак, современному читателю рукопись Н. П. Суловой доносит свидетельства об эпохе общественных сдвигов 1860-х – начала 1900-х гг., вошедшие в нашу историю не только как годы признания женской эмансипации, но и как трагичный период социально-политической борьбы с большими жертвами. Рукопись объясняет причины решения Н. П. Суловой перебраться в Крым, жить «рядом» с простыми людьми «в глуши», помогать им. Труд на земле, соединяемый с научной работой, врачебной практикой – это стало идеологией супругов Голубевых. Близость к народу была естественна для них по рождению; жизненные обстоятельства воспитали в них высокую трудоспособность в достижении поставленных целей, поддержку своим нравственным убеждениям они нашли в учении Л. Н. Толстого. Супруги Голубевы хорошо знали творчество писателя, поддерживали связь с семьей Л. Н. Толстого, что следует из писем А. Е. Голубева.

В архиве А. Е. Голубева сохранилось много документов, свидетельствующих, что о Н. П. Суловой, поселившейся «в глуши» в Крыму, помнили и в столице, и в провинции, почитали ее как о первую русскую женщину-врача. Помнили и о дате получения в Цюрихе докторского диплома и посылали поздравления. Надежда Прокофьевна могла чувствовать, что остается примером для многих. Приведем лишь некоторые послания.

Письмо от Общества Костромских врачей (16 ноября 1892 г.) к 25-летию защиты Н. П. Суловой диссертации:

«Милостивый Государь Александр Ефимович. Одновременно с сим высылаю посылкою на Ваше имя диплом для Глубокоуважаемой Надежды Прокофьевны на звание почетного члена Общества Костромских врачей.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, в юбилейный день Надежды Прокофьевны вручить ей посланный диплом.

Примите уверение в глубоком уважении и высоком почитании.

*Вице-председатель Общества Костромских врачей
М. Богомолец»* [8, ед. хр. 90, л. 5].

Упомянутый в письме диплом сохранился; представляет собой изящно обрамленный лист следующего содержания: «Общество Костромских врачей избрало в заседании 31 октября 1892 года Доктора Медицины Надежду Прокофьевну Сулову-Голубеву своим Почетным членом» [8, ед. хр. 90, л. 6].

Сохранилось телеграфное поздравление из Москвы:

«25 лет тому назад Вы первые открыли Русской Женщине Широкий Путь Женщины-Врача, вечное Спасибо и дай Вам Господь на многие годы здоровья и счастья. Григорьева, Павлова, Маркелова» [8, ед. хр. 90, л. 38].

Телеграмма из Петербурга от Ольги Александровны Штофф, детского врача и автора книги «Уход за ребенком в первый год его жизни: Практические советы матерям женщины-врача О. А. Штофф» (вышла двумя изданиями в 1887 и 1890 гг.):

«Поздравляю с двадцатипятилетием, сожалею, что не могу сделать этого лично. Получила письмо от Мурашовой, просит тоже поздравить. Штофф» [8, ед. хр. 90, л. 39].

Много поздравительных телеграмм и писем доставлено Надежде Прокофьевне в декабре 1907 г. в связи с сорокалетием получения докторского диплома: от Московского Комитета Всероссийского Союза Равноправия женщин [8, ед. хр. 90, л. 6], от Русского женского взаимно-благотворительного общества в Петербурге [8, ед. хр. 90, л. 4], из Москвы от Р. С. Знаменской, председательницы Общества для устройства и заведывания убежищем для престарелых или впавших в неизлечимое состояние лиц женского медицинского звания Российской Империи [8, ед. хр. 90, л. 7], от Первого Московского женского Клуба [8, ед. хр. 90, л. 10], от Аксаковского литературного общества в Москве [8, ед. хр. 90, л. 5, 6] и др.

Порой невозможно определить, кто автор того или иного послания; может быть, просто неравнодушные благодарные люди, как например, в этой телеграмме из Москвы:

«Мой горячий привет Вам, сильному борцу за высшее женское образование. Вашей борьбой Вы указали путь русской женщине. Студентка» [8, ед. хр. 90, л. 11 об.].

Особым чувством проникнуто поздравление с 50-летием докторского диплома, полученное в **декабре 1917 г.** от Педагогического совета Алуштинской гимназии:

«Глубокоуважаемая Надежда Прокофьевна! 3-го декабря 1867 года Вы, первая из гражданок, получили возможность силу научного знания претворить в подвиг жертвенного служения народу, Вы первая указали русской женщине тот тернистый, но славный путь, который привел русскую женщину-врача в первые ряды культурных работников человечества. В столице и деревне, в чертогах и хижинах, на холодном Севере и в теплой Тавриде Вы творили великое дело служения страждущему человечеству и примером своим зажигали в русской женщине священный огонь любви к знанию и народу.

Педагогический Совет Алуштинской Гимназии, недавно открывшейся в том месте, где Вы в течение столь продолжительного времени положили столько знания и труда, не может обойти молчанием пятидесятилетие Вашего просвещенного служения и, готовя новых культурных работников, приветствует Вас, первую русскую женщину-врача, живой пример грядущим поколениям. Председатель педагогического Совета А. Сынопалов» [8, ед. хр. 90, л. 2–2 об.].

В декабре 1917 г. получено и поздравление от Врачебного Совета Алуштинского района:

«Глубокоуважаемый товарищ, Надежда Прокофьевна! Врачебный Совет Алуштинского района в заседании своем 8 сего декабря постановил приветствовать Вас с полувекowym юбилеем Вашей деятельности врача.

Первая пионерка, Вы путеводной звездой служили следующим поколениям женщин-врачей, Вы проложили дорогу женщинам, указав своим примером, что

на этом тернистом пути, пути помощи страждущим, пути, где требуется и нежная ласка, и любовь к ближнему, женщина найдет свое призвание и займет подобающее место среди своих собратий врачей-мужчин.

Выдержав упорную борьбу и с предрассудками, и темнотой народной, Вы расчистили дорогу женщине, на которой она, благодаря Вам, первой женщине-врачу, стоит теперь твердой ногой, являясь полноправным членом в семье товарищей-врачей.

Коллегия врачей, принося Вам поздравление, выражает свое глубокое уважение, преклоняется перед Вашей полувековой работой и желает, Глубокоуважаемая Надежда Прокофьевна, еще долгие годы видеть Вас в своей врачебной семье.

Председатель врачебного Совета» [8, ед. хр. 90, л. 10].

Надежда Прокофьевна умерла через четыре месяца, 7 апреля (по ст. ст.) 1918 г. от паралича сердца [27, с. 56].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ представленных в статье текстов приводит к убеждению, что видеть историческую и историко-литературную значимость творчества Н. П. Сусловой необходимо лишь при расширении контекстовых параметров – как документально-биографического, так и исторического, историко-журналистского характера. По сути дела, перед нами тексты участницы и свидетельницы исторических событий 1860–1880-х гг., оценка которых менялась по мере радикализации политических процессов в стране.

Рассмотренные нами первые литературные произведения Н. П. Сусловой «Рассказ в письмах» и «Фантазерка», опубликованные в 1864 г. «Современнике», не отражали судьбу автора, содержание строилось на задаче показать подчиненное положение девушки в семье, ее стремление к самостоятельности и образованию, труду, ее право по своему выбору вступить в брак. Рассказ «Из недавнего прошлого», опубликованный в «Вестнике Европы» в 1900 г., дописывался Н. П. Сусловой в Крыму, в имении «Кастель-Приморский», когда, приближаясь к 60-ти годам, первая русская доктор медицины пытается рассказать об эпохе 1860–1870-х гг., дать оценку политическим выступлениям, с ее точки зрения, несвоевременным, неумелым, «разрушительным» и кончающимся большими жертвами. Главная героиня рассказа Вера лишь фактом обучения за границей медицине «повторяет» биографию Н. П. Сусловой. Но именно «авторская отстраненность» предоставляет возможность открыто включить в рассказ многие мысли и сомнения автора.

Эту же тактику использует Н. П. Суслова в своем последнем, написанном в Крыму произведении «Мечты и действительность, или Мертвая жизнь», оставшемся в рукописи. Все свои мысли и чувства, избегая прямого автобиографизма, Н. П. Суслова «передает» главной героине очерка Вере. Пережитые трудности, разочарования, нарастающая тревога о «неправильно» понимаемом молодежью пути ко всеобщему благополучию, о недопустимости террора, приводят к убеждению, что лишь самовоспитание, «самосовершенствование», посвящение себя помощи страждущим есть главное условие изменения жизни и условие ее продолжения. Нравственной опорой для Веры становится учение Л. Н. Толстого, важнейшие принципы которого она воплощает в своей каждодневной жизни. В неопубликованном очерке приоткрываются обстоятельства и причины решения Н. П. Сусловой поселиться в Крыму, в глуши, на морском берегу.

Рукопись Н. П. Суловой, таким образом, сохранила для современного читателя материал о нравственных поисках русской интеллигенции на сложном политическом этапе российской жизни 1860–1900 гг. Сохранившаяся в Крымском архиве рукопись первой русской женщины-доктора медицины существенно обогащает историко-литературный «фонд» крымской регионалистики, и, к слову, расширяет исследовательские параметры в интерпретации понятия «крымский текст».

Список литературы

1. *Арсеньев К. К.* От новой редакции «Вестника Европы» // Вестник Европы. – 1908. – № 11. – С. 3–4.
2. Архив В. А. Гольцева. Т. 1. – М.: «Книгоизд-во писателей» в Москве, 1914. – 316 с.
3. *Гдб [Гайдебуров П. А.]* Внутреннее обозрение // Дело. – 1868. – № 11. – Режим доступа: <https://litbit.ru/ru/gaydeburrov-pavel/vnutrennee-obozrenie-delo-no-11-1868>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
4. *Глобина Е. [Н].* Решительный шаг (Доктору медицины Цюрихского университета Надежде Суловой) [Стихи] // Дело. – 1868. – № 1. – С. 391–392.
5. *Глобина Е. Н.* Ульяна: (Очерки из жизни женщины): [В стихах]. – СПб.: Глобин, 1868. – 30 с.
6. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. – М.: АН СССР, 1954–1966. – Т. 28. – 1966. – 438 с.
7. *Голубев А. Е. (Сибиряк).* Стихотворения. Одесса. На столетний юбилей; Барыня Sophie. 1-е изд. – Одесса: типо-лит. Штаба Одес. воен. округа, 1890–1891. – 297 с.
8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. 536 (А. Е. Голубева). – Оп. 1. – Ед. хр. 108.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 109. – Оп. 1а. – Ед. хр. 504.
10. *Завалунова Г.* Надежда Сулова: как дочь крепостного крестьянина стала первой женщиной-врачом в России. – Режим доступа: <https://vatnikstan.ru/history/suslova>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
11. *Зинченко Н. Е.* Женское образование в России: Ист. очерк. – СПб.: Коммерч. скоропеч., 1901. – 46 с.
12. *Зыков Я.* Знаменитая и забытая Надежда Прокофьевна Сулова! – Режим доступа: <https://gallery.ddt-chkalov.ru/30856/>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
13. *Кавалли А.* Бунтарка от медицины: как Надежда Сулова стала первой женщиной-врачом в России. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/420609-buntarka-ot-mediciny-kak-nadezhda-suslova-stala-pervoy-zhenshchinoy-vrachom-v>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
14. *Капустина С. В.* Крымская школа изучения Достоевского // Неизвестный Достоевский. – 2025. – Т. 12. – № 3. – С. 178–201.
15. *Ковалевская С. В.* Избранные произведения / сост., вступ. ст. и примеч. Н. И. Якушина. – М.: Советская Россия, 1982. – 349 с.
16. *Конради Е.* Организация литературного труда // Русские общественные вопросы: Сборник «Недели»: С прил. лит.-полит. отдела / Изд. сотрудников-издателей газ. «Неделя» П. А. Гайдебурова и Е. И. Конради. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. – С. 253–299.
17. *Котляревский Н. А.* Л. Н. Толстой: (речь, сказ. на акте СПб. высш. женск. курсов 21-го нояб. 1898 г.) // Космополис. – Санкт-Петербург, 1898. – № 12. – С. 196–204.
18. *Котляревский Н. [А.]* Наше недавнее прошлое // Вестник Европы. – 1896. – Т. 3. – Кн. 5 (май). – С. 5–27.
19. *Крылов Н.* Очерки из далекого прошлого // Вестник Европы. – 1900. – Т. 3. – Кн. 5. – С. 135–188.
20. *Лихачева Е. [О.]* Материалы для истории женского образования в России. 4 т. – СПб.: Тип-я. М. М. Стасюлевича, 1890–1901.
21. *Н. С. [Сулова Н. П.]* Рассказ в письмах // Современник. – 1864. – Т. СIII. – С. 141–168.
22. *Н. С. [Сулова Н. П.]* Фантазерка // Современник. – 1864. – Т. CIV. – № 7. – С. 169–219.
23. *Н. П. С. [Сулова Н. П.]* Труд. Пытаюсь решить все сомненья... [Стихи] // Дело. – 1868. – № 1. – С. 390–391.
24. *Овцын В.* Развитие женского образования. Исторический очерк. – СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1887. – 42 с.
25. *Сулова Надежда [П].* Из недавнего прошлого. Рассказ // Вестник Европы. – 1900. – Т. 3. – Кн. 6 (июнь). – С. 624–673.
26. *Орехов В. В.* Литературное кримведение и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Т. 1. – Симферополь: Ариал, 2017. – С. 164–192.

27. Орехова Л. А. «Кастель-Приморский»: история и судьбы в архивных документах. Глава 2. Сестры Сусловы // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – № 3–4. – С. 48–61.
28. Орехова Л. А. «Солнце мертвых»: крымский текст и крымский архив // Крымский текст в русской культуре. Материалы междунар. научной конференции. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. / Под ред. Н. Букс, М. Н. Виролайнен. – СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. – С. 190–202.
29. Орехова Л. А. Старые и новые мифы об Аполлинии Сусловой-Розановой, возлюбленной Ф. М. Достоевского // Муза. Научно-популярный журнал Общества «Муза» по изучению русской и советской литературы. – № 28. – 1 июня 2013 г. – Осака: Изд-во «Муза» (Япония). – С. 55–72.
30. Орехова Л. А. Штрихи к портрету А. Е. Голубева // Terra Alustiana. МММХI. Сборник научных трудов международной X научной конференции. – Симферополь: Антикава, 2015. – С. 435–458.
31. Орехова Л. А., Дубровский А. В. Профессор Е. В. Петухов в истории Крымского архива // Вестник архивистов Крыма. Вып. 3. – Симферополь: Антикава, 2019. – С. 32–41.
32. Памяти Надежды Васильевны Стасовой: с портретом работы В. В. Матэ / Общество вспоможения окончивших курс наук на Высших Женских Курсах. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1896. – 105 с.
33. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания / Вступ. ст. К. И. Чуковского; Прим. Г. В. Краснова. – М.: Правда, 1986. – 512 с.
34. Перова Н. Возвращаясь к истокам женского образования. – Режим доступа: <https://dompisatel.ru/?p=16438>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
35. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 186–201.
36. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: ИД КФУ, 2022. – 200 с.
37. Розова К. А. Первая русская женщина-врач // Фельдшер и акушерка. – 1945. – № 3. – С. 51–53.
38. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева и др. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.
39. Сараскина Л. И. Аполлиния Сулова. – М.: Молодая гвардия, 2022. – 437 с.
40. Троицкий Н. А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. – М.: Мысль, 1978. – 335 с.
41. Уникальную запись о рождении первой в России женщины-врача Надежды Сусловой нашли в архиве Нижнего Новгорода. – Режим доступа: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27353/4534507/>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
42. Уникальные документы обнародовали нижегородские архивисты о рождении Надежды Сусловой. – Режим доступа: <https://nntv.tv/?id=236929>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
43. Филимонова Г. Надежда Сулова: истоки свободы. – Режим доступа: <http://www.gttp.ru/text/187.htm>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
44. Филимонова Г. Надежда Сулова в Нижнем Новгороде и санитарный вопрос «кармана России» в XIX веке. – Режим доступа: <http://www.gttp.ru/text/188.htm>. – (Дата обращения: 23.01.2026).
45. Шелгунова Л. П. Из далекого прошлого: Переписка Н. В. Шелгунова с женой. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1901. – 239 с.

References

1. Arsen'ev K. K. *Ot novoj redakcii «Vestnika Evropy»* [From the new edition of the "Bulletin of Europe"]. *Vestnik Evropy*, 1908, no. 11, pp. 3–4.
2. *Arhiv V. A. Gol'ceva. T. 1.* [Archive of V. A. Goltsev. T. 1]. Moscow, Knigoizd-vo pisatelej Publ., 1914. 316 p.
3. Gdb [Gajdeburov P. A.] *Vnutrennee obozrenie* [Internal Review]. *Delo*, 1868, no. 11. Available from: <https://litbit.ru/ru/gaydeburov-pavel/vnutrennee-obozrenie-delo-no-11-1868> (accessed 23.01.2026).
4. Globina E. [N]. *Reshitel'nyj shag (Doktoru mediciny Cюриhского университета Nadezhde Suslovoj)* [Decisive step (To the doctor of medicine of the University of Zurich Nadezhda Suslova)]. *Delo*, 1868, no. 1, pp. 391–392.
5. Globina E. N. *Ul'jana: (Ocherki iz zhizni zhenshhiny)* [Ulyana: (Essays from the life of a woman)]. – St. Petersburg, Globin, 1868. 30 p.
6. Gercen A. I. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: In 30 vols]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954–1966, vol. 28, 1966. 438 p.

7. Golubev A. E. (Sibirjak). *Stihotvorenija. Odessa. Na stoletnij jubilej; Barynja Sophie* [Poems. Odessa. On the centenary; Barynya Sophie]. Odessa, 1890–1891. – 297 p.
8. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea]. F. 536 (A. E. Golubeva), op. 1, ed. hr. 108.
9. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea]. F. 109 s/a, op. 1, ed. hr. 504.
10. Zavalunova G. *Nadezhda Suslova: kak doch' krepostnogo krest'janina stala pervoj zhenshinoj-vrachom v Rossii* [Nadezhda Suslova: How the Daughter of a Serf Peasant Became the First Female Doctor in Russia]. Available from: <https://vatnikstan.ru/history/suslova/> (accessed 23.01.2026).
11. Zinchenko N. E. *Zhenskoe obrazovanie v Rossii: Ist. ocherk* [Women's education in Russia: Historical essay]. St. Petersburg, 1901. 46 p.
12. Zykov Ja. *Znamenitaja i zabytaja Nadezhda Prokofjevna Suslova!* [The Famous and Forgotten Nadezhda Prokofievna Suslova!]. Available from: <https://gallery.ddt-chkalov.ru/30856/> (accessed 23.01.2026).
13. Kavalli A. *Buntarka ot mediciny: kak Nadezhda Suslova stala pervoj zhenshinoj-vrachom v Rossii* [A rebel from medicine: how Nadezhda Suslova became the first female doctor in Russia]. Available from: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/420609-buntarka-ot-mediciny-kak-nadezhda-suslova-stala-pervoy-zhenshchiny-vrachom-v> (accessed 23.01.2026).
14. Kapustina S. V. *Krymskaja shkola izuchenija Dostoevskogo* [Crimean school of Dostoevsky studies]. *Neizvestnyj Dostoevskij*, 2025, vol. 12, no. 3, pp. 178–201.
15. Kovalevskaja S. V. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1982. 349 p.
16. Konradi E. *Organizacija literaturnogo truda // Russkie obshhestvennye voprosy: Sbornik «Nedeli»* [Russian social issues: Collection "Week"]. St. Petersburg, 1872, pp. 253–299.
17. Kotljarevskij N. A. *L. N. Tolstoj* [L. N. Tolstoy]. *Kosmopolis*, 1898, no. 12, pp. 196–204.
18. Kotljarevskij N. [A.] *Nashe nedavnee proshloe* [Our recent past]. *Vestnik Evropy*, 1896, vol. 3, no. 5, pp 5–27.
19. Krylov N. *Ocherki iz dalekogo proshlogo* [Essays from the Distant Past]. *Vestnik Evropy*, 1900, vol. 3, no. 5, pp. 135–188.
20. Lihacheva E. [O.] *Materialy dlja istorii zhenskogo obrazovanija v Rossii. 4 t.* [Materials for the history of female education in Russia. 4 vol.]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1890–1901.
21. N. S. [Suslova N. P.]. *Rasskaz v pis'mah* [Story in letters]. *Sovremennik*, 1864, vol. CIII, pp. 141–168.
22. N. S. [Suslova N. P.]. *Fantazjerka* [Dreame]. *Sovremennik*, 1864, vol. CIV, no. 7, pp. 169–219.
23. N. P. S. [Suslova N. P.]. *Trud. Pytajas' reshit' vse somnen'ja...* [Labor. Trying to resolve all doubts...]. *Delo*, 1868, no. 1, pp. 390–391.
24. Ovcyn V. *Razvitie zhenskogo obrazovanija. Istoricheskij ocherk* [Development of female education. Historical essay]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorohodova Publ., 1887. 42 p.
25. Suslova Nadezhda [P.]. *Iz nedavnego proshlogo. Rasskaz* [From the Recent Past. A Story]. *Vestnik Evropy*, 1900, vol., 3. no. 6, pp. 624–673.
26. Orehov V. V. *Literaturnoe krymovedenie i problema istoricheskoi istiny v obrazovatel'nom processe* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaja kartina mira: krymskij kontekst: kollektivnaja monografija. T. 1.* Simferopol, Arial Publ., 2017, pp. 164–192.
27. Orehova L. A. «Kastel'-Primorskij»: istorija i sud'by v arhivnyh dokumentah. Glava 2. *Sestry Suslovy* ["Kastel'-Primorsky": history and destinies in archival documents. Chapter 2. The Suslov sisters]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. Simferopol, 2004, no. № 3–4, pp. 48–61.
28. Orehova L. A. «Solnce mertvyh»: krymskij tekst i krymskij arhiv ["The Sun of the Dead": Crimean Text and Crimean Archive]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture. Materialy mezhdunar. nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006 g.* St. Petersburg: Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 190–202.
29. Orehova L. A. *Starye i novye mify ob Apollinarii Suslovoj-Rozanovoj, vozljublennoj F. M. Dostoevskogo* [Old and new myths about Apollinaria Suslova-Rozanova, the beloved of F. M. Dostoevsky]. *Muza. Nauchno-populjarnyj zhurnal Obshhestva «Muza» po izucheniju russkoj i sovetskoj literatury. № 28. 1 ijunja 2013 g.* Osaka: Izd-vo «Muza» Publ., pp. 55–72.
30. Orehova L. A. *Shtrihi k portretu A. E. Golubeva* [Strokes to the portrait of A. E. Golubev]. *Terra Alustiana. MMMXI. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj X nauchnoj konferencii.* Simferopol, Antikva Publ., 2015, pp. 435–458.

31. Orehova L. A., Dubrovskij A. V. *Professor E. V. Petuhov v istorii Krymskogo arhiva* [Professor E. V. Petukhov in the history of the Crimean archive]. *Vestnik arhivistov Kryma*. Vyp. 3. Simferopol, Antikva Publ., 2019, pp. 32–41.
32. *Pamjati Nadezhdy Vasil'evny Stasovoj: s portretom raboty V. V. Matje* [In memory of Nadezhda Vasilyevna Stasova: with a portrait by V. V. Mate]. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1896. 105 p.
33. Panaeva (Golovacheva) A. Ja. *Vospominanija* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 512 p.
34. Perova N. *Vozvrashhajas' k istokam zhenskogo obrazovaniya* [Returning to the origins of female education]. Available from: <https://dompisatel.ru/?p=16438> (accessed 23.01.2026).
35. Poljakova L. V. *Filologicheskaja regionalistika kak nauka* [Philological regional studies as a science]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 3, pp. 186–201.
36. *Prepodavanie russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching Russian in Crimea: Historical and Ethnocultural Context: Collective Monograph]. Simferopol, ID KFU Publ., 2022. 200 p.
37. Rozova K. A. *Pervaja russkaja zhenshhina-vrach* [The first Russian female doctor]. *Fel'dsher i akusherka*, 1945, no 3, pp. 51–53.
38. *Russkij jazyk v Krymu i "Russkij jazyk v polikul'turnom mire": kollektivnaja monografija* [Russian language in Crimea and "Russian language in a multicultural world": collective monograph]. Simferopol, KFU im. V. I. Vernadskogo Publ., 2024. – 264 p.
39. Saraskina L. I. *Apollinarija Suslova* [Apollinaria Suslova]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2022. 437 p.
40. Troickij N. A. *Bezumstvo hrabryh: Russkie revoljucionery i karatel'naja politika carizma 1866–1882 gg.* [Madness of the Brave: Russian Revolutionaries and the Punitive Policy of Tsarism 1866–1882]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 335 p.
41. *Unikal'nuju zapis' o rozhdenii pervoj v Rossii zhenshhiny-vracha Nadezhdy Suslovoj nashli v archive Nizhnego Novgoroda* [A unique birth record of Russia's first female doctor, Nadezhda Suslova, was found in the Nizhny Novgorod archives]. Available from: <https://www.nnov.kp.ru/daily/27353/4534507/> (accessed 23.01.2026).
42. *Unikal'nye dokumenty obnarodovali nizhegorodskie arhivisty o rozhdenii Nadezhdy Suslovoj* [Nizhny Novgorod archivists have released unique documents about the birth of Nadezhda Suslova]. Available from: <https://nntv.tv/?id=236929> (accessed 23.01.2026).
43. Filimonova G. *Nadezhda Suslova: istoki svobody* [Надежда Суслова: истоки свободы]. Available from: <http://www.gttp.ru/text/187.htm> (accessed 23.01.2026).
44. Filimonova G. *Nadezhda Suslova v Nizhnem Novgorode i sanitarnyj vopros «karmana Rossii» v XIX veke* [Nadezhda Suslova in Nizhny Novgorod and the Sanitary Issue of the 19th-Century "Pocket of Russia"]. Available from: <http://www.gttp.ru/text/188.htm> (accessed 23.01.2026).
45. Shelgunova L. P. *Iz dalekogo proshlogo: Perepiska N. V. Shelgunova s zhenoj*. St. Petersburg, Tipografija Ministerstva putej soobshhenija Publ., 1901. 239 p.

ABOUT THE UNKNOWN MANUSCRIPT BY N. P. SUSLOVA IN THE FUNDS OF THE CRIMEAN ARCHIVE: TEXT AND CONTEXT

Orehova L. A.

This article presents the first analysis of a manuscript preserved in the State Archives of the Republic of Crimea by N. P. Suslova, the first Russian female doctor of medicine. She lived for almost 40 years near Alushta on the Kastel-Primorsky estate. Suslova's manuscript, "Dreams and Reality, or Dead Life," is examined in its textual and contextual context with her short story, "From the Recent Past," also written in Crimea and published in 1900 in *Vestnik Evropy*, as well as with her earlier works, "A Story in Letters" and "The Dreamer," published in *Sovremennik* in 1864.

Keywords: N. P. Suslova, A. E. Golubev, "women's movement", Kastel-Primorsky, manuscript, "Dreams and Reality, or Dead Life".

УДК 82-1/-9

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019245>

ПОЭТИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАРСА МАЙКЛА ФРЕЙНА «БАЛМОРАЛ»

Рейнова А. В., Полховская Е. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nasty36511@mail.ru*

В статье рассматриваются глубинные текстообразующие константы (сюжетные, композиционные, речевые и образные), формирующие художественную систему социально-политического фарса Майкла Фрейна «Балморал» и обеспечивающие его острую сатирическую направленность. Результаты исследования показывают, что социально-политическая критика в пьесе реализуется через устойчивую совокупность констант: 1) замкнутый хронотоп как микромодель государства; 2) типы-маски, воплощающие пороки системы; 3) язык как инструмент симуляции и разоблачения; 4) сюжетная матрица «ложной инспекции», обнажающая всеобщий обман. Это доказывает, что пьеса «Балморал» представляет собой сложно организованную художественную систему, где форма фарса неразрывно связана с философско-критическим содержанием. Предложенный комплексный подход к анализу пьес социально-политической направленности может применяться при анализе творчества современных драматургов. Актуальность исследования заключается в том, что оно через детальный художественно-стилистический анализ конкретной пьесы выходит на уровень общих закономерностей создания политической сатиры в драматургии, предлагая инструменты для анализа сложных социальных явлений через призму художественных констант, оставаясь в диалоге с острыми вопросами современности.

Ключевые слова: фарс, социально-политическая критика, альтернативная история, британская драматургия.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование нацелено на выявление с помощью комплексного художественно-стилистического анализа глубинных текстообразующих констант в фарсе Майкла Фрейна «Балморал», где проявляется острая социально-политическая критика. Поставленная цель обусловила решение конкретных задач: 1) выявить константные сюжетные модели и композиционные приемы, формирующие основу фарсовой ситуации и ее сатирического звучания; 2) доказать, что «замок Балморал» является ключевой текстообразующей константой – моделью изолированного, загнивающего микромира, в котором сконцентрированы все болезни вымышленного мира; 3) проанализировать механизмы создания комического эффекта (вербального и ситуативного) и его трансформации в трагикомический и сатирический; 4) проанализировать динамику конфликта не как противостояние «хороших» и «плохих», а как систему взаимного обмана и самообмана, где каждый персонаж в разной степени является и жертвой, и соучастником системы.

Анализ пьесы, построенной на «перевернутой» истории (социалистическая Британия и монархическая Россия), позволяет исследовать, как драматург использует инокультурный (советский) опыт как зеркало для критики собственного общества, что представляет интерес для компаративистики и исследований культурной рефлексии.

Теоретико-методологической базой исследования являются работы литературоведов, критиков, драматургов, посвященные вопросам теории жанра, истории литературы Великобритании, теории драмы ([2; 4; 5; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15]).

Представляемая работа способствует более глубокому осмыслению творчества М. Фрейна, одного из ведущих современных британских драматургов, чьи произведения регулярно привлекают внимание отечественных ученых. Например, в диссертации И. В. Ананьевской рассматриваются художественные особенности воплощения естественнонаучной тематики в пьесе «Копенгаген» [1]. Особый интерес российских исследователей вызывает пьеса «Дикий мед», которая является адаптацией чеховской «Безотцовщины» и «востребована английским театром по сей день» [12, с. 117]. В поле анализа попадают элементы неошекспиризации в пьесе (и киноадаптации) «Безумные подмостки», за которую автор удостоен премии Лоуренса Оливье в номинации «Лучшая комедия» [3]. Отметим, что М. Фрейна называют одним из лучших переводчиков пьес А. П. Чехова на английский язык [7; 12], и это дает исследователям дополнительное основание к поиску чеховских традиций в его творчестве. Следует добавить, что и романы М. Фрейна – «Одержимый» и «Шпионы» – также вызывают научный интерес [6].

Наше исследование, выполненное как комбинированный анализ художественного стиля, поэтики драмы и политической сатиры, может предложить новую методологическую оптику для изучения интеллектуальной комедии и фарса как жанров, обладающих сложной структурой.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, в нашей работе предпринят комплексный подход к анализу пьесы-фарса британского драматурга Майкла Фрейна «Балморал», написанной в 1987 г. (перевод с английского Екатерины Ракитиной).

Действие происходит в альтернативной истории в Великобритании, которая пережила революцию в 1917 г. Российский журналист-капиталист Кочетов, «империалистическая акула пера», приезжает в замок Балморал, бывшую королевскую резиденцию, где ныне располагается Дом Писателя, чтобы взять интервью у известного автора. Писатели оказываются втянутыми в конфликт, так как начинают скрывать внезапную пропажу своего коллеги, которая, вероятно, связана с политическим арестом. По мере развития действия драматург прибегает к приему «квипрокво» – героям приходится выдать дворецкого за писателя, однако, даже сам журналист оказывается создателем собственного ложного публичного «Я».

Идеологический пафос сочетается с элементами комедии, комедии положений, которые подчеркивают серьезность и трагизм альтернативной реальности. Благодаря яркому абсурдистскому фарсу в пьесе проявляется острая социально-политическая критика. Произведение высмеивает группу писателей в бесклассовом обществе, в котором процветают ложь, бездуховность, популизм, карьеризм, погоня за дефицитом, воровство, страх, ожидание арестов или расстрелов (к примеру, один из героев произносит следующую фразу о событиях, предшествующих вымышленной революции и повторяющихся ныне:

«Когда я руководил производством, у меня тысячи народа работали, и я тебе скажу: ты понятия не имеешь, как люди воруют. Я видел, как фабрики по винтику разбирали. Я видел, как целые гостиницы уходили через служебный вход. Я видел, как шикарный скоростной экспресс отправился из Манчестера с вагоном-рестораном, мягкими вагонами и проводниками, и как в Вулверхэмптон через неделю пришли одни колеса. Поэтому не жди, что я приду в восторг от того, что в четверг ты украл дверной звонок» [15, с. 7]).

Обратимся к **проблематике** и **центральному конфликту** пьесы. В центре внимания драматурга находится проблема классовости британского общества: автор, изображая альтернативную реальность, подвергает сомнению тезис о том, что Великобритания стала бесклассовым обществом. Действующие лица хотят вести себя «по-королевски», находясь в бывшей королевской резиденции: они говорят об охоте, имитируют поведение истинных джентльменов, оживают их детские мечты о лучшей жизни. Несмотря на то, что они и беседуют о демократии, всю работу по дому выполняет дворецкий, с которым герои обращаются как со слугой, и всякий раз говорят о его шотландском происхождении (Скиннер, прикидываясь Макнабом, говорит: *«Я самый доподлинный шотландец. Твердолобый, как гранит. Непрístupный, как скала. Колючий, как чертополох. Но могу снизить и утащить, что плохо лежит. Еще как могу!»* [15, с. 40]).

Пьесу «Балморал» также можно рассматривать как отклик на эпоху Маргарет Тэтчер. Замкнутый, оторванный от реальности мир писателей в Балморале – это метафора консервативного правительства, которое заботится лишь о своих интересах и абсурдных идеологических догмах, игнорируя реальные нужды общества. Риторика кажущегося порядка и наличие явной иерархии в пьесе (несмотря на социалистический уклад жизни в альтернативной реальности) обнажает свою лицемерную и разрушительную суть.

Рассмотрим **систему действующих лиц**:

Годфри Уинн – писатель с *«удивительно борзым пером»* [15, с. 13]. Он пытается проявлять аристократические манеры в Балморале. Считает, что, если он находится в бывшей королевской резиденции, то обязательно должен пойти на охоту как бывшие представители знати. Он верит, что после революции все в стране стали джентльменами: *«Для этого Балморал и отдали народу: для того, чтобы простые люди могли жить, как короли!»* [15, с. 3]. В этом же ключе он трактует резолюцию о бесклассовом обществе, принятую на Шестнадцатом Съезде Партии.

Уарвик Дипинг, еще один писатель, чьи романы популярны у трудящихся, скептические относится к попыткам своего коллеги выглядеть джентльменом. Дипингу не составляет труда выделяться среди писателей: он со вкусом одевается, подмечает недостатки в обстановке, не пытается казаться тем, кем не является на самом деле.

Единственная женщина в коллективе – поэтесса *Инид Блайтон*, которая *«весьма известна своей путанной любовной лирикой»* [15, с. 13]. Она ведет себя сдержанно и не борется за лидерство.

Хью Уолпол, прославленный писатель, вокруг исчезновения которого построено действие, живет в лучшей комнате в замке, потому что, как подчеркивают герои, *«у него двоюродный брат – в больших партийных чинах»* [15, с. 4].

Джон Макнаб, шотландец, который ведет все домашние дела в замке, представлен в виде грубого, необразованного человека. Изображая писателя, он повествует о трудности работы дворецкого и неблагодарности окружающих. Триша говорит о поведении лже-писателя: *«По-моему, в Вас совсем нет уолполства!»* [15, с. 26], Кочетов отмечает: *«Я не уверен в литературной ассоциации. Может быть, раблезианство?»* [15, с. 26].

Скиннер представлен как нервный и суетливый человек. Будучи комендантом, он не пытается улучшить состояние замка, тратит все силы на то, чтобы подловить Макнаба на воровстве. Его волнует формальный порядок в бумагах, который не соответствует реальному положению дел. Даже к приезду ревизора он подготовил лишь бухгалтерские книги, а не навел порядок в помещениях. Именно он предложил выдать Макнаба за Уолпола: *«Приезжали проверяющие на фабрику – я людей из картона делал!»* [15, с. 21].

Русский журналист *Владимир Кочетов* и его спутница Триша, сотрудница Торговой Палаты, дают друг другу красочную характеристику:

«*Триша*: Мистер Кочетов – русский журналист.

Кочетов: Вообще-то, я – акула пера. Представитель капиталистической прессы.

Продажной, желтой и омерзительно интересной. А это – моя любовница.

Триша (очень смущенно): Мистер Кочетов, перестаньте!

Кочетов: Моя будущая любовница. Разве нет? Моя пока-еще-не любовница.

Триша: Ой, я... Мистер Кочетов все время шутит.

Кочетов: Радость моя, а как же иначе. Вы похожи на свеженькое, розовошее яблочко. Так и хочется Вас укусить.

Триша: Я сопровождаю мистера Кочетова по поручению Торговой Палаты.

Кочетов: Ее задача – не дать мне увидеть то, чего я видеть не должен.

Триша: Неправда! Вам ничего не запрещают видеть! Я же Вам говорила: свобода печати у нас гарантирована конституцией. Я Вам просто помогаю.

Уинн: Прошу прощения. Этот джентльмен – журналист?

Триша: Да. И законченный циник» [15, с. 10].

Как оказалось, мать Кочетова была бедной английской гувернанткой, отец – русским князем. Детство он провел в бедности. Герой всю жизнь пытался походить на аристократа-отца, но поведение крестьянина-Макнаба в образе писателя его растрогало:

«Был циником! До сегодняшнего дня. До тех пор, как встретился с мистером Уолполом. Потому что это меня потрясло. Мистер Уолпол интересуется не самим собой! Его занимает другое человеческое существо! Хью Уолпол думает не о Хью Уолполе, он думает о Джоне Макнабе! О простом слуге. Обыкновенном дворецком. И все-таки, когда мистер Уолпол говорит о Джоне Макнабе, он становится красноречивым, он искренен. Он искренне возмущается тем, что Макнаба обижают. Он искренне гордится предками Макнаба. В этом, как мне кажется, и состоит суть писательского творчества: постичь ум и душу другого человека. Ведь когда Уолпол говорит о Макнабе, он становится Макнабом! ...» [15, с. 32].

Отметим, что образ истинного Хью Уолпола не раскрывается в полной мере. Мы узнаем, что он является автором нескольких романов: «Прилипчивого румянца» и ««Мистер Перрен и мистер Трэйл». Он появляется на сцене после приезда Кочетова и Триши. Причина его исчезновения оказывается банальной: «Я стоял в очереди у Кооператива с шести утра. Макнаб распространил слух, что будут давать женские рейтузы» [15, с. 15], Макнаб поясняет это в одной из реплик, когда выдает себя за Уолпола: «Эту дрянь, которую продают для мужчин, я носить не могу... Она слишком колючая для человека, ведущего малоподвижный образ жизни» [15, с. 27]. Персонаж сильно перенервничал, когда узнал, что коллеги, решив, что его арестовали, поспешили занять его комнату. В результате он потерял сознание, а писателям, которые посчитали, что Уолпол умер от сердечного приступа, пришлось спрятать его тело в сундук.

Кочетова, на самом деле, не интересует творчество Уолпола. Журналист прочел лишь половину одной из его книг. Кочетов решил взять интервью у писателя лишь потому, что Трише нравятся его романы, и ему хотелось впечатлить девушку: «Единственное, что можно сказать о ее литературном вкусе – это что у нее дивные брови... . В России его обожают, если верить Трише» [15, с. 11], «У нее три кумира. ... Чайковский, Шелли и Хью Уолпол» [15, с. 19], «А что делать, иногда так и хочется

откусить от нее кусочек. Двадцать лет, а она все еще читает стихи!» [15, с. 19]. Впрочем, Кочетова не способно поразить даже творчество великих писателей: «Мне это напоминает «Войну и мир». ... Прозаическое сочинение, растянутое до невозможности» [15, с. 31].

Обратимся к описанию внешности персонажей пьесы, поскольку портрет помогает аудитории глубже понять характер героев, разобраться в их внутреннем мире и поступках, определить авторский замысел (см. Табл. №1).

Таблица № 1. Портрет действующих лиц в пьесе «Балморал»

Действующее лицо	Портрет
ГОДФРИ УИНН, писатель	«... одет в брюки гольф и свитер ... он задумчиво улыбается» [15, с. 1].
УАРВИК ДИПИНГ, писатель	«На нем старый костюм хорошего покроя, шарф на шее. ... Он выглядит джентльменом» [15, с. 1].
ИНИД БЛАЙТОН, поэтесса	«... на ней джемпера и теплые кофты в несколько слоев» [15, с. 1].
ДЖОН МАКНАБ, дворецкий	«На нем шотландский берет, кильт и резиновые сапоги» [15, с. 3].
СКИННЕР, комендант Дома писателя	«На нем приличный темный костюм, темная рубашка и галстук» [15, с. 5].
ВЛАДИМИР КОЧЕТОВ, русский журналист	«Кочетову 26, на нем дорогое пальто с меховой отделкой. Он русский, но свободно говорит по-английски» [15, с. 9].
ТРИША, его спутница	«Трише 20, она одета в теплое пальто и вязаную шапочку» [15, с. 9].
ХЬЮ УОЛПОЛ, писатель	«На нем очки с толстыми стеклами, пальто, шляпа и галоши. У него весьма дурное настроение. Он чем-то похож на Макнаба, возможно потому, что его играет тот же актер» [15, с. 14].

Отметим, что наибольшую степень индивидуализации получают Макнаб, Кочетов и Триша, поскольку вокруг данных персонажей разворачивается главная интрига пьесы. Образы остальных действующих лиц представлены схематично, они являются яркими представителями своих профессий с распространенными пороками, возведенными до абсурда. Все герои, кроме юной и наивной Триши, слепо верящей в идеалы демократии и безупречность своей страны (Кочетов: «Что бы она мне ни сказала – я верю! Беда только в том, что, по-моему, она сама в это верит» [15, с. 12]), либо хотят выдать себя за тех, кем не являются, либо, переживая за карьеру и боясь политических гонений, пытаются обмануть «ревизоров» и скрыть правду о жизни гниющего общества. Писателей на самом деле не заботят проблемы человечества, они лишь научились высокопарно говорить о величии человека, выступать за любовь и произносить антивоенные речи.

Рассмотрим способ отражения действительности и композиционное построение пьесы. В произведении переплетены английские реалии (литературные, географические и бытовые) и реалии России и Советского Союза (собрание ячейки, воскресный митинг Борцов с Царизмом, областной комитет), что позволяет создать «перевернутую реальность» («Ячейка осуждает жестокое подавление выступлений протеста рабочих

заводов Санкт-Петербурга и требует, чтобы правительство Российской Империи признало свободу профсоюзного движения» [15, с. 7]). Также присутствуют культурные стереотипы, например, Кочетов и Макнаб осушают стаканы с виски одним глотком, и журналист говорит о Макнабе: «*Вы только посмотрите на него! Он пьет, как русский*» [15, с. 24]; Кочетов произносит: «*я сейчас поведу себя очень по-русски. Надеюсь, я Вас не покороблю. Я Вас сейчас поцелую*» [15, с. 33].

Чтобы подчеркнуть нелепость происходящего в альтернативной реальности, драматург использует иронию и вводит абсурдистскую сатиру, например:

Триша: Ну, значит в Нижнем Новгороде есть человек, который сидит на шесте. ... Он там уже 83 дня. (*Кочетову*). 83?

Кочетов: Было вчера.

Триша: 84 дня. И каждое утро к нему приходят корреспонденты из газет, стоят у подножья шеста и спрашивают, что он думает о войне, и все в таком духе. А когда мистер Кочетов был там, в Нижнем Новгороде, он спросил, каким с шеста кажется мир, и тот человек ответил...

Кочетов: «Таким большим, что удивительно, как это он вращается вокруг такого тонкого шеста».

Триша: И теперь мистер Кочетов хочет Вас попросить, чтобы Вы сказали, каким Вам кажется мир, также коротко и остроумно... [15, с. 23].

Этот фрагмент – блестящая сатира на механизмы создания новостей (корреспонденты приходят каждый день к человеку, занятому бессмысленным делом, и задают ему вопросы о глобальных политических событиях) и вечную человеческую тягу искать простые ответы у «пророков», сами условия существования которых лишают их возможности видеть целостную картину. Мир (проблемы, войны, политика) – огромен и сложен. А наша опора для его понимания (в данном случае – точка зрения человека на шесте, а в более широком смысле – поверхностные репортажи, упрощенные мнения) – крайне тонка, шатка и неадекватна. Мир не может «вращаться» вокруг такого узкого и частного взгляда.

Отметим, что композиция пьесы линейная, события разворачиваются в хронологическом порядке. Пьеса состоит из двух действий, отсутствует деление на сцены:

- экспозиция – описание замка и его «странностей»;

- завязка – Спиннер ожидает прибытия ревизора, но вместо него приезжает журналист с сопровождающей, чтобы взять интервью у Уолпола, который внезапно пропал;

- кульминация – Макнаб поражает журналиста. Кочетов объявляет себя англичанином и переходит с писателями на «ты», дарит им все, что имеет при себе, даже фотографию матери, герои клянутся в вечной дружбе и объявляют себя Братством Семерых, подобно «шайке Робин Гуда». Спиннера выдают за Макнаба. Прибывает ревизор. Кочетов, пряча опустошенные бутылки из-под спиртного, произносит: «*Даже в раю... (Скиннер прыгивает с сундука и уходит в правую дверь. Все смотрят ему вслед, в то время как Кочетов открывает сундук). ...покойников надо прятать! (Он бросает бутылки в сундук, закрывает крышку и садится на нее, потом понимает, что увидел, а остальные понимают, что он сказал и поворачиваются к нему). Занавес*» [15, с. 41];

- развязка – отсутствует.

Обратимся к специфике **хронотопа** в пьесе «Балморал» (он же «Либерти-Холл»). Действие пьесы разворачивается 4 января 1937 г. в бывшем королевском замке Балморал, в Шотландии, ныне – Государственном Доме Писателя Советской Социалистической Республики Великобритания. В Балморале живут британские писатели «второго эшелона» (более известные, такие как Уэллс и Бернард Шоу, приезжают на отдых в летние месяцы). В замке все рушится, в помещениях холодно, и все, что представляет хоть какую-то ценность (вплоть до шариков для пинг-понга), разворовывается. Автор использует закрытый хронотоп, что подчеркивает оторванность вымышленного мира от реальности. Вводится характерная авторская ремарка:

«Мебель, обитая шотландской клетчатой тканью, охотничьи трофеи, картины старых мастеров, роскошный камин и три двери .... Однако при ближайшем рассмотрении в обстановке комнаты обнаруживаются некоторые странности. В огромном камине стоит маленький электрический обогреватель. Вокруг стола расставлены разномастные кухонные стулья. На одной из дверей висит доска объявлений» [15, с. 1].

Драматург раскрывает прошлое действующих лиц, используя прием **ретроспекции**. Например, из диалога Дипинга и Уинна мы узнаем, что Скиннер был кассиром на вокзале, через двенадцать лет возглавил всю британскую трамваеостроительную промышленность, а после революции стал комендантом Балморала. Поэтому герой мечтает о роскошной жизни и ностальгирует: *«Ночной поезд из Абердина! Вот это жизнь, Блайтон! Если бы я мог выбирать, где жить, я бы, наверное, выбрал спальный вагон, мягкий. ... . Только маленькая теплая комнатка, летящая сквозь ночь. В мире нет ничего, кроме света, озаряющего папку с официальными бумагами. А поутру тебя ждет лимузин, все улыбаются, все рады тебя видеть. Это вернется, Блайтон, это все вернется»* [15, с. 16]. Также Кочетов рассказывает о своем детстве и о работе с Тришей. Таким образом, драматург использует ретроспекцию в диалогах действующих лиц, которые раскрывают их мотивы и «снимают с них маски». Это помогает драматургу глубже раскрыть эмоции персонажей и отразить, как переплетается личное и политическое в их судьбах.

Драматург вводит **множественную фокализацию** в пьесу. Одни и те же события по-разному оцениваются действующими лицами. Так, все персонажи, кроме Триши, видят недостатки социалистической Великобритании. Когда девушка говорит, что *«в нашей стране никого не увозят расстреливать»* [15, с. 12], *«права человека у нас охраняет государство»* [15, с. 13], никто не воспринимает это всерьез, все лишь понимают, что она слишком юная и доверчивая особа, склонная к романтизации мира: *«Она только-только закончила школу, начала работать.. И куда бы мы ни пришли – все не так. Завтракаем в отеле «Ритц» – приходится ждать официанта час сорок минут. Посещаем новый санаторий – она отламывает дверную ручку. Теперь она привезла меня к своему любимому писателю, а он исчез среди ночи. Бедная Триша!.. А знаете, статья у меня получится выдающаяся. Правда, не знаю, что станет с людьми, про которых я в ней напишу. (Смеется). Как вы думаете, директора санатория арестуют? А директора «Ритца» расстреляют? Мой путь усыпан чиновными трупами... На нас, журналистах, лежит такая ответственность!»* [15, с. 13].

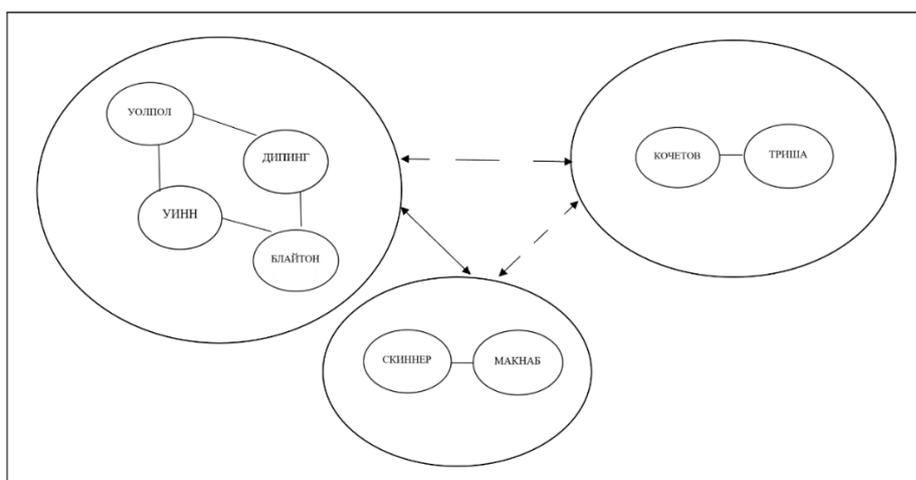
Рассмотрим **векторы коммуникации** в пьесе «Балморал». М. Фрейн вводит авторские ремарки, которые передают информацию о времени и месте действия, внешности, одежде, мимике, жестах героев и их происхождении. Герои пьесы не обращаются к зрителю, больше внимания драматург уделяет диалогам, в которых раскрывается суть центрального конфликта.

При рассмотрении вектора коммуникации «персонаж – персонаж» следует отметить, что в пьесе не вводится явный антагонист. Драматург подвергает критике все общественное устройство вымышленного мира и человеческие пороки, которые в данных условиях показаны словно под увеличительным стеклом. М.Фрейн разделяет персонажей на три группы (Табл. №2).

Таблица № 2. Группировка действующих лиц в пьесе «Балморал»

Члены Дома писателей: Уинн, Дипинг, Блайтон, Уолпол
Обслуживающий персонал: Макнаб и Спиннер
Гости: Кочетов и Триша

Внутренняя коммуникация в пьесе строится на диалогах между действующими лицами (*Рисунок 1*). Отметим, что писатели, Спиннер и Макнаб так и не раскрывают правду о происходящем своим гостям, которых до последнего держат в неведении о случившемся с Уолполом.

Рисунок 1. Схема построения коммуникации в пьесе «Балморал»

В пьесе «Балморал» также проявляется **связь с другими родами литературы**. К эпическим элементам, включенным в произведение, можно отнести авторские ремарки, вписывание в контекст культурных и социальных реалий. Отметим, что диалоги персонажей эмоциональны и открыты, благодаря их введению драматург раскрывает чувства и мотивы героев, говорит о важных моментах из их прошлого.

Обратимся к **назначению пьесы**. Как известно, главная задача драматурга – принять во внимание все факторы, способные повлиять на восприятие театрального произведения зрителями. Коммуникация драматурга с аудиторией включает в себя передачу информации и эмоциональное воздействие на зрителей. Для успешной реализации авторского замысла важно учитывать социальные и личностные обстоятельства, которые влияют на восприятие информации. Зритель лишен возможности озвучить свою реакцию на происходящее на сцене, но для драматурга важным является побуждение публики к рефлексии. Для этого он направляет на аудиторию поток стилистически зафиксированной информации, ответом на которую становится внутренняя речь зрителя. Взаимодействие драматурга со зрителем включает в себя несколько аспектов. Понимание

целевой аудитории способствует более глубокому взаимодействию, вплоть до установления доверительных отношений с ней. Автор должен учитывать интересы и эстетические потребности аудитории при раскрытии темы, создании системы персонажей и сюжетов с целью получения от нее эмоционального отклика. Отметим, что пьеса «Балморал» предназначена для британской публики, интеллектуалов, владеющих знаниями политического устройства мира и информацией о событиях мировой истории. Произведение предназначено как для чтения (авторские ремарки подробно и неэмоционально описывают обстановку, внешность и поведение героев), так и для постановки на сцене.

ВЫВОДЫ

Таким образом, М. Фрейн критикует власть и способы построения идеологии путем отражения межличностных отношений своих персонажей. Этот прием – раскрытие механизмов функционирования политики путем описания человеческих судеб, оказавшихся в эпицентре интриг, позволяет показать связь между личностью и историей. Пьеса «Балморал» – это политический фарс, использующий абсурд и «перевернутую реальность» для универсальной сатиры на любое тоталитарное общество, где декларируемые идеалы (бесклассовость, демократия) вступают в противоречие с реальностью (иерархия, ложь, страх). М. Фрейн разоблачает миф о «бесклассовости». Пьеса доказывает, что формальная смена строя не отменяет глубинных социальных «инстинктов». Герои-писатели, живущие в «народном» замке, мимикрируют под аристократов, воспроизводя старые классовые модели поведения и иерархию (господа/слуги). Это свидетельствует о лицемерии системы и живучести социального неравенства.

Группа писателей в Доме творчества – это микромодель продавшей и испуганной интеллигенции: герои больше озабочены бытовыми мелочами, дележом комнат и имиджем, чем творчеством, они готовы к обману и подлогу ради сохранения видимости благополучия и личной безопасности; высокие слова о демократии и человечности оказываются пустой риторикой, прикрывающей эгоизм и страх. Ключевой конфликт пьесы строится на множественных подменах и самозванстве: писатели пытаются играть роль «джентльменов» в королевском замке, выдавая желаемое (свое видение аристократизма) за действительное; выдача дворцового за писателя – это метафора всеобщего обмана, на котором держится система; даже аристократ-журналист оказывается ненастоящим. Истинные «я» действующих лиц погребены под слоями конформизма, страха и приспосабливаемости.

Абсурд и фарс в пьесе служат не для развлечения, а для заострения трагизма и нелепости описываемой реальности. Закрытый хронотоп (разрушающийся замок-изолятор) становится мощным символом загнивания системы и культурной изоляции. Замкнутый мир самодовольных писателей – аллегория на консервативный истеблишмент, оторванный от социальных проблем. Открытый финал (обнаружение писателя в сундуке) – это яркий символический жест: гниение системы и ее жуткие тайны невозможно скрывать вечно, они будут обнаружены, но что последует за этим – остается вопросом к зрителю.

Майкл Фрейн в «Балморале» создает блестящую сатирическую модель, где социально-политический фарс становится единственным возможным языком для описания абсурда общественной системы и нравственной деградации народа. Пьеса доказывает, что под маской коллективного блага и высоких идеалов могут скрываться страх, ложь и вечная игра в чужие роли.

Список литературы

1. *Ананьевская И. В.* Современные естественно-научные теории и художественное своеобразие пьес Т. Стоппарда «Хэпгуд» и «Аркадия» и М. Фрейна «Копенгаген»: Автореф дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – Воронеж, 2011. – 23 с.
2. *Баранова К. М., Викулова Л. Г., Герасимова С. А.* и др. Жанровая палитра зарубежной литературы. – М.: Языки Народов Мира, 2025. – 265 с.
3. *Гайдин Б. Н.* Шекспирсфера в современном кино: постановка проблемы // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – Режим доступа: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Gaydin_Shakespearean-Sphere-Cinema/. – (Дата обращения: 16.01.2026).
4. *Доценко Е. Г.* Межнациональные конфликты XXI века в пьесах британских драматургов // Филология и культура. – 2013. – № 2 (32). – С. 98–101.
5. *Ерофеева Н. Е., Киричук Е. В., Хомяков В. И.* Драма на перекрестках эпох. – Омск: Издательский центр КАН, 2025. – 232 с.
6. *Колесникова О. В.* Концепция истории в романах Майкла Фрейна «Одержимый» и «Шпионы»: Автореф дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2016. – 22 с.
7. *Коренькова Т.* PLATE ON/OFF: Замысел пьесы Чехова «Безотцовщина» и его интерпретация в переводах и инсценировках // Русский язык в центре Европы, 2021. – С. 116–131.
8. *Меркулова М. Г., Тропина Н. А.* Полемика с драматургическими универсалиями в пьесе Марка Равенхилла «Фауст мертв»: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 523–527.
9. *Норец М. В., Рейнова А. В.* Репрезентация образов членов британской королевской семьи в пьесе Майка Бартлетта «Король Карл III» // Научный диалог. – 2025. – № 3. – С. 229–248.
10. *Полховская Е. В., Рейнова А. В.* Пьеса Тома Стоппарда «Прыгуны» как философско-политическая сатира // Вестник филологических наук. – 2024. – № 11. – С. 131–137.
11. *Полховская Е. В., Рейнова А. В.* «Новая драма»: межродовой и межжанровый синтез (на примере пьесы Т. Стоппарда «Хэпгуд») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – № 7. – С. 2798–2804.
12. Ранняя драматургия А. П. Чехова: Сб. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. Седьмые Скафтымовские чтения, посвящённой 110-летию Саратовского университета и 125-летию ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. – М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2021. – 328 с.
13. *Федоренко О. Я.* Архетипичность образов и мотивов в драматургии Т. Уильямса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2018. – 219 с.
14. *Федоренко О. Я.* Прием ретроспекции в драме А. Миллера «Я ничего не помню» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 1(41). – С. 8–14.
15. *Фрейн М.* Балморал / пер. Е. Ракитина. – 2015. – 41 с. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/work774745>. – (Дата обращения: 04.01.2026).

References

1. *Anan'evskaya I. V.* *Sovremennye estestvenno-nauchnye teorii i khudozhestvennoe svoeobrazie p'es T. Stopparda «Khehpud» i «Arkadiya» i M. Freina «Kopengagen»: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [Modern Natural Science Theories and the Artistic Originality in the Plays «Hapgood» and «Arcadia» by T. Stoppard and «Copenhagen» by M. Frein. Abstract of thesis]. Voronezh, 2011. 23 p.
2. *Baranova K. M., Vikulova L. G., Gerasimova S. A. et al.* *Zhanrovaya palitra zarubezhnoi literatury* [The Genre Palette of Foreign Literature]. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2025. 265 p.
3. *Gaydin B. N.* *Shekspirofera v sovremennom kino: postanovka problemy* [The Shakespearean Sphere in Contemporary Cinema: the Problem Definition]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2014, no. 4. Available from: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2014/4/Gaydin_Shakespearean-Sphere-Cinema/ (accessed 16 January 2026)
4. *Dotsenko E.G.* *Mezhnatsional'nye konflikty XXI veka v p'esakh britanskikh dramaturgov* [Interethnic Conflicts of the 21st Century in the Plays by Contemporary British Playwrights]. *Filologiya i kul'tura*, 2013, no. 2 (32), pp. 98–101.
5. *Yerofeeva N. E., Kirichuk E. V., Khomyakov V. I.* *Drama na perekrestkakh ehpokh* [Drama at the crossroads of epochs]. Omsk, Izdatel'skii tsentr KAN Publ., 2025. 232 p.

6. Kolesnikova O. V. *Kontsepsiya istorii v romanakh Maikla Freina «Oderzhimyi» i «Shpiony»: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [The Concept of History in Michael Frain's Novels «Possessed» and «Spies». Abstract of thesis]. Moscow, 2016. 22 p.
7. Korenkova T. *PLATE ON/OFF: Zamysel p'esy Chekhova «Bezotsovshchina» i ego interpretatsiya v perevodakh i instsenirovkakh* [PLATE ON/OFF: The Idea of Chekhov's Play «Fatherlessness» and its Interpretation in Translations and Dramatizations]. *Russkii yazyk v tsentre Evropy*, 2021, pp. 116–131.
8. Merkulova M.G., Tropina N.A. *Polemika s dramaturgicheskimi universaliami v p'ese Marka Ravenkhilla «Faust mertv»: kognitivnyi aspekt* [Polemic with Dramaturgical Universals in Mark Ravenhill's Play «Faust is Dead»: a Cognitive Aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2022, no. 3(50), pp. 523–527.
9. Norets M.V., Reinova A.V. *Reprezentatsiya obrazov chlenov britanskoj korolevskoj sem'i v p'ese Maika Bartletta «Korol' Karl III»* [Representation of British Royal Family in Mike Bartlett's Play «King Charles III»]. *Nauchnyi dialog*, 2025, no 3, pp. 229–248.
10. Polkhovskaya E V., Reinova A.V. *P'esa Toma Stopparda «PrygunY» kak filosofsko-politicheskaya satira* [The Play «Jumpers» by Tom Stoppard as a Philosophical and Political Satire]. *Vestnik filologicheskikh nauk*, 2024, no. 11, pp. 131–137.
11. Polkhovskaya E V., Reinova A.V. *«Novaya drama»: mezhrodovoi i mezhzhanrovnyi sintez (na primere p'esy T. Stopparda «Khehpud»)* [«New Drama»: Inter-mode and Inter-genre Synthesis (by the Example of Tom Stoppard's Play «Happgood»)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2025, no. 7, pp. 2798–2804.
12. *Ramnyaya dramaturgiya A. P. Chekhova* [The Early Drama of A. P. Chekhov]. *Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu Saratovskogo universiteta i 125-letiyu GTSTM im. A. A. Bakhrushina*. Moscow, A. A. Bakhrushin SCTM Publ., 2021. 328 p.
13. Fedorenko O. Ya. *Arkhetipichnost' obrazov i motivov v dramaturgii T. Uil'yamsa* [The Archetypal Nature of Images and Motifs in T. Williams' Dramaturgy]. Moscow, 2018. 219 p.
14. Fedorenko O. Ya. *Priem retrospektii v drame A. Millera «Ya nichego ne pomnyu»* [Retrospect in A. Miller's Drama «I Can't Remember Anything»]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, 2021, no. 1(41), pp. 8–14.
15. Frayn M. *Balmoral*. [Balmoral]. Tr. by E. Rakitina, 2015. 41 p. Available from: <https://fantlab.ru/work774745>. (accessed 04 January 2026).

THE POETICS OF SOCIO-POLITICAL FARCE IN THE PLAY “BALMORAL” BY MICHAEL FRAYN

Reinova A. V., Polkhovskaya E. V.

The article examines the deep text-forming constants (plot, composition, speech of characters and figures of speech) that form the artistic system of Michael Frayn's socio-political farce “Balmoral” and ensure its sharp satirical orientation. The results of the study show that socio-political criticism in the play is realized through a stable set of constants: 1) a closed chronotope as a micromodel of the state; 2) types-masks embodying the vices of the system; 3) language as a tool of simulation and exposure; 4) the plot matrix of the “false inspection”, exposing the general deception. This proves that the play “Balmoral” is a complexly organized artistic system, where the form of farce is inextricably linked with the philosophical and critical content. The proposed approach to the analysis of plays of a socio-political orientation can be applied in the analysis of the plays of modern playwrights. The relevance of the research lies in the fact that through a detailed artistic and stylistic analysis of a particular play, it reaches the level of general patterns of creating political satire in drama, offering tools for analyzing complex social phenomena through the prism of artistic constants, remaining in dialogue with pressing issues of our time.

Key words: farce, socio-political criticism, alternative history, British drama.

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.41

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019299>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПОДДЕРЖКУ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ: НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Кидакочева З. Ш.

*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
E-mail: kidakoeva@gmail.com*

В статье рассматривается малоизученный аспект истории Гражданской войны на Кубани – благотворительные инициативы в поддержку Добровольческой армии. Основное внимание уделяется анализу роли кубанской периодики как ключевого института, организующего и координирующего благотворительную деятельность в условиях военного и политического кризиса. Исследование опирается на широкий круг источников: материалы газет «Вольная Кубань», «Кубанское слово», «Кубанский край» и «Великая Россия». Выявлено, что благотворительные акции на Кубани были сложным социально-политическим феноменом, способствовавшим формированию патриотического сознания и консолидации гражданского общества. Работа восполняет пробел в изучении региональной истории, демонстрирует значимость кубанской прессы как источника для понимания социальных процессов в условиях Гражданской войны.

Ключевые слова: Добровольческая армия, благотворительные акции, благотворительный футбольный матч, кубанская периодика, специальный номер «Кубань и Фронт», «Кубанское слово».

ВВЕДЕНИЕ

История Гражданской войны в России продолжает оставаться одной из наиболее дискуссионных тем в отечественной науке. Особый интерес представляет изучение особенностей функционирования гражданского общества в условиях военного и политического кризиса, когда традиционные институты государственности находились в состоянии разрушения, а социальные связи подвергались колоссальному напряжению. Среди прочих форм гражданской активности особое значение имели благотворительные начинания, которые выступали не только как форма материальной поддержки, но и как механизм консолидации общества.

Изучение истории журналистики сохраняет устойчивую актуальность в отечественной медиалогии, трансформируясь от хронологического описания периодических изданий к комплексному их анализу как социокультурного института. Эта трансформация особенно заметна в развитии истории региональных изданий. Фундаментальный вклад в становление этого направления внесли исследования Е. В. Ахмадулина и А. И. Станько [1], Ю. В. Лучинского [12], О. И. Лепилкиной [10], Н. В. Жилияковой [7] и др. Проблема благотворительности в период глобальных потрясений освещена в исследованиях С. С. Ипполитова [8], Е. В. Севостьяновой, О. В. Ульяновой [16], В. Г. Корнелюка [9], Р. В. Патюковой, Е. В. Тарасенко [13] и др.

Однако внимание к благотворительным инициативам на Кубани, особенно в контексте их взаимодействия с местной печатью, остается недостаточным. Между тем именно кубанская периодика второй половины 1918 – начала 1919 г. содержит богатейший материал, свидетельствующий о разнообразных формах участия екатеринодарцев в обеспечении нужд Добровольческой армии.

Целью настоящего исследования является оценка роли кубанской периодической печати во второй половине 1918 – начале 1919 г. как организующего и координирующего института благотворительных инициатив местного общества. Для достижения указанной цели были проанализированы разножанровые материалы кубанской прессы изучаемого периода, которые позволили выделить ключевые стратегии благотворительной деятельности, круг ее участников, а также уровень вовлеченности общества в события общенационального значения.

Периодическая печать в условиях глубоких политических и социальных трансформаций, имевших место в России в 1917–1920-х гг., выходила за рамки своей традиционной информационной функции. Она становилась активным участником идеологической борьбы, выполняя не только просветительскую, но и пропагандистскую миссию. Газеты выступали в роли мощного инструмента воздействия на общественное сознание, через который реализовывались программные установки и стратегии различных политических сил.

Сложившаяся на Кубани к концу 1918 г. общественно-политическая ситуация способствовала активизации еще одной важной функции периодической печати – организационно-координационной. Газеты стали не просто площадкой для обсуждения проблем обеспечения Добровольческой армии, а и действенным инструментом мобилизации материальных и финансовых ресурсов, необходимых для ее функционирования. В условиях дефицита государственных средств, разрушенной инфраструктуры и ограниченного доступа к внешним поставкам именно местная пресса взяла на себя роль ключевого организатора и координатора в объединении усилий кубанцев по оказанию помощи фронту. Особое место в этом контексте занимает деятельность по сбору средств и ресурсов для нужд Добровольческой армии – символа сопротивления большевизму и носителя идеи «единой и неделимой России».

Таким образом, настоящее исследование направлено на восполнение существующего пробела в изучении региональных практик благотворительных инициатив в условиях Гражданской войны и демонстрацию важности кубанской прессы как источника для понимания не только политических, но и социальных процессов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Формирование Добровольческой армии как одного из первых организованных военных объединений Белого движения началось в условиях глубокого государственного и социального кризиса, охватившего Россию после Октябрьской революции 1917 г. В условиях установления в отдельных регионах большевистской власти, разрушения прежних государственных институтов и утраты вертикали управления страной именно добровольческий принцип стал основой для формирования регулярной армии, способной противостоять новому режиму.

Идея создания такой армии принадлежала генералам М. В. Алексееву и Л. Г. Корнилову, которые видели в ней не только военную силу, но и символ восстановления государственности и единой России. Такой нравственно-патриотический имидж Добровольческой армии активно формировался и поддерживался кубанской и донской периодикой. Через публикации редакционных статей, корреспонденций, официальных объявлений и даже рекламных материалов создавалась целостная картина армии как силы, объединяющей всех, кто верит в будущее России. Особое внимание в газетах уделялось разъяснению целей и задач армии, условиям вступления в ее ряды.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПОДДЕРЖКУ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ...

Так, уже в одном из первых январских номеров 1918 г. кубанская ежедневная общественно-политическая газета «Кубанский листок», редактируемая Н. Н. Аркадьевым, декларировала главную цель Добровольческой армии и призывала граждан записываться в ее ряды. В редакционной статье подчеркивалось:

«Основная цель Добровольческой армии: охрана порядка и спокойствия в Кубанской области, чтобы дать возможность свободным гражданам сохранить Россию и довести страну без всяких насильственных давлений, откуда бы они ни исходили, до Учредительного собрания, которое и может сказать свободное слово устройства великой нашей Российской Державы» [6, с. 1].

Интерес кубанского общества к Добровольческой армии был особенно высок, поскольку Екатеринодар стал одним из первых крупных городов, фактически отвоеванных в ходе Кубанского «ледяного» похода, предпринятого в феврале 1918 г. Такое название поход получил не только из-за тяжелых погодных условий, но и из-за огромных человеческих потерь. Поход стал символом военной стойкости, и армия начала восприниматься как сила, способная защитить страну от последствий революции.

Свидетельством тому, например, служит одна из первых публикаций газеты «Кубанский край», призывающая екатеринодарцев поддержать армию и сопровождающаяся ярко выраженным патриотическим дискурсом:

«Русь, истекая кровью, тяжело застонала, ограбленная, умирающая от голода и придавленная немецким сапогом, под который подвели ее товарищи насадители “социализма”. Затравленные, оскорбленные, переданные всенародному порицанию, незаслуженно оттолкнутые родным народом – офицеры, при первом же раздавшемся стоне этого народа пошли умирать. <...> И они эти униженные и оскорбленные идут спасать ее в лице теперь мощной и грозной Добровольческой армии. Все лучшее, честное слилось в эту армию, цвет страны собрался в этом ядре будущей великой России. Население радо свержению советской власти, возвращению к мирному труду и созданию прочной власти; ко всем мероприятиям Добровольческой армии оно относится с доверием и поддерживает их» [5, с. 3].

Именно на Кубани начал формироваться образ Добровольческой армии как легитимной силы, призванной восстановить порядок и национальное достоинство России. Этот процесс нашел широкое отражение в кубанской периодической печати, где материалы были направлены на пробуждение патриотических чувств и осознание необходимости поддерживать армию не только морально, но и материально.

О необходимости материальной помощи отрядам Добровольческой армии местная периодика начала писать практически сразу после того, как немного утихла эйфория от возвращения к «нормальному» государственному существованию. Стало очевидно, что освобождение Екатеринодара от большевиков не решало насущных проблем: нехватки продовольствия, разрушенной инфраструктуры, дефицита медицинского обслуживания и, что особенно важно, истощения военных ресурсов. Поэтому объявления о благотворительных мероприятиях, сборах средств, акциях по оказанию помощи раненым и нуждающимся семьям военнослужащих – все это стало неотъемлемой частью содержательной политики ряда кубанских изданий.

Сразу после прибытия Добровольческой армии в Екатеринодар местная печать начала активно освещать ее положение и потребности:

«Армия вернулась с тяжелого похода. Мы приветствовали доблестные войска и видели изнеможенные загорелые лица бойцов, изумлялись их внешней бодрости,

мы видели чиненые и перечиненные гимнастерки, прохудившиеся куртки, залатанные черкески. <...>. Конечно, о снаряжении армии позаботится наше Краевое правительство в широком государственном масштабе, но и мы, граждане, не должны остаться безучастными. И для нас много найдется работы, маленькой правда, но великой своими результатами. Вот, например, армию нужно обшить в самом настоящем смысле этого слова» [15, с. 2].

Инициативу обшить армию взяла на себя Мария Ипполитовна – супруга войскового атамана Кубанского казачьего войска, генерал-майора Николая Митрофановича Успенского. «Оденьте ваших защитников» – так называлась благотворительная кампания, объявленная ею в Екатеринодаре в конце 1919 г., направленная на сбор теплой одежды, белья, швейных материалов и готовых изделий для нуждающихся частей армии.

Через газету «Кубанский путь» Успенская обратилась к горожанам с прямым призывом оказать помощь военнослужащим:

«Обращаюсь ко всем с горячим сердечным призывом <...> в данное время ощущается наибольшая нужда в следующем: швейные машинки, иголки для машинок, белые нити, материал для белья. По окончании работ машинки будут возвращены их владельцам, если число поступивших вещей окажется недостаточным, то я буду просить о реквизиции для наших воинов. Время не терпит промедления» [20, с. 1].

Особую значимость в системе благотворительных материалов кубанского информационного пространства имели публикации, направленные на поддержку медицинских учреждений, обслуживающих раненых бойцов Добровольческой армии. Так, в декабре 1918 г. ведомством Здравоохранения Кубанского Краевого Правительства была объявлена продажа билетов на благотворительную денежную лотерею, доходы от которой должны были поступить в распоряжение Ведомства на содержание лазаретов и других нужд здравоохранения. «Вольная Кубань» по этому поводу писала: «Думается, что все жители края должны откликнуться и произвести свою жертву на пользу лазаретов, на пользу выздоравливающих наших защитников» [11, с. 2]. Кроме того, газеты регулярно информировали о положении дел в госпиталях, рассказывали о нехватке медикаментов, перевязочных материалов и продуктов питания, необходимых для восстановления здоровья бойцов.

Не менее примечательными были культурно-просветительские мероприятия, которые также использовались как инструмент консолидации благотворительных инициатив кубанского общества. Спектакли, лекции, музыкальные вечера и другие культурные мероприятия приобретали не только развлекательный или образовательный характер, но и ярко выраженную благотворительную направленность. Так, под благотворительной эгидой в Екатеринодаре проводились просветительские лекции, посвященные актуальным вопросам современной политической ситуации и роли Добровольческой армии в борьбе с большевизмом. Программы таких благотворительных мероприятий анонсировались в местных газетах [3, с. 3], а доход направлялся на нужды Добровольческой армии.

Наиболее зрелищными и массовыми формами благотворительной активности стали театральные и спортивные мероприятия. В местной периодике публиковались анонсы таких событий с призывом принять в них участие:

«В зимнем театре состоится спектакль-кабаре, весь сбор с которого поступит на покупку одежды и медикаментов для Добровольческой Армии.

Интересно составленная программа вечера, высоко симпатичная цель, с которой он устраивается, позволяет думать, что вечер этот будет иметь особый материальный успех, о художественной стороне говорить не приходится» [17, с. 4].

Еще одним ярким примером стало благотворительное представление в цирке 22 ноября, чистый сбор с которого также направлялся в пользу Добровольческой армии [4, с. 3]. Ну а самым заметным и зрелищным благотворительным событием в кубанском обществе стал футбольный матч, состоявшийся 5 мая 1919 г., между екатеринодарским клубом «Унион» и сборной командой Британской Военной Миссии. Это был уже второй финал кубка, пожертвованного Главой Миссии генерал-лейтенантом Бриггсом.

«28 апреля кубок этот не достался ни той, ни другой команде, ибо состязание, несмотря даже на дополнительное время, окончилось в ничью со счетом 4:4. Весь чистый сбор с продажи билетов поступил в пользу Добровольческой Армии» [22, с. 3].

Решающий матч, состоявшийся на Крепостной площади Екатеринодара, собрал многотысячную толпу зрителей. Первая половина игры завершилась со счетом 3:1 в пользу английской команды. При этом первый гол в ворота русской команды был забит своим же защитником, а второй – реализован с пенальти, назначенного за игру рукой. После перерыва игра стала более напряженной и даже была прервана из-за драки.

«Раздраженный грубоватой игрой русского полузащитника англичанин бросился на него с кулаками, вызвав справедливое возмущение среди зрителей. Однако русский судья, учитывая напряженность момента и стремясь не допустить дальнейшего обострения, воздержался от удаления игрока и ограничился предупреждением, подчеркнув, что в случае повторения подобного поведения будут приняты более строгие меры. Игра была продолжена, а русская команда до конца основного времени сохраняла присущую ей корректность и сдержанность» [21, с. 3].

Матч закончился со счетом 4:2. После состязания кубок был выдан английской команде. Стоит отметить, что такие зрелищные благотворительные инициативы проводились и для ростовского общества [18, с. 4].

В конце 1919 г. кубанская периодика начала выполнять информационную функцию, сообщая населению о проводимых благотворительных акциях, а также стала непосредственным организатором и инициатором подобных мероприятий. Ярким примером активного участия местной прессы в организации помощи Добровольческой армии может служить выпуск специального номера «Кубань и Фронт», подготовленного и изданного 9 декабря 1919 г. редакцией общественно-политической, экономической и литературной газетой «Кубанское слово».

Газета вышла на четырех полосах в традиционном формате. Цена за номер – 5 рублей. На первой полосе крупным шрифтом было прописано: «Чистый доход с этого номера отчисляется на теплую одежду для Армии».

Патриотический призыв, обращенный к горожанам с целью пробуждения их гражданской совести и мобилизации на помощь фронту, гласил:

«Мы, живущие в уютном тылу, забыли о фронте. С осознанием нашей бытательской безопасности мы занялись своими личными делами, спекуляцией и политиканством. Началась бытательская суматоха, в которой мы забыли о

фронте, о тех, кто своей грудью защищает наше эгоистическое бытие. Нужно напомнить тылу, что его нравственный долг заключается в заботе о фронте, о воинах, которые с кровавыми пятнами на челе закладывают фундамент новой свободной России» [19, с. 1].

Значительную часть газеты, включая подвалы всех четырех полос, занимал рассказ «Рейд генерала Топоркова», написанный специально для газеты «Кубанское слово» непосредственным участником операции – офицером Б. Марковым. В материале подробно описывались как тактические задачи рейда, так и героические подвиги его участников. В тексте освещаются ключевые эпизоды боев, проведение разведывательных операций, столкновения с противником и сложные условия, в которых действовали части генерала С. М. Топоркова. Автор не ограничивается сухим описанием, а стремится передать обстановку, дух бойцов, их выдержку, стойкость и готовность к самопожертвованию.

Особую эмоциональную и патриотическую функцию в газете выполняла публикация князя Гаджимукова (Хаджимукова) «Черкесы и генерал Корнилов». Этот материал повествует о первой встрече Добровольческого отряда под командованием генерала Лавра Георгиевича Корнилова с представителями черкесского населения, состоявшейся 10 марта 1917 г. Автор, выступая как очевидец и непосредственный участник событий, подробно описывает атмосферу взаимного уважения и симпатии, установившуюся между русскими офицерами и черкесским населением. Особое внимание уделено подвигам черкесского полка, действовавшего под командованием Султана Келеч-Гирея, который сражался плечом к плечу с русскими офицерами и продолжил боевые действия после гибели генерала Корнилова.

Содержание номера, помимо благотворительной и военно-патриотической составляющей, включало материалы, отвечавшие повседневным интересам городской аудитории. В издании сохранялись постоянные рубрики, которые были знакомы читателям из повседневных выпусков. Среди них «Маленький фельетон», «На Дону», «Местная жизнь» и др.

Организация специального благотворительного выпуска требовала от редакции газеты «Кубанское слово» не только дополнительной редакционной подготовки, но и тесного взаимодействия с типографией, печатниками и распространителями. Именно на этом этапе возникло множество организационных трудностей, которые в конечном итоге повлияли на эффективность кампании. Оказалось, что значительное число газетчиков отказалось распространять этот номер, ссылаясь на различные причины – от сложившегося бытового неприятия воскресных выпусков до недостаточной осведомленности о благотворительной цели издания. При этом редакция газеты предпринимала усилия для разъяснения характера акции: заведующий хозяйственной частью А. И. Макаркин лично информировал распространителей о том, что доход от продажи пойдет в пользу Добровольческой армии, а комиссионные для газетчиков были даже повышены – с 70 копеек до одного рубля за экземпляр.

По этому поводу вечером 9 декабря 1919 г. в Ведомстве внутренних дел Кубанского краевого правительства было возбуждено делопроизводство под № 26639, требующее от чиновника особых поручений провести расследование. В постановлении требовалось установить причины, по которым распространители не явились за тиражом, а также выяснить, являются ли они отдельными неорганизованными лицами или же объединены в устойчивую структуру; в последнем случае следовало определить, кто возглавляет данную организацию.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ПОДДЕРЖКУ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ...

Инициаторы благотворительной акции предполагали, что отсутствие интереса со стороны многих распространителей в реализации специального номера «Кубань и Фронт» могло быть обусловлено не столько бытовыми причинами, сколько влиянием на них «кругов, симпатизирующих большевистскому движению».

Это предположение нашло косвенное подтверждение в показаниях заведующего хозяйственной частью газеты А. И. Макаркина, который во время раздачи обычного выпуска «Кубанского слова» в типографии товарищества «Энергия» несколько раз обращался к разносчикам с объявлением о предстоящем выпуске специального номера. Однако, по его словам, это предложение было встречено с явным несочувствием, что сразу же вызвало у него сомнения в готовности продавцов поддержать акцию.

«На следующий день, когда должно было начаться распространение номера, ни один газетчик не явился в типографию за тиражом. Я до вечера находился в типографии. Тогда я поручил раздачу газет своим типографским мальчишкам, им удалось реализовать 300 экземпляров газеты. Когда продавцы увидели мальчишек, они пришли в типографию и взяли по пять штук каждый – в то время как ранее они никогда не брали меньше десяти. Мое личное убеждение, что газетчики отказались продавать номер газеты из-за воздействия на них большевиков» [14, л. 85].

В пользу заговора газетчиков свидетельствует и бухгалтер издательства П. Г. Тарасов, который рассказал, что сложности начались еще во время печатания номера. Наборщики и печатники сперва согласились печатать номер, затем, явившись в бухгалтерию, заявили об отказе печатать номер по привычной цене. На сильно завышенную ставку пришлось согласиться Тарасову, так как «момент был необратим, издательство понесло бы сильные убытки из-за внесенного аванса».

Путем опроса членов редакции «Кубанского слова», работников типографии и 48 газетчиков чиновником особых поручений Толмачевым были выяснены следующие обстоятельства:

«Никакой пропаганды против распространения газеты никем не велось, о чем свидетельствуют показания множества газетчиков. Неявка многих распространителей в типографию за благотворительным номером произошла вследствие заведенного обычая: в воскресные дни в Екатеринодаре никаких газет не выпускалось, а потому продавцы привыкли употреблять эти дни для отдыха; ввиду высокой продажной цены в 5 рублей за каждый номер продавцы боялись брать много номеров. Тем более что ко времени распродажи номеров «Кубань и Фронт» в понедельник утром были получены и ростовские газеты, пользующиеся большим спросом у публики; многим газетчикам не было достоверно известно, что чистый доход от реализации номера “Кубань и Фронт” полностью направляется на нужды Добровольческой армии, очевидно, информация не дошла до всех распространителей либо была воспринята ими без должного внимания» [14, л. 88].

Таким образом, официальное расследование Кубанского краевого правительства опровергло версию о политически мотивированном бойкоте газетчиков благотворительного номера «Кубань и Фронт», сделав акцент на объективных, бытовых и организационных причинах неудачи. В газете «Кубанское слово» мы не обнаружили ни одного упоминания, свидетельства или комментария, касающегося этого инцидента. При

этом редакция продолжала активно участвовать в благотворительной деятельности и информировать общество о ходе сбора средств для Добровольческой армии. Ежедневно до конца декабря 1919 г. в газете публиковались подробные отчеты о ходе сбора пожертвований, сопровождавшиеся списками жертвователей – от крупных взносов чиновников и предпринимателей до скромных сумм, внесенных рядовыми горожанами. Такая практика обеспечивала высокую степень прозрачности благотворительной кампании и способствовала укреплению общественного доверия. По состоянию на 22 декабря, объем собранных средств редакцией «Кубанского слова» составил 14 405 рублей 20 копеек [2, с. 3].

ВЫВОДЫ

Анализ функций кубанской периодической печати в организации благотворительных инициатив в поддержку Добровольческой армии во второй половине 1918 – начале 1919 г. позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение не только для истории Белого движения, но и для понимания механизмов формирования гражданского общества в условиях политической нестабильности.

Ключевой особенностью рассматриваемого периода стало активное вовлечение кубанской прессы в организацию и координацию благотворительной деятельности. Анализ материалов газет «Вольная Кубань», «Кубанское слово», «Кубанский край» и «Великая Россия» показал, что кубанская пресса превратилась из пассивного информатора в активного организатора и координатора благотворительных усилий.

Она не только освещала нужды армии, но и инициировала кампании по сбору средств, организации помощи раненым, обеспечению бойцов одеждой и медикаментами. Особое значение имели такие инициативы, как акция М. И. Успенской «Одеваем ваших защитников», выпуск специального номера «Кубань и Фронт», благотворительные лекции, спектакли и спортивные мероприятия, доходы от которых направлялись на нужды фронта.

Следует отметить, что в конце 1919 г. благотворительные инициативы для кубанского общества стали важнейшим элементом гражданской мобилизации, объединявшим различные слои общества вокруг идеи поддержки тех, кто «своей грудью защищает Великую и Единую Россию».

Периодическая печать выступала ключевым институтом в организации и координации этих усилий, выполняя не только информационную, но и организационную, пропагандистскую и воспитательную функции. Формы благотворительности были разнообразны: от сбора теплых вещей и денежных пожертвований до проведения культурно-массовых мероприятий, что свидетельствует о высокой степени вовлеченности населения.

Однако этот процесс нередко осложнялся идеологическим противостоянием и проявлениями подпольной деятельности, что свидетельствует о глубокой социальной поляризации и противоречивости исторического контекста Гражданской войны.

Таким образом, исследование показывает, что благотворительные инициативы на Кубани были не просто актами милосердия, а сложным социально-политическим явлением, тесно связанным с идеологической борьбой, формированием патриотического сознания и мобилизацией ресурсов в условиях Гражданской войны.

Список литературы

1. *Ахмадулин Е. В., Станько А. И.* Региональная печать Дона и Северного Кавказа XIX – начала XX вв. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2014. – 372 с.
2. Больным и раненым бойцам Екатеринодарского эвакопункта и на теплые вещи для Армии // Кубанское слово. – 1919. – № 386–146. – С. 3.
3. В обществе и Собраниях // Великая Россия. – 1919. – № 202. – С. 3.
4. В пользу Добровольческой Армии // Вольная Кубань. – 1918. – № 117. – С. 3.
5. *В. Г.* Добровольческая армия // Кубанский край. – 1918. – № 48. – С. 3.
6. Добровольческая армия Кубанской области // Кубанский листок. – 1918. – № 1154. – С. 1.
7. *Жилиякова Н. В.* Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея областничества. – Томск: Изд-во Томского университета, – М.: Илекса, 2014. – 288 с.
8. *Ипполитов С. С.* Российская гуманитарная деятельность в период Гражданской войны (1917–1921 гг.): проблемы изучения // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 74–79.
9. *Корнелиук В. Г.* Беженцы в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 г.) // Новый исторический вестник. – 2017. – № 1 – С. 51–63.
10. *Лепилкина О. И.* Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). – М., 2010. – 364 с.
11. Лотерея Ведомства Здравоохранения // Вольная Кубань. – 1918. – № 140. – С. 2.
12. *Лучинский Ю.В.* История периодической печати Кубанской области (1863–1905). – Краснодар: Парабеллум, 2012. – 224 с
13. *Патюкова Р. В., Тарасенко Е. В.* Информационное освещение добровольчества в российской периодике конца XIX – начала XX века (на примере литературного отдела журнала «Вестник благотворительности») // Вестник ВГУИТ. – 2019. – № 4. – С. 145–151.
14. ГАКК. Р7. оп.1. д. 427. – Л. 85.
15. Рубашки // Кубанский край. – 1918. – № 53. – С. 2.
16. *Севостьянова Е. В., Ульянова О. В.* «Не считайте принимаемые меры насилием...»: общественная благотворительность и власть в Забайкалье в период политического режима атамана Семенова // Genesis: исторические исследования. – 2021. – № 10. – С. 60–89.
17. Спектакль в пользу Добровольческой Армии // Вольная Кубань. – 1918. – № 126. – С. 4.
18. Спорт: футбол // Вечернее время. – 1919. – № 62. – С. 4.
19. Тыл // Кубань и Фронт. – 1919. – № 1. – С. 1.
20. *Успенская М. И.* К населению Кубанского края // Кубанский путь. – 1919. – № 59. – С. 1.
21. Футбол // Великая Россия. – 1919. – № 202. – С. 3.
22. Футбольный матч с англичанами // Великая России. – 1919. – № 202. – С. 3.

References

1. Akhmadulin E. V., Stan'ko A. I. *Regional'naja pechat' Dona i Severnogo Kavkaza 19 – nachala 20 vv.* [Regional press of the Don and the North Caucasus of the 19th – early 20th centuries]. Rostov-on-Don, Yuzhnyj federalnij universitet Publ., 2014. 372 p.
2. *Bol'nym i ranenym boitsam Ekaterinodarskogo evakopunkta i na teplye veshchi dlya Armii* [To the sick and wounded soldiers of the Ekaterinodar evacuation point and for warm clothes for the Army]. *Kubanskoe slovo*, 1919, no. 386–146, p. 3.
3. *V obshchestve i Sobranijakh* [In society and at meetings]. *Velikaja Rossija*, 1919, no. 202, p. 3.
4. *V pol'zu Dobrovol'cheskoj Armii* [In favor of the Volunteer Army]. *Vol'naja Kuban'*, 1918, no. 117, p. 3.
5. *V. G. Dobrovol'cheskaja armija* [Volunteer Army]. *Kubanskij kraj*, 1918, no. 48, p. 3.
6. *Dobrovol'cheskaja armija Kubanskoj oblasti* [Volunteer Army of the Kuban region]. *Kubanskij listok*, 1918, no. 1154, p. 1.
7. Zhilyakova N. V. *Zhurnalistika dorevoljutsionnoj Tomskoj gubernii: ideja oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk province: the idea of regionalism]. Tomsk, Tomskij universitet Publ., Moscow, Ieksa Publ., 2014. 288 p.

Кидакеева З. Ш.

8. Ippolitov S. S. *Rossijskaja gumanitarnaja dejatel'nost' v period Grazhdanskoj vojny (1917–1921 gg.): problemy izuchenija* [Russian humanitarian activity during the Civil War (1917–1921): problems of study]. *Nasledie vekov*, 2019, no. 3, pp. 74–79.
9. Kornelyuk V. G. *Bezhtensy v belorusskikh gubernijakh i pervyj opyt gosudarstvennoj i obshchestvennoj pomoshchi bezhtensam (1914 – pervaja polovina 1915 g.)* [Refugees in the Belarusian provinces and the first experience of state and public assistance to refugees (1914 – first half of 1915)]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2017, no. 1, pp. 51–63.
10. Lepilkina O. I. *Sistema russkoj provintsial'noj periodicheskoy pechati (18 – nachalo 20 v.)* [The system of Russian provincial periodical press (18th – early 20th century)]. Moscow, 2010. 364 p.
11. *Lotereja Vedomstva Zdravookhraneniya* [Lottery of the Department of Healthcare]. *Vol'naja Kuban'*, 1918, no. 140, p. 2.
12. Luchinskij Yu. V. *Istorija periodicheskoy pechati Kubanskoj oblasti (1863–1905)* [History of periodical press of the Kuban region (1863–1905)]. Krasnodar, Parabellum Publ., 2012. 224 p.
13. Patjukova R. V., Tarasenko E. V. *Informatsionnoe osveshchenie dobrovol'chestva v rossijskoj periodike kontsa 19 – nachala 20 veka (na primere literaturnogo otdela zhurnala «Vestnik blagotvoritel'nosti»)* [Information coverage of volunteerism in Russian periodicals of the late 19th – early 20th centuries (based on the literary section of the journal “Vestnik blagotvoritel'nosti”)]. *Vestnik VGUIT*, 2019, no. 4, pp. 145–151.
14. *Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK)* [State Archives of the Krasnodar Territory (SAKT)]. F. R-7, op. 1, d. 427, l. 85.
15. *Rubashki* [Shirts]. *Kubanskij kraj*, 1918, no. 53, p. 2.
16. Sevost'yanova E. V., Ul'yanova O. V. «*Ne schitajte prinimaemye mery nasilijem...»: obshchestvennaja blagotvoritel'nost' i vlast' v Zabajkal'e v period politicheskogo rezhima atamana Semenova* [“Do not consider the measures taken as violence...”: public charity and power in Transbaikalia during the political regime of Ataman Semenov]. *Genesis: istoricheskie issledovanija*, 2021, no. 10, pp. 60–89.
17. *Spektakl' v pol'zu Dobrovol'cheskoj Armii* [Performance in favor of the Volunteer Army]. *Vol'naja Kuban'*, 1918, no. 126, p. 4.
18. *Sport: futbol* [Sport: football]. *Večernee vremja*, 1919, no. 62, p. 4.
19. *Tyl* [Rear]. *Kuban' i Front*, 1919, no. 1, p. 1.
20. Uspenskaja M. I. *K naseleniju Kubanskogo kraja* [To the population of the Kuban region]. *Kubanskij put'*, 1919, no. 59, p. 1.
21. *Futbol* [Football]. *Velikaja Rossija*, 1919, no. 202, p. 3.
22. *Futbol'nyj match s anglichanami* [Football match with the British]. *Velikaja Rossija*, 1919, no. 202, p. 3.

CHARITABLE INITIATIVES IN SUPPORT OF THE VOLUNTEER ARMY: BASED ON MATERIALS FROM KUBAN PERIODICALS

Kidakoeva Z. Sh.

This article examines a poorly researched aspect of the Kuban region's history during the Russian Civil War – the charitable initiatives in support of the Volunteer Army. The primary focus is on analyzing the role of the Kuban periodical press as a key institution that organized and coordinated philanthropic activities amidst the military and political crisis. The study draws upon a wide range of sources, primarily materials from the newspapers *Volnaya Kuban*, *Kubanskoye Slovo*, *Kubansky Krai*, and *Velikaya Rossiya*. This source base allows for the reconstruction of not only the forms and content of the charitable campaigns but also their implementation mechanisms and the public reaction to them. The research reveals that charity in the Kuban was not merely an expression of compassion but a complex socio-political phenomenon that fostered the formation of a patriotic consciousness and the consolidation of civil society. This study fills a gap in the scholarship on regional history and underscores the significance of the Kuban press as a source for understanding social processes during the Civil War.

Keywords: Volunteer Army, charitable campaigns, charity football match, Kuban periodicals, special issue *Kuban i Front*, newspaper *Kubanskoe Slovo*

УДК 070

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019339>

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ТРАНСЛЯТОР КОМИЧЕСКОГО

Конивец А. П.

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
Москва, Российская Федерация
E-mail: arsikc333@yandex.ru*

Интернет-мем является популярным видом медиаинформации, он используется для описания, комментирования событий, явлений политического, экономического, культурного характера. Его востребованность мотивируется аспектом комического – эстетической категорией, отображающей противоречия действительности. Целью данной статьи является исследование методов создания комического в интернет-мемах. Используя наблюдение, анализ, типологический и филологический методы, автор анализирует интернет-мемы, размещенные в социальных сетях, интернет-изданиях, СМИ в период с 2021 по 2025 гг.; делает заключение, что формирование комического в интернет-меме основывается на выявлении конфликта, дисгармонии, акцентировании к ним внимания через юмор, иронию, сатиру, сарказм; методы комического находятся в прямой зависимости от материальной структуры интернет-мема. В текстовых мемах используются: риторические фигуры, измененное написание слов, фраз, фразы-клише, афоризмы, пословицы, поговорки, молодежный сленг. В визуальных мемах комическое реализуется за счет сравнения, противопоставления идей, образов посредством изменения, обработки изображений. В креолизованных интернет-мемах комическое может присутствовать как в текстовом, визуальном элементах, так и формироваться в процессе синтеза их смысловых нагрузок.

Ключевые слова: интернет-мем, комическое, приемы комического, виды интернет-мемов, текст, изображение, идея.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация социума, медиакоммуникационные революции определяют изменение медиааудитории, системы СМИ и массмедиа, медиакоммуникаций, жанров (см.: О. Е. Коханая, Ю. А. Головин [15], М. М. Назаров [19] и др.), формируются новые тенденции медиапотребления (см.: Д. В. Дунас [8], Е. П. Немировская, В. С. Алексеева [20], В. Смеюха, Л. Черкасова, Е. Шаповалова [27] и др.). В начале нового тысячелетия в медиасреде стал активно использоваться интернет-мем, который рассматривается учеными и как единица информации, и как жанр, и как элемент визуализации, и как средство коммуникации (см.: Е. И. Голованова, Н. В. Часовский [4], И. В. Горобцова, Н. Ю. Киселева [5], С. В. Канашина [13], Н. Г. Марченко [16], Л. Ш. Мигранова, Е. И. Кромина [17], Ю. В. Щурина [26] и др.).

Мем – это не современное изобретение. Сам термин впервые ввел в оборот немецкий биолог-дарвинист Р. Земон еще в 1904 г. Понятие стало обозначать «способность к созданию собственных копий». Во второй половине XX в. смысловое значение языковой единицы дополнил английский биолог Р. Докинз, который развил идею своего немецкого коллеги и определил мем как единицу «культурной информации», напоминающей по структуре геном и способной передаваться из поколения в поколение [7]. Именно эта способность мемов делает их похожими на вирусы. Мемы, по мнению Р. Докинза, это идеи, картинки, слова и мелодии, которые проходят через естественный отбор, развиваются и тиражируются. Исходя из этого, можно определить мем как вид информации, структура которой состоит из изображения, видео, компонентов текста, с включением аспекта комического, которая привлекают внимание интернет-пользователей, активно участвующих в ее распространении.

Появление интернет-мема в медиапространстве и его широкое распространение связано прежде всего с активной визуализацией медиаконтента и кризисом вербальности. По мнению ученых, наш мир становится менее «лингвистичным». Текстовый продукт теряет былую востребованность, актуализируются фотоизображение, иллюстрация, видеоряд, инфографика. Появляются новые виды изобразительной продукции, распространяющие информацию, развлекающие, обучающие, просвещающие аудиторию (см.: М. М. Молчанова, П. А. Лекова [18], И. Г. Коршунова [14]). Интернет-мем использует в своей основе комический аспект, что также объясняет его популяризацию – аудитория отдает предпочтение рекреативному, юмористическому контенту, предпочитает потреблять информацию в развлекательном формате (см.: Д. С. Артамонов [1], В. В. Дабеза, Н. И. Иовва, Ю. В. Ткаченко [6], О. О. Иващенко [12], Д. А. Радченко [23], В. А. Собянина [25] и др.).

В последнее время лидирующее положение в распространении юмора, несомненно, стали занимать интернет-коммуникации. В социальных сетях, мессенджерах, блогах тиражируются анекдоты, шутки, мемы. В связи с визуализацией контента почти все они представляют собой полимодальные медиатексты, в которых текстовый контент сопровождается фотографиями, видеоклипами, рисунками, кадрами из фильмов (см.: Н. В. Рабкина [22]). «Представляя собой метод подачи информации в виде оптического изображения, визуализация активно и прочно входит в наше коммуникативное медиапространство, все чаще дополняя, а иногда и заменяя полностью вербальный контент. Визуальная форма представления информации – одна из наиболее экономичных с точки зрения законов восприятия и эмоциональной экспрессивности», – пишут ученые М. М. Молчанова, П. А. Лекова [18, с. 226].

Таким образом, учитывая актуальность распространения интернет-мемов и их роль в создании комического контента, можно сделать заключение о необходимости изучения данного феномена с научной точки зрения. Анализом интернет-мемов занимаются следующие ученые: Н. А. Аршинская [2], Н. А. Зиновьева [10; 11], Е. И. Огневая [21] и др., в своих трудах они излагают результаты исследования влияния интернет-мемов на аудиторию, их конструирования и типологии.

Цель данной статьи – выявление приемов комического в интернет-мемах. Интернет-мемы являются распространенной медиаинформацией, используются как в социальных сетях, так и в СМИ, авторы последних описывают актуальные, популярные мемы, вследствие чего в качестве эмпирической базы исследования использовались материалы социальных сетей («ВКонтакте»: тематических и локальных групп с мемами: «Мемы про студентов», «Мемы про работу», «Московские мемы на каждый день», «Ростовские мемы на каждый день», «Про Солнечногорск»; группы «Камелия – сеть магазинов для всей семьи»; группы «Книги: читаем и обсуждаем!» сети «МирТесен»; телеграм-каналов «Ваза», «Собчак», «Кровавая барыня»), средств массовой информации и изданий в сети Интернет («Комсомольская правда», «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге», «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Maxim», «The Voice», «Lenta.ru», «Газета.ru», «Москва онлайн», «Adindex.ru», «161.ru»), размещенные в период с апреля 2021 по август 2025 г. Методы исследования – наблюдение, анализ, типологический (способствовал выявлению групп интернет-мемов), филологический (использовался для рассмотрения комического в текстах интернет-мемов).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Посредством создания и передачи интернет-мема его автор делает доступным для широкой аудитории свое мироощущение, свои оценки, мнение сквозь призму юмора, иронии, сарказма. Если идея мема, его комический аспект интересны пользователям сети, то он продолжает распространяться. Так, с начала 2020 г., когда в медиа актуализировалась тема эпидемии коронавируса, информация о нем передавалась в том числе и через интернет-мемы. В социальных сетях активно транслировались шуточные, юмористические, ироничные изображения, связанные с пандемией, которые психологически помогали аудитории справиться с тревожным состоянием, чувством страха, отвлекали и развлекали. Мемы на тему пандемии чаще отмечались пользователями, об этом стали писать СМИ (*Россияне лайкают мемы про коронавирус в пять раз чаще других* // РЕН ТВ. 24.12.2020). Следовательно, в создавшейся ситуации интернет-мемы, благодаря своей позитивной направленности, юмористической характеристике, стали той информацией, которая упрощала восприятие проблемы.

В нынешних условиях интернет-мемы являются востребованной коммуникативной единицей медиадискурса, благодаря способности выполнять функции релаксации (развлечения), успешно реализуют роль, сформулированную Р. Докинзом: они приспосабливаются к современным реалиям и эволюционируют, что обуславливает их жизнеспособность и актуальность. Интернет-мемы адаптируются под различные ситуации, используют эмоции и шутки, развиваются. Например, Ю. В. Шурина пишет: «Так, появившаяся на одном из форумов фраза “Всеки ему!”, написанная в ответ на вопрос “Что мне делать с другом, который каждый день приходит ко мне домой, чтобы поиграть в Line Age 2?”, в течение нескольких дней получила распространение среди участников форума и на других ресурсах. Затем фраза была преобразована, появились ее варианты: “Посоветуй ему сделать себе самовсеч!”, “Однозначно всеч!”, “Кому-то надо всеч!”, “ВсеЧ!” (именно в таком орфографическом оформлении) и т. п.» [26, с. 84]. Необходимо отметить, что данный интернет-мем начал активно употребляться в ироничном контексте в тех ситуациях, когда необходимо посоветовать пользователю не обсуждать на форуме своих друзей.

В процессе создания мема важна идея, которую он будет транслировать, – это может быть сообщение новости, оценка события, комментирование явления, процесса, при этом важным является комическая интерпретация передаваемой информации. Следовательно, одной из актуальных характеристик интернет-мема является аспект комического. Комическое – эстетическая категория, ориентированная на освещение противоречий, к видам комического относят юмор, сатиру, сарказм [3].

Чтобы выявить механизм формирования комического в структуре интернет-мема, необходимо обратиться к видам интернет-мемов. Используя типологический метод, рассмотрим классификацию интернет-мемов, в основе которой находится способ их овеществления или степени участия вербальности, визуальности:

- 1) текстовый интернет-мем – состоит из слова или фразы (вербализованный контент);
- 2) визуальный интернет-мем – включает в себя только изображение, фотографию, видеоряд (визуальный контент);
- 3) креолизованный интернет-мем – содержит текстовые и визуальные части.

Рассмотрим интернет-мемы указанных групп и определим приемы создания комического эффекта.

Текстовые интернет-мемы – это слова, словосочетания, фразы, диалоги юмористического, саркастического характера. Выделим методы достижения комического эффекта в текстах, ставших интернет-мемами.

Во-первых, комическое в текстовых интернет-мемах может создаваться за счет использования тропов, риторических фигур. Приведем примеры: «*Многие говорят про начало учебного года, я прекрасно знаю, что новый год начинается с первого января*» (Мемы про студентов // ВКонтакте. 8.08.2025. URL: https://vk.com/egearmy?from=search&z=photo-167751661_457249581%2Fc56f025796780d0efc); «*Не бойтесь, океаны не высохнут. Я восполняю их своими курсовыми*» (Там же. 5.08.2025. URL: <https://vk.com/egearmy?from=search&z=photo>);

« – *Скоро получим ответ от заказчика. И будем править.*

– *Миром?*

– *Нет, Олег, макет*» (Мемы про работу // ВКонтакте. 28.08.2025. URL: https://vk.com/work_meme?z=photo) и др. В указанных текстах юмористический эффект достигается за счет использования каламбура: используются слова сходные по звучанию, но разные по значению.

Во-вторых, в текстах мемов при создании комического используется прием изменения написания слова за счет перестановки букв, преднамеренного допуска орфографических ошибок, сокращения слова, объединения нескольких лексических единиц в одну и т. д.: «превед», «афтар жжот», «есчо», «окак» и т. д. Журналист издания «Газета.ru» М. Куприянов анализирует использование интернет-мема «окак» и делает заключение, что он может транслировать различные эмоции: удивление, сарказм, недоумение, раздражение, иронию и т. д. (Куприянов М. Мем «окак» с котом в капюшоне: что за зверь, откуда он взялся и почему всем смешно // Газета.ru. 15.05.2025). Рассмотрим примеры: «*Контролеры: резко заходят в автобус и просят показать билет. Полсалона ростовчан с неоплаченным проездом: “Окак!”*» (Ростовские мемы на каждый день // ВКонтакте. 14.05.2025. URL: <https://vk.com/tndeveryday?from=search&z=photo>) – в данном случае «окак» способствует выражению шуточного, ироничного настроения. «*Окак! Скидки в Камелии!*» (Камелия – сеть магазинов для всей семьи // Там же. 07.08.2025. URL: https://vk.com/search/statuses?c%5Bq%5D=%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BA&w=waII-128123040_20024) – мем транслирует эмоции радости и удивления. «*Розы из Солнечногорска украсят город в Челябинской области. Окак. А сам Солнечногорск украшен лишь лопухами*» (Pro Солнечногорск // Там же. 5.05.2025. URL: https://vk.com/search/statuses?c%5Bq%5D=%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BA&z=photo-30040346_457301640%2F4f5bee0c06dbc466ec) – используемая языковая конструкция выражает эмоции удивления и сарказма.

В-третьих, текстовые интернет-мемы могут представлять собой фразы-клише – устойчивые лексические единицы, выражения, приобретающие шаблонный характер: «Баян», «Британские ученые», «Горизонт завален», «От слова совсем...», «А вы точно ученый?..», «Вы ничего не путаете?», «... Барабанная дробь! ...», «Мне одному кажется, что...», «Читать до конца ...», «Вошёл не в ту дверь ...», «Не благодарите» и т. д. Авторами подобных мемов становятся как обычные пользователи социальных сетей, так и известные люди («звезды», селебрити). Например, фраза «Зашёл не в ту дверь», ставшая интернет-мемом, принадлежит певцу Ф. Киркорову, и первоначально она была им сказана в свое оправдание после участия в широко обсуждаемой вечеринке А. Ивлеевой: «*Певец Филипп Киркоров прокомментировал свое участие в вечеринке Анастасии Ивлеевой, которая прошла в московском клубе Mutabor с дресс-кодом almost naked*

(*“почти голый”*). Он заявил, что *“зашел не в ту дверь”* и не знал *“о характере событий, которые будут происходить за этой дверью”*», – так процитировала слова Ф. Киркорова газета «Коммерсантъ» (Киркоров объяснил участие в вечеринке Ивлеевой словами *«зашел не в ту дверь»* // Коммерсантъ. 16.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6427078>). Сегодня данный интернет-мем используется в значении «лукавство», «лицемерие», «хитрость», «неискреннее раскаяние», «неправильное действие», «неверный поступок» и т. д. Мем стал использоваться в социальных сетях: *«Медведь из Ванкувера зашел не в ту дверь и наткнулся на настоящего зверя – косолапого прогнал злейший штиц»* (Vaza. 8.08.2025); в публикациях СМИ: *«Петербуржец зашел не в ту дверь и был подстрелен недовольным хозяином квартиры»* (Газета.ру. 3.05.2025), *«Принц Гарри трижды попытался зайти не в ту дверь»* (Там же. 10.05.2025), *«“Зашел не в ту дверь”: Петербуржец стал звездой Интернета благодаря видео с тигром, живущим с ним под одной крышей»* (Комсомольская правда в Санкт-Петербурге. 2.02.2025) и др. Как видим, интернет-мем получил развитие, фраза, принадлежавшая Ф. Киркорову, стала употребляться в текстах других авторов (блогеров, журналистов, интернет-пользователей) с целью достижения комического эффекта, юмористического обыгрывания ситуации, в которую попали герои указанных публикаций, привлечению внимания читателей.

В-четвертых, в языковых интернет-мемах могут использоваться известные пословицы, поговорки, фразеологизмы, названия литературных произведений, афоризмы и т. д.: *«Слышал, что скупой платит дважды. Теперь хочу работать у скупого»* (Мемы про работу // ВКонтакте. 28.07.2025. URL: https://vk.com/work_meme?from=search&z=photo-217424576_457254851%2Fa13c64651f4b2ba3a9). В данном случае комический эффект достигается за счет введения в текст нового смысла, противоположного тому, который характерен для пословицы «Скупой платит дважды». Используемые в мемах известные языковые конструкции могут претерпевать изменения, что усиливает комический эффект: *«Если вы считаете, что нет ничего невозможного, то попробуйте одеть свитер на филолога ... Филологу никто не звонит, филологу всегда звонят»* (Ольховская М., Каюмова В. Если вы считаете, что нет ничего невозможного, то попробуйте одеть свитер на филолога // Блокнот Таганрог. 25.05.2022. URL: <https://bloknot-taganrog.ru/news/esli-vy-schitaete-cto-net-nichego-nevozmozhnogo-t>) – в данном примере использованы известные фразы: «Нет ничего невозможного» [9] и «Полковнику никто не пишет» (название повести Г. Г. Маркеса), они приобретают новые смыслы за счет их продолжения (первое предложение) и изменения (второе предложение); кроме того, акцентируется внимание на орфоэпической ошибке, что создает эффект комического.

В-пятых, популярными текстовыми интернет-мемами становятся выражения, в которых присутствует молодежный сленг – экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика, используемая в молодежной среде (более подробно о функциях и характере современного молодежного сленга в медиасреде пишет В. В. Смеюха в статье «Функционирование молодежного сленга в СМИ» [24]). На современном этапе популярными в молодежной среде являются следующие языковые единицы, конструкции, употребляющиеся в качестве мемов: «Босс КФС» (в значении «человек с большим весом»), «Nike Pro» (девушки, уделяющие повышенное внимание своей фигуре и делающие на ней акцент), «нормис» (нормальный человек), «плаки-плаки» (обращение к расстроенному человеку, возможен саркастический, насмешливый подтекст), «съел все бигмаки» (человек, который много ест, имеет лишний вес), «босс художки» (люди, внешность которых отличается от общепринятых норм), «мои “нет” в животных»

(категорическое неприятие), «мен момент» (высмеивание шаблонного, стереотипного мужского поведения) и т. д. Языковой запас отечественной молодежной аудитории постоянно пополняется новыми словами: А. Лукьянова «Кто такие скуф и альтушка и от чего можно испытать кринж: словарь самого модного молодежного сленга в 2024 году» (КП. 18.10.2024), «“Чушпан” забыт, “краш” стабилен: какие сленговые слова были популярны в соцсетях в 2024 году» (Грамота. ру. 16.01.2025) и т. д. Рассмотрим примеры мемов, в основе которых использовались сленговые слова молодежной аудитории:

«Паша @cptnsir: “У Собчак интересный мейкап сегодня. Вероятно, она планирует стать альтушкой”».

Собчак: “База. У нее даже есть свой скуф”» (Собчак // Телеграм. 20.01.2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001569770320>). В данном случае комический эффект достигается за счет противопоставления слов «альтушка» (молодая девушка, выделяющаяся своим видом) и «скуф» (мужчина средних лет, с лишним весом, плохо следящий за своей внешностью) и использования их для характеристики известной личности – К. Собчак. Обратим внимание на то, что, отвечая на замечание, журналистка начинает свой ответ с использования слова «база», которое также относится к молодежному сленгу; в данном случае оно реализует следующую смысловую нагрузку: «это правда», «действительно так»; кроме того, данное выражение может рассматриваться в качестве интернет-мема: «в широком смысле – поведение человека, которому наплевать на чужое мнение», – так описывает значение языковой единицы телеграм-канал «Умный брокколи. Грамотность» (6.08.2022. URL: <https://t.me/brokoledu/3332>); следовательно, введение в текст данной языковой единицы изначально формирует его шуточный контекст: автор ответа понимает молодежный сленг, может ответить оппоненту с использованием популярных в молодежной среде лексических единиц, дает понять, что в данном случае ей не интересно чужое мнение.

Редакции К. Собчак принадлежит телеграм-канал «Кровавая барыня», в котором используется молодежный сленг, в том числе и с целью создания юмористического, сатирического контекста новости: «Скуфы, общий сбор! В России подорожает пиво» (Кровавая барыня // Телеграм. 18.03.2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001497011710>), «Организаторы базировано угостили в перерыве всех скуфов пельменями. Осталось найти раздел госуслуг, на котором раздают альтушек, и мем окончательно станет реальностью» (Там же. 24.09.2024. URL: <https://web.telegram.org/a/#-1001497011710>). Применяют слова молодежного сленга, ставшие мемами, для создания комического в текстах и другие журналисты СМИ: А. Гильмиярова «В сети обсудили фигуру Саши Савельевой в обтягивающем платье: “Милфа, что надо”» (Газета.ру. 6.08.2025), В. Алексеева «Картин: Дзюба – сигма-бой, а я уже скуф» (Там же. 18.03.2025).

Отметим, что комизм в указанных текстовых интернет-мемах достигается за счет процесса неологизации с привлечением заимствований, часто вызывающих у медиааудитории иронию, в силу чего текстовые мемы могут служить источником пародий, а также ироничного либо насмешливого отношения к персонажам текстов.

Ко второй группе интернет-мемов относятся мемы, основой которых является изображение (картинка, фотоизображение, коллаж, видеоролик). Могут использоваться как известные аудитории изображения (изображения картин, авторских фотографий, кадров из кинофильмов, передач, видеороликов), так и оригинальные (созданные специально для интернет-мема); изображение может быть подвергнуто обработке (с помощью графических редакторов, наложения фильтров, изменения делателей

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ТРАНСЛЯТОР КОМИЧЕСКОГО

изображения, объединения изображений в коллаж, монтажа и т. д.). Обычно создаваемые изображения носят комический, карикатурный характер, что достигается за счет пародирования, сравнения, противопоставления идей, образов, отображаемых в меме.

На современном этапе популярны мемы с изображением известных личностей (политиков, деятелей культуры), в данном случае мемы могут выступать в качестве юмористической (саркастической) реакции на события, мероприятия, в которых они были задействованы. Так, в период избирательной кампании президента США в 2024 г. широкое распространение получили мемы с изображением Д. Трампа: А. Куделя «Танец Трампа и Маска, исчезнувшая Харрис и мусорный Дональд: самые смешные мемы о выборах президента США в 2024 году» (Комсомольская правда. 6.11.2024), «Лучшие шутки и мемы про покушение на Дональда Трампа» (Maxim. 14.08.2024); серия мемов вышла после инаугурации Д. Трампа, его встречи с президентом Украины В. Зеленским и т. д. (Рис. 1. Источники: Нео из «Матрицы», Т-Рэмбо и Геша «Козлодоев»: Сеть заполнили мемы после покушения на Трампа // Московский комсомолец. 15.07.2024. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/07/15/neo-iz-matrixu-trembo-i-gesha>; Мелания Шапокляк, странный жест Илона Маска и декольте невесты Безоса, в котором утонул Цукерберг. Лучшие мемы об инаугурации Трампа // Москва онлан. 21.01.2025. URL: <https://msk1.ru/text/entertainment/2025/01/21/75010637/>; Черненко А. Утренник с неприличными частушками: лучшие мемы о скандальной встрече Трампа и Зеленского в Белом доме // Комсомольская правда. 1.03.2025. URL: <https://www.kp.ru/daily/27667.5/5055936/>; Ринаева И. Маск в форме российского генерала и переговоры с Кремлем: лучшие мемы к скандалу с Трампом // Там же. 6.06.2025. URL: <https://www.kp.ru/daily/27709.5/5098060/>). В представленных визуальных интернет-меммах использованы следующие приемы: объединение (наложение) изображений, репродукции картины В. Ван Гога «Автопортрет с отрезанным ухом и трубкой», скриншота кадра из кинофильма «Один дома»; увеличение деталей фотографии.

Рисунок 1. Примеры визуальных интернет-мемов с фотоизображениями

Мемы могут быть представлены видеороликами. В данном случае они являют собой пародию, реакцию на событие, произведение искусства (например, кинофильм) и т. д. Так, летом 2025 г. в российском интернет-пространстве распространились видеоролики юмористического характера, пародирующие выступление танцевального коллектива певицы Т. Булановой: В. Иванов «*Танцоры Булановой рассмешили пользователей сети*» (Lenta.ru. 5.08.2025), М. Кирюшин, В. Биятова «*Как подтанцовка Булановой стала мемом и что теперь будет с коллективом*» (Вечерняя Москва. 6.08.2025). В данных визуальных мемах пользователи сети (а среди них были как известные блогеры, актеры, певцы, так и обычные пользователи) либо просто повторяли танец, либо сопровождали его дополнительной смысловой нагрузкой, показывая, что так они осуществляют поиск новой работы, ждут начала отпуска и т. д.

Третья группа интернет-мемов представлена креолизованными мемами, которые относятся к разновидностям поликодовых текстов, фактура последних состоит из двух негомогенных частей: буквенного текста и визуального ряда.

Исходя из того, что интернет-мемы данной группы формируются из двух частей – текста и изображения (статичного изображения либо видеоряда), комическое может присутствовать как в текстовом элементе, так и в визуальном, может создаваться в процессе синтеза данных компонентов: в данном случае комическое будет представлено в процессе дополнения смысловой нагрузки, ее уточнения, сравнения (противопоставления) с первоначальной идеей, сформировавшейся в оригинальном изображении, тексте (Рис. 2. Источники: Сидоров И. Смешные мемы про советские фильмы // Maxim. 1.05.2024. URL: <https://www.maximonline.ru/entertainment/smeshnyememy-pro-sovetskie-filmy-id5634762/>; Московские мемы на каждый день // ВКонтакте. 9.11.2024. URL: https://vk.com/msknkd?from=search&z=photo-32313207_457254318%2F04b734c3fb1dcc591f; «Аннушка уже разлила антисептик». Как знаменитые писатели могли отреагировать на коронавирус // МирТесен. Книги: читаем и обсуждаем! 25.04.2021. URL: <https://knigi.mirtesen.ru/blog/43710754472/-Annushka-uzhe-razlila-antiseptik-Kak-znamenityie-pisateli-mogli>; 15 лучших мемов с классическими полотнами, которыми ты захочешь поделиться // The Voice. 16.05.2024. URL: <https://hevoicemag.ru/lifestyle/stil-zhizni/15>). В представленных креолизованных интернет-мемах использованы: скриншот из советского кинофильма «Семнадцать мгновений весны» и фраза со смысловой отсылкой к фильму «Служебный роман» – синтезирование смыслов текста и изображения формирует шутку о схожести реквизита фильмов, относящихся к разным историческим периодам; репринт картины А. Дергилевой «У храма на Большой Ордынке» и текст с вопросом психотерапевта об идеальном мире – сочетание вербального и визуального элементов создает ироничный контекст, характеризующий негармоничность действительности; репринт портрета писателя М. А. Булгакова и измененный текст предложения из романа «Мастер и Маргарита» «Аннушка уже разлила масло» образуют шутку о том, как бы классик описал действительность, связанную с пандемией коронавируса; репринт картины К. Бергслина «Биркебейнеры» (полное название «Торстейн Скевла и Скъервальд Скрукка спасают на лыжах будущего короля Норвегии Хокона IV Хоконссона») и текстовая часть иронично обыгрывают тему конфликта поколений: в данном случае речь идет о том, как старшее поколение ходило в школу и как их воспоминания об этом воспринимает молодое поколение.

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ТРАНСЛЯТОР КОМИЧЕСКОГО

Рисунок 2. Примеры креолизованных интернет-мемов

Для создания интернет-мемов могут использоваться изображения узнаваемых персонажей (например, Собака-улыбака, Енот, Котэ, Филологическая дева; известные личности: актеры Л. Ди Каприо, Р. Дауни-мл. и др.), сопровождающиеся текстом, идея которого отличается от первоначального смысла изображения, что способствует созданию эффекта обманутого ожидания и, как следствие, эффекта комического. Так, персонажным мемом стал ростовский бизнесмен Н. Василенко (Рис. 3. Источник: «Добрый день, друзья, улыбаюсь вам!»: 10 мемов с счастливым ростовским бизнесменом, попавшим в тренды // 161.ru. 24.10.2024. URL: <https://161.ru/text/entertainment/2024/10/26/74259404/>). Видеоролики и изображения с ним получили широкое распространение в 2024 г., персонаж демонстрировал позитивное настроение, улыбался, за что в сети его стали называть «Лавандовый Раф», «человек-антидепрессант» (см.: Рычаго Н. Самая популярная улыбка в Рунете: в чем секрет ставшего мемом Николая Василенко // Adindex. 27.11.2024. URL: <https://adindex.ru/publication/opinion/media/2024/11/27/327656.phtml>).

Рисунок 3. Примеры креолизованных интернет-мемов с мемным персонажем

Популярны видеомемы с текстовой пояснительной вставкой (титрами). В них может присутствовать видеоряд как из известных кинофильмов, видеосюжетов, видеороликов (например, танцующий президент США Д. Трамп, певец М. Шуфутинский, исполняющий песню «Третье сентября» и др.), так и из новых видеозаписей, только что вышедших в эфир, размещенных в сети (программ, видеointервью, видеороликов). Например, часть интервью К. Собчак с продюсером, музыкантом С. Марлоу (вышло в эфир 4 августа 2025 г., см.: Собчак: Интервью CO Slava Marlow // VK Видео. URL: <https://www.yandex.ru/video/preview/13666109578619098573>) была использована в видеороликах интернет-пользователей, в титрах к которым обыгрывались темы разницы поколений, неоправданных ожиданий и т. д., то есть использовались следующие технологии создания комического: сравнение, противопоставление (Рис. 4. Источник: Галактионова В. Когда пошла на свидание с зумером»: самые смешные мемы про интервью Ксении Собчак со Славой Марлоу // Maxim. 6.08.2025. URL: <https://www.maximonline.ru/entertainment/kogda-poshla-na-svidanie-s>).

Рисунок 4. Примеры креолизованных интернет-мемов на основе видеоряда из интервью К. Собчак с музыкантом С. Марлоу

ВЫВОДЫ

Интернет-мемы ориентированы на сообщение информации, комментирование явлений, событий; их популярность в современном медийном пространстве связывается с актуализацией визуализации информации и рекреативной функцией медиа – интернет-мемы, в основе которых находятся визуальный, вербальный элементы и аспект комического, стали популярным видом медиаинформации.

В процессе исследования были получены следующие выводы:

1. Аспект комического, являющийся эстетической категорией, отображающий наличие противоречий в описываемом объекте, явлении, событии через юмор, сатиру, сарказм, делает интернет-мем популярным в медиаотображении различных сфер социума: политической, экономической, культурной и т. д., что повышает степень интереса аудитории к освещаемым в медиасреде процессам и явлениям.

2. Интернет-мемы получили широкое распространение не только в социальных медиа (социальных сетях, мессенджерах), интернет-медиа, (интернет-сайтах, интернет-порталах), но и в СМИ, что объясняется их востребованностью как медиапродукта, реализующего одну из наиболее популярных функций современных массмедиа – рекреативную.

3. Вследствие того что интернет-мем включает в себя вербальную и визуальную части, комическое может создаваться как в каждом из его составных элементов, так и в процессе синтезирования их смысловой нагрузки.

4. Комическое в текстовой части интернет-мема может создаваться за счет применения риторических фигур, использования известных фраз, афоризмов, пословиц, поговорок, фраз-клише, молодежного сленга, изменения написания слов и т. д.; комическое достигается за счет эффекта противоречия, неожиданности, обманутого ожидания.

5. Комическое в визуальной части интернет-мема достигается за счет использования оригинальных изображений и уже известных аудитории изображений (авторских картин, фотографий, кадров из кинофильмов, программ и т. д.), а также изображений известных персон (политиков, актеров, медийных персонажей и др.), которые подвергаются графической обработке: наложения фильтров, изображений, изменения деталей изображения и т. д.

Список литературы

1. Артамонов Д. С. Юмор в исторической памяти: от анекдота и карикатуры к интернет-мему // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2021. – Т. 3. – № 3. – С. 213–237.
2. Аршинская Н. А. Проблема восприятия и интерпретации интернет-мемов // *Современные тенденции развития науки и технологий*. – 2015. – № 9–4. – С. 10–16.
3. Белокурова С. В. *Словарь литературных терминов*. – СПб: Паритет, 2006. – 314 с.
4. Голованова Е. И., Часовский Н. В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2015. – № 5 (360). – С. 135–141.
5. Горобцова И. В., Киселева Н. Ю. Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве // *Современные тренды развития социогуманитарного знания: сб. трудов IV Международной научно-практической конференции*. – Ростов-на-Дону: «Научное сотрудничество», 2014. – С. 140–151.
6. Дабеза В. В., Иовва Н. И., Ткаченко Ю. В. Юмор в современном медиадискурсе (на примере мессенджеров телеканалов «ТСВ» и «Первый Приднестровский») // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. – 2024. – № 2. – С. 118–121.
7. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 509 с.
8. Дунас Д. В. Медиапотребление как область междисциплинарного анализа // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. – 2024. – Т. 49. – № 6. – С. 115–135.
9. Душенко К. *Большая книга афоризмов*. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2012. – 1056 с.
10. Зиновьева Н. А. Анализ процесса конструирования смысла Интернет-мема // *Дискуссия*. – 2013. – № 9 (39). – С. 133–137.
11. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2015. – № 1. – С. 195–201.

12. Иващенко О. О. Использование юмористических приемов в цифровом продвижении товаров и услуг: преимущества и недостатки // Вестник науки. – 2025. – Т. 1. – № 2 (83). – С. 59–67.
13. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2016. – 265 с.
14. Кориунова И. Г. Лингвистическая толерантность как отражение современной политической реальности // Символ науки: международный научный журнал. – 2016. – № 6–2 (18). – С. 74–76.
15. Коханая О. Е., Головин Ю. А. Цифровые медиа как мощный фактор воздействия на поведение детей и подростков // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 4 (57). – С. 28–37.
16. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. – 2013. – № 1. – С. 113–115.
17. Мигранова Л. Ш., Кромина Е. И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: Материалы третьей международной научно-практической конференции. – Брянск: Брянская государственная инженерно-технологическая академия, 2015. – С. 239–243.
18. Молчанова М. М., Лекова П. А. Кризис вербальности контента в интернет-дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2021. – № 2 (277). – С. 224–228.
19. Назаров М. М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. – 2018. – № 8 (412). – С. 54–64.
20. Немировская Е. П., Алексеева В. С. Особенности медиапотребления поколения Z в социальных сетях. – М.: ООО «Директ-Медиа», 2024. – 160 с.
21. Огнева Е. И. К проблеме классификации интернет-мемов // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2013. – № 4 (13). – С. 132–136.
22. Рабкина Н. В. Принцип монтажа в креолизации медиасобытий // Universum: филология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (4). – С. 3.
23. Радченко Д. А. Кросскультурная адаптация персонажей сетевого фольклора: от Гипножабы до Зойча // Антропологический форум. – 2013. – № 18. – С. 28–43.
24. Смеюха В. В. Функционирование молодежного сленга в СМИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 137–148.
25. Собянина В. А. О чем смеются в интернете? Лингвистический и лингвокультурологический анализ юмора // Litera. – 2024. – № 11. – С. 129–139.
26. Шурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161–173.
27. Smeyukha V., Cherkasova L., Shapovalova E. Transformation of Russian Women's Media Consumption: from Magazines to Blogs // Media Education. – 2024. – No. 3. – P. 528–536.

References

1. Artamonov D. S. *Yumor v istoricheskoy pamyati: ot anekdota i karikatury k internet-memu* [Humor in Historical memory: from anecdote and caricature to an Internet meme]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021, vol. 3, no. 3, pp. 213–237.
2. Arshinskaya N. A. *Problema vospriyatiya i interpretacii internet-memov* [The problem of perception and interpretation of Internet memes]. *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij*, 2015, no. 9–4, pp. 10–16.
3. Belokurova S. V. *Slovar literaturnyx terminov* [Dictionary of literary terms]. Saint-Petersburg, Paritet Publ., 2006. 314 p.
4. Golovanova E. I., Chasovskij N. V. *Internet-mem kak element vizualizacii v SMI* [An Internet meme as an element of visualization in the media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 5 (360), pp. 135–141.
5. Gorobcova I. V., Kiseleva N. Yu. *Rechevoj zhanr internet-mema v sovremennom angloyazychnom setevom prostranstve* [The speech genre of an Internet meme in the modern English-speaking network space]. *Sovremennye trendy razvitiya sociogumanitarnogo znaniya: sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Rostov-on-Don: “Nauchnoe sotrudnichestvo” Publ., 2014, pp. 140–151.

6. Dabezha V. V., Iovva N. I., Tkachenko Yu. V. *Yumor v sovremennom mediadiskurse (na primere messendzherov telekanalov "TSV" i "Pervyj Pridnestrovskij")* [Humor in modern media discourse (using the example of the messengers of the TV channels "TSV" i "Pervyj Pridnestrovskij")]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2024, no. 2, pp. 118–121.
7. Dokinz R. *Egoistichnyj gen [The Selfish Gene]*. Moscow, AST, CORPUS Publ., 2013. 509 p.
8. Dunas D. V. *Mediapotreblenie kak oblast' mezhdisciplinarnogo analiza* [Media consumption as an area of interdisciplinary analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2024, vol. 49, no. 6, pp. 115–135.
9. Dushenko K. *Bolshaya kniga aforizmov [The Big Book of Aphorisms]*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2012. 1056 p.
10. Zinov'eva N. A. *Analiz processa konstruirovaniya smysla Internet-mema* [Analysis of the process of constructing the meaning of an Internet meme]. *Diskussiya*, 2013, no. 9(39), pp. 133–137.
11. Zinov'eva N. A. *Vozdejstvie memov na Internet-pol'zovatelej: tipologiya Internet-memov* [The impact of memes on Internet users: a typology of Internet memes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*, 2015, no. 1, pp. 195–201.
12. Ivashchenko O. O. *Ispol'zovanie yumoristicheskikh priemov v cifrovom prodvizhenii tovarov i uslug: preimushchestva i nedostatki* [The use of humorous techniques in the digital promotion of goods and services: advantages and disadvantages]. *Vestnik nauki*, 2025, vol. 1, no. 2 (83), pp. 59–67.
13. Kanashina S. V. *Internet-mem kak novyy vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikacii (na materiale anglijskogo yazyka): special'nost' 10.02.04 "Germanskije yazyki": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (based on the material of the English language. Thesis). Moscow, 2016. 265 p.
14. Korshunova I. G. *Lingvisticheskaya tolerantnost' kak otrazhenie sovremennoj politicheskoy real'nosti* [Linguistic tolerance as a reflection of modern political reality]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*, 2016, no. 6–2(18), pp. 74–76.
15. Kohanaya O. E., Golovin Yu. A. *Cifrovye media kak moshchnyj faktor vozdejstviya na povedenie detej i podrostkov* [Digital media as a powerful factor influencing the behavior of children and adolescents]. *Chelyabinskij gumanitarij*, 2021, no. 4(57), pp. 28–37.
16. Marchenko N. G. *Internet-mem kak hranilishche kul'turnyh kodov setevogo soobshchestva* [The Internet meme as a repository of cultural codes of the network community]. *Kazanskaya nauka*, 2013, no 1, pp. 113–115.
17. Migranova L. Sh., Kromina E. I. *Internet-mem kak osoboe sredstvo kommunikacii* [The Internet meme as a special means of communication]. *Voprosy sovremennoj filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam: Materialy tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Bryansk, Bryanskaya gosudarstvennaya inzhenerno-tehnologicheskaya akademiya Publ., 2015, pp. 239–243.
18. Molchanova M. M., Lekova P. A. *Krizis verbal'nosti kontenta v internet-diskurse* [The crisis of verbal content in Internet discourse]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2021, no. 2 (277), pp. 224–228.
19. Nazarov M. M. *Sovremennaya mediasreda: raznoobrazie i fragmentaciya* [Modern media environment: diversity and fragmentation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 8(412), pp. 54–64.
20. Nemirovskaya E. P., Alekseeva V. S. *Osobennosti mediapotrebleniya pokoleniya Z v social'nyh setyah* [Features of media consumption of generation Z in social networks]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2024. 160 p.
21. Ognevaya E. I. *K probleme klassifikacii internet-memov* [On the problem of classification of Internet memes]. *Professional'nyj proekt: idei, tekhnologii, rezul'taty*, 2013, no. 4(13), pp. 132–136.
22. Rabkina N. V. *Princip montazha v kreolizacii mediasobytij* [The principle of editing in the creolization of media events]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 2014, no. 2 (4), p. 3.
23. Radchenko D. A. *Krosskul'turnaya adaptaciya personazhej setevogo fol'klora: ot Gipnozhaba do Zojca* [Cross-cultural adaptation of characters in online folklore: from Hypnozhaba to Zoich]. *Antropologicheskij forum*, 2013, no. 18, pp. 28–43.
24. Smeyuha V. V. *Funkcionirovanie molodezhnogo slenga v SMI* [Functioning of youth slang in the media]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 137–148.

25. Sobyagina V. A. O chem smeyutsya v internete? Lingvisticheskij i lingvokul'turologicheskij analiz yumora [What are they laughing about on the Internet? Linguistic and linguocultural analysis of humor]. *Litera*, 2024, no. 11, pp. 129–139.
26. Shchurina Yu. V. *Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii* [Internet memes as a phenomenon of Internet communication]. *Nauchnyj dialog*, 2012, no. 3, pp. 161–173.
27. Smeyukha V., Cherkasova L., Shapovalova E. *Transformation of Russian Women's Media Consumption: from Magazines to Blogs*. *Media Education*, 2024, no. 3, pp. 528–536.

AN INTERNET MEME AS A TRANSLATOR OF THE COMIC

Konivets A. P.

An Internet meme is a popular type of media information, it is used to describe and comment on events, phenomena of a political, economic, and cultural nature. Its relevance is motivated by the aspect of the comic, an aesthetic category that reflects the contradictions of reality. The purpose of this article is to study the methods of creating comic content in Internet memes. Using observation, analysis, typological and philological methods, the author analyzes Internet memes posted on social networks, online publications, and the media in the period from 2021 to 2025.; He concludes that the formation of the comic in an Internet meme is based on identifying conflict, disharmony, and focusing attention on them through humor, irony, satire, and sarcasm; the methods of the comic are directly dependent on the material structure of the Internet meme. Text memes use: rhetorical figures, altered spelling of words, phrases, clichés, aphorisms, proverbs, sayings, youth slang. In visual memes, the comic is realized by comparing and contrasting ideas and images through image modification and processing. In creolized Internet memes, the comic can be present both in textual and visual elements, and formed in the process of synthesizing their semantic loads.

Keywords: Internet meme, comic, comic techniques, types of Internet memes, text, image, idea

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ЗАХАР ПРИЛЕПИН: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Мащенко А. П.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: amas69@mail.ru*

В статье анализируются взаимосвязи между жизнью и творчеством двух классиков русской литературы разных поколений – Михаила Шолохова и Захара Прилепина. По мнению автора, Прилепин мыслит себя частью русской литературной традиции, на которой зиждутся его идеалы и из которой вырастает его творческий метод. Не случайно среди произведений писателя – биографии Леонида Леонова, Сергея Есенина, Михаила Шолохова. Автор «Тихого Дона» – один из тех, кто оказал на Прилепина наибольшее влияние. Он чувствует себя наследником Шолохова в современной русской литературе. Их объединяют социалистические идеалы и активная жизненная позиция. Шолохов и Прилепин – не только писатели, но и журналисты. Журналистский инструментарий нужен им для того, чтобы быстро, без художественного промедления откликаться на важнейшие события. При этом журналистская работа дает обоим писателям материал для художественной прозы. «Они сражались за Родину» невозможны без фронтовых очерков Шолохова, написанных для «Красной звезды» и «Правды», «Ополченский романс» Прилепина – без его статей для «Свободной прессы». Наконец, Шолохов и Прилепин – ещё и политики. Если журналистский инструментарий позволяет им быстро откликаться на важнейшие события, то политический даёт возможность влиять на судьбы конкретных людей и страны в целом.

Ключевые слова: Михаил Шолохов, Захар Прилепин, литература, журналистика, Великая Отечественная война, Специальная военная операция, военный корреспондент.

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 г. мы отметили юбилеи двух классиков отечественной словесности. 24 мая исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Шолохова. 7 июля отпраздновал своё 50-летие Захар Прилепин. 70 лет «между ними» вместили в себя Великую русскую революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны и другие судьбоносные, неразрывно связанные друг с другом события из истории России. Точно так же неразрывно связаны друг с другом оказываются и герои этой статьи, олицетворяющие собой традиции великой русской литературы.

Когда 21 февраля 1984 года умер, пожалуй, «главный классик» советской литературы Михаил Александрович Шолохов, Жене Прилепину, мальчишке из деревни Ильинка Рязанской области, не исполнилось ещё и девяти лет. Его литературные вкусы, нравственные, идеологические, политические ценности формировались во многом именно под влиянием произведений Шолохова. Прилепин чувствует себя наследником Шолохова в современной русской литературе.

Цель исследования – продемонстрировать органическую связь творчества Шолохова и Прилепина как носителей традиций классической русской литературы.

Задачи:

- изучить влияние, которое оказал Михаил Шолохов на Захара Прилепина;
- описать параллели и пересечения в жизни и творчестве писателей;
- объяснить причины обращения Прилепина к изучению биографии Шолохова.

Материалом для исследования стали как художественные, так и журналистские произведения Шолохова и Прилепина, а также написанная Прилепиным биография автора «Тихого Дона» «Шолохов. Незаконный».

Методы исследования – описательный, историко-генетический, биографический. Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предпринимается попытка продемонстрировать органическую связь творчества Шолохова и Прилепина как носителей традиций классической русской литературы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпускник филологического факультета Нижегородского государственного университета Захар Прилепин не только хорошо выучил уроки великих русских писателей прошлого, но и стал продолжателем их традиций, на наших глазах превратившись в нового классика отечественной словесности.

Закономерно, что современное литературоведение уделяет творчеству Прилепина немалое внимание, обнаруживая в его произведениях мощное реалистическое начало [1; 11], прослеживая традиции великих русских [3; 5; 12] и советских писателей [2; 7]. Захар Прилепин чувствует себя частью литературной традиции, можно сказать – частью истории русской словесности, апеллируя к классикам прошлого, демонстрируя фундамент, традиционную русскую почву (вспоминаем писателей-почвенников XIX в.), на которой зиждутся его идеалы. Не случайно среди произведений Прилепина – не только рассказы, повести, романы, но и биографии Леонида Леонова, Сергея Есенина, Михаила Шолохова, и эти книги З. Прилепина, если судить по его собственным словам [4] и по оценкам исследователей [13; 15], представляют собой специфический способ «вжиться» в соответствующую эпоху и обстановку, чтобы постичь природу художественных открытий.

Он как бы ищет себе поддержки у классиков, противостоя современным либеральным российским писателям, осуждающим воссоединение Крыма с Россией и Специальную военную операцию. По одну сторону литературных (и не только литературных) баррикад с писателем оказываются Пушкин, Толстой, Достоевский, Тютчев, Шолохов и другие.

«Русская классика – опасная штука. Табличку “Не влезай – убьет” можно вешать, – заметил как-то Прилепин. – Тут один молодой литератор пытался мне через столичную газету объяснить: не стоит вспоминать имена Пушкина, Тютчева и Достоевского и пытаться угадать, как бы они реагировали на нынешние события.

Нет, ребята. Стоит вспоминать имена Пушкина, Тютчева и Достоевского, потому что, если у вас временно помутился разум – можно взять ума взаймы у классиков. У классиков ума много.

Пушкин в те же времена писал, что отношение Европы к России характеризуется двумя вещами: “невежеством и неблагодарностью”» [10].

По мысли Прилепина, образованные люди прекрасно отдают себе отчет в том, какую позицию заняли бы сегодня упомянутые выше классики русской литературы.

Михаил Шолохов – один из тех отечественных писателей, которые оказали на Захара Прилепина наибольшее влияние. Одна из главных причин этого заключается в не отстраненной, наблюдательной, а «активной жизненной позиции» автора «Тихого Дона». Прилепин, как и Шолохов, не может отделить себя, свою судьбу от судьбы России. Оба всю жизнь пишут о ключевых событиях в истории их Родины. Шолохов – о Гражданской и Великой Отечественной войнах, о трагических событиях между ними – коллективизации, мучительном, кровавом модернизационном рывке Советской России в

30-х годах. Прилепин – о распаде СССР, крупнейшей геополитической катастрофе XX-го, а может быть, и XXI века тоже; происходящее сейчас – последствия того распада, мы все, фигурально выражаясь, живём под обломками Советского Союза, о войнах в Чечне и на Донбассе, наконец (хотя это ещё далеко не конец), о Специальной военной операции.

Это русская литературная традиция, русская литературная... позиция. Настоящий русский писатель – не беллетрист, не автор бестселлеров, не рассказчик увлекательных, хорошо продающихся историй, не отстраненный исследователь своих и чужих психологических переживаний и сексуальных комплексов.

Настоящий русский писатель – пророк. Он размышляет над судьбами страны, судьбами мира, больше того – он их... решает, определяет. Он – участник, герой, а не зритель и не наблюдатель.

И Шолохов, и Прилепин не могут стоять в стороне от судьбоносных событий, которые переживает их Родина. В их арсенале – и просто перо, и перо как штык, и собственно штык. Ну или точнее, у Шолохова – пистолет-пулемёт Шпагина, который мы можем видеть в его мемориальном доме-музее в Вёшенской, а у Прилепина – автомат Калашникова, которому тоже когда-нибудь много лет спустя найдётся место в его мемориальном доме-музее.

Шолохов не раз и не два рисковал жизнью на фронте – например, чудом выжил в авиационной катастрофе в 1942 г. и буквально через несколько месяцев опять был на фронте. При посадке самолёт, на котором Шолохов летел в Куйбышев на совещание с руководством «Совинформбюро», потерпел крушение. «Со страшной силой ударился о землю. Один из двух лётчиков погиб сразу же, второго извлекли с переломом позвоночника. Шолохов при падении ударился головой о перегородку, потом на него обрушился ящик со снарядами. Всё это должно было его убить, но он даже не потерял сознание. Шолоховский ангел в том самолёте вцепился в него и отнял его у смерти. Выяснилось, что у него тяжелейшая контузия, сотрясение мозга, смещение органов грудной клетки и несчётное количество ушибов» [8, с. 711], – описывал тот случай Захар Прилепин в своей фундаментальной биографии Шолохова «Незаконный».

– Ну и башка у вас! – с мрачным восхищением, но озадаченно сказал тогда Шолохову знаменитый советский хирург, профессор Сергей Спасокукоцкий. – Чугунная башка. Такие удары выдержать – невероятно!

Врачи приказывали Шолохову лечь в больницу, но куда там:

– Дома долечусь, милые мои доктора. Домой мне надо. Там всё пройдёт сразу.

Пытались остановить, перечить, уговорить – ни в какую. Шолоховский характер – он же его Гришке Мелехову дал поносить.

Светила, конечно же, пожаловались партийному руководству: снимаем с себя ответственность, но он совершенно неумный – этот ваш полковник Шолохов [8, с. 711].

Захар Прилепин точно так же чудом пережил покушение бандеровцев и точно так же вернулся в литературный строй. 6 мая 2023 г. в Нижегородской области в районе города Бор террористы взорвали машину писателя. Его боевой товарищ Александр Шубин погиб на месте, а Захар получил тяжелейшие ранения. Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин назвал покушение на Захара Прилепина операцией украинских спецслужб. При этом, по заявлению МИД России, оно готовилось с ведома спецслужб Запада. Захара Прилепина хотели убить за поддержку Специальной военной операции на Украине, за поддержку Крыма, Донбасса,

Новороссии. Он выжил и вернулся к работе, к общественно-политической деятельности, к творчеству.

Михаил Шолохов и Захар Прилепин освещали выпавшие на их долю войны в качестве военных корреспондентов. Шолохов – на страницах газет «Красная звезда» и «Правда». Прилепин – в «Свободной прессе», «Комсомольской правде», телевизионных проектах «Уроки русского», «Ключи Захара».

Военная тема главенствует в произведениях Шолохова «Тихий Дон», «Они сражались за родину», «Судьба человека», «Наука ненависти» и Захара Прилепина – «Некоторые не попадут в ад», «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы», «Ополченский романс».

Среди наград Шолохова и Прилепина – не только литературные, но и боевые. Шолохов – не только лауреат Сталинской и Нобелевской премий, но и кавалер ордена Отечественной войны 1 степени и медалей «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда». Прилепин – не только лауреат Всероссийской литературной премии имени Лермонтова или Национальной премии «Лучшие книги года», но и кавалер ордена Мужества. И это, кстати, тоже русская литературная традиция. Вспомним здесь, что Лев Николаевич Толстой был награжден за оборону Севастополя орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», медалями «За защиту Севастополя 1854–1855» и «В память войны 1853–1856 годов». Кстати, одна из книг Прилепина называется «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы» и рассказывает о русских писателях и поэтах, которые сражались за Родину с оружием в руках.

Шолохов и Прилепин – не только писатели, но и журналисты. Журналистский, репортерский и публицистический инструментарий нужен им для того, чтобы, во-первых, быстро, без художественного промедления (которое иногда тоже смерти подобно) откликаться на важнейшие события в жизни страны, не просто откликаться – принимать в них участие. И Шолохов, и Прилепин – не наблюдатели, не созерцатели, а участники тех событий, о которых они пишут. Во-вторых, журналистская работа дает обоим писателям материал – в самом широком смысле этого слова – и фактический, и психологический, и эмоциональный – для художественной прозы.

Как справедливо замечает В. В. Орехов, «военные корреспонденты сегодня не просто сообщают аудитории об эпизодах боевых действий, они, одновременно, собирают по крупицам материалы для будущих объемных панорам СВО. Эти “панорамы” будут создаваться в разных форматах и измерениях. Одни полотно создадут ученые-историки, другие – кинематографисты, третьи – художники слова. Но все эти произведения будут созданы благодаря работе военкоров, а иные из них –и самими военкорами – бытописателями наших поражений и побед» [6, с. 58].

«Они сражались за Родину» невозможны без фронтовых очерков Шолохова, написанных для «Красной звезды» и «Правды», «Ополченский романс» Прилепина – без его статей для «Свободной прессы».

Судьбы страны преломляются, осмысляются, меняются (а мы уверены в том, что они действительно меняют судьбу России) сначала в их журналистских произведениях, а потом – в рассказах, повестях и романах.

«Ополченский романс» и «Некоторые не попадут в ад» стоят в одном ряду, на одной книжной полке с «Наукой ненависти», «Они сражались за Родину», «Судьбой человека». Это лучшие образцы отечественной, да и мировой тоже прозы о войне. Лучшие – потому что написаны людьми, которые сами прошли дорогами войны.

И Шолохов, и Прилепин – ...большевики – выберем это слово. Шолохов – член ВКП (б) с 1932 г. Прилепин в юности – член Национал-большевистской партии и до сих пор один из самых убежденных защитников СССР.

И Шолохов, и Прилепин – политики. Шолохов – депутат Верховного Совета СССР десяти (!!!) созывов, с 1937 года до самой смерти в 1984 г. И не дежурный депутат. Он принимал активное, равнодушное участие в работе Верховного Совета СССР. Прилепин – сопредседатель одной из пяти крупнейших политических партий России – партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», которая имеет свою фракцию в Государственной Думе.

На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г., Михаил Шолохов отправил из своей родной станицы Вёшенской срочную телеграмму наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко:

«Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу зачислить в фонд обороны СССР присуждённую мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину... Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов» [14, с. 73].

К 1941 г. Михаил Александрович Шолохов – признанный классик советской литературы, автор «Донских рассказов», романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина», депутат Верховного Совета СССР, действительный член Академии наук СССР, кавалер ордена Ленина. Человек, к которому прислушивается сам Иосиф Виссарионович Сталин. Теоретически, да и практически мог бы на фронт и не торопиться с такими регалиями и «знакомствами». Но никак иначе поступить не мог.

Захар Прилепин по итогам выборов 2021 г. тоже легко мог пойти работать в Государственную Думу, но пошел... на фронт. После начала Специальной военной операции на Украине служил в добровольческом батальоне, потом полку «Оплот» Национальной гвардии России заместителем командира по военно-политической работе. Подполковник. Это пока на один ранг ниже, чем у Шолохова, который закончил Великую Отечественную полковником РККА, но и Специальная военная операция еще не завершилась.

Политические инструменты нужны Шолохову и Прилепину для того, чтобы влиять на события в стране.

Нельзя не сказать и о стиле жизни обоих писателей. И Шолохов, и Прилепин родились в русской деревне. Там их, как сейчас говорят, «место силы». Шолохов всю жизнь прожил у себя в Вёшенской, хотя мог бы жить в сталинской высотке в Москве, Прилепин живёт в деревне Ярки в Нижегородской области, хотя тоже мог бы жить где-нибудь «на Патриках».

О идеологической, мировоззренческой близости писателей свидетельствует и последний роман Прилепина – «Тума», в котором он обращается к главной шолоховской теме – казачеству. Главный герой «Тумы» – Стенька Разин. Казачество осмысливается Прилепиным как одна из главных сил русской истории, как одно из главных явлений Русского мира.

Еще один важный аспект. Этот роман – как любой большой русский роман – не только о прошлом, но и о настоящем, и о будущем. После событий 2014 года Прилепин служил в армии Донецкой Народной Республики. Воевал. С октября 2016-го по июль

2018 г. была заместителем командира батальона специального назначения. Советник главы ДНР Александра Захарченко, убитого бандеровскими террористами 31 августа 2018 г. Об этом великолепная, в сущности, документальная книга Прилепина «Некоторые не попадут в ад».

«И мысли не было сочинять эту книжку.

Сорок раз себе пообещал: пусть всё отстоит, отлежится — что запомнится и не потеряется, то и будет самым главным.

Сам себя обманул.

Книжка сама рассказала, едва перо обмакнул в чернильницу» [9, с. 2].

Так вот, Александр Захарченко, Батя осмысливается Прилепиным как... Стенька Разин:

«Роль Стеньки Разина шла ему идеально – потому что не была его ролью: это он сам и был. В поведении его – можете не поверить, мне всё равно – не было ни бравады, ни злой дурости, – только нежность и задор: хорошо должно быть немедленно, потому что потом его убьют и он не сможет увидеть, как получилось; тем более, что, скорей всего, так уже не будет.

Он был прав. Не будет никогда» [9, с. 163].

Так что новый роман Захара «Тума» – не только о Стеньке Разине как историческом герое, но и об Александре Захарченко, о донбасских ополченцах, о Специальной военной операции на Украине, о том, что происходит с Россией и со всеми нами прямо сейчас.

Как уже говорилось, Захар Прилепин – автор обстоятельной биографии Михаила Шолохова «Шолохов. Незаконный», увидевшей свет в 2022 г. Показательно, что эту книгу Прилепин взялся писать по предложению Александра Михайловича Шолохова – внука классика. Кому, как не членам семьи, знать, кто может справиться с таким вызовом, с задачей такого масштаба.

«Благодарю за огромную помощь, оказанную мне в работе, внука писателя Александра Михайловича Шолохова, когда-то предложившего мне взяться за этот труд и тем самым оказавшего автору великое доверие» [8, с. 4], – написал Прилепин.

И посвятил свою книгу Родиону Владимировичу Графу-Сафонову, своему другу и сослуживцу, многократно перечитывавшему любимого своего писателя Шолохова и погибшему в мае 2022-го в боях за русскую землю.

«Лучшие мировые писатели оставляют одного, двух, редко когда больше типических героев, которые поселяются посреди народа, а затем и человечества, становясь нарицательными.

У Сервантеса – есть Дон Кихот и Санчо Панса. У Дюма – его мушкетёры. У Верна – Паганель. У Дойла – Шерлок и доктор Ватсон. У Киплинга – Маугли. У Марка Твена – Том Сойер и Гек Финн.

У Гоголя – Тарас Бульба и его сыновья, Чичиков и те, кого он посещал.

У Льва Толстого – Болконский и Наташа Ростова. У Достоевского – князь Мышкин, Раскольников, братья Карамазовы.

У Гашека – Швейк. У Набокова – Лолита.

Великий Гэтсби у Фицджеральда.

Тиффани у Трумена Капоте.

У Хемингуэя – его старик посреди моря. У Экзюпери – привидевшийся лётчику ребёнок: маленький принц.

У некоторых мастеров высочайшего уровня и вовсе таковых героев нет: ни у Бунина Ивана, ни у Зайцева Бориса, ни у Газданова Гайто. Хотя их дар это не преуменьшает нисколько.

Нарицательных героев определить легко – им ставят памятники. И эти памятники, – верней, персонажи, которым они поставлены, – могут существовать даже независимо от автора.

А у Шолохова нарицательных героев целая тележка, и он правит ею не спеша.

Есть памятник его нахалёнку.

Есть памятник Григорию и Аксинье, да не один.

Есть памятник Щукарю.

Есть памятник Андрею Соколову.

Есть памятник киногероям «Они сражались за Родину» – Ивану Звягинцеву, Николаю Стрельцову, Лопухину, Копытовскому, рядовому Некрасову.

Есть памятник безымянному казаку «Тихого Дона».

Шолохов дал русскому народу нерушимые имена, которыми он будет называться навсегда: как имя княжны Ярославны, как имя Авакумовой жены Настасьи Марковны, как имя Дубровского, как имя Печорина» [8, с. 1073–1074], – написал Прилепин в завершение своего биографического труда.

Удастся ли ему самому дать русскому народу новые нерушимые имена, создать своих типических героев, которые навсегда поселятся посреди русского народа, а затем и посреди человечества? – покажет жизнь.

Кандидаты есть – Санька Тишин («Санька»), Артем Горяинов («Обитель») и другие. Есть и еще будут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Филолог по образованию, Захар Прилепин мыслит себя частью русской литературной традиции, на которой зиждутся его идеалы и из которой вырастает его творческий метод. Не случайно среди произведений писателя – не только рассказы, повести, романы, но и биографии Леонида Леонова, Сергея Есенина, Михаила Шолохова.

Автор «Тихого Дона» – среди тех, кто оказал на Прилепина наибольшее влияние. Он чувствует себя наследником Шолохова в современной русской литературе. Их объединяют социалистические идеалы и активная жизненная позиция. Прилепин, как и Шолохов, не может отделить свою судьбу от судьбы России. Оба всю жизнь пишут о ключевых событиях в истории Родины.

Шолохов и Прилепин – не только писатели, но и журналисты. Журналистский инструментарий нужен им для того, чтобы быстро, без художественного промедления откликаться на важнейшие события. Оба не раз и не два рисковали жизнью, освещая выпавшие на их долю войны в качестве военных корреспондентов.

При этом журналистская работа дает обоим писателям фактический, психологический, эмоциональный материал для художественной прозы. «Они сражались за Родину» невозможны без фронтовых очерков Шолохова, написанных для «Красной звезды» и «Правды», «Ополченский романс» Прилепина – без его статей для «Свободной прессы».

Наконец, Шолохов и Прилепин – ещё и политики. Если журналистский инструментарий позволяет им быстро откликаться на важнейшие события, то политический даёт возможность влиять на судьбы конкретных людей и страны в целом.

Список литературы

1. Аристов Д. В. Концепция героического в прозе Захара Прилепина (роман «Патологии») // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (102). – С. 26–36.
2. Бодрова Л. Т. Шукшин – Распутин – Захар Прилепин: традиции и новаторство в художественном освоении концепта «русское» (аспект исторической поэтики) // Валентин Распутин. Правда памяти: мат-лы Всеросс. конференции, посвящ. 80-летию со дня рождения писателя, Иркутск, 28 сентября – 02 октября 2017 г. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 168–178.
3. Задонская Е. В. Захар Прилепин: модели и стратегии апелляции к литературной традиции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 3. – С. 310–314.
4. Захар Прилепин: «...Я тоже последний поэт той деревни, где вырос Есенин» (интервью В. А. Сухова) // Современное есениноведение. – 2015. – № 2(33). – С. 97–104.
5. Николаев Н. И., Воробьева Е. С. З. Прилепин в контексте традиции литературного осмысления «русского бунта» // Дискуссия: журнал научных публикаций. – 2013. – № 4 (34). – С. 133–136.
6. Орехов В. В. Военная журналистика в эпоху СВО: от фиксации фактов к обобщениям // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 49–61.
7. Петров И. В. Роман З. Прилепина «Патологии» и традиции военной прозы 1950–1970-х годов // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2011. – Вып. 12. – С. 168–177.
8. Прилепин З. Шолохов. Незаконный. М.: «Молодая гвардия», 2023. – 1088 с.
9. Прилепин З. Некоторые не попадут в ад. М.: АСТ, 2019. – 291 с.
10. Прилепин З. Не чужая смута. Один день – один год (сборник) [Электронный ресурс]. – М.: АСТ, 2015. – 1 CD-ROM.
11. Славина В. А. Возвращение литературы // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 4-2. – С. 406–411.
12. Сухих О. С. Очень своевременные книги: о традициях Ф. М. Достоевского и М. Горького в романе Захара Прилепина «Санька» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 290–296.
13. Хрулев В. И. Захар Прилепин как биограф Леонида Леонова // Родное и вселенское: мировое значение русской литературы. Философские, идейно-эстетические традиции, национальное своеобразие: сб. научных трудов, Ульяновск, 29–30 сентября 2016 г. – Ульяновск: Печатный двор, 2016. – С. 162–173.
14. Шолохов М. А. Собр. соч.: в 8-ми т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1986. – 383 с.
15. Янковская Л. С. Захар Прилепин о Леониде Леонове: к вопросу о литературных ориентирах писателя // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 114–121.

References

1. Aristov D. V. *Koncepcija geroicheskogo v proze Zahara Prilepina (roman «Patologii»)* [The concept of the heroic in the prose of Zakhar Prilepin (the novel “Pathologies”)]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2 (102), pp. 26–36.
2. Bodrova L. T. *Shukshin – Rasputin – Zahar Prilepin: tradicii i novatorstvo v hudozhestvennom osvoenii koncepta «russkoe» (aspekt istoricheskoy pojetiki)* [Shukshin – Rasputin – Zakhar Prilepin: traditions and innovation in the artistic development of the concept “Russian” (an aspect of historical poetics)]. *Valentin Rasputin. Pravda pamjati: materialy Vseross. konferencii, posvjashhennoj 80-letiju so dnja rozhdenija pisatelja, Irkutsk, 28 sentjabrja – 02 oktjabrja 2017 g.* Irkutsk: Irkutskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2018, pp. 168–178.
3. Zadonskaja E. V. *Zahar Prilepin: modeli i strategii apelljicii k literaturnoj tradicii* [Zakhar Prilepin: Models and Strategies of Appeal to Literary Tradition]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija*, 2014, no. 3, pp. 310–314.
4. *Zahar Prilepin: «...Ja tozhe poslednij pojet toj derevni, gde vyros Esenin» (interv'ju V. A. Suhova)* [Zakhar Prilepin: “...I am also the last poet of the village where Yesenin grew up” (interview with V. A. Sukhov)]. *Sovremennoe eseninovedenie*, 2015, no. 2 (33), pp. 97–104.

5. Nikolaev N. I., Vorob'eva E. S. Z. *Prilepin v kontekste tradicii literaturnogo osmyslenija «russkogo bunta»* [Prilepin in the context of the tradition of literary comprehension of the "Russian rebellion"]. *Diskussija: zhurnal nauchnyh publikacij*, 2013, no. 4 (34), pp. 133–136.
6. Orekhov V. V. *Voennaya zhurnalistika v epohu SVO: ot fiksacii faktov k obobshcheniyam* [War Journalism in the Age of the Special Military Operation: From Recording Facts to Generalizations] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 49–61.
7. Petrov I. V. *Roman Z. Prilepina «Patologii» i tradicii voennoj prozy 1950–1970-h godov* [Z. Prilepin's novel "Pathologies" and traditions of military prose of the 1950s–1970s]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija*, 2011, no. 12, pp. 168–177.
8. Prilepin Z. *Sholohov. Nezakonnyj* [Sholokhov. Illegal]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2023. 1088 p.
9. Prilepin Z. *Nekotorye ne popadut v ad* [Some won't go to hell]. Moscow, ACT Publ., 2019. 291 p.
10. Prilepin Z. *Ne chuzhaya smuta. Odin den'* [Not someone else's turmoil. One day]. Moscow, ACT Publ., 2015.
11. Slavina V. A. *Vozvrashhenie literatury* [The Return of Literature]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2014, no. 4-2, pp. 406–411.
12. Suhij O. S. *Ochen' svoevremennye knigi: o tradicijah F. M. Dostoevskogo i M. Gor'kogo v romane Zahara Prilepina «San'kja»* [Very timely books: on the traditions of F. M. Dostoevsky and M. Gorky in the novel by Zakhar Prilepin "Sankya"]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008, no. 6, pp. 290–296.
13. Hrulev V. I. *Zahar Prilepin kak biograf Leonida Leonova* [Zakhar Prilepin as a biographer of Leonid Leonov]. *Rodnoe i vselenskoe: mirovoe znachenie russkoj literatury. Filosofskie, idejno-jesteticheskie tradicii, nacional'noe svoeobrazie: sb. nauchnyh trudov, Ul'janovsk, 29–30 sentjabrja 2016 g.* Ulyanovsk, Pechatnyj dvor Publ., 2016, pp. 162–173.
14. Sholokhov M. A. *Sobranie sochinenij: v 8-mi t. T. 8* [Collected works: in 8 vols. T. 8] Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1986. 383 p.
15. Jankovskaja L. S. *Zahar Prilepin o Leonide Leonove: k voprosu o literaturnyh orientirah pisatelja* [Zakhar Prilepin on Leonid Leonov: On the Issue of the Writer's Literary Guidelines]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 114–121.

**MIKHAIL SHOLOKHOV AND ZAKHAR PRILEPIN:
PARALLELS AND INTERSECTIONS**

Mashchenko A. P.

This article analyzes the connections between the lives and works of two classics of Russian literature from different generations – Mikhail Sholokhov and Zakhar Prilepin. According to the author, Prilepin sees himself as part of the Russian literary tradition, on which his ideals and creative method are based. It's no coincidence that the writer's works include biographies of Leonid Leonov, Sergei Yesenin, and Mikhail Sholokhov. The author of "And Quiet Flows the Don" is one of those who had the greatest influence on Prilepin. He considers himself Sholokhov's heir in modern Russian literature. They share socialist ideals and an active stance on life. Sholokhov and Prilepin are not only writers but also journalists. They need journalistic tools to respond quickly, without artistic delay, to major events. At the same time, their work as journalists provides both writers with material for fiction. "They Fought for Their Country" would be impossible without Sholokhov's frontline essays for *Krasnaya Zvezda* and *Pravda*, and Prilepin's "Militia Romance" would be impossible without his articles for *Svobodnaya Pressa*. Finally, Sholokhov and Prilepin were also politicians. While their journalistic tools allowed them to quickly respond to major events, their political tools enabled them to influence the fates of individuals and the country as a whole.

Keywords: Mikhail Sholokhov, Zakhar Prilepin, literature, journalism, Great Patriotic War, Special Military Operation, war correspondent.

УДК 070

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019476>

**ФЕЙКИ И НОВОСТНАЯ ТАКТИКА ПРЕССЫ:
ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.
ЧАСТЬ I**

Орехов В. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Исследуются особенности европейской новостной тактики, обусловившие массовое тиражирование англо-французской прессой в октябре 1854 г. (т. е. в самом начале боевых действий в Крыму) ложной информации о взятии Севастополя. Современники называли этот случай тотального распространения дезинформации «мистификацией, не имеющей равных себе в истории», или «уткой по-татарски». Причинами информационного скандала послужила, с одной стороны, неспособность английской и французской прессы адаптировать свои принципы к требованиям масштабного военного конфликта, а с другой – неоправданно высокое доверие к революционному на тот момент средству связи – электрическому телеграфу. Отдав приоритет оперативности информации – с ущербом для достоверности, европейская пресса оказалась жертвой биржевых спекулянтов, что произвело значительный и продолжительный негативный эффект в общественных настроениях Франции и Британии.

Ключевые слова: фейк, газетная утка, телеграф, Крымская война, официальная пресса, Севастополь.

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена «информационному эпизоду» эпохи Крымской войны, который существенно скомпрометировал новостную тактику европейской прессы.

В первых числах октября 1854 г., то есть в самом начале боевых действий в Крыму, газеты Европы растиражировали ложное сообщение, согласно которому Севастополь со всем его гарнизоном и арсеналом был захвачен англо-французскими войсками сразу же после их десантирования на полуострове. Ложная информация появлялась в газетах и прежде, но этот случай стал шокирующим. Во-первых, доверие ко лжи оказалось тотальным, и даже император Наполеон III поддался ее влиянию. Во-вторых, бравурная новость породила в Англии и Франции массовую эйфорию, которая после разоблачения сменилась столь же массовым разочарованием и укоренила в общественном сознании комплекс завышенных ожиданий, сохранявшийся до конца военной кампании. В-третьих, публикация фальшивки нанесла столь ощутимый удар по авторитету прессы, что принудила редакции к пересмотру новостной политики. Всё сказанное и ряд явных параллелей с современной практикой освещения военных действий, мотивируют подробно разобраться в механизме грандиозного информационного скандала времен первой обороны Севастополя.

Цель статьи – сосредоточив основное внимание на деятельности французской официальной газеты «*Moniteur universel*», проанализировать, как ложное известие о взятии Севастополя в 1854 г. сказалось на освещении актуальных военных действий.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ***Крымская война и научный интерес***

Хотя «севастопольский фейк» 1854 года явился настоящей «информационной бомбой» и имел далекоидущие последствия, он редко попадал в поле зрения исследователей. В «Крымской войне» академика Е. В. Тарле этот эпизод лишь мельком упоминается как «фантастические, тотчас же опровергаемые слухи о падении крепости», повлекшие за собой разочарование [51, с. 165]. Историки Н. Н. Болховитинов и Б. П. Полевой говорят об этом более подробно, анализируя реакцию на севастопольские события американской прессы той поры [10, 39–40]. Нам известно лишь одно исследование, посвященное собственно скандалу вокруг ложного захвата Севастополя. Это статья Лизы Болз (исследовательницы Сорбонского университета, изучающей интеграцию телеграфа в деятельность печати XIX ст.) «Сообщение и пересказ новостей. Круговорот ложной информации в 1854 г.» [67], опубликованная в журнале Французской национальной школы библиотечного и информационного дела в 2024 г. К этой весьма добротной работе мы не раз обратимся, но некоторые выводы там лишь намечены: скажем, об уроках, которые извлекла для себя французская пресса из этого случая, и последствиях, какими он обернулся для общественных настроений.

В целом вызывает удивление, что столь показательный и, прямо скажем, колоритный «сюжет» из истории средств массовой информации долго оказывался на периферии внимания. Думается, причина в общем отношении к событиям Крымской войны, что необходимо пояснить.

Мало за какой военной кампанией в общественном сознании закрепилось такое количество «собственных» определений: «первая индустриальная», «первая общеевропейская», «первая обще-западная против России», «первая гибридная» и, наконец, «первая медийная», или «первая информационная». Между тем за этими словесными формулами, как правило, скрывается весьма ограниченный объем фактологических знаний [40, с. 28]. Причем расширение этих знаний не воспринимается целесообразным, поскольку в том же общественном сознании вопрос с Крымской войной давно закрыт, так как с ее причинами и результатами давно все ясно.

Иллюзия предопределенности

Такая установка отчасти программировалась еще советскими учебниками истории. Не будем трогать причины войны. Клубок противоречий, приведших к конфликту, столь запутан, что разъяснить его основательно, опираясь на фон школьных знаний, пожалуй, невозможно. Но вот как представлялись военные итоги: «Основной причиной поражения России <...> была экономическая и, как следствие, военно-техническая отсталость». Далее шло перечисление: «русская пехота была вооружена кремневыми ружьями, <...> стрелявшими лишь на 300 шагов», а «нарезное оружие союзников превосходило их по дальности, скорости и меткости стрельбы»; «более слабой оказалась и русская артиллерия»; отсутствие «железных дорог» и почти полное отсутствие «парового военного флота» [55, с. 85–86]. В качестве первопричины технического отставания указывалось использование малоэффективного крепостного труда. Иначе говоря, суть военного результата в том, что феодальная система проиграла капиталистической, а следовательно, Крымская война лишняя раз подтвердила верность закона диалектики. Какой смысл углубляться в перипетии войны, результат которой был предопределен изначально?

Современный учебник истории, изданный тем же издательством «Просвещение» и рекомендованный к использованию в образовательном процессе, скорректировал пояснение первопричин. От обличения крепостного права отказались, ограничившись довольно размытой формулировкой: «Крымская война <...> показала не только серьезное отставание российской армии от европейских, но и свидетельствовала о том, что необходимы перемены во всех сторонах российской жизни» [7, с. 96.]. Как видим, взгляд на причины поражения значительно упрощен, и основная ответственность возложена на «отсталую» армию. Список позиций отставания тоже сокращен (здесь ни железных дорог, ни проблем с артиллерией): «Русская пехота была, как и сто лет назад, вооружена *кремневыми гладкоствольными винтовками*, стрелявшими на расстояние 300 шагов и не всегда попадавшими в цель. А вот войска Англии и Франции располагали более современными *нарезными ружьями*, способными стрелять на расстояние около 1200 шагов. Русский флот был парусным (за исключением нескольких паровых фрегатов), англо-французская эскадра состояла только из паровых судов, в количественном отношении у нее также было преимущество» [7, с. 94].

Закрыв глаза на абсурдный термин «гладкоствольные винтовки» («винтовка» – общее название именно для нарезных ружей), можно констатировать, что всё сведено к вопросу чисто технологическому. Объяснение «облегчено» до примитивизма, но эффект тот же. Получается, что Крымская война лишний раз доказала, что новые технологии отменяют старые. И какой же смысл углубляться в перипетии войны, результат которой был предопределен изначально?

Между тем такое «облегчение» достигнуто путем обобщений, граничащих с «подтягиванием фактов» под нужный результат. Так, известно, что у русской армии было нарезное оружие, хотя и в ограниченном количестве [1, с. 58; 45, с. 1156], а значительная часть линейной пехоты противника имела гладкоствольное оружие [2, с. 9]. Об этом еще скажем. Показательнее другие цифры – по поводу стопроцентного оснащения неприятельского флота пароходами. Известный историк Крымской войны Н. Ф. Дубровин указывает, что в объединенной эскадре противника было 89 военных судов, из которых только 54 паровых, а остальные – парусные [16, с. 182]. По подсчетам Е. В. Тарле, пароходов было и того меньше: 50 из 89 судов [51, с. 131]. В распоряжении русского флота было 11 пароходов [51, с. 131].

Война как учебник

При таких уточненных показателях морское сражение все равно не выиграть, но вопрос в другом: становится очевидным, что преимущество неприятеля не было тотальным. Флот англичан и французов еще не перешел на использование пароходов, а был на переходной стадии, как и флот России. То же касается и стрелкового оружия: дальнобойные пули системы Минье английские солдаты осваивали в последний момент – уже по дороге в Крым [59, с. 139]. Во всех областях военной техники между державами длилось состязание, и Крымская война была не итогом этого состязания, а его наиболее динамичной фазой – то есть как раз той фазой, которая и должна прежде всего вызывать общественный и научный интерес.

Эта война тем и значима, что ее результат не был предопределен и расстановка сил неоднократно балансировала на грани. Каждый из противников обладал своими преимуществами и недостатками, искал и часто находил способы компенсировать преобладание неприятеля в какой-либо сфере арсеналом собственных выигрышных средств. Это вело к нетривиальным решениям, а зачастую к фатальным ошибкам. Знания

о таких решениях и ошибках имеют гораздо большую ценность, нежели констатации прописных истин о смене социальных формаций и мощи технического прогресса.

Особую ценность эти знания обретают в настоящий момент. Историк С. В. Ченнык, назвав Крымскую войну «пограничной», очень точно определил ее переломный характер: «Крымская война стала пиком войн, сохранявших инерцию наполеоновской эпохи, одновременно набирая скорость войн следующего столетия» [59, с. 37]. Действительно, кампания начиналась сражением парусников под Синопом, а продолжилась минными заграждениями и противоборством флотов с батарейной артиллерией; начиналась со штыкового боя, но трансформировалась в соперничество стрелков. Происходил столь же стремительный переход от старого к новому, что мы наблюдаем сегодня на полях СВО. Специальная военная операция начиналась (почти как в Великую Отечественную) маршами танковых колонн, а продолжилась противоборством беспилотников; начиналась лобовыми атаками, а продолжилась «просачиванием» малых групп и борьбой дронов. Как и в Крымскую войну, идет интенсивное состязание технологий и военных решений; для всякого примененного противником новшества ищется компенсация; каждый болезненный удар заставляет искать нестандартную тактику. В таких условиях уроки Крымской войны трудно переоценить.

Телеграф – Интернет

Сказанное прямо соотносится с военной журналистикой. На первых этапах СВО возникало ощущение, что обновившиеся телекоммуникационные средства позволяют аудитории следить за боевыми действиями в режиме реального времени и с охватом малейших подробностей. Это выглядело как небывалый прорыв в направлении как доступности, так и достоверности информации. Но скоро выяснились негативные стороны: поток фронтовых видеороликов представлял подробности бессистемно и не позволял корректно оценивать общую обстановку; в этом потоке были неразличимы «вброшенные» фальшивки; достоверные материалы превращались в разведанные для противника. Военным и СМИ пришлось в ходе боевых действий искать оптимальные формы применения информационной чудо-техники, вырабатывая правила, нормы, ограничения. И этот процесс, думается, еще не завершен.

Во время Крымской войны роль подобной чудо-техники сыграл электрический телеграф. В связи с этим, конечно, вспоминается, что телеграф позволял правительствам неприятеля получать информацию из лагеря под Севастополем в течение пяти часов. Это правда, но следует учитывать, что телеграфный кабель был дотянут до Крыма лишь в конце апреля 1855 г. [17, с. 29], то есть через 7 месяцев после высадки союзников в Крыму; а до этого времени информация из Крыма доходила до Лондона и Парижа дольше, чем до Санкт-Петербурга.

В 1998 г., на заре распространения Интернета, британский исследователь Том Стендейдж опубликовал книгу об истории телеграфной связи, назвав свое сочинение «Викторианский Интернет» [114], где убедительно продемонстрировал, что использованная в заглавии метафора вполне уместна: электрический телеграф открыл невероятные возможности связи, но овладение этими возможностями потребовало от общества и прессы пройти настоящую школу обращения с оперативно передаваемой информацией. Интересующий нас скандал с фейковым взятием Севастополя в 1854 г. был одним из первых уроков этой школы, и, учитывая, что мы сейчас находимся на новом витке ускорения информации, урок, для нас небесполезный, как и вся «старая школа» овладения «быстрыми» новостями.

Информационная война как война

Со времен Наполеона I прессу привыкли воспринимать как вспомогательную сферу военных действий: она поддерживала воинственное настроение *своей* аудитории и подрывала моральный дух противника. К началу Крымской кампании европейская пресса значительно расширила влияние, а в Англии, благодаря отсутствию цензуры, превратилась чуть ли не в самостоятельную ветвь власти. К этому прибавились более совершенные средства печати, распространения тиража и сбора информации. С самого начала Крымской войны пресса начинала оказывать влияние уже на сами военные действия. Г. В. Прутцков, скажем, указывает на использование газетных новостей в целях дезинформации [46, с. 47]. Прибавим, что пресса смогла превратить «инцидент в Ханко» летом 1855 г. в рычаг международного давления на воюющую Россию [48]. Но главное, что пресса, настраивая определенным образом общественное мнение, теперь могла влиять на военный быт и даже «подстегивать» темп боевых действий, провоцировать военные операции, не оправданные тактическими выгодами. По своим функциям массовая печать превращалась в механизм военной машины, даже если и не подчинялась военному руководству.

Это актуализирует необходимость изучения прессы военных периодов в соотношении с военной историей. Речь не только о том, что факты военной журналистики должны рассматриваться в контексте военных событий, но и о заимствовании некоторых исследовательских принципов: военная история в значительной степени характеризуется нацеленностью на прикладной результат; анализ прежних боевых действий должен подсказывать решения, востребованные в будущих конфликтах.

За иллюстрацией вернемся к теме нехватки нарезного оружия в российских войсках. Для общества эта проблема не была секретом. Многие стремились помочь осажденному Севастополю, и вот два эпизода, которые могут в равной мере заинтересовать историка журналистики и военного историка.

В период Крымской войны известный публицист и философ-славянофил А. С. Хомяков занялся созданием дальнобойного ружья, необходимого защитникам Севастополя. Ему удалось сделать опытный экземпляр, пуля из которого, по словам самого изобретателя, «на версту» пробивала «навывлет четырехвершковую доску» [20, с. 414]. В 1855 г. в Петербурге Хомяков обратился в артиллерийский департамент, где сначала планировали испытать ружье, но потом дело попросту заглохло.

Еще один факт. В начале января 1855 г., находясь на тыловых позициях в селении Эски-Орда под Симферополем, подпоручик Л. Н. Толстой написал «Проект о переформировании батарей в 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками» [52, с. 17–21]. Суть в том, что наличие у противника нарезных ружей сделало полевую артиллерию уязвимой для стрелков. Потому Толстой предлагал уменьшить в легких батареях количество орудий, а оставшимся обеспечить стрелковое прикрытие, вооружив высвободившихся солдат-артиллеристов штуцерами. Толстой сумел представить свой проект военному руководству в Севастополе. Начальник гарнизона Д. Е. Остен-Сакен вроде бы идею оценил, но генерал-адъютант А. И. Философов, а также командир артиллерии Крымской армии генерал-майор Л. С. Кишинский предложение отвергли, причем А. И. Философов сделал это с явным раздражением [52, с. 356–357].

Традиционная логика филологического исследования подсказывает вывод о косности и «реакционности» [52, с. 356] военной администрации. Между тем военный историк прежде, чем сделать выводы, начнет задаваться конкретными вопросами. Если

говорить о новой модели ружья, то сколько заводских мощностей нужно задействовать, чтобы произвести опытную партию, учитывая, что оружейные заводы перегружены производством нарезных ружей уже принятых моделей? Если опытные образцы себя оправдают, то сколько времени потребует отработка технологии массового производства? Какой получится стоимость ружья, предлагаемого Хомяковым? Будет ли пуля для этого ружья совместима с ружьями других моделей?

Если говорить о ситуации с «Проектом...» Л. Н. Толстого, то, даже опуская то обстоятельство, что в любых армиях мира опытные боевые генералы (а именно такими были А. И. Философов и Л. С. Кишинский) редко прислушиваются к мнениям подпоручиков, возникает ряд практических вопросов. Где взять нарезные ружья (при их общем дефиците) для вооружения высвободившихся артиллеристов? Допустимо ли коренным образом реформировать действующие подразделения в разгар боевых действий? Как долго будет «выписываться» и утверждаться порядок действий для обновленных подразделений и сколько времени займет обучение и боевое слаживание?

Эти вопросы не умаляют достоинств изобретенного А. С. Хомяковым ружья или составленного Л. Н. Толстым «Проекта...»¹, но они позволяют понять, что для реализации даже самой удачной идеи существует целый ряд объективных препятствий, помимо инертности администраторов.

Можем ли мы оценить эти обстоятельства? В значительной степени можем и именно благодаря исследованиям военных историков. В начале XX в. выдающийся оружейник В. Г. Федоров изучил проблемы снабжения армии нарезным оружием в период Крымской войны. По архивным документам выяснил точное количество нарезных ружей, бывших в распоряжении войск. Если кратко, то в начале кампании полностью были вооружены нарезными ружьями только стрелковые батальоны, в остальной пехоте приходилось по 26 нарезных ружей на батальон [56, с. 5], к концу кампании – по 26 ружей на роту [56, с. 12]. То есть прогресс был, но недостаточный. Вывод можно было бы считать удовлетворительным итогом архивных поисков. Но для В. Г. Федорова это не итог, а отправная точка для исследования, поскольку в практической сфере важен «пошаговый» анализ событий и факторов, обусловивших проблему. Федоров сосредоточился на мерах, которые принимались для снабжения войск современным стрелковым оружием: «Чтобы уравновесить наше положение в деле вооружения с союзниками, нами и были произведены энергичные усилия во время самой войны, что и составляет <...> интерес и особенность Крымской кампании в отношении нашего ручного огнестрельного оружия» [56, с. 12]. Работа Федорова позволяет констатировать, что в эпоху Крымской войны Россия не начала, а продолжила вооружать армию нарезными ружьями и стремилась ускорить этот процесс. В 1855 г. в плановом порядке оружейным заводам было заказано 44 816 нарезных ружей и еще 19 700 – по «усиленным нарядам» [56, с. 13]. Примерно две трети этого оружия в том же году поэтапно отправилось в Крым [45, с. 1156]. При этом вскрылись производственные сложности. Технология была «не обкатанной», что увеличивало долю брака. Перегруженность заводов вынуждала передавать наряды частным изготовителям, у которых процент брака был особенно высок. В то же время оказался затруднен импорт: традиционные бельгийские партнеры-производители с началом боевых действий взвинтили цены, а недавно союзная Пруссия ввела запрет на

¹ Уязвимость артиллерийских расчетов сознавалась военной администрацией, и в 1855 г. комиссией при Главном артиллерийском управлении рассматривался проект о создании специальных стрелковых рот в составе полков и батальонов полевой артиллерии [56, с. 33].

транспортировку оружия через свою территорию, что потребовало от российской администрации непривычных ходов с использованием подставных лиц и проч. [56, с. 14–20].

Легко заметить, что это тот самый комплекс трудностей, с которым нам пришлось столкнуться в период СВО, когда потребовалось экстренно наращивать число беспилотников разных типов, а для этого диверсифицировать импорт, заниматься импортозамещением, расширять и модернизировать государственное военное производство. В этом контексте исследование В. Г. Федорова приобретает значение важного источника, позволяющего «просчитывать» возможные препятствия и ошибки.

История военной журналистики может и должна давать результаты сравнимой практической значимости. Следует четко сознавать, что журналистика военных эпох функционирует по законам военного времени, поскольку прямо или косвенно вовлечена в сам процесс войны. А это принуждает нас оценивать военную журналистику с позиций военной целесообразности. Скажем, в мирное время цензура, как правило, рассматривается в качестве тормоза в развитии общества, но в военное время она может превращаться в инструмент государственного и национального самосохранения. Всё, что оказывается в печати в военное время, приобретает новое значение и функцию. Так, роман-фельетон, публикуемый газетой в мирное время, служит для *развлечения* публики, а в условиях войны – для *отвлечения* публики; официальная полоса выглядит скучной рутинной в мирное время, но привлекает первостепенное внимание во время войны; ложная газетная новость в мирное время трактуется как обычный «грешок» прессы, а в военное время – как информационная диверсия.

Перо и штык

С усилением роли военной журналистики авторы начинали восприниматься по ассоциации с военнослужащими. Показательно, каким образом П. А. Вяземский характеризовал деятельность издателя и журналиста С. Н. Глинки, чей журнал «Русский Вестник» сыграл заметную роль в «войне перьев» наполеоновской эпохи: «Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем. Он не заключал перемирия даже и в те роздыхи, когда Русские штыки отмыкались, уступая силе обстоятельств» [12, с. 7]. Уместно вспомнить отзыв Вяземского и о брошюре Д. В. Давыдова (1825), опровергавшей замечания Наполеона о «русской кампании»: «Начав свои партизанские подвиги против Наполеона-завоевателя, автор <...> продолжает их против Наполеона-повествователя. Он ловит его в некоторых отступлениях от истины <...>» [13, с. 397].

Отождествление «пера» и «штыка» позднее отозвалось в лирике В. В. Маяковского («Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»), а еще позднее послужило профессиональным принципом военкорov Великой Отечественной войны [30, с. 3–5, 24]. Действенная роль военного журналиста и сейчас осознается военкорами в качестве гражданского долга. Достаточно вспомнить знаменитую «формулу» Е. Е. Поддубного, опубликованную 24 февраля 2022 г.: «Я военный репортер воюющей страны. Это моя война» [44].

Военные журналисты видят себя частью военного процесса, и наука должна исследовать военную журналистику как часть военного процесса и по аналогии с ним, охватывая систему во всей сложности взаимосвязанных элементов: личный состав, техническое оснащение, соотношение сил с силами противника, взаимодействие между средствами информации, совершенствование тактических решений и т. д.

Если говорить об эпохе Крымской войны, то наибольшая часть отечественных исследований недавних лет посвящена, условно говоря, «личному составу», то есть либо нашим авторам, освещавшим боевые события и откликавшимся на них [4; 5; 8; 11; 27; 38; 41; 42; 49; 57 и др.], либо английским и французским [6; 34; 28, с. 41–50; 60 и др.]. Важное значение имеют также исследования, анализирующие отражение Крымской войны в отечественных [24; 25; 29; 37; 36, с. 311–438; 43 и др.] или зарубежных [9; 21; 33, 39 и др.] периодических изданиях той поры. Значительно реже можно встретить работы, посвященные технической составляющей, скажем, функционированию телеграфного сообщения, но все же они есть [17; 23; 32]. Перечисленные и подобные им работы позволяют выявить особенности индивидуальной или редакционной тактики в освещении военных событий и в более или менее обширных фрагментах увидеть общую панораму «информационного противоборства», хотя динамика «информационных сражений» нами пока не всегда улавливается. Для этого необходимо больше материалов, позволяющих видеть факты в синхронном сопоставлении. Думается, анализ эпизода с распространением в 1854 г. ложных сведений о взятии Севастополя приблизит нас, подобно перечисленным исследованиям, к этой цели.

Пресса как военный ресурс

Основные участники Крымской войны располагали медийным ресурсом, но столь же отличным друг от друга, как отличались армии России, Англии и Франции. В России печать подвергалась наиболее строгому контролю, а количество периодических изданий сильно уступало и Англии, и Франции. Информацию о военных действиях имела дозволение печатать только официальная газета военного ведомства «Русский инвалид». Перепечатывать сообщения имела право официальная газета «Санкт-Петербургские ведомости» и «Journal de Saint-Petersbourg». О последней следует сказать, что она принадлежала министерству иностранных дел и была создана еще в начале XIX в. для борьбы с наполеоновской пропагандой [15, с. 460]. Поскольку газета выходила на французском языке, она служила посредником между российской и европейской печатью. В целом же можно сказать, что никакая информация касательно боевых действий не могла просочиться случайно или самодеятельно; всё, что печаталось, было выражением официальной точки зрения.

В противовес этому Британия обладала наиболее либеральной системой печати. Цензурных ограничений там не существовало, но это не мешало власти опираться на поддержку газет, используя иные средства. В ходу были «покупные» статьи и подкуп редакций [18, с. 104]. «Свободой слова» управляли рыночные отношения и политические интересы, а успех издания во многом зависел от умения редакции лавировать между запросами аудитории и интересами политиков.

Во Франции пресса контролировалась, и законодательство в этой области было довольно сложным. Если говорить обобщая, то Наполеону III удалось серьезно стеснить свободу слова. Заграничную прессу можно было ввозить только по разрешению правительства [47, с. 203]. Что касается французских изданий, то с 1852 г. для их открытия тоже нужно было разрешение правительства. Ряд материалов, скажем, протоколы судебных заседаний или дебатов в Законодательном собрании, публиковать запрещалось [64, р. 448].

Общий принцип контроля предполагал не предварительный просмотр текстов, а систему наказаний уже по факту публикаций. Любое нарушение рассматривалось полицией, после чего на издание накладывался штраф. Газету можно было закрыть и по

судебному решению, и без него – просто волей министерства [64, р. 449]. Была разработана система «предупреждений», причем после третьего – газета закрывалась автоматически. Так что после 1852 г. выжило не очень большое число политических газет, а оставшиеся угадывали «фарватер» дозволенного, ориентируясь на официальную и полуофициальную печать. Официальным правительственным органом печати служила газета «Moniteur universel». «Patrie», «Costitutionnel» и «Pays» составляли «трио услужливых газет, призванных воспевать Империю и ее министров» [64, р. 460].

Итак, все три государства имели по-разному устроенные системы массовой печати, и каждая могла использовать их в начавшейся войне.

Начало информационного наступления

Информационная «артподготовка» началась после Синопского сражения, которое показало несостоятельность Турции в борьбе против России и побудило Англию и Францию вступить в конфликт. Победа русского флота в Синопской бухте с подачи «Times» получила в европейской прессе название «резня в Синопе» [9, с. 52]. С этого момента английская печать непрерывно обрушивала на Россию потоки гнева и критики, настраивая общество на вступление в войну. Что касается Франции, то там антироссийские настроения зрели с 1830-х гг. и даже послужили поводом для возникновения термина «русофобия» [50, с. 35], так что с началом конфликта французским газетам не пришлось наращивать градус антироссийских настроений. Теперь в сравнении с английскими газетами французские выглядели даже несколько сдержанными. «Moniteur universel», сохраняя вид официальной важности, избегала откровенных оскорблений от своего имени, впрочем, охотно перепечатывал злые антироссийские тексты из «Times» и других английских газет.

Основные английские издания заняли ярко выраженную провоенную позицию, при этом британская пресса изначально претендовала на некое автономное положение относительно правительства и военных. Уже в феврале 1854 г. редактор «Times» Д. Т. Делейн поручил корреспонденту Уильяму Расселу отправиться на военную базу на Мальте, куда английские войска перебрасывались, чтобы продемонстрировать России готовность Британии вступить в конфликт на Востоке [95]. Эту корреспондентскую миссию вроде бы поддержало правительство, но военные с первого дня восприняли присутствие «гражданского» негативно [63, с. 124]. Опасения военных оправдались: репортажи независимого корреспондента были наполнены критикой армейских порядков.

Французская пресса не могла позволить себе подобной самостоятельности. Собственного военного корреспондента, Альфреда Лонуа, газета «Moniteur» приобретет лишь летом 1854 г., но у него не будет независимого положения; Альфред Лонуа получит должность историографа при французской эскадре, то есть, по существу, будет находиться в подчинении флотского командования.

Со страниц европейских газет не сходили новости о военных действиях на Дунае, о присутствии англичан и французов на Востоке, о европейских дипломатических разногласиях. Но вот в марте 1854 г. Франция и Англия вступили в войну против России. Первые воодушевляющие новости должны были прийти с Балтики, куда эскадры союзников отправились сразу после объявления войны. Между тем оптимистические прогнозы не оправдывались. Русский флот укрылся в Финском заливе, защитившись от неприятеля минными заграждениями, что по тем временам было совершенной новинкой и явно смутило с противника. Пришлось ограничиться блокадой финского побережья.

На газетных полосах Балтийская кампания превратилась в отчеты о бесконечных морских переходах, за логикой которых читателю, думается, было трудно уследить. Единственным заметным событием стало разрушение в августе 1854 г. русской крепости Бомарзунд на Аландских островах. Англо-французская пресса пыталась придать этой победе грандиозное значение, но получалось с трудом. Во-первых, осада крепости была скоротечной и содержала не так уж много выразительных подробностей. Но главное, что разгром Бомарзунда не лишал русский флот присутствия на Балтике, а стало быть, не соответствовал обещаниям нанести России стратегическое поражение в этом регионе.

Впрочем, вести о Бомарзунде попали на страницы газет, когда надежды на значительные победы связывались уже с Востоком; там начинали концентрироваться основные силы союзников, туда же переносилось внимание аудитории.

Свобода слова и дезинформация

Войска англо-французов на Востоке концентрировались в болгарском городе Варна. Пресса регулярно сообщала о постепенном накоплении сил, что заставляло гадать о месте будущего удара по России. Одесса? Крым? Кавказ? Правительства Англии и Франции не спешили разглашать место предполагаемого удара, хотя уже в июне 1854 г. командующие войсками в Варне получили приказ готовиться к экспедиции в Крым [51, с. 23]. Но вот неожиданность: 7 августа, то есть более чем за месяц до самой экспедиции, «Moniteur» в рубрике «Выдержки из зарубежных газет» перепечатывает из «Times» такую информацию:

«Наконец-то мы можем представить нашим читателям нечто более серьезное, нежели догадки о передвижениях союзных армий на Востоке. На момент написания этой статьи, а возможно, и сегодня, армия, состоящая из английских, французских и турецких войск численностью от 80 000 до 100 000 человек, вторгнется в Крым и попытается захватить возвышенности, господствующие над севастопольским портом» [72].

Информация о количестве союзных войск преувеличена. Разведданные российской стороны были более точными: около 60 000 человек [51, с. 24]. Тем не менее возникает вопрос, почему русское командование не перебросило в Крым войска хотя бы равной численности? Единственное объяснение может состоять в том, что газетные публикации о планируемом нападении на Крым были восприняты в качестве дезинформации. С военной точки зрения удар нужно ждать в любом месте, кроме того, куда противник обещает ударить.

Но дело в том, что английская пресса, как было сказано, мало зависела от правительства; публикация в общем-то секретных данных увеличивала популярность «Times» и не грозила репрессиями. Можно, конечно, допустить, что «утечка» была организована правительством намеренно, чтобы запутать противника, но это означало бы, что англичане решились на слишком рискованную игру: при неудаче в Крыму на инициатора «утечки» легла бы ответственность за военный провал. Так или иначе, но «информационный шум» вокруг крымского направления удара российским командованием был воспринят как отвлекающий маневр, и радикальных мер к защите Крыма не предпринималось.

Характерно, что официальная французская «Moniteur» не спешила подтверждать или опровергать заявление «Times», и здесь следует сказать несколько слов о структуре газеты. Каждый номер открывался разделом «Официальные новости», где печатались

указы и постановления Наполеона III. Затем следовал раздел «Неофициальные новости», что, однако, не предполагало действительно неофициального содержания. Здесь, скажем, сообщалось, о мероприятиях, в которых принял участие император, публиковалась информация от различных ведомств. Причем даже министры, подавая сюда материалы, должны были их согласовывать с Государственным министром [64, р. 454]. Здесь же помещались некоторые военные и политические новости, ответственность за которые полностью брала на себя редакция, то есть французская власть. Наибольшая часть сведений о военных действиях и политических событиях содержалась в объемной рубрике «Выдержки из иностранных газет». Рубрика позволяла газете снабжать аудиторию интересными новостями, как бы освобождаясь от ответственности за их достоверность; ответственность как бы лежала только на плечах цитируемых изданий. Именно «как бы», поскольку на самом деле отбор материалов для рубрики подчинялся строгой логике. Сюда не попадали новости, скажем, об эпидемии холеры в лагере союзных войск или о других фактах, способных насторожить аудиторию.

Почему газета перепечатала новость о подготовке экспедиции в Крым? Вероятно, потому, что эта новость, по невоздержанности британской прессы, уже и так превратилась в «секрет Полишинеля», но при этом демонстрировала французской аудитории, что «*Moniteur*» ничего не утаивает от читателя.

Почти во все время подготовки крымской экспедиции «*Moniteur*» придерживалась этой логики: старалась не брать на себя ответственность за военные новости с Востока, но формировала выгодное для правительства общественное мнение за счет перепечаток из зарубежных газет. Лейтмотив этих перепечаток – грандиозность военной операции, задуманной на Востоке.

Пресса и фальстарт ожиданий

После уже цитированного выше сообщения «*Times*», содержащего предположение, что экспедиция в Крым, быть может, уже началась, публика с 7 августа должна была открывать каждый газетный номер с надеждой увидеть новость о высадке в Крыму. Между тем новости приходили лишь о делящейся подготовке сил. 27 августа 1854 г. в «*Moniteur*» со ссылкой на английскую «*Morning Chronicle*» сообщалось, что последние корабли для Крымской экспедиции отправились из Константинополя в Варну, перевозя большое количество солдат, лошадей и амуниции [75].

31 августа французский читатель по фрагментам иностранных сообщений (из «*Globe*», «*Morning Chronicle*» и «*Ami du soldat*») узнавал, что экспедиционный корпус будет насчитывать 80 000 человек: 40 000 французов, 20 000 британцев и 20 000 турок; что энтузиазм турок «необычайный», а турецкие солдаты «крепки, выносливы и стремятся отличиться»; что «успех крымской экспедиции нанес бы невозполнимый ущерб русскому господству между Черным и Каспийским морями», а «при захвате Севастополя неизбежны захват Анапы и Сухум-Кале»; наконец, что для экспедиции «готовы 40 двух- и трехпалубных кораблей, 120 паровых корветов и малых военных кораблей»; и главное, что экспедиция должна была начаться еще 25 августа [74], то есть неделю назад. Следовательно, читатель, приблизительно зная, что новости из Варны доходят до европейских газет с опозданием дней в 10, мог ожидать, что уже в начале сентября «*Moniteur*» сообщит о высадке войск в Крыму.

Однако 2 сентября газета вполне безмятежно печатала в «подвале» первой полосы статью П. Мериме на архитектурную тематику о Хрустальном дворце в Сайденхэме [94]. А лишь на третьей полосе помещала сообщение «*Globe*», что в Варне «собрано и

загружено около 600 транспортных судов для экспедиции», погрузку материальной части задержал шторм, но войска могут погрузиться за день-два. По словам газеты, направление экспедиции не известно; «в основном считается, что это будет Крым и Севастополь, однако в некоторых письмах высказывается мнение, что это может быть экспедиция в Азию» [75]. Ожидания публики были обмануты, поскольку выяснилось, что операция не только не началась, но даже направление ее пока не определено. Винить в напрасных ожиданиях публика должна была не «Moniteur», а лишь английские газеты, ведь это они сообщили излишне обнадеживающую информацию.

Тем временем перепечатки из иностранных источников гласили (5 сентября), что в Одессе вместо дорогих экипажей теперь казацки разезды, а в Крыму усилены казацки пикеты и весь гарнизон под ружьем ожидает вторжения» [76, р. 879]. Оптимистичных сообщений было много. 8 сентября перепечатывалось предположение, высказанное в «Globe», что цель экспедиции – Севастополь, который планируется полностью заблокировать, и тогда его гарнизон сдастся от голода в течение недолгого времени, поскольку в городе, полагает «Globe», около 100 000 человек, из которых 70 000 военных [77].

То есть пресса заставила читателей целый месяц напрасно ожидать вестей о начале Крымской экспедиции и весь этот период держала в состоянии постоянного напряжения, не давая официальных разъяснений. Затянувшаяся «интрига» взвинчивала уровень победных надежд.

Официальная неторопливость

Наконец, 9 сентября, «Moniteur» решается взять на себя ответственность за важную новость из Варны и публикует на второй полосе обращение главнокомандующего Восточной армией маршала Сент-Арно к войскам: «Проведение ведет армию в Крым, где у стен Севастополя, этого средоточия русского могущества, она будет добиваться залога мира» [113]. После этого наступила уверенность, что удар придется именно по Крыму. И заметим, обращение Сент-Арно датировано 25 августа; то есть его путь до газетной полосы составил 15 дней! Это долго, но зато это была первая информация с места событий, за достоверность которой несла ответственность «Moniteur», а стало быть, французское правительство. Читатель должен был понять, что газета жертвовала оперативностью в интересах достоверности, но столь долгая задержка информации все же не могла не вызывать недовольства.

Лишь 11 сентября крымские новости попадают на первую полосу «Moniteur». С подзаголовком «Из Константинополя пишут» сообщалось, что принято решение атаковать Севастополь, дабы «нанести удар в самое сердце амбициозных надежд, которые Россия питает на Востоке и которые давно угрожают мировому равновесию» [97]. Источник сообщения не указан, но, поскольку содержательно оно дублирует уже опубликованное обращение к войскам Сент-Арно, у газеты не было повода усомниться в его правдивости. Пока мы видим, что газета отдает приоритет официальной информации, а не частным заявлениям.

В ожидании десанта

Теперь читателю приходилось дожидаться новостей о высадке десанта уже из самого Крыма. Новостей, однако, не было. Чтобы как-то удовлетворить интерес аудитории к крымской теме, «Moniteur universel» в двух номерах [93; 96] перепечатывает компилятивный очерк о Крыме из морского ежемесячного издания [14, с. 605] «Le Moniteur de la flotte», где полуостров представлен как «самая богатая, самая живописная

и самая восхитительная провинция Российской империи» [93]. Публикация, конечно, повышала привлекательность операции по завоеванию Крыма, но не давала читателю новостей о ходе этого завоевания. Нетерпение публики нарастало и принуждало редакцию заимствовать сведения из английской прессы.

Нам сейчас известно, что 14 сентября 1854 г. англо-французская эскадра начала высадку войск близ Евпатории в Крыму. Но французская пресса узнает об этом через несколько дней, пока же, 14 сентября, «Moniteur» перепечатывала из «Times» статью, сообщавшую, что якобы в Одессе некий генерал предписал жителям при вторжении союзников придать город огню и уходить вглубь территорий. «Times» называла такой указ «варварским, свирепым и безумным» и высказывала уверенность в его существовании, поскольку русские когда-то сожгли Москву. Английская газета, правда, признавала, что пожар Москвы имел некоторый военный смысл, но предполагаемое сожжение Одессы называл «свирепой прихотью» «деспотической власти» [78].

Ожидая официальных новостей, «Moniteur» заполняла полосы перепечатками из европейских и французских газет, где о крымской экспедиции говорилось в гадательном плане. Так, австрийские газеты предсказывали, что десант состоится «между возвышенностями Севастополя и небольшой речкой Балаклава» [79, р. 1030]), хотя речки такой не существует. Пауза в реальных крымских новостях снова затягивалась.

Соперничество телеграфов

Здесь следует пояснить особенности передачи информации с крымского театра войны в столицы вовлеченных в конфликт держав.

Ближайшая к Севастополю станция европейского электрического телеграфа располагалась в Бухаресте. Потому высадившимся в Крыму союзникам приходилось всякое сообщение доставлять паромом в Варну; откуда специальный курьер вез его через город Брашов и, пересекая Дунай, в Бухарест. Из Бухареста сообщение посредством телеграфа передавалась на австрийскую границу [110], затем в Вену, а оттуда – в Лондон и Париж. Чтобы оптимизировать график связи, через несколько недель после начала осады Севастополя союзники разработали план отправки пароходов до Варны [71, р. 338]. Планировалось, что при нормальном движении пароходов и оперативности курьеров сообщение будет достигать адресата за 5–6 дней [110], но, если судить по интервалам между крымскими событиями и публикациями о них в английской и французской прессе, такие сроки доставки удавалось соблюсти не всегда. А в первое время после высадки в Крыму, когда алгоритм отправки почты еще не был отлажен, регулярность и оперативность депеш вызвали множество нареканий. Радикально изменить ситуацию поможет лишь прокладка электрического кабеля от Варны до Крыма, которая с апреля 1855 г. действительно позволит союзникам передавать сообщения из Крыма в считанные часы.

До той поры русские каналы связи имели преимущество. В Крыму тогда использовался оптический (семафорный) телеграф Кулибина. Он представлял собой линию удаленных друг от друга каменных башен; на них устанавливались столбы с подвижными штангами, положение которых соответствовало символам, используемым при передаче данных. Аналогичная система использовалась во всей Европе до появления электрического телеграфа.

В Севастополе оптический телеграф появился еще в 1830 г. и действовал в интересах флота [32, с. 80]. К началу Крымской кампании он не утратил значения. Скажем, известие о приближении неприятельской армады к берегам полуострова получили в Севастополе

именно по этому телеграфу с пункта, располагавшегося на мысе Лукулл. Функции оптического телеграфа отнюдь не исчерпывались локальными задачами. Линия оптического телеграфа связывала Севастополь с другими приморскими городами и доходила до Москвы [71, р. 388]. От Москвы же до Санкт-Петербурга шла уже электрическая телеграфная линия [23, с. 27]. Эта комбинированная система позволяла передавать короткие сообщения из Крыма в столицу за два дня [71, р. 388] и, по признанию английских исследователей, оказалась «бесценной» для русской армии на первых порах войны [65, р. 14].

Совершенствование телеграфной сети шло быстрыми темпами. Важно, что к началу обороны Севастополя Россия уже имела рабочую линию электрического телеграфа от Санкт-Петербурга до Варшавы [32, с. 27]. Так что европейская пресса поначалу связывала надежды на более оперативные новости из Севастополя с развитием именно российской линии телеграфа. До тех пор, пока линия была дотянута лишь до Варшавы, на пути к европейским столицам сообщения задерживались на российской границе. Но в конце октября 1854 г. открылась линия через Кёнигсберг [89, р. 1198], которая доходила через Берлин до Гамбурга. Сообщение от Санкт-Петербурга до Гамбурга доходило за полчаса, так что журналисты ожидали ускорения крымских новостей, приходящих через российскую столицу [86]. Военных и политиков это, впрочем, смущало, поскольку важная в военном отношении информация очень быстро становилась известна в России. Палмерстон даже сетовал, что русским удастся «вечером в Петербурге перепечатывать ведущие статьи и самые интересные зарубежные новости из “Times”», опубликованные этой газетой утром [66, р. 248].

Забегая вперед, скажем, что состязание в сфере телеграфной связи продолжалось на протяжении всей войны. В определенный момент англичане оказались лидерами, сумев проложить кабель по дну Черного моря. Технология была несовершенной, и кабель прослужил менее года [115, р. 182], но этого вполне хватило для устойчивой связи с Лондоном и Парижем до конца кампании. Россия тоже спешила и вела линию электротелеграфа через важнейшие города Востока и Юга страны до Севастополя. В сентябре 1855 г. линия дошла до Симферополя, в начале октября – до Северной стороны Севастополя [32, с. 80]. Отставание от англичан составило менее полугода.

Частный телеграф vs официальные источники

Итак, 9 сентября «Moniteur» оповестила французских читателей, что начинается военная экспедиция из Варны в Крым. После этого напряженное ожидание новостей о начале экспедиции сменилось не менее напряженным ожиданием сообщений о гигантской десантной операции под Севастополем.

20 сентября в Вену поступило телеграфное сообщение, что союзные армии в Крыму высадились. Моментально началось своеобразное состязание за первенство передачи этой новости для европейской прессы.

В эпоху начала Крымской войны наибольших успехов среди телеграфных агентств добивалось французское агентство Гавас. Оно претендовало на абсолютное лидерство в предоставлении прессе политических новостей [90, р. 50]. Сенсационное сообщение о десанте Гавас получило из Вены 21 сентября в 2 часа ночи и тут же разослало газетам, которые уже утром смогли его напечатать. Между тем министерство финансов, получив ту же новость по собственному каналу связи, предоставило ее для биржи лишь днем [90, р. 50]. Частное агентство оказалось на несколько часов оперативнее официальных источников, и это взметнуло его авторитет до исключительных высот.

Электрический телеграф сам по себе воспринимался как революционное новшество; ажиотаж вызывала не только сама новость, но и способ ее передачи – по телеграфу [66, р. 249]! Агентства, распространявшие телеграфные сообщения, виделись источником наиболее актуальной информации; газеты стремились к сотрудничеству с ними, поскольку публикация телеграфных депеш гарантировала увеличение тиражей. В некоторых газетах существовали соответствующие рубрики: «Частный телеграф» в «La Patrie» или «Сообщения частного телеграфа» в «Gazette de France». И редакторов, и публику потрясала скорость получения информации. Вопрос о ее достоверности особенно и не ставился.

Объяснимо, почему «Moniteur», которая до того отдавала предпочтение официальной информации, 21 сентября опубликовала на первой полосе сообщение о крымском десанте, переданное Гавас. Конечно, это было отступление от принципа дожидаться официальных донесений, но новость была уже столь долгожданной, что откажись газета от ее публикации, она безнадежно проиграла бы другим европейским изданиям.

Впрочем, в отличие от многих других газет, «Moniteur» сделала оговорку, что сообщает эту новость частного телеграфа, «не ручаясь за достоверность» [«sous toute réserve»]. Вот сама новость:

«Вена, 20 сентября.

В сообщении из Константинополя от 18 числа говорится, что 25 000 французов, 25 000 англичан и 8 000 турок высадились под Евпаторией, не встретив сопротивления, и сразу выдвинулись к Севастополю.

Транспортные корабли вернулись в Варну за резервами» [98].

Оговорка «не ручаясь за достоверность» обозначает, что «Moniteur» не была готова всецело доверить собственный авторитет добросовестности *частного* телеграфа. Однако телеграф *официальный* проигрывал в оперативности. Так, на следующий день, 22 сентября, «Moniteur» публиковала новость, полученную правительством по внутреннему телеграфу, но она выглядела устаревшей, поскольку относилась к событиям, предшествовавшим десанту: это было донесение британского главнокомандующего, датированное еще 12 сентября, лишь о подходе эскадры к берегам Крыма [99, р. 1049].

Словом, всё говорило в пользу частного телеграфа, тем более что первое сообщение о десанте начинало подтверждаться новыми телеграфными сообщениями. 25 сентября «Moniteur» публикует целую серию депеш (воспроизведем их порядок в колонке):

«Бухарест, 22 сентября:

“14 числа сего месяца войска союзников высадились в семи лье к северу от Севастополя, в местечке Старый форт. Высадка длилась шесть часов; местные проявили благожелательность к союзникам, предоставив им провизию. 18-го числа войска должны были выдвинуться к Севастополю, куда рассчитывали прибыть 20-го числа”.

Вена, 24 сентября:

“Высадка союзных войск прошла очень успешно 14-го числа, примерно в семи лье к северу от Севастополя. Официальные известия об этом достигли Константинополя 18-го числа”.

Вена, 24 сентября, семь часов вечера.

22 сентября Омер-Паша получил в Бухаресте следующее донесение из Старого форта, датированное 17 сентября и подписанное маршалом де Сент-Арно и лордом Рагланом:

“Ваша милость, мы успешно высадились к северу от Севастополя; противник не оказал никакого сопротивления нашему захвату позиций.

Это событие произвело глубочайшее впечатление на татарское население, которое не скрывает своей симпатии к нам. Снаряжение и артиллерия выгружены. Мы движемся на Севастополь с абсолютной уверенностью в успехе нашего великого предприятия”» [100].

И лишь на следующий день, 26 сентября, в «Moniteur» печатается рапорт (от 16 сентября) главнокомандующего французскими войсками в Крыму маршала Сент-Арно о результатах десантирования в Крыму. Рапорт командующего – официальный документ. Строго говоря, только на него и должна опираться официальная газета. Но если бы «Moniteur» отказалась от публикации телеграфного сообщения о десанте, а дожидалась официального рапорта, то опоздала бы с новостью на 5 дней. Это выглядело бы неоправданной предосторожностью, ведь рапорт Сент-Арно лишь подтвердил информацию телеграфного сообщения:

«Союзные армии высадились у Старого Форта 14 сентября, не встретив никакого сопротивления. Войска полны энтузиазма. Татарское население выглядит настроенным весьма доброжелательно. Мы обустроиваемся, последовательно выгружая лошадей и снаряжение; это трудоемкая операция, иногда затрудняемая ветром; но она продвигается, и я надеюсь, что завтра мы сможем выдвинуться. В целом, это весьма удовлетворительное начало» [101].

Словом, всё говорило о том, что телеграфная технология безоговорочно победила старое отношение к информации. Телеграфная депеша быстрее, а потому лучше официальных донесений.

«Шортрид» и... пустота

Телеграф имел недостаток: по нему можно было передавать лишь краткие текстовки. Такое лаконичное сообщение о событии распяляло интерес публики к подробностям, а подробностей приходилось дожидаться по традиционным каналам доставки корреспонденции, и в этот промежуток времени наступал информационный вакуум. Чтобы его заместить, газета искала любую «сопутствующую» информацию в ожидании детальных описаний того или иного события. В ход шло всё: хоть как-то связанные с делом другие телеграфные сообщения, выдержки из французских и зарубежных газет, рассуждения отечественных и зарубежных авторов (что мы сейчас называем «экспертными мнениями»), наконец, фрагменты из ученых трудов о регионе событий. Так, 24 сентября «Moniteur» поместила посвященный Севастополю обширный фрагмент из «Путешествия...» французского геолога Ксавье Омер де Гелля. Автор бывал в русской крепости еще в начале 1840-х гг. и констатировал, что севастопольская эскадра в упадке, севастопольские батареи построены вопреки правилам фортификационного искусства и город легко захватить с сухого пути небольшим числом войск [91].

Получая из подобных материалов пищу для размышлений, читатель дожидался официальных донесений с места событий. Но эти донесения тоже поступали поэтапно. Сначала командующие присылали в свои столицы краткие рапорты о событии, а уже

затем – детализированные отчеты. В результате в одном номере газеты соседствовали телеграфные депеши о самых актуальных событиях; краткие военные рапорты о более ранних событиях, уже объявленных до этого депешами; подробные отчеты о тех событиях, что уже начали выпадать из сферы первостепенного интереса. Но и это не всё. Газета перепечатывала сообщения других газет, где также свежая информация шла единым потоком с устаревшей. Даже сама «Moniteur», уже сообщив о месте состоявшегося в Крыму десанта, продолжала публиковать предположения, где бы он мог состояться [88]. Наслоение информации превращало газетный номер в настоящий хронологический хаос, и читателю требовались немалые усилия, чтобы усвоить факты, подробности и мнения в их реальной последовательности.

Степень достоверности информации оценить было трудно, поскольку зачастую официальные донесения печатались вперемежку с частными корреспонденциями. Так, 30 сентября в «Неофициальных новостях» «Moniteur» сначала помещались развернутые рапорты вице-адмирала Ф. А. Гамелена о десанте в Крыму. Затем шла пространная выдержка из судебного журнала с флагманского корабля, повествовавшая о переходе из Варны в Крым (то есть о событиях перед десантом). Потом печатались сообщения от неофициальных лиц и из неофициальных источников: скажем, от некоего «флотского офицера», от некоего лица в Константинополе и из турецкой газеты. Получалось, что рядом с официальной (и, надо сказать, в основном достоверной) информацией оказывались сильные преувеличения, принадлежащие анонимным лицам. Например, упомянутый «флотский офицер» уверял, что потери русской армии в Крыму от холеры достигают 20 000 человек» [102, р. 1078], что звучит фантастично, поскольку весь армейский контингент на полуострове едва дотягивал до 50 000 [51, с. 106].

Сомнительно, чтобы обычный читатель, просматривая газету, составлял «хронологические таблицы», из множества обрывочных фактов. В сознании фиксировались лишь основные информационные вешки: войска сгруппировались в Варне – пересекли Черное море – беспрепятственно высадились в Крыму и направляются к Севастополю; следующий информационный повод – Севастополь.

Общий настрой разнородных публикаций внушал аудитории мысль, что крымская экспедиция – колоссальное предприятие, которое не знает аналогов в истории и под силу лишь такими развитыми державами, как Британия и Франция. На этом фоне «плохо укрепленный Севастополь» выглядел обреченным.

Фейк, затмивший победу

Итак, в последний раз «Moniteur» разместила сообщение о важном событии в Крыму 21 сентября 1854 г. Само событие – высадка войск близ Евпатории – датировалось 14 сентября. Читатель был вправе ожидать, что следующая новость из Крыма сообщит о подходе англо-французских войск к Севастополю либо о штурме города, и новость эта должна появиться к концу сентября – началу октября, поскольку из газетных публикаций читатель понял, что от места десанта до Севастополя расстояние небольшое.

Мы, однако, знаем, что путь неприятелю на Севастополь преградила русская армия численностью около 35 000 человек [51, с. 107], заняв позиции на возвышенном берегу реки Альма. 20 сентября почти вдвое превосходящими силами союзникам удалось прорвать фронт на одном из участков, после чего русская армия отступила к Севастополю, а союзники, не решившись на преследование, задержались на месте сражения для сбора убитых и раненых.

И вот 1 октября «Moniteur» публикует официальную депешу французского посланника в Вене, гласившую, что на пути к Севастополю союзникам пришлось вступить в сражение:

«Союзные армии 20 сентября встретили противника, укрепившегося на Альме, вступили с ним в бой и разгромили. Противник отступил к Севастополю» [103, р. 1081].

Вслед за этим газета помещала сообщение частного телеграфа:

«Русская армия силами в 50 000, укрепившаяся в лагере на Альминских высотах с многочисленной кавалерией и артиллерией, была атакована в час по полудню 20-го числа.

В три тридцать позиции были взяты в штыки, и противник был вынужден отступить» [103, р. 1081].

Уже на следующий день, 2 октября, «Moniteur» смогла подтвердить достоверность этой информации, опубликовав краткое донесение маршала Сент-Арно, составленное 20 сентября в биваке на месте Альминской битвы:

«Сегодня на Альме встретились с неприятелем. Он занял значительными силами поросший лесом овраг, где находятся дома и протекает река и который преодолим лишь в трех пунктах, а также возвышенности с очень крутыми склонами по левому берегу реки; он хорошо укрепился и был прикрыт артиллерией. Войска союзников атаковали эти грозные позиции с беспримерной отвагой. Со словами “Да здравствует Император!” наши солдаты захватили те, что располагались перед ними. Битва на Альме длилась четыре часа. Это прекрасное начало для нашего оружия. Французские войска потеряли 1 400 человек убитыми и ранеными. Мне еще не известны потери английской армии, которая доблестно преодолевала ожесточенное сопротивление» [104, р. 1085].

Победа в крупном сражении на незнакомой территории – событие чрезвычайно значительное и должно было на много дней приковать к себе внимание Европы. Но... Сразу после приведенного донесения Сент-Арно «Moniteur» опубликовала депеши и вовсе оглушительного содержания:

«Не ручаясь за достоверность, приводим следующую депешу, полученную по частному телеграфу.

Вена, суббота, 30 сентября.

“Турецкое посольство получило из Бухареста новость, что взяты два севастопольских форта”.

Вена, воскресенье, 1 октября.

В депеше, полученной Омер-Пашой, сообщается, что Севастополь захвачен со всем военным имуществом и флотом.

Гарнизону была предложена возможность свободного отступления, но он предпочел остаться в плену”» [104, р. 1085].

Публикация двух последних депеш стала роковой ошибкой – и не только газеты «Moniteur». Эти сообщения напечатали многие известные издания Европы.

На самом деле Севастополь будет взят лишь через 11 месяцев, но и тогда его арсенал и эскадра не окажутся в руках неприятеля, а гарнизон сохранит боеспособность. Почему французская официальная газета решилась опубликовать информацию, которая не подкреплена ни авторитетом источника, ни официальными заявлениями и в результате оказалась ложной? Только потому, что «Moniteur», подобно другим изданиям, подпала под влияние беспредельной веры в совершенство телеграфа.

Возможно, у читателя и возникло бы недоверие к этим сообщениям, но на той же полосе в «Moniteur» он читал, что император Наполеон III во время смотра в Булони завершил обращение к военным такими словами: «...<Французские солдаты>, быть может, уже сегодня водружают наши штандарты на стенах Севастополя» [104, р. 1085]. Это звучало, как поздравление со взятием города. Прибавим, что и некоторые другие французские газеты опубликовали ту же сенсационную новость синхронно с «Moniteur». «La Patrie» так и озаглавила публикацию: «Взятие Севастополя» [111].

3 октября «Moniteur», хотя снова с оговорками, уже смогла напечатать депешу, которая сигнализировала, что факт падения Севастополя признан австрийским правительством. Это было сообщение от французского посланника в Вене, получившего информацию от главы австрийского правительства графа Буоля:

«Граф де Буоль только что передал мне сообщение, адресованное имперским агентством в Бухаресте министру иностранных дел в Вене и отправленное из Бухареста 30 сентября в шесть часов вечера:

“Сегодня в полдень из Константинополя прибыл татарин [Tartar] с депешами для Омер-Паши. Поскольку последний находится в Силистрии, депеши ему пришлось пересылать. Этот татарин сообщил о взятии Севастополя. Согласно его донесению, 18 000 русских были убиты и 22 000 взяты в плен. Константиновский форт разрушен, а остальные форты с 200 орудиями захвачены. Шесть русских линейных кораблей потоплены. Князь Меншиков с остальными судами отступил во внутреннюю часть гавани и сообщил командующим осаждающих войск, что взорвет все свои суда, если атака продолжится. Ему дали шесть часов на раздумья, призвав сдаться во имя гуманности.

В Константинополь прибыли французский генерал и три раненых русских генерала”» [105, р. 1089].

Далее «Moniteur» сообщала, что австрийское правительство поздравило Наполеона III с «блестящей победой в Крыму» [105, р. 1089]. Поскольку об Альминской битве в этом номере газета не говорила, то становилось очевидным, что поздравление касается именно захвата Севастополя.

Ложная новость о падении Севастополя уже второй день продолжала победное шествие по страницам европейской прессы. Те французские газеты, которые еще не решались публиковать непроверенную сенсацию, теперь, по сути, с благословения официальной «Moniteur» стали перепечатывать депеши о «блестящей победе». Причем многие, например, «Le Siècle» [112] и «La Presse» [68], перепечатывали не только сообщение из «Moniteur», но и целую вереницу аналогичных сообщений из других французских и зарубежных газет. Возникал эффект «цитирования цитат» [67, р. 6], причем все воспроизводимые сообщения фактически восходили к одному и тому же ложному источнику, но проверить это было невозможно, и создавалось впечатление,

будто вести о падении русской крепости в Крыму доносит множество источников. Читатель не мог усомниться в правдивости множества авторитетных газет, тем более что ему довольно долго внушали мысль, что в Крым отправляется 100 000 солдат (на самом деле было около 60 000), а Севастополь слабо укреплен.

Точно такая же ситуация сложилась в Британии. 2 октября «Times», как и «Moniteur», поздравила публику не только с альминской победой, но и с захватом русского города, напечатав заглавными буквами заголовки «ПАДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ» [92, р. 19]. На следующий день газета повторила заголовок, а 4 октября с восторгом заявила:

«Последние послания от наших корреспондентов из Вены и Парижа развеивают всякое сомнение относительно триумфа союзных армий и реальности самого блестящего успеха современной войны – подвига, не имеющего аналогов по масштабу, скорости и результатам. Теперь можно с уверенностью заявить, что форты Севастополя пали один за другим под атакой объединенных сил...» [92, р. 20–21].

В эйфории ликования никого не смутило, что 3 октября из Берлина поступила депеша русского командующего в Крыму Меншикова. Из нее следовало, что русская армия вышла из Севастополя в сторону Бахчисарая, а сам город нападению пока не подвергался [62]. Недоразумение в том, что по распространившейся в прессе информации Севастополь сдался 25 сентября, а депеша Меншикова была отправлена 26-го, то есть опровергала факт капитуляции. После непродолжительного анализа этой неувязки европейские газеты «победили» официальную депешу Меншикова: было решено, что его сообщение имеет ошибочную датировку [62].

Характерно, что об Альминском сражении «Moniteur» 4 октября напоминала читателю лишь перепечаткой из «Times», где не было никаких свежих подробностей битвы [80]. «Взятие Севастополя» затмило победу на Альме. Между тем официальных подтверждений «взятия» не приходило, и «Moniteur» оставалось лишь перепечатывать из других газет баснословные «подробности», которыми обрастало «падение русской крепости». Так, сообщалось, что «кровавопролитная битва» несколько часов длилась «возле города Kalantaï, расположенного на правом берегу Качи в шести лье к северу от Севастополя и в полулье от моря» [81, р. 1100]. Никакого города Kalantaï не существует, а на Каче сражений не было, но это не помешало авторам заявить, что Меншиков там «был наголову разбит» [81, р. 1100]. Говорилось также, что у стен Севастополя 22 сентября развернулась битва, которая продолжилась и на следующий день; русские при этом потеряли генерала и двух полковников, генерал Хомутов ранен [81, р. 1100]. Всё это не имело даже отдаленного отношения к действительности, и ложь начала открываться уже 5 октября.

Разоблачение фальшивки

В этот день британская пресса опубликовала сообщение из английской официальной переписки, которое гласило, что 28 сентября союзники устроили свою базу в Балаклаве, откуда вскоре собираются выступить в Севастополь. Это означало, что Севастополь до сих пор не взят; сообщения о его падении были обманом...

Официальной газете «Moniteur» пришлось 6 октября разместить эту обескураживающую депешу на первой полосе, а вместе с ней еще одну депешу – из Вены:

«Татарское сообщение¹ опровергается даже в Бухаресте. Это преувеличение Альминской битвы. Мы не получали прямых новостей из Константинополя с 24 числа. Австрийский консул в Одессе сообщает телеграфом 29 числа, что <...> союзники на Бельбеке в десяти верстах от Севастополя» [106, р. 1101].

Не в Севастополе, а в 10 верстах от него!

Достойный эпоса «захват Севастополя» оказался эпичным обманом. Это вызвало в обществе сильнейшее разочарование, которое нужно было чем-то купировать. «Moniteur» отыскивала в иностранных газетах ободряющие материалы. Скажем, рассуждения о том, что, разбив неприятеля на Альме, союзники уже выполнили главную задачу, поскольку сам Севастополь, «по мнению, компетентных знатоков, с сухого пути даже слабее укреплений на Альме» [82, р. 1104]. Вид крупной победы пытались придать захвату Балаклавы [106, р. 1101], хотя на самом деле селение защищала всего рота российских солдат [53, с. 233].

Противоречивая информация из разнообразных источников копилась, как снежный ком. В результате раздел «Выдержки из зарубежных газет» превратился в паутину взаимоисключающих фактов и мнений. Вот краткий обзор материалов только из номера за 7 октября [83]. Откуда-то «всплыла» не имеющая отношения к действительности информация, что 25 и 27 сентября якобы произошли «кровопролитные сражения» в районе Бельбека; но тут же высказывались сомнения на этот счет, поскольку уже 28 сентября англичане заняли Балаклаву, а это довольно далеко от Бельбека. Некое телеграфное сообщение гласило, что 25 и 27 все же были бои, и союзники находились на Бельбеке, а также на берегах реки «Merterewady», которой на самом деле попросту не существует. Потери русских под Альмой некоторые источники оценивали в 10 000, что было сильным преувеличением. Армию Меншикова считали то изолированной в Крыму, то ожидающей весьма скорого подкрепления с материка. Выражалась уверенность, что со скорым поражением Меншикова Крым будет «потерян для России». Кто-то сообщал, что французские и турецкие войска уже перекрыли сообщение между Симферополем и Перекопом, хотя простой взгляд на карту позволял понять, что это равнозначно захвату всего Крыма. Сообщалось, что татары из деревень западного Крыма готовы создать собственный военный корпус в помощь союзникам [83]. Словом, к «туману войны» газеты и телеграф примешали изрядную долю нестройных «информационных шумов».

Наконец, подоспели официальные донесения из Крыма о ходе Альминского сражения. 7 и 8 октября «Moniteur» печатала рапорты маршала Сент-Арно и вице-адмирала Гамелена. Здесь были действительно свежие и интересные подробности о действиях войск. Результаты должны были воодушевлять французов. Число участников битвы Сент-Арно оценивал в 120 000 человек [108, р. 1109]. Союзники не просто вытеснили 50-тысячную [108, р. 1109] армию противника с «мощно укрепленных» позиций, но даже захватили палатку главнокомандующего Меншикова с его перепиской и документами [107, р. 1105]. Потери русских, по словам Сент-Арно, были много больше, чем у союзников: на один труп из армии союзников приходилось 7 из русской [107,

---

¹ Под «татарским сообщением» подразумевалась та самая ложная депеша из Бухареста, опубликованная в «Moniteur» 3 октября и послужившая источником ложных новостей о падении Севастополя; как помним, она была составлена со слов некоего «татарина», прибывшего из Крыма с корреспонденцией для Омер-Паши.

р. 1105]. Общие потери неприятеля французский главнокомандующий оценивал в 5 000 [107, р. 1105] – 6 000 [108, р. 1109]. А по сведениям одного из французских дипломатов, публикуемым «Moniteur», они вовсе достигали 8 000 [107, р. 1105].

Во всем этом, конечно, были обычные для подобных документов преувеличения. В реальности позиции русской армии на Альме по ряду причин вообще не были укреплены [58, с. 60–64]. Русская армия смогла выставить не 50 000, а около 35 000 человек против 57 000 неприятеля [51, с. 107], так что общее число участников битвы составляло чуть более 90 000. Соотношение потерь действительно было не в пользу русской армии, но не достигало пропорции 7:1. Общие потери союзников историки оценивают в 4 500, русской армии – в 5 600 человек [51, с. 111]. Но даже завышенные цифры не могли воодушевлять аудиторию, которая уже привыкла верить, что при мифическом «взятии Севастополя» «18 000 русских были убиты и 22 000 взяты в плен» [105, р. 1089].

Победа на Альме, безусловно, имела для союзников стратегическое значение, поскольку определила ход всей дальнейшей кампании. Однако медийный эффект этой победы был обесценен всего одной ложной депешей: реальная победа на Альме «не дотягивала» до сфабрикованной «блестящей победы» над Севастополем.

Утка по-татарски

То, что в последнее время повелось называть «фейком», в XIX в. называлось «уткой» и подразумевало ложное известие, опубликованное в газете [31, с. 227–229]. Явление это было вовсе не редкостью, и характерно, что к середине XIX в. наибольшее число таких недостоверных новостей во французской прессе касалось информации о России. Поскольку французская печать последовательно «разгоняла» антироссийские настроения, в дело шли любые средства, в том числе и откровенный вымысел. Именно это имел в виду Бальзак, сделав в начале 1840-х гг. ироничное замечание: «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи» [Цит. по: 31, с. 227].

К «газетным уткам» читатели давно привыкли, но фальсификация с новостями о падении Севастополя была совершенно незаурядной по своим последствиям. Даже через месяц после разоблачения лжи «Times» отмечала в обществе разочарование ходом военных действий и причину видела в скороспелом и ложном сообщении о падении Севастополя: «В течение двух-трех дней Европа была убеждена, что Крым завоеван за десять дней кампании» [87, р. 1243].

Дезинформация такого уровня, или такая «утка», должна была получить и получила собственное название: «утка по-татарски». Природа выражения прозрачна. Как помним, источником ложных сведений стала телеграфная депеша, записанная со слов некоего «татарина» («Tartar»), который прибыл в Бухарест с корреспонденциями для турецкого главнокомандующего Омер-Паши. История умалчивает, был ли этот «татарин» действительно татарин или просто курьером, которых у турок было принято называть «татарами» [19, с. 39], но выражение прижилось, поскольку одновременно подчеркивало и «восточный колорит» Восточной войны, и абсурд ситуации, когда европейская пресса растиражировала мнение некомпетентной персоны.

Сын свергнутого Луи-Филиппа, боевой генерал африканских войн герцог Омальский жил в ту пору изгнанником в Англии. 1 октября 1854 г., едва получив ложную новость о Севастополе, он писал на родину своему бывшему наставнику: «Севастополь взят! Никто не желал успеха французского оружия больше, чем я; никто не радовался этому больше» [70, р. 570]. А уже 9 октября разочарованно сетовал:

«Мой дорогой друг, утка по-татарски (le canard à la Tartare. – В. О.) оказалась островатой; здесь её оценивают как Stock jobbing hoax (с англ. «биржевой обман». – В. О.) К сожалению, она испортила битву при Альме, прекрасное и славное событие <...>» [70, р. 572].

Понятно, что мимо «утки по-татарски» как символа европейской самонадеянности не прошла русская пресса. В ноябре 1854 г. «Санкт-Петербургские ведомости», знакомя читателей с новостями зарубежной печати, останавливалась на статье из газеты «Daily News»:

«Пишут, что когда союзный лагерь узнал о татарской утке, то армия даже была оскорблена тем, что общественное мнение почло детской игрушкой гигантскую задачу союзников. (Итак, татарину никто не остался благодарен)» [19, с. 1208].

Выражение «утка по-татарски» (а наряду с ним – «татарское известие» [10, с. 39]) разлетелось по Европе и прочно закрепилось в европейских языках [67, р. 10–13]. Это многое говорит об истинном значении информационного скандала вокруг ложного захвата Севастополя. Известно, скажем, что в США в 1854 г. этот скандал произвел «неизмеримо большее впечатление, чем ранние победные реляции». Американские газеты восприняли его как новую сенсацию: «Жирным шрифтом на первых полосах появились заголовки: “Взятие Севастополя – ложь! Взрыв Константиновского форта – ложь! Разрушение части русского флота – ложь!”» [10, с. 39].

Английская и французская печать на какой-то момент оказались в состоянии шока. Строго говоря, французским газетам за размещение недостоверных сообщений полагалось наказание. В соответствии с порядком, введенным с 1852 г., публикация ложной информации считалась преступлением, даже если редакция сделала это непреднамеренно [64, р. 448]. Другой вопрос, что на сей раз нарушение закона было столь тотальным, что, следуя его букве, пришлось бы закрыть все французские газеты, включая официальную «Moniteur». Так что карательных мер можно было не ждать. Важнее были репутационные издержки. Доверие и к частным телеграфным агентствам, и к газетам оказалось сильно подорвано. Простыми извинениями перед публикой эту проблему решить было невозможно.

Мир прессы был обескуражен и сразу после изобличения обмана занялся тем, что в наше время назвали бы «разбором полетов». Наиболее активно за это взялись британцы. Одна из самых популярных газет «The Illustrated London News» 7 октября опубликовала статью «Мнимый захват Севастополя» [62]. Это настоящее расследование, в котором по дням и часам прослеживалась краткая, но стремительная история ложного севастопольского сообщения, на несколько дней погрузившего европейскую публику в «рай для дураков» [62]. Газета не щадила самолюбие союзников и рассказывала, как Наполеон III, поверив недостоверной информации, готовился к общенациональному торжеству: «В Париже артиллеристы находились подле орудий перед Домом инвалидов с зажженными спичками, готовые устроить салют, как только поступят официальные новости. Наборщиков императорской типографии не отпустили домой, ожидая, что их помощь понадобится для публикации депеш от маршала Сент-Арно» [62]. В целом газетное расследование подводило к тому, что первыми распространять дезинформацию начали издания, обслуживающие коммерческий мир, и, стало быть, целью обмана были биржевые спекуляции.

К тому же выводу приходили Ф. Энгельс и К. Маркс. Они в то время сотрудничали с американской газетой «New-York Daily Tribune», где напечатали две передовицы с собственным расследованием севастопольской «мистификации, не имеющей равных себе в истории» [26, с. 518]. Кстати, одна из этих статей начиналась фразой: «Поймай татарина!» [26, с. 517], которая в данном контексте ассоциировала известный английский фразеологизм¹ с актуальным информационным казусом.

К. Маркс и Ф. Энгельс имели возможность разбирать ситуацию, находясь в стороне от скандала. То же можно сказать и о только что цитированной газете «The Illustrated London News»: она выходила раз в неделю, так что вся скандальная история успела начаться и закончиться как раз в интервале между выпусками номеров. Опубликовать фальшивую новость газета попросту не успела. А вот для «Times» ситуация была весьма щекотливой. Издание так громко и уверенно пропагандировало ложную победу, что вполне могло восприниматься одной из главных движущих сил всеобщего обмана. Учитывая, что «Times» и без того упрекали в манипулировании общественным мнением [22, с. 48], редакции следовало как-то оправдаться перед публикой. А потому «Times» не стала отмалчиваться, а занялась публичным анализом причин, приведших к массовому обману.

Тем более непростым было положение французской официальной газеты «Moniteur». Опубликовав (пускай даже с дежурными оговорками) ложное сообщение, она, с одной стороны, дала «добро» другим французским газетам на распространение дезинформации, а с другой – причинила ущерб власти, ненамеренно изобличив ее неосведомленность о ситуации на театре боевых действий. Редакция «Moniteur», однако предпочла не оправдываться самостоятельно, а «перепоручить» эту задачу «Times», разместив на своих страницах соответствующий материал из этой газеты за 6 октября:

«После того, как вчера правительство получило официальные донесения из Константинополя, менее достоверные сообщения, которые в течение пяти дней воспринимались с таким энтузиазмом и всеобщим доверием, полностью испарились.

В другой раз было бы любопытно разобратся, как сообщение, которое сегодня кажется не просто преувеличенным, но и сфальсифицированным, приобрело достаточно веса и авторитета, чтобы завоевать доверие подавляющего большинства цивилизованной Европы, включая не только журналистов и их читателей, но даже тех, кто хорошо знаком с передвижениями армий, и государственных деятелей, стоящих во главе правительств осторожных и нелегковерных.

Вероятно, благодаря живому нетерпению, с каким общество желает увидеть, а по возможности, и ускорить свержение русского могущества, эта новость была воспринята с большей жадностью, чем того заслуживала. Но нет никаких сомнений, что именно благодаря частым и, казалось бы, согласованным заявлениям, она была принята повсюду. Однако мы должны развеять недавно возникшие у нас ложные представления и сформировать более точное представление о наших позициях на основе официальных документов <...>» [84, р. 1111].

---

¹ Catch a Tartar – букв. «поймать татарина». Идиома, обозначающая ситуацию, когда противник неожиданно оказывается сильнее или хитрее тебя.

«Формируя прочное представление о позициях», «Times» перечисляла достоверно известные достижения союзников в Крыму: успешный десант, победа на Альме, захват Балаклавы, а в целом – подводила к мысли, что Севастополь с суши плохо укреплен и долго не продержится. Иными словами, газета пыталась погасить общественное разочарование новыми завышенными ожиданиями.

Французская пресса поначалу вообще боялась печатать телеграфные сообщения. 7 октября, как раз в разгар информационного скандала, парижские газеты получили сообщение о смерти главнокомандующего французской армией в Крыму маршала Сент-Арно [67, р. 10]. Это была правда, маршал действительно умер от холеры. Но поскольку «Moniteur» не разместила у себя эту новость, другие французские газеты сочли сообщение очередной фальшивкой и не стали ее печатать. «Moniteur» напечатала сообщение лишь 9 октября [109, р. 1113], и уже после этого оно появилось, например, в «La Presse», которой пришлось извиняться перед публикой за устаревшую новость и признать, что даже в английской прессе сообщение о смерти французского командующего печаталось на день раньше [69].

Осторожность заставляла отказываться от публикации непроверенных телеграфных сообщений, но в то же время были нужны быстродействующие средства, чтобы преодолеть разочарование, вызванное преждевременной вестью о падении Севастополя. А ничего более быстродействующего, чем новые «безымянные» телеграфные сообщения о победах в Крыму, не находилось. Видимо, поэтому «Moniteur» 9 октября решила напечатать (правда, в «Выдержках из зарубежной прессы») очередную депешу о какой-то очередной громкой победе:

«Белград, 30 сентября. Сегодня вечером прибыли курьеры с депешами в Лондон и Париж. Я узнал, что под Севастополем произошло крупное сражение. Поле боя осталось за союзниками, которые захватили 60 пушек, а также большое количество пленных, которых отправили в Константинополь» [85, р. 1115].

Кто этот «я»? Когда и где произошло сражение? Если имеется в виду Альминское сражение, то почему «под Севастополем» и зачем вообще это краткое сообщение, если об Альме к тому времени уже было написано в подробностях? Для читателя, как и для истории, всё это осталось тайной, поскольку задача сообщения – лишь взбодрить публику информацией о военных успехах. Рискованно очередным скандалом, но, видимо, действительно.

За «утку по-татарски» европейская пресса расплатилась по весьма высокой цене, но газеты всё же не представляли, чем заменить это блюдо в новостном меню.

Цензура завышенных ожиданий

Разумеется, в России следили за информационным скандалом. «Санкт-Петербургские ведомости» с удовлетворением констатировали, что, по сообщениям из Вены, «со времени знаменитой мистификации турецкого курьера и последовавших за ней донесений, замечательных отсутствием всякого существенного успеха, в мнении значительного большинства публики произошел явный переворот, и она возвратилась к умеренности и рассудительности» [19, с. 1208].

Для официальной российской газеты «мистификация турецкого курьера» была важна в двух отношениях: во-первых, она привела к некоторому ослаблению антироссийского энтузиазма в обществе «колеблющихся» Австрии и Пруссии; а во-вторых, убеждала в правильности некоторых цензурных ограничений в отношении отечественной печати.

Как известно, решения российской цензуры регламентировались специальным Уставом. Он был принят еще в 1828 г., но, по необходимости, мог дополняться отдельными циркулярами. Поскольку начало Крымской войны сильно повлияло на общественные настроения, а соответственно, на тональность и тематику печати, понадобились уточнения для действий цензуры в военных условиях. Изучив архив цензурных дел той поры, исследователь М. С. Черячукин делится ценными наблюдениями [61]. С началом войны количество патриотических произведений значительно возросло. Это, конечно, приветствовалось, но многие сочинения мотивировали власть к ряду ограничений. Так, были запрещены оскорбления [61, с. 48] в отношении противника, что не позволяло патриотическим текстам скатываться в стилистику площадной перебранки. Не пропускались откровенно низкохудожественные тексты, которые обесценивали патриотическую тематику. Но, что самое важное в контексте нашего разговора, еще в мае 1854 г., то есть не «по урокам» «севастопольского фейка», а предвосхищая его, был принят циркуляр, в соответствии с которым «частные сведения» «о подвигах в сражениях» могли быть допущены к печати лишь после «получения удостоверения о действительности сих подвигов» [61, с. 50–51]. Нет сомнений, что последнее решение было предусмотрительно нацелено на предотвращение казусов, подобных «татарской утке» в европейской прессе.

Меньше всего хотелось бы заниматься реабилитацией николаевской цензуры. Нам уже приходилось говорить, что неразумно выстроенная информационная политика накануне Крымской кампании позволила будущему военному противнику России – Франции – взять пропагандистскую инициативу в свои руки [35]. Во время самой войны информация о боевых действиях сообщалась отечественными изданиями столь скупно, что вынуждала публику черпать сведения из зарубежной прессы [36, с. 52–54]. Официально считалась, что эта пресса не имеет доступа к российскому читателю, но на практике ее широкий нелегальный поток просто невозможно было пресечь.

Недостоверность многих европейских публикаций была для российского читателя очевидной. Когда летом 1854 г. англо-французская эскадра безуспешно пыталась угрожать Петербургу, Ф. И. Тютчев находился в столице и сообщал супруге о настроении общества:

«В особенности много смеялись, припоминая известие, появившееся на днях в иностранных газетах, а именно, что в Петербурге смятение, что все население бежало и 40 тысяч башкиров вызваны защищать столицу» [54, с. 215].

При этом могло вызывать досаду, что даже ободряющую для русского общества информацию легче найти во враждебных газетах, нежели в своих. В. С. Аксакова записала в дневнике зимой 1855 г.:

«По иностранным журналам видно, что, в самом деле, армия английская под Севастополем в крайнем положении, французы заняли все английские посты, англичан осталось всего тысяч 21, и те наполовину не в состоянии работать. “Times” не щадит выражений, чтобы представить ужасную картину всех бедствий, и не скупится укорами правительству» [3, с. 113].

С явным раздражением сдержанность российской прессы воспринимал и Тютчев. После крайне неудачной для противника июньской попытки штурмовать Севастополь Тютчев, сопоставляя информацию об этом деле в российской и зарубежной печати, делился с супругой:

«<...> Еще более поражаешься, наблюдая, как мы здесь поддерживаем их ложь и их утайки пошлым смирением наших бюллетеней и непостижимым старанием преуменьшить потери врага в наших донесениях. Так, например, в последнем бюллетене не решились сказать, что в этом деле они оставили в наших руках тысячу сто человек, из которых четыреста сдались без боя <...>. А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения. Так, например, на днях бедный Мальцов решил, будто ему будет дозволено в какой-то невинной статье для “Journal de St.-Petersbourg” сказать, что англичане ведут пиратскую войну у наших берегов. Представь, канцлер заставил его вычеркнуть это выражение как слишком оскорбительное» [54, с. 234].

В приведенных откликах следует отделять эмоциональную составляющую от фактической. Во время войны для человека естественно напряженно ожидать успехов своей армии. Их отсутствие сказывается болезненно, и человек настроен с доверием воспринимать всякую информацию, содержащую хотя бы намек на военную удачу. Если говорить конкретно о неудавшемся штурме союзников 18 июня 1855 г. и о приведенных оценках Тютчева, то для англо-французов это действительно был ошеломляющий провал, а потери их были чрезвычайно высоки. Но тютчевские данные о 1 100 пленных не находят доказательств по трудам историков. Похоже, это информация из той самой категории, которая не попадала в печать по отсутствию официальных подтверждений – чтобы не завывать безосновательно победных ожиданий. И, думается, это было обосновано: хотя Севастополь и отбил неприятельский штурм 18 июня, положение защитников крепости оставалось крайне тяжелым.

Что же до излишней «деликатности» газеты Министерства иностранных дел «Journal de St.-Petersbourg» и главы Министерства канцлера К. В. Нессельроде, то раздражение Тютчева объяснимо. До войны Нессельроде занимал пассивно-деструктивную позицию в отношении внешних информационных угроз [35, с. 145], и Тютчев, конечно, об этом знал. В период же самой войны Нессельроде в информационном поле старался сохранять позу, так сказать, «рыцарского достоинства», что на фоне откровенной клеветы и прямых оскорблений со стороны английских газет выглядело как неспособность на адекватную реакцию. И здесь, пожалуй, стоит говорить о «личном факторе», когда тот или иной чиновник трактовал цензурное законодательство в духе максимальной строгости.

Во время Крымской войны сказались пагубные последствия того давления, которое николаевская цензура оказывала на прессу в мирное время. До войны многие патриотические инициативы в сфере печати рухнули, натолкнувшись на непробиваемую бюрократическую стену (и Тютчев испытал это на собственном опыте [35, с. 148–149]). За многие годы аудитория привыкла воспринимать всякое ограничение в сфере печати как неоправданную строгость. Неудивительно, что порою не находили понимания и те решения, которые были продиктованы военной необходимостью. Но так или иначе, а циркуляр, не допускающий в прессу «победных» сообщений до их официального подтверждения, следует признать соответствующим требованиям военного времени. В информационном противостоянии он еще сыграет свою роль, и мы вернемся к этому вопросу в следующей части нашей статьи, где будем анализировать новостную тактику французской официальной прессы после скандала с ложной новостью о взятии Севастополя. Предваряя будущий разговор, скажем, что негативный опыт, приобретенный европейской прессой во время распространения «татарской вести», не ограждал газеты от публикации новых фейков. Пока же подведем промежуточные итоги.

ВЫВОДЫ

К началу военных действий в Крыму Англия и Франция располагали намного большим печатным ресурсом, нежели Россия, однако во Франции и особенно в Англии контроль над прессой был значительно слабее. В условиях обострившейся военно-политической обстановки новостная тактика в этих странах зачастую выстраивалась стихийно и по образцам мирного времени. Во главу угла ставилась популярность самого издания и сиюминутных политических интересов без учета последствий для общественных настроений в перспективе серьезного военного конфликта.

В результате в обществе преждевременно нагнеталось напряжение в связи с ожиданием военных действий. Стремясь увеличить поддержку общественного мнения для военных инициатив, пресса преувеличивала численность и возможности англо-французских войск, недооценивая при этом сложность будущих боевых задач. Это сформировало настроение завышенных ожиданий военного успеха, что неизбежно должно было привести к пропорционально глубокому разочарованию при столкновении с военной реальностью.

В британской прессе преобладала тактика погони за оперативностью и сенсационностью материалов. Французская официальная печать поначалу удерживалась от этого тренда, отдавая предпочтение подтвержденной информации, что ставило ее в невыгодные конкурентные условия с британской прессой, не ограниченной ответственностью за публикацию непроверенных источников. Официальная печать Франции стремилась частично компенсировать свое отставание в оперативности и количестве новостной информации, активно цитируя английские газеты, что зачастую вело к ретрансляции материалов, искажающих действительное положение дел. В конце концов официальная газета Франции «*Moniteur universel*» сама поддалась общей тенденции и отдала приоритет оперативности военных сообщений в ущерб подтверждению их достоверности.

Ситуация значительно усугублялась неготовностью европейской печати корректно оценивать свойства революционного на тот момент технологического достижения – электротелеграфной связи. Телеграфным сообщениям «по умолчанию» оказывалось неоправданно высокое доверие, «отключавшее» как опцию необходимость проверять компетентность отправителя информации.

На этом фоне множественность печатных изданий в Европе служила благодарной почвой для «вирусного» распространения ложной информации [67, р. 7], что при отсутствии официальных комментариев и опровержений открывало возможность тотальной дезинформации.

Перечисленные обстоятельства создали идеальные условия для новостной мистификации, убедившей европейское мнение в падении Севастополя. Это ложное убеждение внезапно гипертрофировало и без того завышенные ожидания общества, но быстро привело к тяжелейшему разочарованию, обесценившему моральный эффект от реальных боевых успехов.

Испытав шок, европейская пресса осознала свою уязвимость для ложных сообщений и необходимость корректировать новостную тактику. Привело ли это к реальным изменениям, покажут наблюдения, изложенные в следующей части нашей статьи.

Список литературы

1. *Аверченко С. В., Татаринов Г. Г.* Развитие стрелкового вооружения русской армии: от Крымской до русско-турецкой войны (1853–1878 гг.) // Современная научная мысль. – 2025. – № 2. – С. 56–63. – DOI: 10.24412/2308-264X-2025-2-56-63.
2. *Айрапетов О. Р.* Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 3. – М.: Модест Колеров, 2018. – С. 5–23.
3. *Аксакова В. С.* Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855. – СПб.: Огни, 1913. – 174 с.
4. *Александрова Е. В.* Жанровая природа «Трех глав из политической и военной истории 1853, 1854 и 1855 годов» Е. П. Ковалевского // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (216). – С. 121–130. – DOI 10.23951/1609-624X-2021-4-121-130.
5. *Александрова Е. В.* Крымская война в рецепции Е. П. Ковалевского и Л. Н. Толстого // Имагология и компаративистика. – 2021. – № 15. – С. 156–172. – DOI 10.17223/24099554/15/9.
6. *Алентьева Т. В.* Английский взгляд на Крымскую войну // Научный вестник Крыма. – 2024. – № 4 (50). – С. 1–18.
7. *Арсентьев Н. М., Данилов А. А., Левандовский А. А., Токарева А. Я.* История России. 9 класс. Учебник для общеобразовательных организаций: В 2 ч. Ч. 1. – М.: Просвещение, 2016. – 160 с.
8. *Баранская Е. М.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. в жизни и мемуарах А. А. Фета // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 16–29.
9. *Бобков М. Ю.* Освещение Крымской войны в газете «The Times» (ноябрь–декабрь 1853 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 10. – С. 45–53. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53.
10. *Болховитинов Н. Н., Полевой Б. П.* Общественность США и оборона Севастополя в 1854–1855 годах // Новая и новейшая история. – 1978. – № 4. – С. 35–52.
11. *Бояркина Н. В.* «Кровью бы следовало писать эти записки, не чернилами»: корреспонденции Петра Алабина из осажденного Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11 (77). – № 3. – С. 129–142.
12. *Вяземский П. А.* Сергей Николаевич Глинка: [Некролог]. – СПб.: Тип-я. Имп. АН, 1847. – 23 с.
13. *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
14. Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца [и др.]. Т. 6. – СПб: Т-во И. Д. Сытина, 1912. – 648 с.
15. *Гринченко Н. А.* «Journal de Saint-Petersbourg», 1825–1917 гг.: из истории издательской деятельности Министерства иностранных дел // Федоровские чтения. 2007. – М.: Наука, 2007. – С. 459–469.
16. *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1900. – 438 с.
17. *Ермолов П. П.* Предыстория развития радиотехнологий в Крыму // Дослідження з історії техніки. – 2011. – Вип. 14. – С. 23–43.
18. *Жолудов М. В.* Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона // Вестник Нижневарттовского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 100–107.
19. Иностранные известия // Санкт-Петербургские ведомости. – 1854. – 7 ноября. – № 249. – С. 1207–1928.
20. *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 512 с.
21. *Красавченко Т. Н.* Сюжет о Крымской войне (1853–1856) в британской культуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 62–77. DOI: 10.31249/lit/2021.02.05.
22. *Куручкин С. С.* Дискуссия о снабжении британских войск в Крыму зимой 1854–55 гг. в британской публицистике в период Крымской войны (по материалам памфлета «Whom shall we hang») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 46–57.
23. *Ларин Д. А.* Криптографическая деятельность в период Крымской войны // Вестник РГГУ. – 2014. – № 11 (133). – С. 26–34.

24. Лучинский Ю. В. Критика европейской прессы на страницах «Северной пчелы» в период Крымской войны // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Медианапир, 2022. – С. 30–32.
25. Лучинский Ю. В. Освещение начала Крымской войны на страницах «Северной пчелы» // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КГУ, 2025. – С. 65–68.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. Изд-е 2. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. – 771 с.
27. Мащенко А. П. «Американский Крым»: обман зрения. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. – 140 с.
28. Мащенко А. П. Борьба за Крым в политическом и информационном пространстве: историческая ретроспектива // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 8–16.
29. Мащенко А. П. Крымская журналистика в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 3–27. – DOI 10.29039/2413-1679-2025-11-4-3-27.
30. Машкова Е. Е., Меджитова Э. С. Оборона Севастополя в художественном осмыслении Л. Н. Толстого и его современников // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2024. – Т. 21. – № 4(98). – С. 148–158. – DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-4-148-158.
31. Мильчина В. А. «В наши дни большинство уток вывозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 1-2. – С. 225–255.
32. Миронова И. С. История развития телеграфной связи в Крыму в XIX – начале XX в. // Международный научноисследовательский журнал. – 2012. – № 7. – С. 79–82.
33. Некрасова М. Ю., Барская О. В. Репрезентация образа противника в британском газетном дискурсе Крымской войны // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 292–295.
34. Орехов В. В. Военный репортаж и логика информационных ограничений (на материале севастопольских корреспонденций Ф. Ж. де Базанкура) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 6. – С. 5–15.
35. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 131–167.
36. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
37. Орехова Л. А., Первых Д. К. От «Солдатского вестника» – к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 189–206.
38. Орехова Л. А., Суцинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 42–50.
39. Орлов А. А. Британская пророссийская публицистика эпохи Крымской войны (на примере брошюры «Крест против Луны», 1854) // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2-2. – С. 285–299.
40. Парамонов В. Н. Интерпретация истории Крымской войны как инструмент манипулирования исторической памятью // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – Т. 21. – № 6. – С. 26–37. – DOI 10.15688/jvolsu4.2016.6.3.
41. Первых Д. К. Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 197–215.
42. Первых Д. К., Первых В. В. Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 95–103.
43. Первых Д. К., Первых В. В. Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854–1856 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 73–79.

44. *Поддубный Е. Е.* Восемь лет Киев воевал с Россией... 24.02.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://t.me/s/epoddubny> (дата обращения: 18.10.2025).
45. *Попов Г. Г., Барабаш В. В., Поплавская Н. В., Казенков О. Ю.* Развитие огневой мощи русской армии в первой половине XIX в. в сравнении с противниками как фактор побед и поражений России в Наполеоновских и Крымской войнах // *Былые годы*. – 2024. – № 19 (3). – С. 1148–1160.
46. *Прутицков Г. В.* История зарубежной журналистики. 1800–1929. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 416 с.
47. *Раевский А. А.* Законодательство Наполеона III о печати. – Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1903. – 329 с.
48. *Рычков С. Ю.* «Побудить все европейские дворы к тому, чтобы они... вынесли России международный приговор»: английская провокация на мысе Ханко в период Крымской войны // *Военно-исторический журнал*. – 2022. – № 5. – С. 50–55.
49. *Строганов М. В.* Об адмирале Нахимове, поэте Аммосове и общественных волнениях // *Литературный факт*. – 2022. – № 1 (23). – С. 218–230. – DOI 10.22455/2541-8297-2022-23-218-230.
50. *Таньшина Н. П.* Русофобия: История изобретения страха. – М.: Концептуал, 2023. – 496 с.
51. *Тарле Е. В.* Собр. соч. в 12-ти т. Т. IX. – М.: Академия наук СССР, 1959. – 627 с.
52. *Толстой Л. Н.* Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 90. Произведения, дневники, письма. 1835–1910. – М.: Гослитиздат, 1958. – 475 с.
53. *Тотлебен Э. И.* Описание обороны Севастополя. Т. I. Ч. I. – СПб.: Типография Н. Тиблена и ко., 1863. – 677 с.
54. *Тютчев Ф. И.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 446 с.
55. *Федосов И. А.* История СССР. Учебник для 8 класса. – М.: Просвещение, 1982. – 224 с.
56. *Федоров В. Г.* Вооружение Русской армии в Крымскую кампанию. – СПб.: Тип. С. Н. Цепова, 1904. – 206 с.
57. *Франк С.* Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) // *Крымский текст в русской культуре: Мат-лы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.)*. – СПб., 2008. – С. 126–145.
58. *Ченнык С. В.* Альма. 20 сентября 1854 года. – Симферополь: Магистр, 2004. – 376 с.
59. *Ченнык С. В.* Вторжение. – Севастополь, 2010. – 320 с.
60. *Ченнык С. В.* Крымская война на книжных страницах... // *Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2016. – Т. 21. – № 6. – С. 83–91.
61. *Черячукин М. С.* Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // *Петербургский исторический журнал*. – 2024. – № 2. – С. 47–60.
62. *Alleged Capture of Sebastopol* // *The Illustrated London News*. – 1854. – 7 October. – № 706. – P. 334.
63. *Atkins J. B.* The life of Sir William Howard Russell. Т. 1. – London: John Murray, 1911. – 393 p.
64. *Avenel H.* Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. – Paris: Ernest Flammarion, 1900. – 884 p.
65. *Beauchamp K.* A history of telegraphy: its technology and application. – London: The Institution of Electrical Engineers, 2001. – 408 pp.
66. *Bektas Y.* The Crimean War as a technological enterprise // *Notes and Recjrd.* – 2017. – Vol. 71 (3). – P. 233–262. – DOI: 10.1098/rsnr.2016.0007.
67. *Bolz L.* Dire et redire l'actualité. La circulation d'une fausse information en 1854 // *Balisages. La revue de recherche de l'Enssib*. 2024. № 8 «La désinformation, hier et aujourd'hui. Une approche interdisciplinaire. Les contextes». – P. 1–15. – DOI: <https://doi.org/10.4000/11sui>.
68. *Bulletin du jour* // *La Presse*. – 1854. – 3 octobre. – P. 1.
69. *Bulletin du jour* // *La Presse*. – 1854. – 9 octobre. – P. 1.
70. *Cuvillier-Fleury A.-A.* Lettres au duc d'Aumale // *Revue des Deux Mondes*. – 1903. – Т. 15. – P. 542–579.
71. *Dodd G.* Pictorial history of the Russian war 1854-5-6. – London, 1856. – 584 p.
72. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 7 août. – P. 862.
73. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 27 août. – P. 944.
74. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 31 août. – P. 959.
75. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 2 septembre. – P. 967.
76. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 5 septembre. – P. 979–980.
77. *Extraits des journaux étrangers* // *Moniteur universel*. – 1854. – 8 septembre. – P. 991.

78. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 14 septembre. – P. 1015.
79. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 18 septembre. – P. 1030–1031.
80. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 4 octobre. – P. 1094–1085.
81. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 5 octobre. – P. 1099–1100.
82. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 6 octobre. – P. 1103–1104.
83. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 7 octobre. – P. 1107.
84. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 8 octobre. – P. 1111.
85. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 9 octobre. – P. 1114–1115.
86. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 30 octobre. – P. 1199.
87. Extraits des journaux étrangers // *Moniteur universel*. – 1854. – 10 novembre. – P. 1243–1244.
88. Faits divers // *Moniteur universel*. – 1854. – 24 septembre. – P. 1054.
89. Faits divers // *Moniteur universel*. – 1854. – 30 octobre. – P. 1198–1199.
90. *Frédéric P.* De l'Agence d'information Havas à l'Agence France Presse: un siècle de chasse aux nouvelles. – Paris, 1959. – 444 p.
91. *Hommaire de Hell X.* Sébastopol // *Moniteur universel*. – 1854. – 24 septembre. – P. 1055.
92. *Kinglake A. W.* The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of Lord Raglan. T. 4. – Edinburgh, London, 1868. – 437 p.
93. La Crimée... // *Moniteur universel*. – 1854. – 12 septembre. – P. 1007.
94. *Mérimée P.* Architecture et sculpture peintes au palais de Sydenham // *Moniteur universel*. – 1854. – 2 septembre. – P. 965–966.
95. *Murtagh P.* Mr. Russell of The Times // *Irish Journalism Before Independence: More a disease than a profession*. – Oxford: Manchester University Press, 2011. – Pp. 75–90.
96. Nous empruntons... // *Moniteur universel*. – 1854. – 13 septembre. – P. 1011.
97. On écrit de Constantinople // *Moniteur universel*. – 1854. – 11 septembre. – P. 1001.
98. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 21 septembre. – P. 1041.
99. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 22 septembre. – P. 1049–1950.
100. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 25 septembre. – P. 1057.
101. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 26 septembre. – P. 1061.
102. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 30 septembre. – P. 1077–1078.
103. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 1 octobre. – P. 1081–1082.
104. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 2 octobre. – P. 1085–1086.
105. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 3 octobre. – P. 1089–1090.
106. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 6 octobre. – P. 1101–1102.
107. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 7 octobre. – P. 1105–1106.
108. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 8 octobre. – P. 1109–1110.
109. Partie non officielle // *Moniteur universel*. – 1854. – 9 octobre. – P. 1113–1114.
110. *Peterson W.* “The Queen’s messenger: an underwater telegraph to Balaclava”. The War Correspondent // The Journal of the Crimean War Research Society, 2008, vol. 26 (1), April. – Режим доступа: https://atlantic-cable.com/Cables/1855Crimea/index.htm#_edn2. – (Дата обращения: 01.02.2026).
111. Prise de Sébastopol // *La Patrie*. – 1854. – 2 octobre. – P. 1.
112. Prise de Sébastopol // *Le Siècle*. – 1854. – 3 octobre. P. 1.
113. *Saint-Arnaud A. de.* Soldats, Vous venez de donner... // *Moniteur universel*. – 1854. – 9 septembre. – P. 994.
114. *Standage T.* The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-Line Pioneers. – New York: Walker and Co, 1998. – 240 p.
115. *Ternant A.-L.* Les télégraphes. Paris: Hachette et Cie, 1881. – 368 p.

References

1. Averchenko S. V., Tatarinov G. G. *Razvitie strelkovogo vooruzheniya russkoj armii: ot Krymskoj do russko-tureckoj vojny (1853–1878 gg.)* [Development of small arms of the Russian army: from the Crimean to the Russo-Turkish War (1853–1878)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2025, no. 2, pp. 56–63.
2. Ajrapetov O. R. *Razvitie polozhenij ob ognemom boev Ustavah russkoj armii v 1831–1866 gg.: k voprosu o voennyh reformah 1860–1870-h gg.* [Development of provisions on fire combat in the Regulations of

- the Russian Army in 1831–1866: on the issue of military reforms of the 1860–1870s]. *Istorija. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT. No. 3*. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2018, pp. 5–23.
3. Aksakova V. S. *Dnevnik Very Sergeevny Aksakovoj. 1854–1855* [Diary by Vera Sergeevna Aksakova. 1854–1855]. St. Petersburg, Ogni Publ., 1913. 174 p.
  4. Aleksandrova E. V. *Zhanrovaja priroda «Treh glav iz politicheskoy i voennoj istorii 1853, 1854 i 1855 godov» E. P. Kovalevskogo* [Genre nature of “Three chapters from the political and military history of 1853, 1854 and 1855” by E. P. Kovalevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 4 (216), pp. 121–130.
  5. Aleksandrova E. V. *Krymskaja vojna v recepcii E. P. Kovalevskogo i L. N. Tolstogo* [The Crimean War in the reception of E. P. Kovalevsky and L. N. Tolstoy]. *Imagologija i komparativistika*, 2021, no. 15, pp. 156–172.
  6. Alent'eva T. V. *Anglijskij vzglyad na Krymskuyu vojnu* [The English view of the Crimean War]. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2024, no. 4 (50), pp. 1–18.
  7. Arsent'ev N. M., Danilov A. A., Levandovskij A. A., Tokareva A. Ja. *Istorija Rossii. 9 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh organizacij: V 2 ch. Ch. 1*. [History of Russia. 9th grade. Textbook for general education organizations: In 2 parts. Part 1]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 2016. 160 p.
  8. Baranskaja E. M. *Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 gg. V zhizni i memuarah A. A. Feta* [Crimean (Eastern) War of 1853–1856. In the life and memoirs of A. A. Fet]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 16–29.
  9. Bobkov M. Yu. *Osveshchenie Krymskoj vojny v gazete «The Times» (noyabr'-dekabr' 1853 g.)* [Coverage of the Crimean War in the newspaper “The Times” (November–December 1853)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2023, no. 10, pp. 45–53.
  10. Bolhovitinov N. N., Polevoj B. P. *Obshhestvennost' SShA i oborona Sevastopolja v 1854–1855 godah* [The US public and the defense of Sevastopol in 1854–1855]. *Novaja i novejschaja istorija*, 1978, no. 4, pp. 35–52.
  11. Bojarkina N. V. *«Krov'ju by sledovalo pisat' jeti zapiski, ne chernilami»: korrespondencii Petra Alabina iz osazhdennogo Sevastopolja* [“These notes should have been written in blood, not ink”: correspondence by Peter Alabin from besieged Sevastopol]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 3, pp. 129–142.
  12. Vjazemskij P. A. *Sergej Nikolaevich Glinka: [Nekrolog]* [Sergei Nikolaevich Glinka: Obituary]. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1847. 23 p.
  13. Vjazemskij P. A. *Jestetika i Literaturnaja Kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 458 p.
  14. Voennaja jenciklopedija T. 6 [Military Encyclopedia. Vol. 6]. St. Petersburg, I. D. Sytin Publ., 1912. 648 p.
  15. Grinchenko N. A. *«Journal de Saint-Petersbourg», 1825–1917 gg.: iz istorii izdatel'skoj dejatel'nosti Ministerstva inostrannyh del* [“Journal de Saint-Petersbourg”, 1825–1917: from the history of the publishing activities of the Ministry of Foreign Affairs]. *Fedorovskie chtenija. 2007*. Moscow: Nauka Publ., 2007, pp. 459–469.
  16. Dubrovin N. F. *Istorija Krymskoj vojny i oborony Sevastopolja. T. 1*. [History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol. Vol. 1]. St. Petersburg: Obshhestvennaja pol'za Publ., 1900. 438 p.
  17. Ermolov P. P. *Predystorija razvittija radiotehnologij v Krymu* [Background to the development of radio technologies in Crimea]. *Doslidzhennja z istorii tehniki*, 2011, no. 14, pp. 23–43.
  18. Zholudov M. V. *Rusofobija v politicheskoy dejatel'nosti lorda Pal'merstona* [Russophobia in the political activities of Lord Palmerston]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 100–107.
  19. *Inostrannye izvestija* [Foreign news]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1854, 7 nojabrja, no. 249, pp. 1207–1928.
  20. Koshelev V. A. *Aleksej Stepanovich Homjakov. Zhizneopisanie v dokumentah, rassuzhdenijah i razyskanijah* [Aleksey Stepanovich Khomyakov. Biography in documents, discussions and research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 512 p.
  21. Krasavchenko T. N. *Syuzhet o Krymskoj vojne (1853–1856) v britanskoj kul'ture* [The plot of the Crimean War (1853–1856) in British culture]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Literaturovedenie*, 2021, no. 2, pp. 62–77.

22. Kurochkin S. S. *Diskussija o snabzhenii britanskih vojsk v Krymu zimoj 1854–55 gg. v britanskoj publicistike v period Krymskoj vojny (po materialam pamfleta «Whom shall we hang»)* [Discussion about the supply of British troops in Crimea in the winter of 1854–55 in British journalism during the Crimean War (based on the pamphlet "Whom shall we hang")]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 46–57.
23. Larin D. A. *Kriptograficheskaja dejatel'nost' v period Krymskoj vojny* [Cryptographic activity during the Crimean War]. *Vestnik RGGU*, 2014, no. 11 (133), pp. 26–34.
24. Luchinskii Yu. V. *Kritika evropejskoj pressy` na stranitsakh «Severnoi pchely`» v period Kry`mskoi voiny* [Criticism of the European press on the pages of the «Severnaya pchela» during the Crimean War]. *Media v sovremennom mire. 61-e Peterburgskie chteniya: sb. mater. Mezhdunar. nauchn. foruma. In 2 vols. Vol. 2. Saint-Petersburg, Mediapapir Publ., 2022, pp. 30–32.*
25. Luchinskii Yu. V. *Osveshchenie nachala Kry`mskoi voiny` na stranitsakh «Severnoi pchely`»* [Coverage of the outbreak of the Crimean War on the pages of the «Severnaya pchela»]. *Chernomorsko-sredizemnomorskii region v sisteme nacional'noi bezopasnosti Rossii: k 80-letiyu Pobedy` v Velikoi Otechestvennoi voine: Materialy` Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Krasnodar: KGU Publ., 2025, pp. 65–68.
26. Marks K., Jengel's F. *Sochinenija. T. 10* [Works. Vol. 10]. Moscow: Gos. izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1958. 771 p.
27. Mashhenko A. P. *«Amerikanskij Krym»: obman zrenija* [“American Crimea”: an optical illusion]. Simferopol, Arial Publ., 2021. 140 p.
28. Mashhenko A. P. *Bor'ba za Krym v politicheskom i informacionnom prostranstve: istoricheskaja retrospektiva* [The struggle for Crimea in the political and information space: a historical retrospective]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), № 1, pp. 8–16.
29. Mashhenko A. P. *Krymskaja zhurnalistika v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Crimean journalism during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2025, vol. 11, no. 4, pp. 3–27.
30. Mashkova E. E., Medzhitova Je. S. *Oborona Sevastopolja v hudozhestvennom osmyslenii L. N. Tolstogo i ego sovremennikov* [Defense of Sevastopol in the artistic interpretation of L. N. Tolstoy and his contemporaries]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, 2024, vol. 21, no. 4 (98), pp. 148–158.
31. Mil'china V. A. *«V nashi dni bol'shinstvo utok vyvozitsja iz Rossijskoj imperii»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g.* [“These days, most ducks are exported from the Russian Empire”: about one newspaper news item from 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1-2, pp. 225–255.
32. Mironova I. S. *Istorija razvitiya telegrafnoj svjazi v Krymu v XIX – nachale XX v.* [History of the development of telegraph communication in Crimea in the XIX – early XX centuries]. *Mezhdunarodnyj nauchnoissledovatel'skij zhurnal*, 2012, no. 7, pp. 79–82.
33. Nekrasova M. Yu., Barskaya O. V. *Reprezentaciya obraza protivnika v britanskom gazetnom diskurse Krymskoj vojny* [Representation of the image of the enemy in the British newspaper discourse of the Crimean War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2023, no. 1(98), p. 292–295.
34. Orehov V. V. *Voennyj reportazh i logika informacionnyh ogranichenij (na materiale sevastopol'skikh korrespondencij F. Zh. de Bazankura)* [War reporting and the logic of information limitations (based on the Sevastopol correspondence dy F. J. de Bazancourt)]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D. Filologija i psihologija*, 2025, no. 6, pp. 5–15.
35. Orehov V. V. *«Partizanskaja taktika» informacionnoj vojny. Chast' II: Informacionnaja bezopasnost' v jepohu Nikolaja I* [“Guerrilla Tactics” of the Information War. Part II: Information Security in the Era of Nicholas I]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 131–167.
36. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
37. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Ot «Soldatskogo vestnika» – k «Voennomu listku»: jevoljucija idei izdanija v uslovijah Krymskoj vojny (1854 g.)* [From the “Soldier's Bulletin” to “Military List”: the evolution of the

- idea of publishing in the conditions of the Crimean War (1854)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7, no. 4, pp. 189–206.
38. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja vojna v zhizni i tvorchestve P. A. Vyazemskogo* [The Crimean War in the life and work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2005, no. 10, pp. 42–50.
  39. Orlov A. A. *Britanskaya prorossijskaya publicistika epohi Krymskoj vojny (na primere broshyury «Krest protiv Luny», 1854)* [British pro-Russian journalism of the Crimean War era (based on the brochure “The Cross Against the Moon”, 1854)]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2023, no. 2-2, p. 285–299.
  40. Paramonov V. N. *Interpretacija istorii Krymskoj vojny kak instrument manipulirovanija istoricheskoi pamjat'ju* [Interpretation of the History of the Crimean War as a Tool for Manipulating Historical Memory]. *Vestnik VolGU. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnoshenija*, 2016, vol. 21, no. 6, pp. 26–37.
  41. Pervyh D. K., Ocherki N. P. Sokal'skogo kak jetap stanovlenija otechestvennoj voennoj zhurnalistiki [Essays by N. P. Sokalsky as a stage in the formation of domestic military journalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 197–215.
  42. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Voennye korrespondencii N. V. Berga v zhurnale «Moskvitanin» (1855 g.)* [Military correspondence by N. V. Berg in the journal “Moskvityanin” (1855)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 95–103.
  43. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Politicheskaja karikatura i lubok perioda Krymskoj vojny (na materiale zhurnala «Sovremennik» 1854–1856 gg.)* [Political caricature and popular prints during the Crimean War (based on the materials of the *Sovremennik* magazine of 1854–1856)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 4, pp. 73–79.
  44. Poddubnyj E. E. *Vosem' let Kiev voeval s Rossiej... 24.02.2022* [Kyiv fought with Russia for eight years... 02.24.2022]. Available from: <https://t.me/s/epoddubny> (accessed 18.10.2025).
  45. Popov G. G., Barabash V. V., Poplavskaja N. V., Kazenkov O. Ju. *Razvitie ognevoj moshhi russkoj armii v pervoj polovine XIX v. v sravnenii s protivnikami kak faktor pobed i porazhenij Rossii v Napoleonovskih i Krymskoj vojnah* [Development of the firepower of the Russian army in the first half of the 19th century in comparison with its opponents as a factor in Russia's victories and defeats in the Napoleonic and Crimean wars]. *Bylye gody*, 2024, no. 19 (3), pp. 1148–1160.
  46. Prutckov G. V. *Istorija zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800–1929* [History of foreign journalism]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 416 p.
  47. Raevskij A. A. *Zakonodatel'stvo Napoleona III o pechaty* [Napoleon III's legislation on the press]. Tomsk: Pechatnja S. P. Jakovleva Publ., 1903. 329 p.
  48. Rychkov S. Yu. *«Pobudit' vse evropejskie dvory k tomu, chtoby oni... vynesli Rossii mezhdunarodnyj prigovor»: anglijskaja provokacija na myse Hanko v period Krymskoj vojny* [“To induce all European courts to... pass an international sentence on Russia”: the English provocation at Cape Hanko during the Crimean War]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 2022, no. 5, pp. 50–55.
  49. Stroganov M. V. *Ob admirale Nahimove, pojete Ammosove i obshhestvennyh volnenijah* [About Admiral Nakhimov, the poet Ammosov and social unrest]. *Literaturnyj fakt*, 2022, no. 1 (23), pp. 218–230.
  50. Tan'shina N. P. *Rusofobija: Istorija izobretenija straha* [Russophobia: The history of the invention of fear]. Moscow, Konceptual Publ., 2023. 496 p.
  51. Tarle E. V. *Sobr. soch. v 12-ti t. T. IX* [Collected works in 12 volumes. Vol. IX.]. Moscow, Akademija nauk SSSR Publ., 1959. 627 p.
  52. Tolstoj L. N. *Polnoe sobr. soch.: v 90 t. T. 90. Proizvedenija, dnevniki, pis'ma. 1835–1910* [Complete Works: in 90 volumes. Vol. 90. Works, diaries, letters. 1835–1910.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 475 p.
  53. Totleben Je. I. *Opisanie oborony Sevastopolja. T. I. Ch. I* [Description of the Defense of Sevastopol. T. I. Part I]. St. Petersburg, Tipografija N. Tiblena i ko Publ., 1863. 677 p.
  54. Tjutchev F. I. *Sochinenija: v 2 t. T. 2* [Works: in 2 volumes. T. 2]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1984. 446 p.
  55. Fedosov I. A. *Istorija SSSR. Uchebnik dlja 8 klassa* [History of the USSR. Textbook for the 8th grade]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1982. 224 p.
  56. Fedorov V. G. *Vooruzhenie Russkoj armii v Krymskuju kampaniju* [Armament of the Russian Army during the Crimean Campaign]. St. Petersburg, Tipografija S. N. Cepova Publ., 1904. 206 p.

57. Frank S. *Vidimaja i nevidimaja vojna v Krymu (Nachalo medijnoj jepohi i «Sevastopol'skie rasskazy» L'va Tolstogo*) [Visible and Invisible War in Crimea (The Beginning of the Media Age and Leo Tolstoy's "Sevastopol Stories")]. *Krymskij tekst v russkoj kul'ture: Mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 4–6 sentjabrja 2006 g.)*. St. Petersburg, 2008, pp. 126–145.
58. Chennyk S. V. Al'ma. 20 sentjabrja 1854 goda [Alma. September 20, 1854]. Simferopol', Magistr Publ., 2004. 376 p.
59. Chennyk S. V. Vtorzhenie. Sevastopol', 2010. 320 s.
60. Chennyk S. V. *Krymskaja vojna na knizhnyh stranicah...* [The Crimean War on the pages of books...]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, vol. 21, no. 6, pp. 83–91.
61. Cheryachukin M. S. *Glavnoe upravlenie cenzury kak instrument formirovanija oficial'nogo narrativa v gody Krymskoj vojny 1853–1856 gg.* [The Main Directorate of Censorship as an Instrument for Forming the Official Narrative during the Crimean War of 1853–1856]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 2024, no. 2, pp. 47–60.
62. Atkins J. B. *The life of Sir William Howard Russell. T. 1*. London, John Murray, 1911. 393 p.
63. Avenel H. *Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'a nos jours*. Paris: Ernest Flammarion, 1900. 884 p.
64. Beauchamp K. *A history of telegraphy: its technology and application*. London: The Institution of Electrical Engineers, 2001. 408 pp.
65. Bektas Y. *The Crimean War as a technological enterprise* // Notes and Recjdrs, 2017, vol. 71(3), pp. 233–262. DOI: 10.1098/rsnr.2016.0007.
66. Bolz L. *Dire et redire l'actualité. La circulation d'une fausse information en 1854* // Balisages. La revue de recherche de l'Enssib, 2024, no. 8 «La désinformation, hier et aujourd'hui. Une approche interdisciplinaire. Les contextes», pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.4000/11sui>.
67. *Bulletin du jour* // La Presse, 1854, 3 octobre, p. 1.
68. *Bulletin du jour* // La Presse, 1854, 9 octobre, p. 1.
69. Cuvillier-Fleury A.-A. *Lettres au duc d'Aumale* // Revue des Deux Mondes, 1903, vol. 15, pp. 542–579.
70. Dodd G. *Pictorial history of the Russian war 1854-5-6*. London, 1856. 584 p.
71. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 7 août, p. 862.
72. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 27 août, p. 944.
73. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 31 août, p. 959.
74. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 2 septembre, p. 967.
75. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 5 septembre, p. 979–980.
76. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 8 septembre, p. 991.
77. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 14 septembre, p. 1015.
78. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 18 septembre, pp. 1030–1031.
79. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 4 octobre, pp. 1094–1085.
80. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 5 octobre, pp. 1099–1100.
81. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 6 octobre, pp. 1103–1104.
82. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 7 octobre, p. 1107.
83. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 8 octobre, p. 1111.
84. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 9 octobre, pp. 1114–1115.
85. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel, 1854, 30 octobre, 1199.
86. *Extraits des journaux étrangers* // Moniteur universel. 1854, 10 novembre, pp. 1243–1244.
87. *Faits divers* // Moniteur universel, 1854, 24 septembre, p. 1054.
88. *Faits divers* // Moniteur universel, 1854, 30 octobre, pp. 1198–1199.
89. Frédéric P. *De l'Agence d'information Havas à l'Agence France Presse: un siècle de chasse aux nouvelles*. Paris, 1959. 444 p.
90. Hommaire de Hell X. *Sébastopol* // Moniteur universel, 1854, 24 septembre, p. 1055.
91. Kinglake A. W. *The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of Lord Raglan. T. 4*. Edinburgh, London, 1868. 437 p.
92. *La Crimée...* // Moniteur universel, 1854, 12 septembre, p. 1007.
93. Mérimée P. *Architecture et sculpture peintes au palais de Sydenham* // Moniteur universel, 1854, 2 septembre, pp. 965–966.

94. Murtagh P. *Mr. Russell of The Times // Irish Journalism Before Independence: More a disease than a profession*. Oxford: Manchester University Press, 2011, pp. 75–90.
95. *Nous empruntons...* // *Moniteur universel*, 1854, 13 septembre, pp. 1011.
96. *On écrit de Constantinople // Moniteur universel*, 1854, 11 septembre, p. 1001.
97. *On écrit de Constantinople // Moniteur universel*, 1854, 11 septembre, p. 1001.
98. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 21 septembre, p. 1041.
99. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 22 septembre, pp. 1049–1950.
100. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 25 septembre, p. 1057.
101. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 26 septembre, p. 1061.
102. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 30 septembre, pp. 1077–1078.
103. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 1 octobre, pp. 1081–1082.
104. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 2 octobre, pp. 1085–1086.
105. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 3 octobre, pp. 1089–1090.
106. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 6 octobre, pp. 1101–1102.
107. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 7 octobre, pp. 1105–1106.
108. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 8 octobre, pp. 1109–1110.
109. *Partie non officielle // Moniteur universel*, 1854, 9 octobre, pp. 1113–1114.
110. Peterson W. “*The Queen’s messenger: an underwater telegraph to Balaclava*”. *The War Correspondent // The Journal of the Crimean War Research Society*, 2008, vol. 26 (1), April. Available from: https://atlantic-cable.com/Cables/1855Crimea/index.htm#_edn2 (accessed 01.02.2026).
111. *Prise de Sébastopol // La Patrie*, 1854, 2 octobre, p. 1.
112. *Prise de Sébastopol // Le Siècle*, 1854, 3 octobre, p. 1.
113. Saint-Arnaud A. de. *Soldats, Vous venez de donner...* // *Moniteur universel*, 1854, 9 septembre, p. 994.
114. Standage T. *The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century’s On-Line Pioneers*. New York, Walker and Co, 1998. 240 p.
115. Ternant A.-L. *Les télégraphes*. Paris, Hachette et Cie, 1881. 368 p.

**FAKES AND PRESS NEWS TACTICS:
THE INFORMATION REALITY OF THE CRIMEAN WAR.
PART I**

Orekhov V. V.

This article examines the specifics of European news tactics that led to the mass dissemination of false information about the capture of Sevastopol by the Anglo-French press in October 1854 (i.e., at the very beginning of military operations in Crimea). Contemporaries called this widespread disinformation "a hoax unparalleled in history" or "a Tatar canard." The reasons for this information scandal were, on the one hand, the inability of the English and French press to adapt their principles to the demands of a large-scale military conflict, and on the other, an unjustifiably high trust in the then-revolutionary means of communication – the electric telegraph. By prioritizing the speed of information at the expense of reliability, the European press fell prey to stock market speculators, which had a significant and lasting negative effect on public sentiment in France and Britain.

Keywords: fake, newspaper canard, telegraph, Crimean War, official press, Sevastopol.

УДК 070

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019542>

НАРРАТОР В ПОРТРЕТНЫХ ТЕКСТАХ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»

Сечин Д. Ю., Маркелов К. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sechinden26072000@gmail.com, kirillmarkelov@mail.ru*

В статье исследуется роль нарратора в портретных текстах газеты «Крымская правда» в советский (1952–1972 гг.) и постсоветский (2002–2022 гг.) периоды. На материале текстов, классифицируемых в рамках исследования как «портретный текст» и отобранных из апрельских номеров газеты с шагом в 10 лет (всего 6 срезов), анализируются нарративные стратегии репрезентации личности. Выделены четыре типа присутствия нарратора: недиегетический нарратор, «непричастный очевидец», «причастный очевидец» и «репортер». Результаты демонстрируют смену доминирующих стратегий: от абсолютного преобладания недиегетического нарратора в 1952 г. к значительному увеличению доли других типов присутствия. Эта динамика интерпретируется в рамках концепции общественного идеала как индикатор изменения механизмов коммуникации между властными институтами и обществом. Подход к трансляции идеала сдвинулся от канонизированного образа к более диалогичным и субъективированным формам репрезентации.

Ключевые слова: нарратор, портретный текст, медиарепрезентация, общественный идеал, «Крымская правда».

ВВЕДЕНИЕ

Печатные медиатексты, фокусирующие внимание читателя на репрезентации личности, являются важным инструментом конструирования публичного образа человека, который, в свою очередь, выступает носителем социальных ценностей и идеалов. Концепция общественного идеала К. В. Маркелова [5], рассматривающая его как источник общественной мотивации и, поэтому, как объект направленной информационной политики, для эффективной коммуникации между властными институтами и обществом требует от медиа способности артикулировать общие цели через убедительные образы. Исходя из этой гипотезы, смена стратегий репрезентации является индикатором смены подходов к формированию общественного идеала. В данном исследовании используется понятие «портретного текста» как метажанра газетной публицистики и нарратологический инструмент для анализа роли нарратора и степени его вовлеченности в создаваемый мир печатного медиатекста.

Цель исследования – выявить роль нарратора и сравнить нарративные стратегии в портретных текстах газеты «Крымская правда» в советский (1952–1972 гг.) и постсоветский (2002–2022 гг.) исторический период для определения их связи с эволюцией механизмов формирования общественного идеала.

Задачи исследования:

Обосновать релевантность понятия «портретный текст» как метажанра печатных медиатекстов и нарратологического подхода для анализа медийной репрезентации личности.

Разработать модель анализа роли нарратора в портретных текстах газеты «Крымская правда».

Провести количественный анализ корпуса текстов для выявления доминирующих нарративных стратегий.

Интерпретировать результаты в контексте теории общественного идеала.

Материалом для исследования послужили портретные тексты, опубликованные в апрельских номерах газеты «Крымская правда» в 1952, 1962, 1972, 2002, 2012 и 2022 гг., всего 86 текстов.

В исследовании использовался комплекс **методов и подходов**: 1) нарратологический подход для исследования повествовательных структур; 2) количественный контент-анализ для подсчета доли участия нарратора в каждом историческом срезе; 3) сравнительно-исторический метод; 4) интерпретативистский подход.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В классических жанровых типологиях печатных медиатекстов, фокусирующихся на личности человека, в качестве основных выделяют жанры портретного очерка, портретной зарисовки, биографического интервью, некролога [3; 4; 11]. Границы жанров, особенно в выборках с широкими временными рамками, часто оказываются размытыми и подвижными [1; 9], при этом тексты сходны по двум критериям: тематическому (фокус на личности) и функциональному (создание медийной репрезентации этой личности). В данной работе вводится и используется понятие «портретный текст» как метажанр, то есть как наджанровый конструкт, объединяющий тексты на основе общего системообразующего признака – образа конкретного человека (героя текста). Такой подход позволяет исследовать устойчивые закономерности всего корпуса текстов о личности в газете «Крымская правда» в двух длительных исторических периодах.

В каждом портретном тексте базово есть герой и он совершает определенные действия, с ним происходят некоторые события или, как минимум, ему приписываются определенные характеристики. Для анализа такого рода повествования выглядит перспективным использование нарратологического инструментария. Под ним понимается совокупность методов для анализа повествовательных структур, таких как сюжет, фокализация, образ нарратора. Применение нарратологического подхода к анализу портретных текстов требует четкого определения методологического потенциала и неизбежно возникающих ограничений. Понятие «нарратив» широко используется в гуманитарных науках, при этом вследствие разнообразия интерпретаций возникает терминологическая нечеткость. Отмечается, что происходит «фактическое приравнивание нарратива к теме, тексту и др.» [8, с. 79]. Поэтому в рамках исследования необходимо операционализировать данное понятие с опорой на его атрибутивные характеристики и в применении к специфике медийного портретирования.

Теребков выделяет базовые атрибуты нарратива: причинно-следственная событийная цепь, целостность, ретроспективность и присутствие нарратора [10]. Первый пункт укладывается в классическое структуралистское понимание нарратива, идущее от Аристотеля и актуализированное Р. Бартом. Классик нарратологии Ж. Женетт аналогично определяет повествование как «изображение одного или нескольких последовательных событий, реальных или вымышленных, посредством языка, и, в частности, языка письменного» [10, с. 115]. Однако портретный текст не всегда разворачивается как темпорально упорядоченная и причинно связанная последовательность событий. В его основе лежит сложный процесс репрезентации личности героя, а событийность носит иллюстративный характер, не выступая как самодостаточный элемент. Причинность приобретает особую форму – она направлена не столько на связь событий самих по себе, сколько на демонстрацию того, как события и обстоятельства обусловили качества героя или как его характер породил определенные

поступки. Это согласуется с позицией З. А. Ушниковой, которая указывает, что нарратив может быть не только пересказом событий, но и «зарисовкой характера», при этом главное, что «автор рассказывает нам “правду” о чем-то», включая «глубину проникновения в причины и значения событий, в мотивы и оценки действий персонажей» [12, с. 184]. Данный подход также коррелирует с подходом С. Ааре, в котором одной из характеристик репортажа (то есть нарративного печатного медиатекста) выбирается наличие элементов сцены, которые обладают миметической природой, и она тем сильнее, чем больше транслируется внутренний мир героя [14].

Критерий целостности выполняется вследствие решения коммуникативной задачи портретного текста – создания целостного образа героя. По триадической модели П. Рикера нарратив рассматривается как инструмент осмысления человеческого опыта через три стадии: префигурацию, конфигурацию и рефигурацию, где для портретного текста ключевой оказывается вторая. На ней при «упорядочивании фактов в систему» [10, с. 114] происходит не выстраивание классического последовательного сюжета, а сюжета-характера. Отдельные события, факты биографии, качества и поступки героя отбираются и выстраиваются в единую смысловую сущность.

Нарратор (он же повествователь), который, «выражая присутствие субъекта, выступает центром смыслового центрирования и детерминантой типа причинности, заложенного в нарративе» [10, с. 117], присутствует в каждом портретном тексте. Инстанция нарратора там не просто рассказывает, но и оценивает, интерпретирует, конструируя тем самым образ героя. Это позволяет рассматривать портретные тексты не как способ объективного отражения личности, а как нарратив, где форма и содержание обязательно связаны с коммуникативной установкой и позицией повествователя. Вслед за А. И. Милостивой, понятия нарратора и автора (или, по крайней мере, того человека, именем которого подписан материал в газете) в портретном тексте отождествляются [6], поскольку любой печатный медиатекст подразумевает эквивалентность этих фигур в виду его декларируемой реалистичности.

Наконец, последний атрибут, о котором пишет Терехов – ретроспективность, выражающийся в доминировании простого прошедшего времени, может быть подвергнут критике. Ааре, напротив, критерием повествовательности считает подачу, когда «события и действия описываются как продолжающиеся» [15, с. 687]. Более того, исследователи выделяют в русском языке особое использование настоящего времени в нарративе – настоящее историческое, или, как его называет Е. В. Падучева – настоящее нарративное, когда для повествования о событиях в прошлом используются глаголы настоящего времени [7]. Под ретроспекцией в рамках исследования будет пониматься временная дистанция между моментом повествования и моментом описываемых событий или моментом приобретения автором соответствующего знания о герое, что справедливо для любого печатного медиатекста.

Таким образом, портретные тексты можно классифицировать как нарратив с определенными ограничениями, наложенными отсутствием причинно-следственной организации. Классические инструменты, исследующие развитие действия в его событийном понимании, оказываются недостаточными для анализа. Несмотря на это, нарратология предлагает богатый аппарат для анализа тех аспектов, которые связаны (в терминах Шмида) с повествовательной инстанцией, то есть с репрезентацией нарратора.

Тип повествовательной инстанции означает, по сути, принадлежность нарратора к миру текста и степень его присутствия там. Шмидом, с опорой на теорию Женетта,

предложена фундаментальная дихотомия с разделением на диегетического и недиегетического нарратора [13]. В этой концепции диегетический нарратор существует в двух планах одновременно:

- 1) как субъект повествования вне истории;
- 2) как объект изображения в истории, то есть как участник событий.

Недиегетический нарратор не является участником событий. Такое разделение, по мнению Шмида, методологически более надежно, чем деление по грамматической форме (на повествование «от первого» и «от третьего лица»), поскольку форма не является прямым индикатором нарративной функции [13]. Тем не менее, для анализа корпуса портретных текстов представленная бинарная оппозиция требует детализации в части диегетического нарратора, поскольку степень и характер его участия в истории могут существенно варьироваться. В работе А. И. Милостивой демонстрируются различные подходы анализа (от Л. В. Татару, М. П. Брандес, К. А. Долинина, Е. В. Падучевой), разработанные для художественных текстов и часто не образующие единой логической шкалы [6]. Для реализации задач нашего исследования наиболее релевантной выглядит типология С. Лансер [13, с. 90–93], где предлагается не простая дихотомия, а спектр из шести позиций, выстроенных по нарастанию степени вовлеченности нарратора в диегесис:

- 1) непричастный нарратор (не присутствует в истории, соответствует недиегетическому нарратору по Шмиду);
- 2) непричастный очевидец (присутствует, но не участвует);
- 3) очевидец-протагонист (присутствует и является инициатором некоторых действий, но не центральных);
- 4) второстепенный персонаж;
- 5) один из главных персонажей;
- 6) главный герой.

Однако, в рамках портретного текста градация Лансер представляется частично избыточной. Нарратор не может являться главным героем по определению, только одним из персонажей, как это происходит в классическом репортаже с повествованием от первого лица. Границы между очевидцем-протагонистом и второстепенным персонажем в портретном тексте также размыты из-за смещения фокуса на фигуру героя. В этой связи нами предлагается следующая шкала, пронумерованная с нуля для случая полной непричастности нарратора:

- 0) недиегетический нарратор;
- 1) непричастный очевидец;
- 2) причастный очевидец;
- 3) репортер.

В контексте концепции общественного идеала степень и характер присутствия нарратора в портретном тексте моделируют тип коммуникации между властными институтами (журналистом как их представителем) и обществом. Выбор нарративной инстанции определяет дистанцию и доверие. Недиегетический нарратор выступает от имени самой системы социальных норм или государственной идеологии. Такое повествование конструирует героя как завершенный пример, демонстрируя общественный идеал как данность, как безупречный образец, который не подлежит

обсуждению. Диегетический нарратор меняет природу коммуникации. В нарратив вводится субъективность и личный опыт, что смещает акцент на процесс поиска и верификации идеала. Через нарратора, который может взаимодействовать с героем, высказывать собственное мнение, идеал представляется как подвижная концепция, открытая для осмысления и критики. Такая модель коммуникации важна для корректировки идеала в меняющихся условиях. Она снижает барьер между властным дискурсом и аудиторией, позволяет «очеловечить» транслируемые смыслы.

Как пишет Г. А. Жиличева, индексами (то есть указателями) нарративной стратегии, которой является и присутствие нарратора, служат формальные элементы повествования – дейксисы, временные планы, металеписисы [2].

«Непричастный очевидец» (степень участия равна 1) никак не влияет на события текста, но может выражать собственное, неперсонифицированное мнение или проявляться через отдельные, необязательные:

1) дейксисы, выраженные местоимениями, в том числе притяжательными «мой», «наш»:

*Алексей Павлович Пономарев пришел на **наше** предприятие десять лет тому назад, когда это еще были электроарматурные мастерские («Беспокойный человек», 4 апреля 1962).*

*Хотим на страницах «Крымской правды» рассказать о замечательном человеке, **нашем** соседе Василии Фоменко. Ему исполняется 90 лет («Авиатор и агроном», 14 апреля 2012).*

*А между тем именно из-за этого помещения **нам** пришлось еще раз поближе познакомиться с начальником управления местной и топливной промышленности тов. Манойловым и узнать цену его словам («Тов. Манойлову некогда», 11 апреля 1962).*

2) глагольные формы первого лица единственного и множественного числа:

***Оговоримся** сразу: в этом повествовании имеются досадные неточности. Оставил зоотехническую ниву Федор Ефимович не в 1956 году, а значительно раньше («Ерохин помогает селу», 4 апреля 1962).*

3) безличные предложения с имплицитным говорящим:

*Особенно **запомнился** ([мне]. – Прим. автора) момент, когда юные ленинцы принимали иностранных студентов в почетные пионеры. Наш Юсеф стоял счастливым и смущенным, на груди у него алел красный галстук («Наш Юсеф», 21 апреля 1972).*

4) риторические восклицания и пожелания:

*Нет, что ни говорите, а все-таки нелегко работать врачом стоматологом!..
...Счастливой, большой дороги, новых трудовых высот тебе, Людмила!
(«Слово о делегате», 17 апреля 1962).*

«Причастный очевидец» (степень присутствия равна 2):

1) участвует в некоторых событиях текста, намеренно не иницируя их:

Случился однажды со мной приступ бронхиальной астмы. «Скорая помощь» на вызов опаздывала. Тогда жена обратилась к соседке:

– Светланочка, что делать?

Девушка буквально прилетела в нашу квартиру. Она знает, что полагается делать в таких случаях («Сердце Светланы», 29 апреля 1962).

2) не присутствует в событиях текста, но эмоционально переживает их:

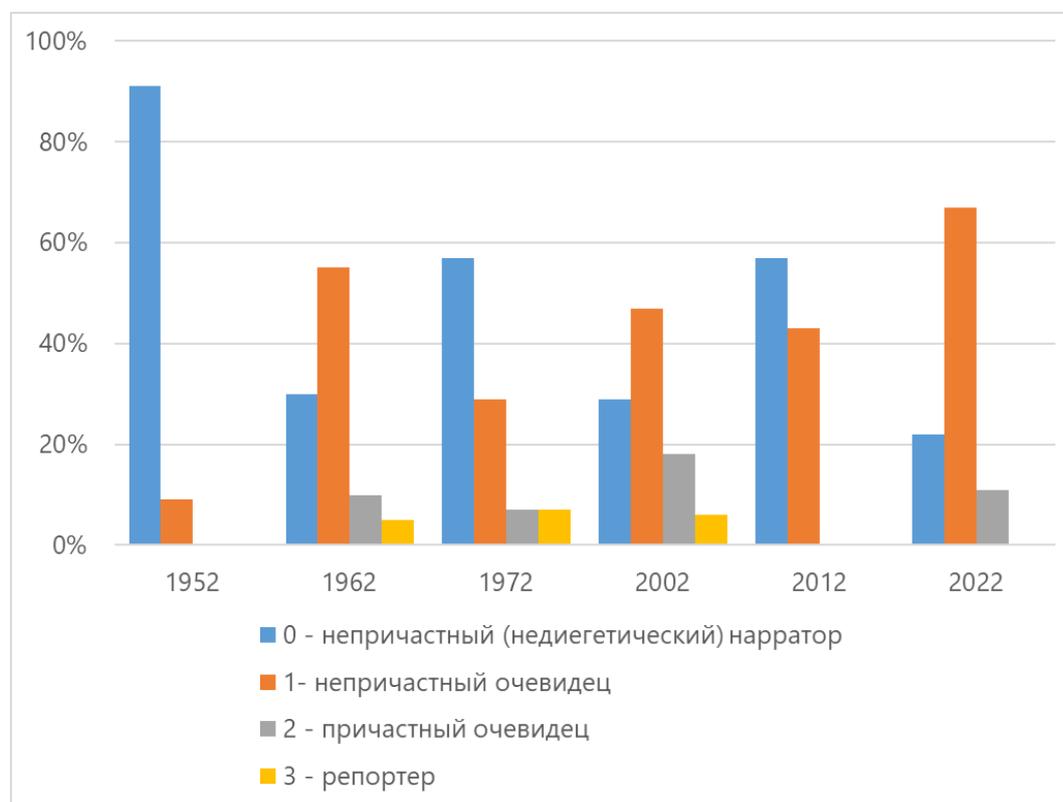
Теперь нет и Леонарда Кондрашенко.

Как нам это пережить? Кто теперь свяжет воедино прошлое и настоящее? У кого спросить совета? От кого зарядиться энергией и оптимизмом? («Памяти друга», 17 апреля 2002).

Метафора «репортер» (степень присутствия равна 3) выбрана для описания соответствующего «репортерского» подхода к написанию текста, когда нарратор ведет повествование от первого лица, инициирует события в тексте, участвует в них или наблюдает лично. Также нарратор может беседовать с другими персонажами. Портретное интервью является случаем с максимальным, предельным присутствием нарратора.

Как показывают приведенные примеры, индексы меньшей степени нарративного присутствия часто оказываются вложенными в индексы большей степени. Следовательно, именно максимальный по степени присутствия индекс следует считать определяющим для всего текста. Отсутствие индексов является признаком недиегетического повествования.

Определялась доля текстов с каждым из четырех типов присутствия, результаты приведены на Рис. 1.

Рис. 1. Присутствие нарратора в текстах

ВЫВОДЫ

Результаты выявляют следующие особенности нарратива портретных текстов в газете «Крымская правда» за исследуемый период: срез за 1952 год демонстрирует тотальное доминирование недиегетического повествования (91%), тогда как все остальные срезы демонстрируют существенно более высокую долю текстов с диегетическим нарратором, особенно со степенью 1 – «непричастным очевидцем». Первый срез соответствует этапу жесткой канонизации и монологической трансляции идеала сталинской эпохи. Герой там предстает объективированным образцом, принадлежащим к общей для всех, безусловной системе ценностей. В период «оттепели» происходит рост доли нарратора-очевидца, что свидетельствует об «очеловечивании» повествования. В него внедряются элементы индивидуального или, скорее, коллективного наблюдения, что сближает героя с аудиторией, придает его образу большую убедительность и диалогичность. Такой подход в репрезентации сохраняется по настоящее время, хотя изменилось отождествление причастного нарратора с группой: если в советское время обращение «мы» подразумевает «народ», «трудящиеся», то в постсоветское «мы» относится максимум к редакции или узкому коллективу.

Список литературы

1. *Добросклонская Т. Г.* Типологическое описание медиатекстов в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. – 2014. – № 3. – С. 17–21.
2. *Жиличева Г. А.* Способы риторической индексации нарративной стратегии (на материале романов К. Вагинова и Б. Пастернака) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 2 (26). – С. 134–140.
3. *Зеленина Е. В.* «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 2. – С. 33–52.
4. *Ким М. Н.* Жанры современной журналистики. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004. – 335 с.
5. *Маркелов К. В.* Информационная политика и общественный идеал. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 264 с.
6. *Милостивая А. И.* Журналист как диегетический повествователь (опыт социокультурного анализа расследовательских репортажей Г. Вальрафа) // Политическая лингвистика. – 2017. – № 3 (63). – С. 69–76.
7. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
8. *Петров Е. Ю., Саркисова А. Ю. и др.* Методология извлечения нарративов из больших массивов данных социальных сетей // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 404–420.
9. *Савченко Л. В.* Проблемы трансформации жанров и их идентификации в теории и практике журналистики // Universum: филология и искусствоведение. – 2018. – № 4 (50). – С. 21–23.
10. *Теребков А. С.* К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. – 2012. – № 3 (109). – С. 114–117.
11. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати: Учеб. пос. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 350 с.
12. *Ушникова Э. А.* К проблеме определения нарратива // Вестник Читинского государственного университета. – 2006. – № 4(41). – С. 182–185.
13. *Шмид В.* Нарратология: Монография. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
14. *Aare C.* A narratological approach to literary journalism: how an interplay between voice and point of view may create empathy with the other // Literary Journalism Studies. – 2016. – Т. 8. – № 1. – С. 106–139.
15. *Aare C.* A narratological investigation of eyewitness reporting: how a journalistic mission affects narrative structures of the text // Brazilian Journalism Research. – 2018. – № 14 (3). – P. 676–699.

References

1. Dobrosklonskaja T. G. *Tipologicheskoe opisanie mediatekstov v sisteme medialingvistiki* [Typological description of media texts in the system of media linguistics]. *Medialingvistika*, 2014, no. 3, pp. 17–21.
2. Zhilicheva G. A. *Sposoby ritoricheskoy indeksacii narrativnoj strategii (na materiale romanov K. Vaginova i B. Pasternaka)* [Methods of rhetorical reajustments of the narrative strategy (a case study of K. Vaginov's and B. Pasternak's novels)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*, 2014, no. 2(26), pp. 134–140.
3. Zelenina E. V. «*Portret geroja*»: *cennostno–smyslovye i tvorcheskie aspekty* [«Hero's portrait»: value-semantic and creative aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2014, no. 2, pp. 33–52.
4. Kim M. N. *Zhanry sovremennoj zhurnalistiki* [Genres of modern journalism]. St. Petersburg, Mihajlov V. A. Publ., 2004. 335 p.
5. Markelov K. V. *Informacionnaja politika i obshhestvennyj ideal* [Information policy and social ideal]. Moscow, RAGS Publ., 2005. 264 p.
6. Milostivaja A. I. *Zhurnalist kak diegeticheskij povestvovatel' (opyt sociokriticheskogo analiza rassledovatel'skih reportazhej G. Val'rafa)* [Journalist as diegetic narrator (an experience of socio-critical analysis of investigative reports by G. Wallraff)]. *Politicheskaja lingvistika*, 2017, no. 3(63), pp. 69–76.
7. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa. 2–e izd., ispr. i dop.* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Remantics of narrative. 2nd ed., corrected and supplemented]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2010. 480 p.
8. Petrov E. Ju, Sarkisova A. Ju. et al. *Metodologija izvlechenija narrativov iz bol'shikh massivov dannyh social'nyh setej* [Methodology for extracting narratives from social media big data]. *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitiie)*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 404–420.
9. Savchenko L. V. *Problemy transformacii zhanrov i ih identifikacii v teorii i praktike zhurnalistiki* [Problems of transformation of genres and their identification in the theory and practice of journalism]. *Universum: filologija i iskusstvovedenie*, 2018, no. 4(50), pp. 21–23.
10. Terebkov A. S. *K voprosu o traktovke fenomena narrativa v sovremenom gumanitarnom znanii. Sushhnost' i istoki* [To the question of interpretation of the phenomenon of narrative in modern humanitarian knowledge. Essence and origins]. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2012, no. 3(109), pp. 114–117.
11. Tertychnyj A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of the periodical press]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 350 p.
12. Ushnikova Je. A. *K probleme opredelenija narrativa* [On the problem of defining narrative]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 4(41), pp. 182–185.
13. Schmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p.
14. Aare C. *A narratological approach to literary journalism: how an interplay between voice and point of view may create empathy with the other*. *Literary Journalism Studies*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 106–139.
15. Aare C. *A narratological investigation of eyewitness reporting: how a journalistic mission affects narrative structures of the text*. *Brazilian Journalism Research*, 2018, no. 14(3), pp. 676–699.

NARRATOR IN PORTRAIT TEXTS
OF THE NEWSPAPER “KRYMSKAYA PRAVDA”

Sechin D. Yu., Markelov K. V.

This article examines the role of the narrator in portrait texts published by the newspaper Krymskaya Pravda during the Soviet (1952–1972) and post-Soviet (2002–2022) periods. Using texts classified as "portrait texts" and selected from the newspaper's April issues at 10-year intervals (a total of six samples), the article analyzes narrative strategies for representing the individual. Four types of narrator presence are identified: non-diegetic narrator, "independent eyewitness," "independent eyewitness," and "reporter." The results demonstrate a shift in dominant strategies: from the absolute predominance of the non-diegetic narrator in 1952 to a significant increase in the share of other types of presence. This dynamic is interpreted within the framework of the concept of a social ideal as an indicator of changing communication mechanisms between government institutions and society. The approach to the transmission of the ideal has shifted from a canonized image to more dialogic and subjectivized forms of representation.

Keywords: narrator, portrait text, media representation, social ideal, “Krymskaya Pravda”.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811'43

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019588>

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕТАФОР

Аргашокова С. Х., Некрасова М. Ю.

*Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Российская Федерация;
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Российская Федерация
E-mail: argashokova78@mail.ru, nekramar@mail.ru*

Статья посвящена проблеме перевода с английского на русский язык юридических терминов-метафор. Цель исследования заключается в систематизации метафор в юридическом английском языке и выявлении способов их перевода на русский язык с сохранением юридической точности. Научная новизна работы состоит в проведении комплексного анализа метафор с учетом функциональной нагрузки и системных расхождений между англосаксонской и континентальной правовыми традициями. Были выделены семь концептуальных метафор и четыре вида метафор. Три вида представлены равным количеством единиц – антропоморфная, социоморфная и артефактная, природоморфная метафора встречается в два раза реже каждого из вышеуказанных видов. Наблюдаются взаимопересечения социоморфной и артефактной метафор, т. к. они служат наименованиями институциональных правовых категорий. Для каждого вида метафор проанализированы и предложены способы перевода: метафора-эквивалент, калькирование, деметафоризация, контекстуальная замена, перефразирование. Выбор способа перевода зависит от степени укорененности метафоры в языке-источнике, необходимости соблюдения точности, сохранения образности. Авторы приходят к выводу, что адекватная передача правового содержания является главным фактором при выборе способа перевода на русский язык.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, профессиональная метафора, классификации метафор, юридический дискурс, перевод, английский язык, русский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что язык права, ключевым компонентом которого выступает сложная и многоуровневая терминосистема [15], традиционно считается образцом точности, безэмоциональности и формальности, он изобилует метафорами. В отличие от художественного дискурса, где метафора используется как средство создания экспрессивности, в юридическом дискурсе метафора выступает средством структурирования информации и способом выражения абстрактных правовых концептов. Метафора стала неотъемлемым элементом юридического языка, что демонстрирует ее глубокую укорененность в англо-саксонской правовой культуре. Утратив эмоциональность, «стертая» метафора в юридическом английском языке часто отражает культурно-историческую и профессиональную специфику системы права англоязычных стран. Перевод метафор на русский язык может представлять трудности, что обусловлено различиями в языковых и социокультурных традициях. Настоящее исследование сфокусировано на изучении способов перевода метафор с английского на русский язык с учетом адаптационных стратегий, что представляет значимость для юридической лингвистики и практики перевода в языковой паре английский – русский языки.

Актуальность темы обусловлена повышенным интересом исследователей к метафоре как объекту исследования в профессиональных типах дискурса. Так, например, за последние пять лет опубликовано более 6000 статей, посвященных анализу метафорических наименований в разных типах профессионального дискурса, включая юридический. Тем не менее, проблема поиска вариантов перевода англоязычных юридических метафор на русский язык на сегодняшний день не получила достаточного внимания, что делает данную научную проблему особенно актуальной.

Объектом проводимого исследования являются метафоры в юридическом английском языке; предметом выступают способы их перевода на русский язык.

Целью исследования является анализ метафор в юридическом английском языке и выработка эффективных способов их перевода на русский язык, учитывая лингвистические, когнитивные и прагматические особенности профессиональных метафор, что, по нашему мнению, будет способствовать более правильному пониманию юридических понятий при их переводе с английского на русский язык. Исходя из поставленной цели, представляется необходимым решить следующие задачи:

1. Выявить и классифицировать метафоры, функционирующие в юридическом английском языке, в соответствии с типологиями метафор, актуальными для современных лингвистических исследований.

2. Определить и обосновать выбор способа перевода на основе стратегии адаптации значений исследуемых англоязычных метафор с соблюдением их юридической точности и адекватности перевода на русский язык.

Основными методами исследования выступают лингвокогнитивный и сравнительно-сопоставительный виды анализа в сопровождении ряда методологических приемов. Лингвокогнитивный анализ нацелен на исследование концептуальных метафор и их роли в номинации сложных правовых понятий. Включение в работу сравнительно-сопоставительного анализа позволяет выявить способы адекватной передачи метафор в процессе их перевода с английского на русский язык и стратегий адаптации в русском языке. Элементы этимологического анализа способствуют изучению происхождения юридических метафор. Сочетание контекстуального и дефиниционного видов анализа позволяет отследить функционирование терминов-метафор в конкретных юридических контекстах и зафиксировать культурно-обусловленные компоненты значения. Метод классификации используется для выявления общих и различающихся элементов значений метафор, обобщении полученных результатов и распределении метафор на группы на основании выявленных сходств и различий.

Материалом исследования выступают метафоры общим количеством 127 единиц, содержащиеся в учебнике “Introduction to International Legal English” [17]. Выбор материала исследования обусловлен необходимостью расширения представлений о способах перевода на русский язык сложных англоязычных юридических терминов, с которыми авторы сталкиваются в процессе преподавания курса юридического английского языка.

Методологической основой исследования является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [6], а также типология метафор, предложенная А. П. Чудиновым [12].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сложность метафорических номинаций в англоязычном юридическом дискурсе, обусловленная тесной взаимосвязью между метафоризацией терминов и историческим

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕТАФОР

развитием системы права, выводит изучение профессиональной метафоры за рамки традиционных представлений о ней как средства создания экспрессивности, достигаемой за счет контекстных сдвигов и замены отдельных слов. Действительно, рост использования метафор в профессиональной деятельности указывает на ее особый статус как способа формирования новых смыслов, актуальных для профессиональных терминосистем [6, с. 218], а, следовательно, и новых терминов [11, с. 82]. Даже при минимальной степени экспрессивности, характерной для юридического языка, в нем, тем не менее, достаточно широко представлены метафорические номинации, компактно передающие значение сложных правовых понятий, в основе которых лежит аналогия или сравнение [14, с. 599].

Межъязыковые исследования профессиональной метафоры сфокусированы на вопросах поиска наиболее эффективных способов перевода метафорических выражений. Отечественные исследователи, интегрируя в теорию перевода наработки зарубежных коллег, предлагают различные способы перевода англоязычных юридических метафор на русский язык, которые включают использование метафоры-эквивалента, калькирование, деметафоризацию, контекстуальную замену и перефразирование [4; 7; 13]. Использование данных способов перевода будет рассмотрено нами более подробно на примере анализа метафор, выделенных нами в материале исследования.

В ходе проведенного анализа было установлено, что в юридическом английском языке можно выделяются несколько концептуальных метафор. Рассмотрим их более подробно.

1. Метафора «суд / право – это война». К числу таких метафор отнесем следующие: *to fight a case, to win / lose a case, to attack the validity of the claim, to defend one's case, to launch an offensive against the decision, to win / lose a legal battle, to fight a lawsuit, to be armed with evidence, the adversarial system, to attack a business entity, to miss the target, to enforce the judgement, the enforcement of judgement, to safeguard money, to come into force, a winning party, a losing party, conflict of laws, to clarify positions.*

2. Метафора «право – это живой организм»: *body of law, body of rights and duties, regulatory body, government body, organs of a legal system, the law evolves (grows, develops), this doctrine is the heart of modern legislation, the health of the justice system, legal immunity, the law is infected by corruption, the lifeblood of the court, extinction of the price, liability flows from.*

3. Метафора «право / правосудие – это путь». Здесь нами зафиксированы следующие метафорические номинации: *to go through the legal process, to follow the procedure, to be on the right / wrong track in court, to overcome legal hurdles, obstruction of justice, to reach a verdict, to reach a settlement, to reach an agreement, to proceed with the case, the road to justice, step by step through litigation, to remove customs barriers, restraint of trade, business vehicle.*

4. Метафора «закон – это здание»: *grounds for termination, reliance on the statement, to have a basis for, to have standing to sue.*

5. Метафора «ответственность – это груз»: *tax burden, burden of proof, litigation burden.*

6. Метафора «правосудие – это весы»: *balance of probabilities, preponderance of evidence, overwhelming evidence, balance of justice.*

7. Метафора «юридическая проблема – это болезнь»: *cost of cure, health of the justice system, injured party, law clinic, legal assistance, legal immunity, legal remedy, the health of the justice system, the law is infected by corruption, to act to one's detriment.*

Согласно классификации метафор, предложенной А. П. Чудиновым [6, с. 78], зафиксированные нами метафоры подразделяются на четыре группы. Помимо классификации, ниже представлено авторское понимание того, как определенный образ структурируется в сознании и языке.

1. Антропоморфная метафора (человек, тело, здоровье, действия, эмоции, состояния) – *body of law, body of rights and duties, cost of cure, defendant, government body, health of the justice system, identity theft, legal immunity, legal personality, legal remedy, lifeblood of the court, losing party, organs of a legal system, regulatory body, senior partner, the adversarial system, the health of the justice system, the law is infected by corruption, third party, this doctrine is the heart of modern legislation, to act to one's detriment, to attack a business entity, to attack the validity of the claim, to be armed with evidence, to defend one's case, to fight a case, to fight a lawsuit, to launch an offensive against the decision, to target a victim, to win a legal battle, to win / lose a case, winning party.*

Например, юридический термин *legal personality* (правосубъектность, юридический статус), относящийся к категории антропоморфных метафор, образован путем метафорического переноса – качествами, характерными для человека, наделяется организация – она может иметь права и обязанности, участвовать в судебном процессе так же, как и человек.

2. Природоморфная метафора (природа, жизненный цикл, движение, рост, стихии) – *balance of justice, chain of title, external relations, extinction of the price, high court, internal relations, liability flows from, loss of earnings capacity, low court, money laundering, oral contract, sources of law, the law evolves (grows, develops).*

По аналогии с природными процессами очищения водой, природоморфная метафора *money laundering* репрезентирует очистку загрязненного объекта – денег.

3. Социоморфная метафора (институты, общество, социальные процессы / группы, коллективные роли) – *burden of proof, capital punishment, conflict of laws, court independence, death sentence, early settlement, harmonization of laws, insider dealing, insider trading, litigation burden, out of court settlement, overwhelming evidence, preponderance of evidence, private law, public law, restraint of trade, road to justice, step by step through litigation, tax burden, to be on the right / wrong track in court, to overcome legal hurdles, to proceed with the case, to reach a settlement, to reach an agreement, to remove customs barriers, to set the agenda, to suspend the sentence.*

Цвет воротника в метафорах *blue collar* и *white collar* маркирует принадлежность к определенному социальному классу или профессиональному сообществу. В зависимости от социального класса различаются виды преступлений, совершенные представителями этих классов.

4. Артефактная метафора (объекты, инструменты, документы, искусственные конструкции, термины, техники) – *a three-year window, balance of justice, balance of probabilities, bin raiding, blue collar, business vehicle, chain of title, clarify positions, come into force, cost of cure, discovery phase, dumpster diving, early settlement, enforcement of*

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕТАФОР

judgement, exclusive possession, grounds for termination, legal instrument, payoff (payout), property interest, shareholder, specific performance, stakeholder, stamp duty, tax haven, title interest, to break a contract, to deliver a judgement, to follow the procedure, to go through the legal process, to have a basis for, to have standing to sue, to hear a case, to hold title to assets, to pass an order, to pierce the corporate veil, to raise capital, to raise funds, to raise money, to safeguard money, white-collar crime.

Артефактная метафора *grounds for termination* основана на проведении аналогии между фундаментом как физической опорой для дальнейшего строительства здания и основаниями прекращения (действия договора), т. е. базой для дальнейших юридических действий.

Отметим, что некоторые термины-метафоры могут сочетать в себе два и более типов образности. Так, например, в метафоре *body of law* пересекается сразу три концептуальных метафоры – это одновременно антропоморфная (тело человека, корпус со своей структурой – костями, органами, т.е. подразделами), природоморфная (тело как живой организм, функционирует и развивается в природе), артефактная (тело, корпус как структура, свод правил, сконструированный человеком объект).

Следующий этап исследования основан на анализе способов перевода выявленных метафор. Для этого нами были изучены варианты перевода метафор, представленные в лексикографических источниках. Сравнение метафоры на английском языке и варианта ее перевода позволило определить наиболее распространенные способы перевода англоязычных юридических метафор на русский язык.

Все вышеуказанные способы перевода метафор были обнаружены нами в процессе анализа. Так, например, такие метафоры, как *burden of proof* – бремя доказывания, *body of law* – свод законов, *stamp duty* – гербовый сбор, переводятся на русский язык путем подбора в нем метафоры-эквивалента, что представляется возможным в ситуации совпадения метафорических моделей в обеих лингвокультурах. Контекстуальные примеры лишь подтверждают это.

*In criminal cases, the **burden of proof** is often on the prosecutor to persuade the trier (whether judge or jury) that the accused is guilty beyond a reasonable doubt of every element of the crime charged* [17, p. 40]. – В уголовных делах **бремя доказывания** часто лежит на прокуроре, который должен убедить судью или присяжных заседателей в том, что обвиняемый, вне всяких разумных сомнений, виновен по всем признакам инкриминируемого преступления.

В приведенном примере наблюдаем, что метафора груза, тяжелой ноши – бремя – присутствует в обоих языках.

Примерами использования калькирования, т.е. дословного перевода метафоры в результате дословного переноса образа с одного языка на другой выступают *balance of probabilities* – баланс вероятностей, *legal immunity* – правовой иммунитет, *oral contract* – устный договор. Фактор схожести концептуальных систем двух языков лежит в основе использования данного способа перевода метафор.

*If the parties make the contract by spoken words, it is called an **oral contract*** [17, p. 19]. – Если стороны заключают договор устно, это называется **устным договором**.

Здесь наблюдаем использование метафоры канала передачи информации – устно произнесенный договор. Русским эквивалентом выступает метафорический термин в виде дословного перевода англоязычной метафоры.

В качестве примера использования демегафоризации как способа перевода метафор приведем следующие: *tax haven* – офшорная зона, *discovery phase* – стадия раскрытия информации, *raise capital* – привлечь капитал. Необходимо отметить, что выбор в пользу демегафоризации как способа перевода совершается тогда, когда метафора или неуместна, или создает двусмысленность в языке перевода.

Liechtenstein is one of many jurisdictions that have established themselves as tax havens [17, p. 112]. – Лихтенштейн – одна из многих юрисдикций, которые зарекомендовали себя как **офшорные зоны**.

Метафора *tax haven* интересна тем, что в зависимости от контекста она может быть переведена несколькими способами. Так, в словаре А. С. Мамуляна и С. Ю. Кашкина предлагается несколько вариантов перевода: налоговое убежище, фискальный оазис, «налоговый рай» (страна, куда переводят капитал с целью уменьшения налоговых выплат), офшор» [16, с. 697]. Выбор варианта, а соответственно и способа перевода, зависит от ситуации, в которой используется данная метафора. Если это формальная ситуация общения, то целесообразно выбрать вариант «офшор», который в современном экономическом дискурсе является устоявшимся термином. Все остальные варианты перевода можно классифицировать следующим образом:

- налоговое убежище – метафора-эквивалент: сохраняется образ защищенности от опасности, укрытия;
- фискальный оазис – метафора-эквивалент и контекстуальная замена: в русском языке метафора выражена тоже метафорическим оборотом, однако *haven* трансформируется в более употребимую в русском языке лексему *оазис* как безопасное, спасительное место;
- «налоговый рай» – метафора-эквивалент: метафора рая как спасительного места, куда все стремятся, при этом в скобке предлагается дополнительное пояснение, т. е. еще используется экспликация как способ перевода.

Переходя к контекстуальной замене как способу перевода метафор, приведем следующие примеры: *money laundering* – отмывание денег, *legal remedy* – средство правовой защиты, *business vehicle* – форма бизнеса. Контекстуальная замена имеет место, когда метафора в языке перевода не совпадает по денотативному значению с метафорой языка-источника при сохранении той же функции.

In the common-law tradition, damages is the usual remedy that a court awards for a broken contract [17, p. 20]. – В соответствии с традициями общего права возмещение ущерба является обычным **средством правовой защиты**, которое суд назначает за нарушение договора.

В приведенном примере (*legal*) *remedy* из медицинской метафоры трансформируется в «защитную» метафору. Отметим также, что в данном примере присутствует еще один пример контекстуальной замены – метафора *award damages*. Лексема *award* традиционно используется в значении *присуждать (награду)*, однако в юридическом контексте целесообразно перевести ее как *назначить (выплату, возмещение ущерба)*.

Еще одним способом перевода юридических метафор с английского на русский язык является перефразирование, которое используется при отсутствии в языке перевода

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕТАФОР

какой-либо метафоры, соответствующей метафоре в языке-источнике. Примерами таких метафор являются *early settlement* – досудебное урегулирование, *preponderance of evidence* – достаточность доказательств, *to break a contract* – нарушить условия договора, т.е. не исполнить договорные обязательства.

Early settlement talks can clarify positions and save substantial money in the form of both legal fees and damages [17, p. 88]. – Переговоры о досудебном урегулировании могут прояснить позиции и существенно сэкономить как на судебных издержках, так и на возмещении ущерба.

Анализ метафоры *early settlement* указывает на метафорическое использование лексемы *settlement* – существительного, образованного от глагола *to settle* – успокоить. Значение метафоры – акт прекращения конфликта, акт усмирения. Лексема *early* дополняет метафору временным компонентом. Вариант перевода на русский язык не содержит метафоры, т.к. используется описательная формулировка, раскрывающая суть юридического действия. То есть в переводе акцент сделан на фактическом содержании действия, тогда как образ *усмирения* становится неактуальным. Таким образом метафора в английском языке заменяется нейтральным выражением, задача которого – раскрыть суть термина. Варианты перевода на русском языке – завершение сделки до суда, урегулирование спора на ранней стадии.

Обобщая полученные результаты, отметим, что для юридического дискурса характерными являются несколько концептуальных метафор, в частности, представление о суде как войне, праве как живом организме, пути, здании. Юридическая проблема часто актуализируется через метафорические номинации, связанные с болезнью, поскольку юридическая ответственность – это груз. Правосудие воспринимается в терминах нахождения баланса, т.е. через образ весов.

В числе видов метафор в англоязычном юридическом дискурсе присутствуют все четыре вида, при этом наиболее распространенными, практически в равных долях, являются антропоморфная, социоморфная и артефактная метафоры. Природоморфная представлена менее часто, примерно в половину меньше каждого из вышеуказанных видов. Тем не менее, данным вид метафоры важен с точки зрения описания правовых категорий в их развитии, а также разного рода пространственных описаний элементов и категорий права. При помощи антропоморфной метафоры право и его институты наделяются функциями и характеристиками человека, т.е. персонифицируются. Также наблюдаются взаимопересечения социоморфной и артефактной метафор, т.к. многие термины-метафоры обозначают институциональные и организационные категории.

Касательно способов перевода англоязычных метафор на русский язык необходимо отметить, что в исследуемом материале нами зафиксированы традиционные способы перевода, в числе которых перевод при помощи метафоры-эквивалента, калькирование, деметафоризация, контекстуальная замена и перефразирование. В случае совпадения метафорических моделей в двух языках наиболее очевидным выбором является метафора-эквивалент. Схожесть концептуальных систем двух языков позволяет использовать калькирование как способ перевода. Если метафора создает двусмысленность при переводе на русский язык, лучше воспользоваться деметафоризацией. Учитывая различия в системах права, а также определенные лингвокультурные расхождения, ряд метафор переводятся при помощи контекстуальной замены. Если в языке перевода невозможно найти нужную метафору, тогда при переводе используется перефразирование. Учитывая тот факт, что метафора часто используется

там, где пересекаются несколько культурных и концептуальных областей, в юридическом дискурсе она может отражать сразу несколько способов образного осмысления сложных юридических понятий, соответственно, некоторые метафоры можно перевести, используя несколько способов перевода, что отражено в лексикографических источниках.

ВЫВОДЫ

В проведенном исследовании подчеркивается важность понимания специфики метафорических номинаций в юридическом английском языке для того, чтобы правильно выбрать способ перевода на русский язык. Эффективность перевода юридических метафор как результат правильного выбора способа перевода отражается в сохранении баланса между адекватностью, лингвистической точностью и культурной адаптацией, что неизбежно отражается на качестве межъязыкового и межкультурного взаимодействия в юридической сфере. Результаты исследования и сформулированные на их основе выводы представляют теоретическую значимость в контексте дальнейших исследований по теории перевода и разработке теории профессиональной метафоры. Практическая значимость исследования видится во внедрении полученных результатов в практику перевода юридических текстов, что будет способствовать обеспечению точности и правильности передачи юридической информации.

Список литературы

1. Авакова М. Л., Мосесова М. Э. Языковая специфика англоязычного судебного дискурса (на материале перекрестных допросов) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 8–15.
2. Айвазян Н. Б., Гарамян А. В., Литвишко О. М. Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 43–53.
3. Гаврилова И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 504–512.
4. Дубровина И. И., Саковец С. А. Метафора в юридическом дискурсе: приемы перевода // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2020. – №1 (2). – С. 84–93.
5. Исупова М. М., Коптелова И. Е. Концептуальные метафоры в корпоративном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 11(51). – С. 59–67.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Легенкина В. И. Способы межъязыковой передачи метафоры при переводе политических текстов // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 9-2(87). – С. 84–87.
8. Литвишко О. М. Корпусный анализ профессионально маркированных компонентов языкового сознания в популярно-юридическом интернет-дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 2. – С. 43–57.
9. Литвишко О. М., Цолоева С. Б., Черноусова Ю. А. Юридическая метафора в структуре профессионального языкового сознания: лингвопрагматический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 4. – С. 98–111.
10. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5 (2). – Т. 12. – С. 535–540.
11. Пугачевская И. А. Метафоризация и метонимия как средства терминообразования в сфере международного права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – № 12 (1). – С. 80–92.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: УрГПУ, 2003. – 248 с.
13. Яковенко Т. И., Шайхалиева А. М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 200–208.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕТАФОР

14. Яроуцук И. А. Метафоры в праве: методологические основания исследования. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 26 (3). – С. 596–610.
15. Litvishko O., Miletova E. Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions) // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. – 2019. – P. 2324–2335.

Источники

16. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. – М.: Эксмо, 2005. – 367 с.
17. Krois-Lindner A, Firth M. Introduction to international legal English. A course for classroom or self-study use. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 160 с.

References

1. Avakova M. L., Mosesova M. E. YAzykovaya specifika angloyazychnogo sudebnogo diskursa (na materiale perekrestnyh doprosov) [Language specificity of the English-language judicial discourse (on cross-examination)]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, 2022, no. 15, pp. 8–15.
2. Ajvazyan N. B., Garamyan A. V., Litvishko O. M. *Terminologicheskie lakuny v kontekste digitalizacii angloyazychnoj terminosistemy ugovnogo prava* [Terminological Gaps in the Context of Digitalization of English-Language Terminological System of Criminal Law]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2022, no.2, pp. 43–53.
3. Gavrilova I. A. *Terminy-metafory v sostave angloyazychnoj yuridicheskoy terminologii* [Metaphorical terms as part of English legal terminology]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 504–512.
4. Dubrovina I. I., Sakovets S. A. *Metafora v yuridicheskom diskurse: priemy perevoda* [Metaphor in Legal Discourse: Translation Techniques]. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya*, 2020, no. 1(2), pp. 84–93.
5. Isupova M. M., Koptelova I. E. *Konceptual'nye metafory v korporativnom prave* [Conceptual metaphors in corporate law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2018, no. 11(51), pp. 59–67.
6. Lakoff Dzh., Johnson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.
7. Legenkina V. I. *Sposoby mezhyazykovoy peredachi metafory pri perevode politicheskikh tekstov* [Ways of Interlingual Metaphor Transfer in the Translation of Political Texts]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2019, no. 9-2(87), pp. 84–87.
8. Litvishko O. M. *Korpusnyj analiz professional'no markirovannykh komponentov yazykovogo soznaniya v populyarno-yuridicheskom internet-diskurse* [Professionally marked components of linguistic consciousness in popular-legal internet discourse: corpus analysis]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2024, no. 2, pp. 43–57.
9. Litvishko O.M., Coloeva S.B., Chernousova Yu.A. *Yuridicheskaya metafora v strukture professional'nogo yazykovogo soznaniya: lingvopragmaticheskij aspekt* [Legal metaphor in the structure of professional verbal consciousness: linguistic and pragmatic aspect]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2024, no. 4, pp. 98–111.
10. Palashevskaya I. V. *Funkcii yuridicheskogo diskursa i dejstviya ego uchastnikov* [Functions of legal discourse and actions of its actors]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 2010, no. 5 (2), vol. 12, pp. 535–540.
11. Pugachevskaya I. A. *Metaforizatsiya i metonimiya kak sredstva terminoobrazovaniya v sfere mezhdunarodnogo prava* [Metaphorization and Metonymy as Means of Term Formation in the Field of International Law]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2022, no. 12(1), pp. 80–92.
12. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2003. 248 p.

13. Yakovenko T. I., Shaikhalieva A. M. *Sposoby perevoda metafor v zarubezhnoy teorii perevoda* [Methods of Metaphor Translation in Foreign Translation Theory]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, no. 4, pp. 200–208.
14. Yaroshchuk I. A. *Metaforiy v prave: metodologicheskie osnovaniya issledovaniya* [Metaphors in Law: Methodological Foundations of Research]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 26(3), pp. 596–610.
15. Litvishko O., Miletova E. *Structural peculiarities of terminological system of international law (based on ILO conventions) // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*, 2019, pp. 2324–335.

Sources

16. Mamulyan A. S., Kashkin S. Yu. *Anglo-russkiy polnyy yuridicheskiy slovar'* [English-Russian Complete Legal Dictionary]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 367 p.
17. Krois-Lindner A, Firth M. *Introduction to international legal English. A course for classroom or self-study use*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. 160 p.

WAYS TO TRANSLATE ENGLISH LEGAL METAPHORS INTO RUSSIAN

Argashokova S. Kh., Nekrasova M. Yu.

The article is devoted to the problem of translating legal terms-metaphor from English into Russian. Despite considering legal discourse as formal and devoid of imagery, metaphors are its characteristic feature, simplifying the perception of complex legal concepts. Linguistic and cultural differences and the peculiarities of the development of legal systems are a source of difficulties in translating metaphors from English into Russian. The purpose of the study is to systematize metaphors in legal English and identify ways to translate them into Russian while maintaining legal accuracy. The scientific novelty of the work consists in conducting a comprehensive analysis of metaphors, taking into account the functional load and systemic discrepancies between the Anglo-Saxon and continental legal traditions. The research used methods of linguocognitive, comparative, etymological, contextual and definitional analysis. As a result, seven conceptual metaphors and four types of metaphors were identified. The three types are represented by an equal number of units – anthropomorphic, society-based and artefact, the nature-based metaphor is twice as rare as each of the above types. Society-based and artefact metaphors intersect, as they serve as names for institutional legal categories. For each type of metaphor, the methods of translation are analyzed and proposed: by equivalent metaphor, literal translation, demetaphorization, contextual substitution, paraphrasing. The choice of the translation method depends on the degree of rootedness of the metaphor in the source language, the need for accuracy, and the preservation of imagery. The authors conclude that adequate transmission of legal content is the main factor in choosing the method of translation into Russian.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, professional metaphor, classification of metaphors, legal discourse, translation, English, Russian.

УДК 81'27 + 81'373.45

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019678>

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИМПЛИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Литвишко О. М.

*Пятигорский государственный университет,
Пятигорск, Российская Федерация
E-mail: olivishko@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию изменений в структуре и текстовой организации договоров, произошедших в процессе исторического развития юридического английского языка. Автор рассматривает эти изменения как маркер эволюции языка права в направлении большей доступности и понятности. В условиях повышения социальной активности населения, дифференциации отраслей права и тенденций общей демократизации языка возникает необходимость повышения доступности правовых норм для широкой аудитории. Юридические договоры традиционно характеризуются высокой степенью формализма, лексической и синтаксической сложностью, что существенно затрудняет их восприятие. Исследование актуализирует проблему упрощения структуры и текстовой организации договоров, связывая ее с необходимостью повышения правовой грамотности населения и снижения юридических рисков для граждан.

Ключевые слова: симплификация, структурные особенности, текстовая организация, договор, упрощение, юридический дискурс, английский язык, диахронический анализ.

ВВЕДЕНИЕ

Изменение структуры и текстовой организации договора наглядно демонстрирует симплификацию англоязычного юридического дискурса. Договор играет исключительно важную роль в праве, поскольку является основанием возникновения большинства гражданских правоотношений. В ситуации возросшей социальной активности населения, увеличении числа отраслей права ввиду их узкой профилизации, а также общемировых процессов демократизации языка, возникает потребность в доведении до широкой общественности правовых норм в доступной форме, что неизбежно требует системного преобразования договора как «средства социального взаимодействия между людьми» [6, с. 149]. Юридические договоры на английском языке обладают рядом характеристик, такими как высокая степень формализма, лексическая и синтаксическая сложность [16], существенно затрудняющими их понимание как профессионалами, так и широкой аудиторией. Сегодня, в условиях необходимости обеспечения прозрачности и доступности правовой информации, изменение договоров можно рассматривать в качестве социально-экономической и лингвистической необходимости. Полагаем, что подготовка договоров с учетом стратегий симплификации, активно развивающихся в контексте «Движения за простой английский», будет способствовать повышению правовой грамотности населения и снижению юридических рисков за счет более полной реализации прав граждан и обеспечения равного доступа к правосудию. Представляется, что изменение структуры и текстовой организации договора в английском языке является отражением адаптации юридического дискурса к новым коммуникативным ситуациям, где важна универсальность ясность и оперативность языка, что свойственно для функционального подхода в лингвистике, в рамках которого язык, выступая динамичной системой знаков, подстраивается под задачи пользователя, адаптируясь к изменяющимся условиям и способствуя обеспечению эффективности коммуникации.

Отметим, что на протяжении долгой истории развития юридическому языку было свойственно постоянное усложнение, что, как показывают исследования [15; 18], объясняется рядом социокультурных факторов. Так, в процессе формирования и кодификации права возникла потребность в однозначности и точности изложения правовых норм, результатом чего стала лексическая и синтаксическая сложность текстов юридических документов. Кроме того, юридический язык использовался для установления, закрепления и сохранения формальных процедур, что способствовало формированию ритуальности коммуникации в юридической сфере и недоступности для широкой аудитории языка, используемого для ее осуществления.

Современные процессы демонстрируют обратную тенденцию – в языке права наблюдаются системные изменения, что, как представляется, свидетельствует об эволюции англоязычного юридического дискурса в направлении большей доступности и, как следствие, эффективности. Преобразования на уровне структуры и текстовой организации договора становятся маркером таких изменений.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных анализу различных аспектов юридического дискурса [1; 4; 7; 11; 16], о чем свидетельствует активное развитие юридической лингвистики как отдельного направления лингвистических исследований, проблема упрощения структуры и текстовой организации договоров в англоязычном юридическом дискурсе остается недостаточно разработанной. В этой связи представляется необходимым проведение сопоставительно-диахронического исследования, направленного на выявление изменений в структуре и текстовой организации договоров на английском языке, которые, как представляется, происходят в процессе исторического развития юридического английского языка и выступают проявлением симплификации юридического дискурса.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена несколькими факторами. Прежде всего необходимо отметить наблюдающуюся в современном английском языке стойкую тенденцию к упрощению профессиональных типов дискурса, включая юридический. Проведение комплексного анализа процессов, происходящих сегодня в языке права, позволит получить более полное представление о социокультурных процессах, характерных для данного периода развития общества и данной профессиональной сферы, поскольку в языке отражаются наиболее актуальные социальные тенденции [8, с. 172]. Далее, учитывая статус юридического английского языка как языка международного права, понимание стратегий упрощения и последующая подготовка юридических договоров с их учетом позволят снизить время на работу с этими документами, что в целом повысит эффективность коммуникации в правовой сфере. Наконец, переосмысление юридических текстов в соответствии с новыми коммуникативными целями, такими как консультирование или информирование различных аудиторий, обеспечит равный доступ к правосудию.

Цель исследования – проведение анализа изменений на уровне структуры и текстовой организации англоязычных договоров как проявления симплификации юридического дискурса. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: исследовать структурные особенности текстов договора, составленных в разные исторические периоды, выявить сходства и различия в структуре и текстовой организации документов; определить диахронические тенденции изменений; оценить воздействие изменений в структуре и текстовой организации договоров на их понятность и восприятие.

В методологическом плане исследование основано на сопоставительно-диахроническом подходе, что подразумевает анализ текстов договоров, отслеживание и фиксацию изменений в структуре и текстовой организации, произошедши в ходе исторического развития языка. Сравнение структурных особенностей договоров разных исторических периодов подразумевает выявление сходств и различий в их композиционно-содержательной структуре, что требует привлечения элементов документоведческого анализа.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке теории лингвистической симплификации, позволяющей расширить знания о современном состоянии англоязычного юридического дискурса. Практическая ценность видится в возможности использования полученных результатов в подготовке юридической документации с учетом стратегий симплификации, что будет способствовать повышению эффективности коммуникации в юридической сфере.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Симплификация (в контексте настоящего исследования возможно использование термина «лингвистическая симплификация») представляет собой «языковой процесс, затрагивающий уменьшение структурной сложности текста с целью лучшего понимания и лексико-грамматической адаптации к нуждам собеседников» [2, с. 285].

Учитывая тот факт, что данная тема является относительно новой для отечественной лингвистики, существуют лишь отдельные исследования, посвященные различным аспектам симплификации и выполненные на материале разных типов дискурса. Авторы используют несколько терминов для обозначения процессов симплификации – упрощение, адаптация, доступность текста, которые по сути являются прямым переводом или пояснением термина *simplification*.

Так, исследование Н. Г. Бурмакиной [3] сфокусировано на анализе доступности и понятности различных жанров текста (объявления, информационные проспекты), используемых рядом социальных институтов (медицинскими учреждениями, пенсионными фондами, отделениями почтовой связи, органами соцзащиты) для коммуникации с населением. Автор приходит к выводу о низком уровне читабельности текстов, что затрудняет их понимание населением.

В работе Н. В. Нечаевой, К. С. Хельмле и Э. М. Каировой исследуются проблемы интралингвального (внутриязыкового) перевода. Авторы обращают внимание на то, что уровень читательской грамотности населения планеты крайне низок – более 80% населения испытывают трудности при чтении стандартных текстов [9, с. 101], поэтому описанные в статье принципы перевода на ясный и простой язык представляют актуальность для большей части населения.

Симплификация как стратегия освоения языка инофонами на ранних этапах рассмотрена в исследовании С. Н. Цейтлина [10], при этом ее понимание как игнорирования определенных морфологических категорий отличается от того смысла, которое мы вкладываем в это понятие. Тем не менее, при детальном изучении наблюдается определенная близость в значениях, в частности, в том, что текст, преобразованный в соответствии с принципами симплификации так же, как и текст, продуцированный инофонами, будет лишен, помимо прочих языковых элементов, сложных морфологических категорий.

В англоязычной научной литературе наблюдается повышенный интерес к проблеме симплификации юридического языка, что, как представляется, объясняется такими

факторами, как цифровизация, рост социальной мобильности населения, требования экономической эффективности и повышения инклюзивности языка, повлиявшими на распространение идей «Движения за простой английский» [14]. Одним из наиболее активно развивающихся направлений исследования симплификации, судя по количеству научных публикаций на данную тему, является разработка автоматических методов упрощения текстов, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ) [17; 19; 20].

Несмотря на высокую востребованность указанной научной проблематики в зарубежных исследованиях, отметим, что в российской академической литературе практически отсутствуют исследования, посвященные симплификации англоязычного юридического дискурса. Некоторые авторы описывают инициативы «Движения за простой английский» и их проявления на разных уровнях языка [5; 14; 18], однако в российском научном сегменте большее внимание уделяется исключительно упрощению языка права, оставляя без внимания упрощение текстовых структур, трансформацию жанровых форм юридических текстов и коммуникативных практик.

В предлагаемом исследовании предпринимается попытка заполнить обозначенную выше теоретическую лакуну. Исследование посвящено анализу изменений структуры и текстовой организации договора, что, на наш взгляд, выступает одним из проявлений симплификации англоязычного юридического дискурса.

Прежде чем представить результаты исследования, полагаем необходимым пояснить традиционную структуру современного договора на английском языке, которая детально описана в работе «Руководство по стилю для составления договоров» (“A Manual of Style for Contract Drafting”) [13].

Обычно договор / контракт / соглашение (contract / agreement) состоит из трех частей – лицевой, основной и оборотной части. Лицевая часть включает название документа (пишется заглавными буквами, размещается сверху документа по центру страницы), вводного положения, пояснений и вступления к контракту [13, р. 79-80]. В основную часть входят разделы (sections), при необходимости сгруппированные в статьи (articles), подразделы (subsections) и пронумерованные арабскими цифрами пункты (clauses) [13, р. 269]. Текст договора может быть расположен в один или два столбика [13, р. 291], однако во втором случае возникает необходимость использовать более мелкий размер шрифта – Calibri 9 вместо Calibri 11 [13, р. 292], что существенно затрудняет чтение и понимание текста договора. В оборотной части (обычно располагается на обороте страницы с основным текстом договора, отсюда и название) содержится заключительное положение, место для подписи и приложения [13, р. 307].

Внутри основной части договора элементы могут располагаться в виде нумерованных и маркированных списков, однако не рекомендуется использовать разные типы шрифтов или любые графические средства выделения информации [13, р. 302], чтобы не переключать внимание читателя на какие-то отдельные фрагменты текста.

Обзор научных публикаций, посвященных сопоставительному диахроническому исследованию разных юридических документов на английском языке (завещаний, трудовых договоров, законов, инструкций для судебной коллегии присяжных, решений суда) в условиях активизации инициатив по упрощению юридических документов [14; 15; 17; 18] показал, что уровни структуры и текстовой организации наблюдаются следующие изменения (Таб. 1):

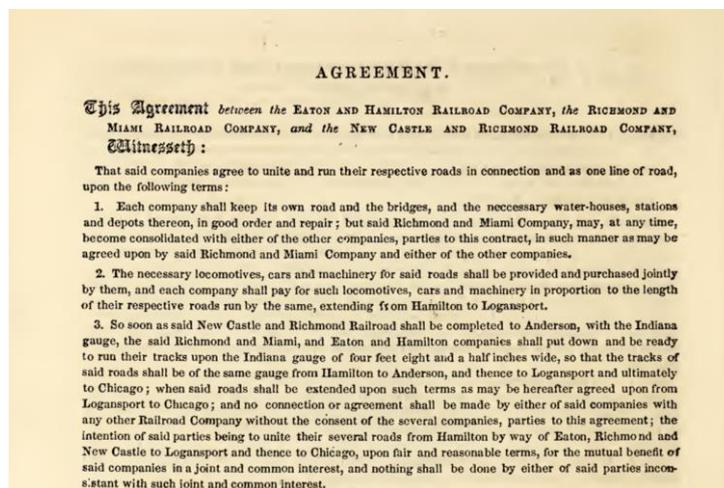
ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА...

Таблица 1. Сравнительный анализ структуры и текстового оформления юридического документа до и после внедрения принципов «Движения за простой английский язык»

Характеристики текста до реформы	Характеристики текста после реформы	Примечания
Цельные плотные текстовые блоки	Четкое разделение на абзацы, пробелы между блоками текста	Облегчение понимания текста и визуальной навигации
Длинные непрерывные предложения	Короткие компактные предложения	Снижение когнитивной нагрузки, упрощение понимания сути документа
Отсутствие заголовков	Частые заголовки с пояснениями	Возможность легко находить нужный раздел в тексте
Цепочки сложноподчиненных предложений	Разбивка на детализированные списки и подпункты	Выделение главных положений, возможность быстро просматривать текст
Отсутствие алфавитных списков	Представление информации в виде алфавитных списков	Эффективная организация пространства текста, легкий поиск информации
Минимум нумерации или ее отсутствие	Нумерация и маркированные списки	Иерархическое представление информации
Отсутствие визуальных маркеров (выделение и подчеркивание)	Использование различных средств выделения текста (курсив, полужирный, подчеркивание, капитализация)	Привлечение внимания к конкретным фрагментам текста
Плотное расположение текста на странице	Увеличение межстрочного интервала и размера полей	Повышение читабельности, снижение зрительной усталости
Редкие разрывы между разделами документа	Регулярные разрывы между разделами, визуальные элементы оформления	Логическое разделение текста и облегчение навигации по тексту

Перейдем к анализу материала исследования, который включает тексты договоров, датированных XIX веком – 8 единиц, XX веком – 11 единиц, XXI веком – 9 единиц, чтобы на конкретных примерах продемонстрировать данные изменения.

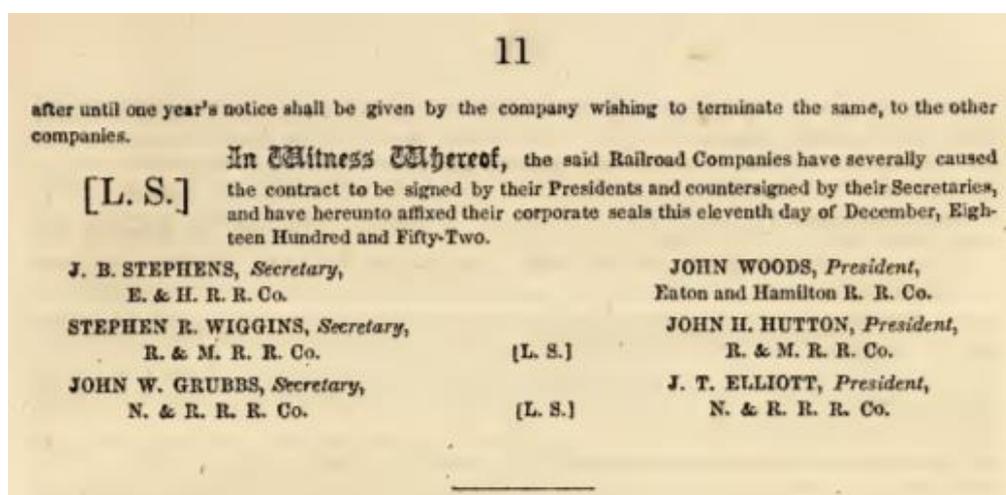
Ниже представлен фрагмент договора, составленного в 1853 году [21] (Рис. 1):

Рис. 1. Фрагмент договора между железнодорожными компаниями Eaton and Hamilton Railroad Company, Richmond and Miami Railroad Company и New Castle and Richmond Railroad Company

Как видно в приведенном фрагменте, в целом по структуре он соответствует современной модели договора – вверху по центру заглавными буквами представлено название документа, далее следует вводное положение, в котором указаны стороны договора, ниже – пояснение, за которым следует основной текст договора, разделенный на пункты, обозначенные арабскими цифрами. Однако на этом сходства с современной моделью заканчиваются. В данном документе текст представлен цельными блоками, отсутствует разделение на секции, нет заголовков, нумерация минимальная. Текст документа плотно расположен на странице, между пунктами редкие разрывы. Шрифты отличаются, сочетая как стандартный вид шрифта – для основного текста договора, так и стилизованный под старинный вид шрифта в вводном положении с выделением некоторых элементов курсивом.

Далее представлена заключительная часть договора, которая располагается на обороте страницы с основным текстом [21] (Рис. 2):

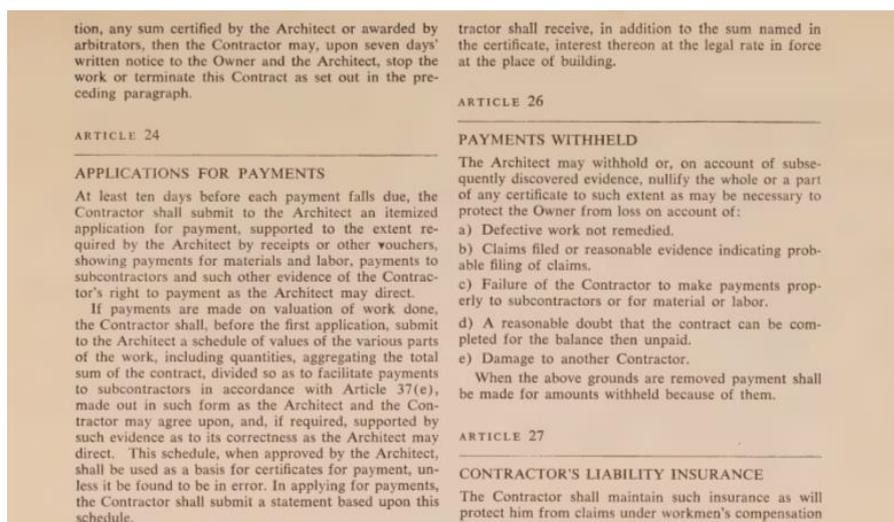
Рис. 2. Обратная часть договора между железнодорожными компаниями Eaton and Hamilton Railroad Company, Richmond and Miami Railroad Company и New Castle and Richmond Railroad Company

Учитывая, что выше заключительного положения присутствует фрагмент предложения, можно предположить, что заключительное положение договора и место для подписей оказалось на обороте страницы с основным текстом не потому, что этого требует стандарт составления договоров, а лишь потому, что является логичным продолжением текста договора, располагаясь в самом конце документа. Кроме этого отметим, что в заключительном положении, а также написании фамилий и должностей сторон договора, равно как и в тексте вводного положения, используются разные типы и размеры шрифтов и графические средства выделения текста. Указанные особенности противоречат современному стандарту.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА...

В категории документов XIX в. нами проанализировано 8 текстов договоров. Во всех текстах наблюдаются одни и те же расхождения с современной моделью договора, что, полагаем, можно рассматривать как определенного рода отличительные признаки договоров данного периода.

Следующий пример – фрагмент договора 1958 года [22] (Рис. 3). Как видно в приведенном ниже фрагменте, в договоре присутствует разделение на статьи, каждая статья обозначена не только номером, но также сопровождается заголовком, написанным заглавными буквами. Кроме того, внутри статьи содержится маркированный буквенный список (a, b, c, d, e), между строками которого использован увеличенный межстрочный интервал с дополнительными отступами до и после элемента списка.

Рисунок 3. Фрагмент Общих условий договора на строительство зданий

Полагаем, что такое четкое разделение и маркирование текста договора облегчает навигацию внутри документа, способствуя созданию более удобных условий для работы и понимания текста. Также отметим, что текст расположен в два столбика, что обусловило выбор более мелкого размера шрифта, однако положительным моментом выступает использование, во-первых, одного типа шрифта на протяжении всего документа, во-вторых одного размера для обозначения номера статьи и ее названия, представленного заглавными буквами, что, по нашему мнению, способствует более легкому восприятию текста и не отвлекает от последовательного изучения документа.

В данной категории нами проанализировано 11 текстов различных договоров, включая трудовой договор, агентское соглашение, договор найма жилого помещения, договор купли-продажи. Несмотря на разницу в сфере использования и тематике договора, общими оказались особенности, относящиеся к структуре и текстовой организации документа и описанные выше на примере анализа Общих условий договора на строительство зданий 1958 года.

Следующий пример – фрагмент трудового договора 2012 года [23] (Рис. 4):

BOARD OF EDUCATION OF BALTIMORE COUNTY
Employment Contract for Non-Certificated Professionals

Donald A. Peccia _____ Social Security No. _____
Employee's Name

Home Address _____

Home Phone Number _____ Assistant Superintendent, Human Resources
Name of Position

WHEREAS, the herein named person has been offered employment with and for the Board of Education of Baltimore County in the position of Assistant Superintendent of Human Resources.

WHEREAS, the herein named individual (hereinafter, "Employee") and the Board of Education of Baltimore County (hereinafter "Board"), do acknowledge and attest that this position is not a regular teaching position, and

WHEREAS, the parties hereto believe that it is in their best interest to clarify and establish the mutual benefits and legal obligations arising and existing between them,

NOW THEREFORE, this Employment Contract is entered into as of this 1st day of July 2011. The parties hereby agree to this contract and covenant as follows:

1. Term
It is agreed that the term of this contract is for three school years, beginning July 1, 2011, expiring by its term no later than June 30, 2014. The Superintendent of Schools may not terminate this employment contract for any other cause other than

Рис. 4. Фрагмент Трудового договора Школьной системы округа Балтимор

Как мы видим в приведенном выше примере, структура и текстовая организация договора существенно отличаются от ранее приведенных примеров. Во-первых, наблюдается четкое разделение текста на отдельные части, что обозначено не только размером шрифта, но и межстрочным интервалом и абзацным отступом отдельных частей текста. Во-вторых, в тексте используются различные графические средства выделения – полужирный шрифт, подчеркивание, капитализация, чередование размеров шрифта, что способствует расстановке акцентов и привлечению внимания к определенным фрагментам. Также можно отметить, что количество текста на странице существенно меньше, чем в предыдущих примерах, при этом текст разделен на абзацы, присутствуют пробелы между блоками текста. Такой текст воспринимается легче за счет наличия большого количества пустого места на странице, компактной организации текста и его четкой структурированности. В данной категории мы рассмотрели 9 текстов договоров, взятых из разных сфер права и датированных после 2000 г. Несмотря на различие в тематической отнесенности документов, все они характеризуются наличием описанных выше особенностей, которые можно рассматривать как проявления симплификации англоязычного юридического дискурса.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что за последние двести лет, несмотря на устоявшиеся представления о консервативности юридического языка и дискурса, структура и текстовая организация англоязычных договоров подверглись существенным изменениям, что объясняется влиянием «Движения за простой английский». Не вызывает сомнений тот факт, что договоры всегда отличались рядом особенностей, среди которых выделяют высокую степень формализма, плотное расположение текста, отсутствие строгого деления текста на разделы, что серьезно затрудняло их восприятие и правильное толкование рядовыми

гражданами. Учитывая усилившуюся потребность в упрощении юридических текстов, обусловленную рядом экстралингвистических причин, юридическое профессиональное сообщество столкнулось с необходимостью внесения изменений в структуру и текстовую организацию договоров.

Действительно, для современных договоров характерно четкое структурирование информации с выделением заголовков, введением нумерованных и маркированных списков для облегчения навигации по тексту документа, различных графических средств выделения. Появление таких элементов оформления в сочетании с увеличением межстрочных интервалов облегчает восприятие текста и повышает его читабельность, что отвечает тенденциям демократизации юридического языка и его инклюзивности.

Полученные результаты представляют значимость как для лингвистов, занимающихся исследованиями в сфере юридической лингвистики, так и юристов-практиков, непосредственно контактирующих с гражданами по вопросам подготовки текстов договоров.

В целом отметим, что структурно-текстовые преобразования договоров являются маркером эволюции англоязычного юридического дискурса в направлении повышения доступности для широкой аудитории и, как следствие, эффективности юридической коммуникации.

Список литературы

1. *Авакова М. Л., Мосесова М. Э.* Языковая специфика англоязычного судебного дискурса (на материале перекрестных допросов) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 8–15.
2. *Бабенко О. В., Курмаева И. И., Рахимбирдиева И. М.* Языковые тенденции в виртуальном пространстве на примере русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 11(89). Ч. 2. – С. 282–288.
3. *Бурмакина Н. Г.* Ясный язык как объект социальной лингвистики: к вопросу о читабельности текстов институционального взаимодействия // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10. – № 4. – С. 659–672.
4. *Гарамян А. В.* Лексико-грамматические особенности текста трудового договора в английском языке // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – № 13. – С. 171–176.
5. *Гарамян А. В., Руденко Н. С.* Особенности симплификации юридического английского языка // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 55–62.
6. *Казанцев М. Ф.* Договор – великий коммуникатор // Дискурс-Пи. – 2009. – № 1. – С. 146–149.
7. *Литвишко О. М.* Синтаксические закономерности англоязычного юридического дискурса как средство реализации нормативно-регулятивной функции права // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – № 13. – С. 124–132.
8. *Мисюра С. М.* Cancel culture как неологизм в лингвистике и социуме // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2023. – № 16. – С. 171–177.
9. *Нечаева Н. В., Хельмле К. С., Каирова Э. М.* Перевод на ясный и/или простой языки как интралингвальный вид перевода и подготовка переводчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, Вып. 3. – С. 99–108.
10. *Цейтлин С. Н.* К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – Т. XI. Ч. 1. – Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 2015. – С. 515–538.
11. *Чернышев А. В.* Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 2 (7). – С. 22–28.
12. *Шарапов Д. Ф., Новикова Л. В.* Актуальность упрощённого английского языка в юриспруденции // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 7 (157). – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/7-157-2025-july/10.60797/IRJ.2025.157.6>. – (Дата обращения: 20.09.2025).

13. Adams K. A. A manual of style for contract drafting. – Chicago: Aba Publishing, 2013. – 475 p.
14. Boginskaya O. The simplification of jury instructions: legal-lay interactions in jury trials // ESP Today. – 2020. – Vol. 8. – Iss. 2. – P. 297–318.
15. Boleszczuk E. Plain language solutions to the problems of legalese – A case study of wills // Comparative Legilinguistics. – 2011. – Vol. 5. – P. 67–83.
16. Litvishko O., Shiryayeva T., Golubovskaya E., Mekeko N. Why English legal discourse is difficult to understand // International Journal of Arabic-English Studies. – 2025. – Vol. 25. – Iss. 1. – P. 403–430.
17. Rubab I., Khan M. Y., Asgher T. Transformation of legal texts into simplified accounts to make the justice accessible // Pakistan Social Sciences Review. – 2020. – Vol. 4. – Iss. 1. – P. 141–153.
18. Riera C. Plain English in legal language: a comparative study of two UK Acts of Parliament // Alicante Journal of English Studies. – 2015. – Vol. 28. – P. 147–163.
19. Al Rezan M., Karim Md. E. Legal language in the digital environment: a review of language simplification projects // Socialis Series in Social Science. – 2022. – Vol. 3. – P. 57–68.
20. Urchs S., Muralidharan A., Matthes F. How to simplify law automatically? a study on South Korean legislation and its simplified version // Proceedings of the 14th International Conference on Agents and Artificial Intelligence (ICAART 2022). – 2022. – Vol. 3. – P. 697–704.

Источники

21. Charter, contracts and by-laws of the Logansport and Chicago Railway Company. – Режим доступа: <https://archive.org/details/chartercontracts00loga> – (Дата обращения: 20.09.2025).
22. Contracts and Specifications: J.C. Penney Co. Store #570 by Public Works Department, City of Athens. – Режим доступа: https://archive.org/details/contractsspecifi00publ_40/page/n11/mode/2up – (Дата обращения: 20.09.2025).
23. Donald Peccia contract signed by Joe Hairston by The Baltimore County school system. – Режим доступа: <https://archive.org/details/399602-donald-peccia-contract/page/n1/mode/2up> – (Дата обращения: 20.09.2025).

References

1. Avakova M. L., Mosesova M. E. *Yazykovaya specifika angloyazychnogo sudebnogo diskursa (na materiale perekrestnykh doprosov)* [Language specificity of the English-language judicial discourse (on cross-examination)]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki metodiki*, 2022, no. 15, pp. 8–15.
2. Babenko O. V., Kurmaeva I. I., Rakhimbirdieva I. M. *Yazykovye tendencii v virtual'nom prostranstve na primere russkogo i anglijskogo yazykov* [Language trends in virtual space on the example of the Russian and English languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 11(89), part. 2, pp. 282–288.
3. Burmakina N. G. *Yasnyj yazyk kak ob'ekt social'noj lingvistiki: k voprosu o chita-bel'nosti tekstov institucional'nogo vzaimodejstviya* [Plain language as an object of social linguistics: on the question of readability of institutional interaction texts]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 659–672.
4. Garamyan A. V. *Leksiko-grammaticheskie osobennosti teksta trudovogo dogovora v anglijskom yazyke* [Lexical and grammatical features of the employment contract texts in English]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki metodiki*, 2020, no. 13, pp. 171–176.
5. Garamyan A. V., Rudenko N. S. *Osobennosti simplifikacii yuridicheskogo anglijskogo yazyka* [Features of legal English simplification]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki metodiki*, 2022, no. 15, pp. 55–62.
6. Kazancev M. F. *Dogovor – velikij komunikator* [Contract is a great communicator]. *Diskurs-Pi*, 2009, no. 1, pp. 146–149.
7. Litvishko O. M. *Sintaksicheskie zakonomernosti angloyazychnogo yuridicheskogo diskursa kak sredstvo realizacii normativno-regulyativnoj funkcii prava* [Syntactic patterns of English-language legal discourse as a means of actualization of normative-regulatory function of law]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki metodiki*, 2020, no. 13, pp. 124–132.
8. Misyura S. M. *Cancel culture kak neologizm v lingvistike i sociume* [Cancel culture as a neologism in linguistics and society]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki metodiki*, 2023, no. 16, pp. 171–177.
9. Nechaeva N. V., Khel'mle K. S., Kairova E. M. *Perevod na yasnyj i/ili prostoj yazyki kak intralingval'nyj vid perevoda i podgotovka perevodchikov* [Easy and plain language translation as an intralingual type of

- translation and training the intralingual translators]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazikoznanie*, 2021, vol. 20, iss. 3, pp. 99–108.
10. Czejtlin S. N. *K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka* [Towards a grammar of an intermediate language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN*, 2015, vol. XI, part 1, pp. 515–538.
  11. CHernyshev A. V. *YUridicheskij diskurs i ego osnovnye harakteristiki* [Legal discourse and its main characteristics]. *Slovo.ru: Baltijskij accent*, 2016, no. 2(7), pp. 22–28.
  12. Sharapov D. F., Novikova L. V. *Aktual'nost' uproshchyonnogo anglijskogo yazyka v yurisprudencii* [The relevance of simplified English in jurisprudence]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2025, no. 7 (157). Available from: <https://research-journal.org/archive/7-157-2025-july/10.60797/IRJ.2025.157.6> (accessed 20 September 2025).
  13. Adams K. A. *A manual of style for contract drafting*. Chicago, Aba Publishing, 2013. 475 p.
  14. Boginskaya O. *The simplification of jury instructions: legal-lay interactions in jury trials*. *ESP Today*, 2020, vol. 8, Iss. 2, pp. 297–318.
  15. Boleszczuk E. *Plain language solutions to the problems of legalese – A Case Study of Wills*. *Comparative Legilinguistics*, 2011, vol. 5, pp. 67–83.
  16. Litvishko O., Shiryayeva T., Golubovskaya E., Mekeko N. *Why English legal discourse is difficult to understand*. *International Journal of Arabic-English Studies*, 2025, vol. 25, Iss. 1, pp. 403–430.
  17. Rubab I., Khan M. Y., Asgher T. *Transformation of legal texts into simplified accounts to make the justice accessible*. *Pakistan Social Sciences Review*, 2020, vol. 4, Iss. 1, pp. 141–153.
  18. Riera C. *Plain English in legal language: a comparative study of two UK Acts of Parliament*. *Alicante Journal of English Studies*, 2015, vol. 28, pp. 147–163.
  19. Al Rezan M., Karim Md. E. *Legal language in the digital environment: a review of language simplification projects*. *Socialis Series in Social Science*, 2022, vol. 3, pp. 57–68.
  20. Urchs S., Muralidharan A., Matthes F. *How to simplify law automatically? a study on South Korean legislation and its simplified version*. *Proceedings of the 14th International Conference on Agents and Artificial Intelligence (ICAART 2022)*, 2022, vol. 3, pp. 697–704.

Sources

21. *Charter, contracts and by-laws of the Logansport and Chicago Railway Company*. Available from: <https://archive.org/details/chartercontracts00loga>, (accessed 20 September 2025).
22. *Contracts and Specifications: J.C. Penney Co. Store #570 by Public Works Department, City of Athens*. Available from: https://archive.org/details/contractsspecifi00publ_40/page/n11/mode/2up, (accessed 20 September 2025).
23. *Donald Peccia contract signed by Joe Hairston by The Baltimore County school system*. Available from: <https://archive.org/details/399602-donald-peccia-contract/page/n1/mode/2up>, (accessed 20 September 2025).

CHANGES IN THE STRUCTURE AND TEXTUAL ORGANIZATION OF CONTRACT AS A MANIFESTATION OF SIMPLIFICATION OF ENGLISH-LANGUAGE LEGAL DISCOURSE

Litvishko O. M.

The article is devoted to the study of changes in the structure and textual organization of contracts that have occurred over time. The author considers these changes as a marker of the evolution of the legal language. In the context of increasing social activity of the population, differentiation of branches of law and trends in the general democratization of the language, there is a need to increase the accessibility of legal norms to a wide audience. Legal contracts are traditionally characterized by a high degree of formalism, lexical and syntactic complexity, which significantly complicates their perception. The study highlights the problem of simplifying the structure and textual organization of contracts, linking it with the need to increase legal literacy of the population and reduce legal risks for citizens. The results of the study expand the theoretical base of legal linguistics, in particular, the theory of linguistic simplification and are of practical importance for lawyers, translators and anyone who deals with contracts in English.

Keywords: simplification, structural features, textual organization, contract, simplification, legal discourse, English, diachronic analysis.

МЕЖСИСТЕМНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ¹

Лукашова И. В.

*Донецкий государственный университет,
Донецк, Российская Федерация
E-mail: i.v.lukashova@mail.ru*

В статье установлен корпус терминологических единиц, которые относятся к межсистемным заимствованиям, определены области-доноры межсистемных заимствований, рассматриваются теоретические предпосылки возникновения межсистемного заимствования в терминологии. Показана и обоснована связь сферы бизнеса и менеджмента с различными гуманитарными и естественными научными сферами. Выявлено девять областей заимствования: финансы, маркетинг, право, логистика, психология, медицина, биология, военное дело, информатика. Материал исследования подтверждает, что при рассмотрении межсистемных заимствований, использование методов дефиниционного и контекстного анализа позволяет выявить разницу в использовании терминологических единиц, а также проследить наличие или отсутствие семантического сдвига при заимствовании термина другой терминосистемой. Полученные количественные данные показывают, что при рассмотрении терминологии в сопоставительном аспекте прослеживается тенденция значительного влияния английского языка на формирование русской терминологии бизнеса и менеджмента. Процесс транстерминологизации, который непосредственно связан с межсистемным заимствованием, не имеет большого распространения в терминологии бизнеса и менеджмента в обоих языках, о чем свидетельствуют количественные показатели в английском (5%) и русском (4%) языках.

Ключевые слова: термин, межсистемное заимствование, терминология, бизнес и менеджмент, межотраслевые омонимы, транстерминологизация.

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе по терминоведению встречаются различные трактовки понятия «заимствование». В широком смысле под заимствованием подразумевают термины, терминологические словосочетания или терминологические элементы, вошедшие в терминологию исследуемого языка из других языков. В данном случае речь идет об иностранных заимствованиях. В узком смысле, при рассмотрении процесса терминообразования, некоторые лингвисты понимают под заимствованием термины, вошедшие в исследуемую терминологию из других терминологических систем или областей знаний [10; 14], связывая данное понятие с транстерминологизацией.

Теоретической основой настоящего исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов: К. Я. Авербуха, Ю. Д. Апресяна, Б. Н. Головина, Р. Ю. Кобрин, С. В. Гринева-Гринева, В. П. Даниленко, Л. А. Капанадзе, В. М. Лейчика, Д. С. Лотте, А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой, Ю. В. Сложеникиной, И. С. Куликовой, Д. В. Салминой, L. Bloomfield, G. Rondeau, M. T. Cabré, J. C. Sager, P. L. Elkin, S. Ullmann, J. Lyons, M. L. Murphy, посвященные различным проблемам в области терминоведения [1; 2; 6; 8; 9; 10; 13; 14; 15; 22; 23; 26; 27; 28; 32; 33; 34; 35; 36]. Вопросу межотраслевого заимствования терминологических единиц посвящены труды ряда исследователей, среди которых следует отметить В. М. Лейчика [14], А. В. Суперанскую [23], Н. С. Прохорову [19], А. А. Григоряна [7], М. А. Мартемьяву [16].

¹ Статья опубликована в рамках выполнения инициативной НИР ДонГУ номер ГР 12411180021-7.

Межсистемные заимствования являются общим феноменом, свойственным любой терминологии, особенно на ранних этапах ее становления, что, в свою очередь, объясняется современными процессами интеграции и дифференциации в науке и экономике. Терминология бизнеса и менеджмента (далее – ТБМ) является неоднородной по своему составу и представляет собой широкую предметную область, в состав которой вошли термины из разных терминологических систем.

Процесс межотраслевого заимствования является одним из способов обогащения терминосистемы бизнеса и менеджмента, и подробное изучение данного процесса является актуальной задачей, позволяющей лучше изучить механизмы семантического терминообразования, а также систематизировать знания о данной терминологии в сопоставительном аспекте.

Объектом исследования выступают термины в сфере бизнеса и менеджмента.

Предмет исследования – субстантивные термины, вошедшие в ТБМ английского и русского языков из других терминологических областей знаний.

Целью настоящего исследования является анализ межсистемного заимствования терминологических единиц в ТБМ в сопоставительном аспекте. Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) установить корпус заимствованных межсистемных терминов в английском и русском языках; 2) определить области-источники межсистемных заимствований в сопоставляемых языках; 3) выявить причины межсистемных заимствований в терминологии в сопоставляемых языках.

Решение исследовательских задач предполагает комплексное применение ряда общепринятых методов лингвистического анализа, включая описательный метод, семантический анализ, этимологический анализ, дефиниционный анализ, количественный анализ, сопоставительный анализ и контекстологический анализ.

Материалом исследования послужили 2235 терминов ТБМ (1205 ед. в английском языке и 1030 ед. в русском языке), отобранных из специализированных словарей английского [21; 29; 30; 31] и русского языков [4; 20; 25], а также из двуязычных словарей [5; 24]. Примеры употребления терминов взяты из основного, газетного и параллельного корпусов *Национального корпуса русского языка* [18], а также из *Oxford English Dictionary* [34].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуя проблему многозначности в терминологии, В. М. Лейчик приходит к выводу, что «многозначность образуется в результате межсистемного заимствования терминов», которое обычно широко используется с метафорическим их переосмыслением [14, с. 45]. Ученый приводит в пример термин *память*, который применяется в психологии и информатики. Так, в психологии термин *память* сохраняет признак ‘запоминание, закрепление’ и переходит в терминосистему информатики: *память* (ЭВМ). Следует отметить, что при этом сохраняется исходный семантический признак ‘запоминание, накопление информации’ [14].

Под межсистемным заимствованием термина следует понимать включение термина из одной терминологической системы в другую [7, с. 37].

М. А. Мартемьянова рассматривает межсистемные заимствования на примере терминов нанотехнологий. Она приходит к выводу, что причиной появления таких заимствований является междисциплинарный характер данной научной области [16].

В своей работе Г. Рондо разделяет заимствование на внутреннее и внешнее [35]. Под внутренним заимствованием, или внутриязычным заимствованием понимается

заимствование из «своего» языка и из других лексических пластов. К источникам внутриязыкового заимствования Г. Рондо относит лексические единицы из старых фондов языка (архаизмы), общепотребительного языка и других областей знаний.

В лингвистической литературе параллельно с понятиями «межсистемное заимствование», «межотраслевое заимствование» встречается также понятие «транстерминологизация».

А. В. Суперанская процесс перехода общепотребительного слова в термин, обозначающий научное понятие, называет терминологизацией (или семантической конверсией) [23]. Она также отмечает, что наряду с семантической конверсией существует еще и конверсия терминологическая, или транстерминологизация.

В своем исследовании М. Н. Моргунова рассматривает данный процесс на примере терминологии бизнеса и опирается на понятие, данное А. В. Суперанской [17], которая под транстерминологизацией понимает «перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением и превращением в межотраслевой омоним» [23, с. 194].

На наш взгляд, во избежание двусмысленности в понимании понятия «межсистемное / межотраслевое заимствование», следует обозначить разницу между понятиями «межотраслевое заимствование» и «межотраслевой омоним».

В нашем исследовании под «межсистемным / межотраслевым заимствованием» понимается переход термина из одной терминологической системы в другую, с полным или частичным сохранением общего семантического признака (см. пример, приведенный выше).

Под межотраслевыми омонимами понимаются также заимствованные термины из других областей знания или терминосистем, но имеющие разную семантику. Например, в геологии *конгломерат* обозначает ‘осадочную горную породу’, а в терминологии бизнеса и менеджмента *конгломерат* – ‘объединение компаний’. Таким образом, межотраслевые омонимы входят в понятие межотраслевого заимствования как его часть.

Согласно проведенному исследованию, в ТБМ английского и русского языков выявлено 9 основных областей-доноров: *финансы, маркетинг, логистика, право, психология, медицина, биология, информатика, военное дело*. Рассмотрим межсистемные заимствования из этих областей.

Финансы (в англ. – 27 ед. (39%); в русск. – 15 ед. (35%)). Термин англ. *annuity* ‘ежегодная рента, аннуитет’ является многозначным. Так, в сфере финансов *annuity* ‘аннуитет’ означает «периодические выплаты равного объема, которые производятся через определенные интервалы времени» [21, с. 30], в ТБМ англ. *annuity* ‘пенсионные выплаты, пенсионная рента’ – пенсия, выплачиваемая работникам, вышедшим на пенсию [21, с. 30]. Ср.:

(1) англ. *Investors may soon hear a lot about an **annuity** that promises risk-free growth* [34]. ‘Инвесторы могут скоро услышать много об **аннуитете**, который обещает безрисковый рост’.

(2) англ. *A **retirement annuity** provides a guaranteed, regular income for a retiree until their death and sometimes after as a benefit to a spouse* [34]. ‘**Пенсионная рента** обеспечивает гарантированный регулярный доход пенсионеру до самой его смерти, а иногда и после неё, в качестве пособия для супруга’.

В русском языке терминологическая единица (далее – ТЕ) *депонент* имеет несколько значений, которые варьируются от сферы использования. Так, например, в сфере

МЕЖСИСТЕМНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА...

финансов русск. *депонент* – юридическое или физическое лицо, имеющее депозит в банке; в ТБМ русск. *депонент* – юридические или физические лица, средства которых находятся на хранении у предприятия или организации; также – работники предприятия, не получившие свою заработную плату [25, с. 37]. Ср.:

(3) русск. *Депонент может поручить попечителю счета отдавать распоряжения на выполнение депозитарных операций* [18].

(4) русск. *На протяжении сезона часть заработка хоккеистов переводится на депонент, который «размораживается» в начале осени, после оглашения финансовых итогов завершившегося розыгрыша* [18].

В основе такой транстерминологизации в приведённых примерах лежит специализация значения.

Маркетинг (в англ. – 12 ед. (17%); в русск. – 9 ед. (21%)). ТЕ англ. *feedback* ‘обратная связь’ в сфере маркетинга означает «маркетинговые данные, собранные на местах в результате проведения опросов, обследований и интервью», в ТБМ – «средство оценки того, насколько организация способна обучаться на основе помещенной в систему информации о ее собственной деятельности» [20, с. 161]. Ср.:

(5) англ. *The company uses customer feedback to improve its products* [34] ‘Компания использует **обратную связь** от клиентов для улучшения своей продукции’.

(6) англ. *All managers need to be able to give tough feedback at times* [34] ‘Все менеджеры должны быть способны время от времени давать жесткую **обратную связь**’.

В ТБМ в русском языке также встречаются термины из сферы маркетинга, например, русск. *позиционирование (товара, фирма), реклама*. Данные термины вошли в терминологию бизнеса и менеджмента, сохранив свое первоначальное значение. Ср.:

(7) русск. *В целом потребительские свойства продукции не всегда очевидны, органика подчас выглядит маркетинговым **позиционированием*** [18].

(8) русск. *Stifel сохраняет оптимистичный взгляд на компанию благодаря **позиционированию** бренда, увеличению маржи и растущему цифровому бизнесу* [18].

Информатика (в англ. – 6 ед. (9%); в русск. – 2 ед. (5%)). ТБМ позаимствовала термины информатики и информационных технологий, связанные с анализом данных, обработкой информации и принятием решений. Например, англ. *decision support system* ‘система поддержки принятия решений’ является термином информатики, который тесно связан со сферой управления, где принятие решений основывается на анализе информации. Например,

(9) англ. *The senior analyst will assist in the database management of the **decision support system** as it relates to data integration and system maintenance* ‘Старший аналитик будет помогать в управлении базой данных принятия поддержки системы в части интеграции данных и обслуживания системы’.

Так, в информатике русск. *база данных* – совокупность сведений, хранимых в запоминающих устройствах вычислительных машин, в ТБМ термин русск. *база данных* приобретает специализированное значение – набор данных, имеющий существенное значение для системы или для предприятия [25, с.12]. Например,

(10) русск. *У каждой компании-заказчика есть своя **база данных** по поставщикам* [18].

Логистика (в англ. – 7 ед. (10%); в русск. – 4 ед. (9%)). Термин англ. *deadheading* изначально использовался в авиационной отрасли для обозначения движения пустых самолетов и был заимствован сферой логистики в значении «перемещение пустых автомобилей или железнодорожных вагонов до места назначения». В ТБМ

англ. *deadheading* означает «перевозку работников, которые должны выполнить некоторую работу вдали от места их проживания». Например,

(11) англ. *William Conn, 30, of Miami, often took advantage of an airline practice called deadheading, in which employees hitch rides to work assigned flights in other cities.* ‘30-летний Уильям Конн из Майами часто пользовался практикой авиакомпаний, называемой «порожний рейс», когда сотрудники добираются на работу автостопом в другие города’ [34].

ТЕ русск. *груз, грузополучатель, грузооборот* широко используются в сфере логистики и транспорта, но также встречаются и в ТБМ, изначально сохранив значения, что свидетельствует о смежности данных терминосистем. Например,

(12) русск. *Кроме того, покупатели смогут быть уверены, что их груз будет доставлен и точно не возникнет никаких проблем с оформлением на таможне: будет ровно то, что задекларировано, объяснил эксперт* [18].

Право (в англ. – 4 ед. (6%); в русск. – 3 ед. (7%)). Сфера бизнеса и менеджмента непосредственно связана с правовым урегулированием отношений, возникающих между субъектами и объектами управления. Примерами межсистемных заимствований юридических терминов в ТБМ в английском и русском языках являются: англ. *release, sanction, succession* и русск. *контракт, арбитраж, приказ*.

Термин англ. *succession* ‘преемственность, наследование’ в сфере коммерческого права означает «переход прав и обязанностей покойного к лицам, являющимся законными наследниками», в ТБМ англ. *succession* – вступление в должность ушедшего работника в офисе. Например,

(13) англ. *She is now seventh in line of succession to the throne.* ‘В порядке наследования трона она является сейчас седьмой’ [34].

(14) *The succession of leaders in the company ensured a smooth transition during the merger.* ‘Преемственность руководства в компании обеспечила плавный переход во время слияния’ [34].

В области права русск. *арбитраж* – форма урегулирования споров, когда стороны передают конфликт независимому арбитру, в ТБМ русск. *арбитраж* используется в значении «стратегии извлечения прибыли из разницы цен на один и тот же актив или товар на различных рынках». Ср.:

(15) русск. *Управляющая компания попыталась обжаловать решение в суде, но ни арбитраж, ни апелляционная инстанция её не поддержали* [18].

(16) русск. *Из-за развития экосистем, включающих участников разных отраслей, появляются риски регуляторного арбитража, то есть извлечения прибыли на основе разницы в нормативном регулировании, подчёркивается в обзоре.* [18].

Военное дело (в англ. – 5 ед. (7%); в русск. – 3 ед. (7%)). Согласно *Oxford English Dictionary*, лексическая единица (далее – ЛЕ) англ. *brass* ‘латунь; желтая медь’ является многозначным словом [34] и имеет пять лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ). В военной терминологии значение ТЕ *brass* ‘высокопоставленные офицеры вооруженных сил’ образовано на основе метонимического переноса по модели «материал → группа людей»: ЛСВ-1. *brass* ‘латунь; желтая медь’ → ЛСВ-5. *brass* ‘высокопоставленные офицеры вооруженных сил’.

В ТБМ ТЕ англ. *brass* заимствуется из военной сферы для описания ключевых руководителей бизнеса, ср.: в военной терминологии – англ. *brass* ‘высший военный чин

вооруженных сил', в ТБМ – англ. *brass* 'ключевые руководители в бизнесе' [20, с. 64]. Ср.:

(17) англ. *The Ministers and military top brass have announced that they will meet next week* 'Министры и высшее военное командование объявили, что встретятся на следующей неделе' [34].

(18) англ. *The 'high brass' of American business was also well represented at the meeting.* 'На встрече также было широко представлено «высшее руководство» американского бизнеса' [34].

В военной терминологии англ. *raid* 'внезапное нападение, атака'. Например,

(19) англ. *Soldiers carried out raids on enemy targets in the area* 'Солдаты совершали внезапную атаку на объекты противника в этом районе' [34].

В ТБМ термин *raid* 'налет, рейд' используется в двух значениях: ЛСВ-1. Попытка профессиональных трейдеров и других участников рынка понизить курс на акции; ЛСВ-2. Попытка профсоюза включить в свой состав членов иного профсоюза (местного, регионального или национального) [25, р. 321]. Например,

(20) англ. *A bear raid is a strategy where a group of traders or a single trader attempts to push down the price of a security, most commonly a stock, by aggressively selling large quantities of it* «Налет медведей» – это стратегия, при которой группа трейдеров или один трейдер пытается снизить цену ценной бумаги, чаще всего акции, агрессивно продавая ее в больших количествах' [18].

В военной терминологии русск. *стратегия* – искусство ведения войны, планирование и организация действий, в ТБМ *стратегия* – планирование и организация деятельности организации [25, с. 168]. Ср.:

(21) русск. *США, создавая в Сирии новые формирования боевиков, используют свою стратегию в период войны в Афганистане, заявил первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Франц Клинецевич* [18].

(22) русск. *Теперь они с партнером стремятся сосредоточиться на стратегиях и увеличивать капитализацию* [18].

Медицина (в англ. – 2 ед. (3%); в русск. – 1 ед. (2%)). К терминам, которые пришли в ТБМ из медицинской терминологии относятся: англ. *injection* и русск. *инъекция*. Данные термины вошли в состав терминов ТБМ с метафорическим их переосмыслением. В медицине термины англ. *injection* и русск. *инъекция* означают «введение (впрыскивание) лекарственных жидкостей в организм человека». Ср.:

(23) англ. *You are technically delivering an adjuvant at the injection site to excite the local immune system* 'Технически вы доставляете адъювант по месту инъекции, чтобы возбудить местную иммунную систему' [18].

(24) русск. *В то же время внутримышечная инъекция создаёт защиту в кровяном русле, пояснил биолог* [18].

В ТБМ данный термин используется в следующих значениях:

- англ. *injection* 'вливание (добавление) денег в бизнес'. Например,

(25) англ. *The company needs a huge injection of cash, and better trained staff* [34] 'Компания нуждается в огромных вливаниях денежных средств и более обученном персонале.

- русск. *инъекция* 'направление денежных средств на обеспечение какой-либо сферы, например, деятельности предприятия; вливание'. Например,

(26) русск. *Нам сейчас как воздух требуется мощная финансовая инъекция, новая проектно-сметная документация, оборудование* [3];

(27) русск. *Рынок впечатлили антикризисные финансовые инъекции от европейских регуляторов* [18].

Биология (в англ. – 3 ед. (4%); в русск. – 2 ед. (5%)). ЛЕ англ. *adaptive* ‘адаптивный’ в ТБМ встречается в составе термина *adaptive management* ‘быстро адаптирующийся менеджмент’.

В биологии ТЕ *adaptiveness* означает «адаптивность, приспособляемость (человека)»; в ТБМ ТЕ *adaptiveness* означает «способность к адаптации (организации)». В управлении *adaptiveness* является критерием эффективности, который определяет способность организации реагировать на изменения, вызванные внутренними или внешними силами» [20, р. 8]. Например,

(28) англ. *Decline occurs when the organization fails to maintain the **adaptiveness** of its response to a stable environment.* ‘Упадок происходит тогда, когда организация уже не может поддерживать **адаптируемость** к стабильной среде’ [18].

В биологии ЛЕ русск. *адаптация*, означающая «приспособление организмов к изменившимся условиям существования» [3, с. 110], заимствуется ТБМ и встречается в ТЕ *адаптация сотрудников*. Согласно словарю Г. В. Кислякова, «*адаптация сотрудников* – процесс включения новых сотрудников в организацию, предполагающий знакомство с правилами и нормами, закреплёнными в корпоративной культуре, способами профессиональной деятельности, включением в систему неформальных связей» [12, с. 5]. Например,

(29) русск. «*Норникель*» реализует большую программу по **адаптации сотрудников** закрываемых предприятий [18].

Психология (в англ. – 4 ед. (6%); в русск. – 4 ед. (9%)). Среди терминов психологии, заимствованных ТБМ в английском и русском языках: англ. *motivation* ‘мотивация’, *depression* ‘депрессия’ и русск. *мотивация*, *мотив*, *стресс*.

ТЕ психологии *depression* ‘депрессия’, означающее «психическое расстройство, характеризующееся угнетённым состоянием», заимствована с метафорическим переосмыслением ТБМ и означает «экономическую ситуацию, когда коммерческая деятельность переживает продолжительный спад». Ср.:

(30) англ. *Work is a source of structure, esteem, and motivation, and its disappearance can lead to **depression**, anxiety, addiction, and interpersonal turmoil.* ‘Это источник внутренней организации, уважения и мотивации, исчезновение которого может привести к **депрессии**, тревожным состояниям, зависимостям и межличностным неурядицам’ (Nick Romeo. What Happens When Jobs Are Guaranteed?) [18].

(31) англ. *The business grew, and Walton, who had grown up during the **Depression**, became one of the richest men in America.* ‘Бизнес рос, и Уолтон, выросший во время **депрессии**, стал одним из богатейших людей Америки’ [18].

ТЕ *мотивация* является многозначным термином и межсистемным заимствованием, многозначность которого «устраняется в ходе упорядочения терминологии путем добавления конкретизирующего определяющего элемента» [14, с. 45]. Так, например, в психологии *мотивация* означает «совокупность побудительных причин, обуславливающих тот или иной поступок» [3, с.435], в ТБМ встречается в составе ТЕ *мотивация труда / мотивация персонала* и означает «побуждение работника к трудовой деятельности путем воздействия на присущие ему мотивы труда». Например,

(32) русск. *Третьей функцией ротации, как одного из главных процессов кадрового менеджмента, является **мотивация персонала*** [18].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в состав ТБМ вошли термины из таких смежных дисциплин как финансы, маркетинг, логистика и право, и отдаленных областей: военное дело, информатика, биология, медицина, психология, что отражает интеграцию и дифференциацию научных и прикладных областей. Управленческая деятельность затрагивает все сферы деятельности коммерческого предприятия и находит свое отражение в терминологическом аппарате. В английской ТБМ межсистемные заимствования составили 5% от общей выборки, в русской ТБМ – 4%. Наличие общих областей для межсистемного заимствования терминов в ТБМ английском и русском языках объясняется тем, что значительная часть терминов русской ТБМ была заимствована из английской ТБМ. Количественный анализ показал, что в обоих языках ТБМ большая часть межсистемных заимствований пришла из смежных дисциплин, таких как финансы (англ. – 27 ед. (39%), в русск. – 15 ед. (35%)), маркетинг (в англ. – 12 ед. (17%); в русск. – 9 ед. (21%)) и логистика (в англ. – 7 ед. (10%); в русск. – 4 ед. (9%)), что подтверждает неоднородность и междисциплинарный характер терминологии бизнеса и менеджмента.

Список литературы

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 252 с.
2. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды: Т. 1. Лексическая семантика: в 2 т. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры»; Восточная литература, 1995. – 472 с.
3. Большой академический словарь русского языка. В 27 т. – М.: Наука, 2004.
4. *Борисов А. Б.* Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 1999. – 895 с.
5. *Булычева В. П.* Толковый англо-русский словарь экономических профессионализмов с образным компонентом. – Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. – 47 с.
6. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические учения о терминах. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
7. *Григорян А. А.* Способы образования терминов группы «Документоведение» // Русистика. – 2009. – № 4. – С. 33–38.
8. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение. – М., 2008. – 304 с.
9. *Даниленко В. П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
10. *Капанадзе Л. А.* О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. – М., 1965. – С. 75–85.
11. *Каравайская О. С.* Межсистемные заимствования в англоязычной терминосистеме транспортной логистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №4-2 (70). – С.112–114.
12. *Кисляков Г. В., Кислякова Н. А.* Менеджмент: основные термины и понятия: словарь. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 176 с.
13. *Куликова И. С., Салмина Д. В.* Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте. – 4-е изд., стер. – СПб.: Лань, 2022. – 380 с.
14. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
15. *Лотте Д. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
16. *Мартемьянова М. А.* Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ижевск, 2011. – 22 с.
17. *Моргунова М. Н.* Лексика сферы бизнеса в современном английском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Ростов-на-Дону, 2003. – 20 с.
18. *Национальный корпус русского языка.* – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – (Дата обращения: 20.11.2025).
19. *Прохорова Н. С.* Русская терминология (Лексико-семантическое образование). – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 125 с.

20. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 480 с.
21. Розенберг Д. М. Бизнес. Менеджмент: Терминологический словарь. – М.: Изд. дом "ИНФРА-М", 1997. – 463 с.
22. Сложеникина Ю. В. Лингвистические аспекты теории термина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 120 с.
23. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 248 с.
24. Тимошина А. А. Русско-английский словарь по экономике (с краткими пояснениями и перекрестными ссылками). – М.: Изд.-во МГУ, 2009. – 512 с.
25. Толковый словарь по управлению / под ред. В.В. Познякова. – М.: АЛАНС, 1994. – 252 с.
26. Bloomfield L. Language. – London, 1973. – 566 p.
27. Cabré M. T., Sager J. C. Terminology: theory, methods and applications: Terminology and lexicography research and practice. Terminology. – Amsterdam: Benjamins, 1999. – No. 1. – 247 p.
28. Collin P. H. A Dictionary of business. – London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. – 481 p.
29. Collin P. H. A Dictionary of economy. – London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. – 225 p.
30. Dictionary of Business and Management. – 4th. ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. – 568 p.
31. Elkin P. L. Terminology and Terminological Systems. London: Springer London, 2012. – 222 p.
32. Lyons J. Linguistic Semantics: An Introduction. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 376 p.
33. Murphy M. L. Lexical meaning. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 276 p.
34. Oxford English Dictionary. – Режим доступа: <https://www.oed.com>. – (Дата обращения 20.11.2025).
35. Rondeau G. Problèmes et methods de la néologie terminologique (néonymie) // Infoterm Series 6. – 1981. – P. 161–176.
36. Ullmann S. The principles of semantics. – Oxford: Blackwell, 1967. – 352 p.

References

1. Averbukh K. Ya. *Obshchaya teoriya termina* [General theory of the term]. Moscow, MGOU Publ., 2006. 252 p.
2. Apresyan Yu. D. *Izbrannye Trudy Vol. 1: Leksicheskaya semantika*. [Selectas. Vol. 1. Lexical semantics]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; Vostochnaya literatura Publ., 1995. 472 p.
3. *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka. V 27 t.* [Big Academic Dictionary of Russian. In 27 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 2004.
4. Borisov A. B. *Bol'shoi ekonomicheskii slovar'* [Big Economic Dictionary]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 1999. 895 p.
5. Bulychева V. P. *Tolkovyi anglo-russkii slovar' ekonomicheskikh professionalizmov s obraznym komponentom* [The Explanatory English-Russian Dictionary of economic professionalisms with figurative component]. Astrakhan', Astrakhanskii universitet Publ. 2011. 47 p.
6. Golovin B. N., Kobrin R. Yu. *Lingvisticheskie ucheniya o terminakh* [Linguistic studies about terms]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 104 p.
7. Grigoryan A. A. *Sposoby obrazovaniya terminov grupy «Dokumentovedenie»* [Ways of formation terms referred to the group «Document studies»]. *Rusistika*, 2009, no. 4, pp.33–38.
8. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology studies]. Moscow, 2008. 304 p.
9. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology: the experience of linguistic description]. Moscow, Nauka Publ, 1977. 246 p.
10. Kapanadze L. A. *O ponyatiyakh «termin» i «terminologiya»* [On the concepts of 'term' and 'terminology']. *Razvitiye leksiki sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, 1965, pp. 75–85.
11. Karavaiskaya O. S. *Mezhsistemnye zaimstvovaniya v angloyazychnoi terminosisteme transportnoi logistiki* [Intersystem borrowings in the English terminological system of transport logistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 4-2 (70), pp. 112–114.
12. Kislyakov G. V., Kislyakova N. A. *Menedzhment: osnovnye terminy i ponyatiya: slovar'* [Management: dictionary of basic terms and concepts]. 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. 176 p.
13. Kulikova I. S., Salmina D. V. *Lingvisticheskaya terminologiya v professional'nom aspekte* [Linguistic terminology in the professional aspect.]. 4th ed. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2022. 380 p.
14. Leichik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. 4th ed. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2009. 256 p.
15. Lotte D. S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and ordering of foreign-language terms and term-elements]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 149 p.

МЕЖСИСТЕМНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА...

16. Martem'yanova M. A. *Osobennosti formirovaniya sovremennykh nauchnykh tekhnicheskikh terminologicheskikh sistem (na primere terminov nanotekhnologii): Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk.* [Formation features of modern scientific and technical terminological systems (case study of nanotechnology terms). Abstract of Thesis]. Izhevsk, 2011. 22 p.
17. Morgunova M. N. *Leksika sfery biznesa v sovremennom angliiskom yazyke: Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [Modern Business English Vocabulary. Abstract of Thesis]. Rostov-on-Don, 2003. 20 p.
18. *Natsionalny korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available from: <https://ruscorpora.ru>. (accessed 20 November 2025).
19. Prokhorova N. S. *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [Russian Terminology (lexical and semantic formation)]. Moscow: Filologicheskij fakultet MGU Publ., 1996. 125 p.
20. Raizberg B. A. *Sovremenniy ekonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2011. 480 p.
21. Rozenberg D. M. *Biznes. Menedzhment: Terminologicheskii slovar'* [Business and Management. Dictionary of terms]. Moscow, INFRA-M Publ., 1997. 463 p.
22. Slozhenikina Yu. V. *Lingvisticheskie aspekty teorii termina* [Linguistic aspects of the term theory]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2016. 120 p.
23. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii* [General terminology: issues of theory]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 248 p.
24. *Tolkovy slovar' po upravleniyu* [Dictionary of management]. Moscow, ALANS Publ., 1994. 252 p.
25. Timoshina A. A. *Russko-angliiskii slovar' po ekonomike (s kratkimi poyasneniyami i perekrestnymi ssylkami)* [Russian-English Dictionary of Economy (with brief explanations and cross-references)]. Moscow, MGU Publ., 2009. 512 p.
26. Bloomfield L. *Language*. London, 1973. 566 p.
27. Cabré M. T., Sager J. C. *Terminology: theory, methods and applications: Terminology and lexicography research and practice. Terminology*. Amsterdam, Benjamins, 1999, no. 1. 247 p.
28. Collin P. H. *A Dictionary of business*. London, A & C Black Publishers Ltd, 2006. 481 p.
29. Collin P. H. *A Dictionary of economy*. London, A & C Black Publishers Ltd, 2006. 225 p.
30. *Dictionary of Business and Management*. 4th ed. Oxford, Oxford University Press, 2006. 568 p.
31. Elkin P. L. *Terminology and Terminological Systems*. London. Springer London, 2012. 222 p.
32. Lyons J. *Linguistic Semantics: An Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 376 p.
33. Murphy M. L. *Lexical meaning*. New York, Cambridge University Press, 2010. 276 p.
34. *Oxford English Dictionary*. Available from: <https://www.oed.com> (accessed 20 November 2025).
35. Rondeau G. *Problèmes et methods de la néologie terminologique (néonymie)*. *Infoterm Series* 6. 1981, pp. 161–176.
36. Ullmann S. *The principles of semantics*. Oxford, Blackwell, 1967. 352 p.

**INTERSYSTEM BORROWINGS IN ENGLISH AND RUSSIAN
BUSINESS AND MANAGEMENT TERMINOLOGY**

Lukashova I. V.

This article is concerned with the issue of intersystem borrowing in English and Russian business and management terminology. As a result of the analysis, the corpus of terminological units that belong to intersystem borrowings has been established, donor areas for such borrowings have been identified, and theoretical prerequisites for their emergence in terminology have been considered. Nine areas of borrowing were identified as a result of research: finance, marketing, law, logistics, psychology, medicine, biology, military affairs, informatics. Additionally, peculiarities of term usage depending on specific domains are reflected in this paper. The material of the research confirms that when considering intersystem borrowings, the use of methods of definitional and contextual analysis makes it possible to identify differences in the use of terminological units, as well as to trace the presence or absence of a semantic shift when a term is borrowed by another terminological system. Quantitative data confirm that, while comparing terminology across languages, there is a significant influence of the English language on shaping Russian business and management terminology. The trans-term formation process, which is directly related to intersystem borrowing, does not gain much prominence within the business and management terminology in both languages, according to quantitative data showing only 5% in English and 4% in Russian.

Keywords: term, intersystem borrowings, terminology, business and management, intersectorial homonyms, trans-term formation.

УДК 659.4

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019811>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕКЛАМНАЯ КАМПАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Лобовикова Е. А.

*Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Луганск, Российская Федерация
E-mail: lobovikova@yandex.ru*

В статье рассматривается роль государственной рекламы в процессе формирования правовой культуры жителей новых регионов России (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области). Показано, что реклама выступает в качестве одного из важных факторов, определяющих мировоззренческую позицию индивида, стимулируя развитие его правового сознания. Посредством государственной рекламы осуществляется пропаганда правовой активности личности, являющейся существенным компонентом правовой культуры. Отмечено значение популяризации посредством государственной рекламы таких ценностей, как доверие и уважение к институтам государственной власти, защита прав и законных интересов граждан, а также правовое самообразование. Автор исследует рекламный дискурс на примере наружной рекламы, реализуемой в новых российских регионах в условиях интеграции в правовое пространство России.

Ключевые слова: реклама, рекламная кампания, государственная реклама, социальная реклама, рекламная кампания, коммуникация, правовая культура, правовое сознание.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования становления правовой культуры в новых российских регионах обусловлена процессом их интеграции в состав Российской Федерации. На основании договоренностей, оформленных 30 сентября 2022 г. между Россией и ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областями, предусмотрен переходный период до 1 января 2026 г.; в рамках данного периода новые субъекты должны интегрироваться в правовую систему России. Решение о введении переходного периода было связано с неадаптированностью территорий к новой правовой действительности. Укажем, что российское административное право и судопроизводство отличаются от ранее существовавших в исторических регионах. За период с 2022 г. в Донбассе и Новороссии отмечается положительная динамика в интеграционных мероприятиях в правовом поле, несмотря на проведение специальной военной операции и военное положение.

Социально-правовая сфера в России представляет собой полный комплекс мер по просвещению населения в области знания законов. Низкий уровень правовой информированности жителей новых регионов о своих правах и обязанностях создает проблемы для функционирования правового поля. Исследователи отмечают, что население новых субъектов в недостаточной степени адаптировано к правовой системе защиты своих интересов [9]. С одной стороны, это связано с политической нестабильностью на территории Донбасса и Новороссии, где до 2022 г. действовали нормы как российского, так и украинского права. До сих пор отмечаются некоторые сложности в правовом просвещении и формировании правовой культуры жителей Запорожской и Херсонской областей, находящихся в зоне проведения боевых действий. Государство использует разные инструменты для правового просвещения населения в новых регионах Российской Федерации. Государственная реклама играет важную роль в правовом просвещении и формировании правовой культуры в новых субъектах. Поскольку государственная реклама передает социальную информацию и влияет на

общественное мнение, исследователи изучают ее как мощный инструмент для формирования потребностей, создания установок, популяризации ценностей и изменения социальных норм. Социальная реклама как феномен культуры транслирует ценности и убеждения, формируя социальную идентичность граждан и способствуя решению важных государственных задач, включая воспитание патриотизма, гражданственности и укрепление национальной безопасности [3].

В условиях проведения специальной военной операции становление правовой культуры граждан новых регионов зависит не только от знаний законов, качества правового образования и воспитания, но и от эффективности работы правоприменительных и правоохранительных органов. Однако решение важных для государства задач, участие в реализации национальных приоритетов, таких как воспитание гражданственности, укрепление единства нации, сохранение культурного наследия и обеспечение безопасности страны, сплочение народа России перед лицом врага и т. п., представляется возможным решить в рамках реализации государственной рекламной кампании.

Принимая во внимание вышеизложенное, исследование государственной рекламной кампании как механизма воздействия на общественность в контексте формирования правовой культуры населения представляется остро актуальным.

Целью предлагаемого исследования является анализ государственной рекламы как сферы коммуникационной деятельности и инструмента формирования правовой культуры населения новых регионов России. Материалом для исследования послужила наружная социальная реклама, реализованная на территории Луганской Народной Республики в период с 2022 по 2025 г.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные исследователи, изучая особенности противодействия гибридным угрозам в новых регионах Российской Федерации, значительное внимание уделяют защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей гражданско-правовыми средствами (см. исследования Е. В. Михайловой) [8, с. 136–141]. Некоторые аспекты формирования правового сознания жителей ЛНР рассматривалось в ходе работы I Международной научной конференции «Медийные реалии современного общества: полиэтнический аспект» (Симферополь, 14–17 октября 2025 г.). Л. Г. Егорова исследовала трансформационный потенциал качественной периодики Крыма в контексте смены информационной парадигмы (2014–2021) как инструмент становления идентичности жителей [5]. Несмотря на значительный потенциал новых рекламных инструментов, в частности интернет-рекламы, методов сторителлинга и др. (см. работы В. В. Смеюхи, И. П. Букина и др.), в российской науке пока не в полной мере раскрыты исследовательские возможности государственной рекламы [1]. Нет работ, посвященных влиянию рекламы на становление правовой культуры; не изучен вопрос ее воздействия на правовую культуру новых регионов.

В условиях трансформации медиапространства Донбасса и Новороссии в новые социально-политические условия социальная реклама охватывает правовое просвещение жителей новых российских регионов (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей). В трудах Е. С. Титовой [10] отмечается, что решение проблем формирования правовой культуры является насущной необходимостью для любого государства. Исследователь С. В. Толмачева указывает, что «в рамках решения проблемы формирования правовой культуры россиян государственные структуры принимают меры по правовому воспитанию и образованию граждан, что, в частности, выражается в региональных

целевых программах. Однако в них мало внимания уделяется рекламе как одному из факторов формирования правовой культуры личности» [11, с. 240–243].

Правовая культура личности представляет собой комплексную и многоуровневую систему, элементами которой являются: нормативная составляющая (совокупность правовых норм), система правовых отношений, правовое сознание индивида, институциональная составляющая (правовые учреждения, обеспечивающие законность и правопорядок, а также защиту прав и свобод граждан), правовая активность и деятельность граждан [7, с. 122–123]. Базовыми основаниями в процессе формирования правовой культуры населения являются нормативно-правовое регулирование, правовое образование и воспитание правосознания граждан.

В контексте социокультурного воспроизводства социальная реклама выступает в качестве значимого фактора, детерминирующего формирование правовой культуры индивида в условиях современного общества. Путем имплементации в сознание граждан таких ценностных ориентиров, как уважение и доверие к государственным институтам, самообразование в сфере российского правоведения, защита собственных интересов, обеспечение кибербезопасности, повышение финансовой грамотности, противодействие мошенническим практикам и конструктивное разрешение конфликтов, государственная реклама способствует развитию правовой активности личности, являющейся имманентным элементом ее правовой культуры.

Мы рассматриваем государственную рекламу как вид социальной рекламы, целью которой является поддержка интересов государства. Несмотря на то, что Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ не упоминает термин «государственная реклама», его определение «социальной рекламы» включает элементы, используемые в государственной рекламе. Согласно ст. 3 данного Закона, социальная реклама представляет собой «информацию, распространяемую различными способами и в различных формах, предназначенную для неопределенной аудитории и направленную на достижение благотворительных и общественно полезных целей, включая защиту интересов государства» [12].

Е. Н. Ежова отмечает, что понятие «государственная реклама» в научных работах пока недостаточно проанализировано, однако активно используется в рекламной практике [5]. К объектам государственной рекламы исследователь относит стратегические идеи государственной политики, национальные проекты и имиджевые задачи, касающиеся государства и его символов. Заказчиками государственной рекламы, как правило, выступают государственные учреждения, министерства, муниципалитеты.

С помощью государственных рекламных кампаний достигаются цели по формированию идентичности, информированию о стратегических направлениях государственной политики и национальных инициативах, а также продвижению приоритетов и имиджа конкретных государственных организаций.

Государственная реклама может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные цели и использовать любые каналы для распространения информации. Отметим, что Федеральный Закон «О рекламе» определяет социальную рекламу в пределах 5 % от общего объема рекламы. При этом целевая аудитория социальной рекламы может быть как широкой, так и узкой в зависимости от конкретных тем.

Исследователи О. А. Двоенко, Л. М. Дмитриева, Ю. С. Бернадская, Т. А. Костылева [2; 3] отмечают, что государственная реклама является одной из категорий социальной рекламы; при этом выделяют 4 вида социальной рекламы (некоммерческая, общественная, государственная и собственно социальная).

Изучая воздействие государственной рекламы на формирование правовой культуры и правового сознания личности, предлагаем рассматривать следующие ключевые направления в соответствии с основными целями:

1. Повышение уровня правовой грамотности.

В рамках данного направления решается задача ознакомления населения с основами российского законодательства и разъяснение конституционных прав и обязанностей граждан, обучение базовым юридическим понятиям.

2. Формирование уважения к российскому закону и правопорядку.

Государственная реклама нацелена на воспитание правосознания, основанного на принципах законности, профилактику правового нигилизма и популяризации идеи верховенства права, а также разъяснение последствий противоправных действий (включая административную и уголовную ответственность).

3. Обеспечение доступа к правовой информации.

Размещение государственной рекламы доступных источниках информации (сайтах, мобильных приложениях и т. п.) направлено на информирование населения новых регионов о правовых нормах. Государственная реклама, адаптированная для новых регионов (брошюры, видеоролики, инфографика), направленная на защиту прав и свобод граждан, информирование о способах защиты нарушенных прав (о порядке оформления судебных исков, обращений в прокуратуру, жалобы в госорганы и т. п.), обучения алгоритмам действий в спорных ситуациях (трудовые конфликты, ЖКХ, семейные споры и др.), а также противодействие правовым мифам и мошенническим схемам.

4. Адаптация к новой правовой системе.

Государственная реклама, направленная на разъяснение изменений в законодательстве после вхождения регионов в состав Российской Федерации, включая помощь в переоформлении документов (гражданство, собственность, социальные льготы), обучение новым правилам (налогообложение, предпринимательство, миграционный учет).

5. Поддержка социально уязвимых групп.

Государственная реклама нацелена на правовое консультирование пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, разработку специальных программ для мигрантов и вынужденных переселенцев, помощь в защите трудовых прав и социальных гарантий.

6. Профилактика экстремизма и деструктивных идеологий.

Государственная реклама по разъяснению законодательства о противодействии экстремизму и терроризму, информирование о юридических последствиях участия в незаконных организациях и пропаганду конструктивных способов решения конфликтов (медиация, обращение в правоохранительные органы).

Исследователи отмечают, что правовое самосознание человека формируется в процессе социализации [4]. Правовая информированность и навыки применения права, соблюдение требований правовых норм и высокий уровень правовой культуры зависят не только от личных качеств человека. Особое значение при этом приобретает воздействие внешних факторов, в том числе влияние рекламы.

Основными векторами государственных рекламных кампаний в Луганской Народной Республике, начиная с 2014 г., являются вопросы защиты Республики, мобилизации, патриотического воспитания и интеграции в Российскую Федерацию. С 2022 г. тематика государственной рекламы претерпела существенные изменения. Военная риторика смягчилась, уступив место темам гражданского строительства и восстановления. Больше внимания стало уделяться вопросам социальной поддержки населения, улучшения качества жизни, здравоохранения и образования. В рекламе стали

чаще появляться позитивные примеры из жизни республики, достижения в различных сферах, а также информация о возможностях для развития и самореализации.

С начала проведения СВО на освобожденных территориях Луганской Народной Республики размещалась наружная реклама со слоганом «Не бойся – говори по-русски!». Язык является важным элементом культуры общества; популяризация права свободно говорить на родном – русском языке реализована в рамках государственной кампании. Государственные символы также представлены на плакате: герб и флаг Луганской Народной Республики (см. Рис. 1).

Рис. 1. Макет наружной рекламы в ЛНР

Следует подчеркнуть, что в ЛНР значительная доля мероприятий, ориентированных на формирование правовой культуры граждан, проводится в рамках празднования государственных торжеств. Так, в честь Дня России, Дня освобождения ЛНР (Рис. 1), а также Дня Воссоединения Донбасса и Новороссии были реализованы рекламные кампании (Рис. 2).

Рис. 2. Макет наружной рекламы в ЛНР

Рис. 3. Макет наружной рекламы в ЛНР

На Рис. 3 представлена наружная реклама, посвященная новому государственному празднику – дню воссоединения Донбасса и Новороссии с Россией. Российский флаг символизирует единство и расположен на фоне карты, на которой обозначены исторические территории Российской Федерации. Государственная символика, представляющая законность и государственность, служит гарантией защиты прав и

интересов жителей новых территорий Российской Федерации. Наружная реклама, представленная на плакате, направлена на формирование общественного мнения и укрепление идентичности среди населения новых регионов. Она подчеркивает важность исторической связи между данными территориями и Россией, а также стремление к восстановлению культурного и социального единства. Использование государственной символики, включая флаг и карты, акцентирует внимание на юридическом статусе новых регионов и официальной поддержке со стороны государства.

Реклама служит не только средством информирования, но и инструментом формирования позитивного имиджа, побуждая жителей гордиться своей принадлежностью к единой стране. Вовлечение населения в мероприятия, связанные с государственными праздниками, способствует укреплению национального единства и патриотизма. Кроме того, подобные инициативы могут помочь в улучшении социальной инфраструктуры новых регионов, обеспечивая поддержку культурных и образовательных проектов, направленных на развитие местного населения и становление правовой культуры. Выстраивание доверительных отношений между государством и гражданами становится важнейшим шагом на пути к полной интеграции новых территорий в социально-экономическую структуру Российской Федерации.

Отметим, что трансформация государственных рекламных кампаний отражает общие изменения в социально-политической обстановке в ЛНР. По мере стабилизации ситуации и укрепления связей с Россией, приоритеты смещаются в сторону решения насущных проблем населения и создания условий для устойчивого развития.

Исследуя наружную государственную рекламу, размещенную в 2025 г. в ЛНР, выделим ее направленность на восстановление новых регионов и обеспечение защиты граждан. На Рис. 4 представлен плакат, размещенный в ЛНР в рамках рекламной кампании, направленной на защиту от кибермошенников. Отметим, что государственная реклама играет важную роль в обеспечении безопасности граждан и профилактике противоправных действий, способствуя тем самым снижению уровня правонарушений.

Рис. 4. Макет наружной рекламы в ЛНР

ВЫВОДЫ

Таким образом, на правовую культуру жителей новых российских регионов воздействует целый комплекс факторов. Помимо уровня законодательной осведомленности, качества правового образования и воспитания, существенное значение имеет эффективность деятельности правоприменительных и правоохранительных структур.

Государственная рекламная кампания, направленная на правовое просвещение, нацелена на повышение правовой грамотности граждан. Ознакомление с базовыми положениями российского законодательства, разъяснение конституционных прав и

обязанностей жителей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей составляют основу правового просвещения и играют ключевую роль в формировании правовой культуры населения в новых субъектах Российской Федерации.

Государственная реклама, направленная на пропаганду уважения к российским законам, в современных условиях является важным инструментом формирования правовой культуры. При этом правовая культура в новых субъектах России требует системного развития, учитывая сложную историю этих территорий и особенности интеграции в правовое поле России. Государственная реклама с целью правового просвещения должна не только информировать граждан об их правах, но и формировать устойчивую культуру законопослушания. Это поспособствует снижению социальной напряженности, ускорению интеграции в состав России и укреплению доверия к государственным институтам.

Становление правовой культуры в новых регионах требует комплексного подхода – от правового просвещения граждан до реформирования юридических институтов, при этом важно сочетать соблюдение законности с гибкой адаптацией популяризации правовых норм к местным условиям.

Считаем необходимым в дальнейшем развивать практику использования рекламного инструментария для формирования правовой культуры жителей новых регионов и обеспечения защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей средствами государственной рекламы.

Список литературы

1. *Бужин И. П., Смеюха В. В.* Методы сторителлинга в новостном дискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 2(56). – С. 55–64.
2. *Двоенко О. А.* Социальная реклама как фрагмент медиа-рекламной картины мира // Вестник Ставропольского государственного университета, 2008. – № 58. – С. 18–25.
3. *Дмитриева Л. М., Бернадская Ю. С., Костылева Т. А.* Социальная реклама: учеб. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 271 с.
4. *Егорова Л. Г.* Трансформационный потенциал качественной периодики Крыма в контексте смены информационной парадигмы (2014–2021): автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 5.9.9. Краснодар, 2023. – 42 с.
5. *Ежова Е. Н., Новиков М. Н.* Государственная реклама в системе медиакommunikаций // Медиасреда, 2020. – № 2. – С. 100–108.
6. *Лобовикова Е. А.* Государственная рекламная кампания как инструмент построения безопасного мира // Экспертные институты в условиях построения безопасного мира: сборник научных трудов. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2025. – С. 258–261.
7. *Лобовикова Е. А.* Социальная реклама в ЛНР как инструмент формирования правовой культуры населения. // XXIX Всеросс. научно-метод. конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью и смежных направлений по теме: «Высшая школа будущего: конвергенция традиционных и инновационных образовательных практик для коммуникационных дисциплин»: Сб. материалов. – М.: КЛУБ ПЕЧАТИ, 2025. – С.121–125.
8. *Михайлова Е. В.* Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей гражданско-правовыми средствами // Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации: Материалы Луганского международного юридического форума. – Луганск: Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. – С. 136–141.
9. Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации: Материалы Луганского международного юридического форума. – Луганск: Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. – 176 с.
10. *Титова Е. С.* Реклама в системе факторов формирования правовой культуры личности: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Тюмень, 2011. 30 с.
11. *Толмачева С. В.* Значение социальной рекламы как фактора формирования правовой культуры личности // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8-1. – С. 240–243.
12. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О рекламе». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/. – (Дата обращения: 23.09.2025).

References

1. Bukin I. P., Smeyukha V. V. *Metody storitellinga v novostnom diskurse* [Methods of storytelling in news discourse]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2025, no 2(56), pp. 55-64.
2. Dvoenko O. A. *Social'naya reklama kak fragment media-reklamnoj kartiny mira* [Social advertising as a fragment of the media advertising picture of the world]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no 58, pp. 18–25.
3. Dmitrieva L. M., Bernadskaya Yu. S., Kostyleva T. A. *Social'naya reklama: uchebnoe posobie* [Social advertising: tutorial]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2015. 271 p.
4. Egorova L. G. *Transformacionnyj potencial kachestvennoj periodiki Kryma v kontekste smeny informacionnoj paradigmy (2014–2021): Avtoref. diss ... dokt. filol. nauk* [Transformational potential of high-quality periodicals in Crimea in the context of a change in the information paradigm (2014–2021). Abstract of thesis]. Krasnodar, 2023. 42 p.
5. Ezhova E. N., Novikov M. N. *Gosudarstvennaya reklama v sisteme mediakommunikacij* [State advertising in the system of media communicatins]. *Mediasreda*, 2020, no 2, pp. 100-108.
6. Lobovikova E. A. *Gosudarstvennaya reklamnaya kampaniya kak instrument postroeniya bezopasnogo mira* [A state-sponsored advertising campaign as a tool for building a peaceful world]. *Ekspertnye instituty v usloviyakh postroeniya bezopasnogo mira: sbornik nauchnykh trudov*. Irkutskó IGU Publ., 2025, pp. 258–261.
7. Lobovikova E. A. *Social'naya reklama v LNR kak instrument formirovaniya pravovoj kul'tury naseleniya*. [Social advertising in the LPR as a tool for shaping the legal culture of the population]. *XXIX Vseross. nauchno-metodich. konferenciya zaveduyushchikh kafedrami marketinga, reklamy, svyazej s obshchestvennost'yu i smezhnykh napravlenij... Sb. materialov*. Moscow: KLUB PECHATI Publ., 2025, pp.121–125.
8. Mikhajlova E. V. *Zashchita tradicionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh cennostej grazhdansko-pravovymi sredstvami* [Protection of Traditional Russian Spiritual and Moral Values through Civil Law Means]. *Osobennosti protivodejstviya gibridnym ugrozam v otnoshenii Rossijskoj Federacii: Materialy Luganskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma*. Lugansk. Luganskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii Publ., 2025, pp.136–141.
9. *Osobennosti protivodejstviya gibridnym ugrozam v otnoshenii Rossijskoj Federacii*. [Features of countering hybrid threats against the Russian Federation: Materials of the Luhansk International Legal Forum]. Lugansk, Luganskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii Publ., 2025. 176 p.
10. Titova E. S. *Reklama v sisteme faktorov formirovaniya pravovoj kul'tury lichnosti: Avtoref. diss. ... kand. sociol. nauk* [Advertising in the system of factors in the formation of a person's legal culture. Abstract of thesis]. Tyumen', 2011. 30 p.
11. Tolmacheva S. V. *Znachenie social'noj reklamy kak faktora formirovaniya pravovoj kul'tury lichnosti* [The importance of social advertising as a factor in the formation of a person's legal culture]. *Fundamental'nye issledovaniya*, 2014, no 8-1, pp. 240–243.
12. *Federal'nyj zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ (red. ot 02.08.2019) «O reklame»*. [Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ (as amended on August 2, 2019) "On Advertising"]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (accessed 23 September 2025).

THE ADVERTISING CAMPAIGN AS A TOOL FOR FORMING A LEGAL CULTURE IN RUSSIA'S NEW REGIONS

Lobovikova E. A.

The article examines the role of state advertising in the process of shaping the legal culture of residents in the new regions of Russia (DPR, LPR, Zaporizhzhia, and Kherson regions). It is shown that advertising acts as one of the significant factors determining an individual's worldview, stimulating the development of their legal consciousness. Through state advertising, the legal activism of individuals is promoted, which is an essential component of legal culture. The author demonstrates that the state uses advertising to convey socially significant information aimed at forming legal self-awareness and establishing the legal culture of residents in the new territories. The importance of popularizing values such as trust and respect for state institutions, the protection of citizens' rights and legitimate interests, and legal self-education through state advertising is noted. The author investigates the advertising discourse using the example of outdoor advertising implemented in the new Russian regions within the context of integration into Russia's legal space.

Keywords: advertising, advertising campaign, government advertising, social advertising, advertising campaign, communication, legal culture, legal consciousness.

УДК 81`373.2:908

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019840>

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПЕРЕДАЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОЙКОНИМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПГТ СОВЕТСКОЕ (РЕСПУБЛИКА КРЫМ)

Шестакова Е. С., Никифорова А. Д.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: shestackov@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме стандартизации перевода ойконимов с русского языка на английский на примере пгт Советское (Ялта, Крым). Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью ойконимов как элементов культурно-исторического наследия и их практической значимостью для международного туризма и навигации. Целью работы является выявление и системный анализ типичных ошибок и вариантов перевода, встречающихся в практике уличного указания. Основой послужил полевой сбор и анализ корпуса из 24 адресных табличек, результаты которого систематизированы с применением методов сравнительного и классификационного анализа. В ходе исследования обоснована прагматическая целесообразность использования фонетической транскрипции в условиях визуальной навигации. Эмпирическая часть выявила семь различных стратегий передачи номенклатурной информации, демонстрирующих отсутствие единого подхода. Основным результатом работы является классификация выявленных вариантов и аргументация в пользу оптимального варианта, сочетающего принципы практической транскрипции и точной передачи административного статуса.

Ключевые слова: ойконимы, транскрипция, транслитерация, перевод, пгт Советское.

ВВЕДЕНИЕ

Имена собственные населенных пунктов являются визитной карточкой, с которой начинается знакомство иностранных туристов с городом или объектом. Ойконим (от греч. «ойкос» – «дом», «жилище» и «оним» – «имя») [2, с. 64] – особый вид топонимов, обозначающий имя собственное любого поселения [8, с. 93]. К ойконимам относятся названия населенных пунктов: городов, поселков, сел, деревень, станиц, аулов и др.

Ойконимы – одни из важнейших компонентов топонимической системы языка и культуры народа. Они отражают исторические процессы освоения территорий, особенности этнического состава населения, хозяйственно-экономическое развитие региона и культурные контакты, поскольку представляют собой свидетельства исторических условий периодов возникновения и изменения в силу различных факторов.

В этой связи корректность перевода ойконимов **актуальна** для обеспечения точности коммуникаций и ориентирования туристов, а также понимания культурных особенностей локации. Однако при переводе ойконимов на иностранный язык возникают трудности, связанные с различиями в произношении, написании и восприятии звуков.

Цель исследования – изучить типичные ошибки перевода ойконимов на английский язык на примере перевода названия поселка городского типа (пгт) Советское городского округа Ялта в Республике Крым. В **задачи** исследования входит: 1) ознакомление с типологией ойконимов и существующими в международной и российской практике способами их перевода; 2) рассмотрение специфики исследуемого населенного пункта – пгт Советское городского округа Ялта и исторической ценности его названия; 3) изучение существующих переводов ойконима «пгт Советское» на английский язык и выявление типичных ошибок перевода.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследователи предлагают разные классификации ойконимов, основанные на лексико-семантических связях и выделении тематических групп. Так, А. Г. Шайхулов разделяет ойконимы на четыре класса: 1) основа – «природа» (органический и неорганический мир, животные); 2) «человек» (внутренний мир человека, семья, родственные отношения); 3) «общество» (экономическая, социальная, культурная, политическая и духовная сферы жизни общества); 4) «познание» (единицы измерения, познавательные процессы) [12]. Э. М. Мурзаев выделяет шесть тематических групп ойконимов: агитопонимы (религиотопонимы); отантропонимы (по имени, фамилии людей); отгидронимы (по названию рек); советонимы (созданные в советское время); этнонимы (по названию народов, племен); другое (по названию предмета, деятельности) [6]. Анализируемый ойконим «пгт Советское» соответствует классу «общество» по классификации А. Г. Шайхулова и группе «советонимы», согласно типологии Э. М. Мурзаева.

Перевод топонимов и, в частности, ойконимов представляет собой сложный междисциплинарный аспект переводоведения, в котором пересекаются лингвистические, географические и культурные аспекты. Топонимы несут в себе не только информацию о местоположении, но и культурное значение, исторические коннотации и социальную идентичность [14]. Специфика перевода ойконимов заключается в необходимости учитывать комплекс фонетических, морфологических особенностей исходного названия, а также его исторический и культурный контекст.

Существует несколько способов передачи топонимов на английский язык. Согласно Руководству по национальной стандартизации географических названий Организации Объединенных Наций (ООН) основными способами передачи названия географического объекта из одного языка в другой являются транслитерация, транскрипция и перевод [9].

Транслитерация (лат. *littera* – «буква») – это метод передачи названий с одной системы письменности на другую (а не с одного языка на другой). Данный способ представляет собой формально-буквенный перенос графических единиц одной системы письма в другую и позволяет передавать слово побуквенно, делая его схожим с оригиналом, но не всегда звучание этого слова будет схоже с исходным вариантом. Транслитерация обеспечивает алгоритмическую обратимость исходной кириллической записи, в частности при передаче документов по компьютерным сетям [7].

Транскрипция (фонетический перевод) передает звучание оригинального названия с помощью средств национального алфавита целевого языка в случае, когда название населенного пункта или объекта имеет культурную или географическую значимость, которую важно сохранить. Транскрипция применяется при передаче топонимов на географических картах, в документации, в литературных произведениях и т.д. [7, с. 16].

Перевод, или, как его называют по-другому, калькирование, направлен на передачу слов на иностранный язык, с помощью буквального перевода (например, the Black Sea – Черное море). Семантический перевод представляет собой замену оригинального названия эквивалентным названием, принятым в англоязычной культуре (например, Red Square – Красная Площадь) [1, с. 183].

Кроме того, применяется способ комбинирования одного из перечисленных выше способов с названием населенного пункта и городского объекта (улицы, проспекта, площади и т.п.).

Проблема адекватной передачи адресной информации актуальна в международном контексте. В этой связи были разработаны рекомендации и нормативы по географической номенклатуре. Так, группа экспертов ООН по географическим названиям призвала все государства, использующие нелатинскую письменность, применять принцип романизации, заключающийся в единой согласованной системе транслитерации при передаче их письменности на латинскую [9]. Более того, был предложен международный стандарт, определяющий систему транслитерации кириллических алфавитов славянских и неславянских языков посредством латиницы [13]. В девяти странах, включая Россию, Белоруссию, Армению, Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, ISO 9 введен в действие в качестве государственного стандарта ГОСТ 7.79-2000 (ИСО 9-95) «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом» [3]. Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации», в России рекомендовано официальные названия населенных пунктов при переводе на иностранные языки транслитерировать без перевода (если нет официального английского варианта) [11]. Также существуют локальные нормативы по стандартизации ойконимов и годонимов. Так, в преддверии проведения чемпионата мира по футболу 2018 г. в принимающих городах Российской Федерации топонимическими комиссиями были приняты «Принципы и правила транслитерации и перевода на английский язык названий объектов городской среды» – рекомендации перевода названий улиц и площадей с русского на английский язык методом транслитерации без перевода и перестановок англоязычных указателей улиц.

Рассмотрев типы ойконимов и способы их представления согласно международным и российским стандартам, проанализируем, какие стратегии применяются для англоязычных версий названия «поселок городского типа Советское» городского округа Ялта Республики Крым на дорожных указателях и адресных табличках. Отметим, что этот населенный пункт имеет уникальное географическое положение и интересную историю.

Поселок городского типа Советское входит в состав городского округа Ялта и расположен на Южном берегу Крыма на высоте 450–520 метров над уровнем моря на склоне Никитской яйлы, которая является естественной защитой от северных ветров [10]. Своим основанием, как и названием, населенный пункт обязан строительству санатория. В 1920-х годах в СССР шло развитие системы здравоохранения, создание специализированных учреждений для борьбы с инфекционными болезнями. В Горном Крыму, в силу комплекса климатических особенностей местности и целебного воздуха, в котором смешиваются потоки морского воздуха и фитонциды крымской сосны, открывались противотуберкулезные санатории для стабилизации эпидемиологической ситуации, усложнившейся после революции и гражданской войны.

Санаторий «ВЦСПС (Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов) № 1 им. Цюрупы», предназначенный для лечения больных с заболеваниями легочной системы и сахарным диабетом, стал первым санаторием, построенным на Южном берегу Крыма в соответствии с декретом В. И. Ленина [10]. Впоследствии санаторий был переименован в «Долоссы» по названию местности, издавна известной как «Чаир Даласы» (дословно с тюрк. – «горный луг, изобилующий родниками») [5]. Строительство санатория началось в 1925 г. и через три года (в 1928 г.) он был запущен в эксплуатацию [10].

Для строительства санатория было привлечено до 1500 рабочих разных специальностей. На прилегающей территории было построено 12 бараков для жилья рабочих, вместимостью до 1000 человек. В бараках также размещались торговые ларьки. Энтузиазм рабочих и социалистическая идеология заботы о здоровье трудящихся воплотились в название населенного пункта – «Советское». Рабочий поселок постепенно разросся и в 1929 г. ему был присвоен статус «поселок городского типа» (пгт) [4]. Сейчас в пгт Советское, расположенном в 10 км от Ялты, постоянно проживают около 700 человек [10]. Населенный пункт находится на границе государственного природного заповедника «Ялтинский горно-лесной» и имеет важное туристическое значение, являясь исходной точкой для популярных маршрутов Уч-Кош – Балан-Кая – Васильевка.

Приведенные факторы обуславливают актуальность адекватного перевода исследуемого ойконима «пгт Советское» для обеспечения точности и однозначности передачи информации и сохранения культурной идентичности локации.

Поскольку изучаемый населенный пункт характеризуется небольшими размером и численностью населения, он не имеет официально выделенных улиц. Это означает, что адресная система основывается исключительно на названиях самого поселка и номерах домов, расположенных в пределах указанного поселения. Таким образом, название поселка *Советское* (ойконим) фактически заменяет собой название улицы (годоним).

Учитывая нормативы по географической номенклатуре и богатую историю населенного пункта, в изучаемом случае для интерпретации русскоязычной версии ойконима рекомендуемым вариантом является использование способа транслитерации *Sovetskoe* в сочетании с переводом типа населенного пункта.

Категория «посёлок городского типа» (пгт) представляет собой категорию населённых пунктов, используемую преимущественно на территории государств постсоветского пространства. Эта категория была введена советской административно-территориальной системой и сохранилась до настоящего времени.

Отметим, что для официальных карт, документов и адресных табличек важен принцип сохранения оригинального названия и пояснение его категории. В международных стандартах для передачи понятия «пгт» используется термин *urban-type settlement*. Он однозначно указывает, что данный населенный пункт не является городом (city, town) или деревней (village), а занимает промежуточное положение как по количеству населения, так и по доминирующей инфраструктуре. Указание данного термина на адресной табличке или указателе в скобках после названия посёлка даёт иностранцу всю необходимую информацию. Этот дословный, официальный и наиболее точный перевод хорошо понятен географам, картографам и иностранным туристам. Следовательно, наиболее адекватным англоязычным вариантом интерпретации надписи *пгт Советское* можно считать **Sovetskoye** (*urban-type settlement*). Если дизайн адресной таблички не позволяет использовать длинную надпись, то минималистичным вариантом интерпретации пгт *Советское* является указание одного транслитерированного названия ойконима **Sovetskoye**. Данный вариант менее информативен, однако, поскольку пгт Советское является конечным пунктом назначения, в международной топонимической практике он является допустимым.

Рассмотрим, как на практике реализуются данные рекомендации. Эмпирической базой исследования, проведённого авторами в 2024–2025 гг., послужил корпус из 24 адресных табличек в *поселке городского типа Советское* городского округа Ялта, собранный в полевых условиях. Анализ представленных на них надписей выявил

значительную вариативность в способах передачи номенклатурных составляющих на английском языке как при интерпретации самого ойконима *Советское*, так и категорий населенного пункта.

Унифицированный подход применяется только при интерпретации ойконима *Советское*. Так, в 23 из 24 случаев на адресных табличках используется способ транскрипции (передача звучания) – *Sovetskoye* (Рис. 1–4). Важно отметить, что в ономастике и практике передачи географических названий принципиальное значение имеет разграничение транскрипции и транслитерации. Метод транслитерации, регламентированный стандартом ISO 9 [3], сохраняет графемный состав топонима (*Советское* → *Sovetskoe*), однако зачастую игнорирует фонетическую реальность языка-источника. В противоположность этому транскрипция ориентирована на фонетическое восприятие и ставит целью адекватную передачу звукового облика имени средствами алфавита языка-цели, что приводит к вариантам типа *Sovetskoye*, где диграф «уе» репрезентирует звук [й'э], отсутствующий в английской фонологической системе.

При выборе стратегии романизации ойконимов для адресных табличек и указателей приоритетность транскрипции обусловлена утилитарно-коммуникативными задачами. Указатели функционируют как инструменты пространственной навигации, где ключевое значение имеет быстрое распознавание и корреляция между устной речью (запросы местных жителей, устные инструкции) и письменной формой. Транскрибированный вариант *Sovetskoye* фонетически ближе к реальному произношению, облегчая иностранным туристам идентификацию населенного пункта в устной коммуникации. Строгая транслитерационная форма *Sovetskoe*, предписываемая административными регламентами, создает фонетически «немой» образ, затрудняющий его практическое использование в живой речевой среде.

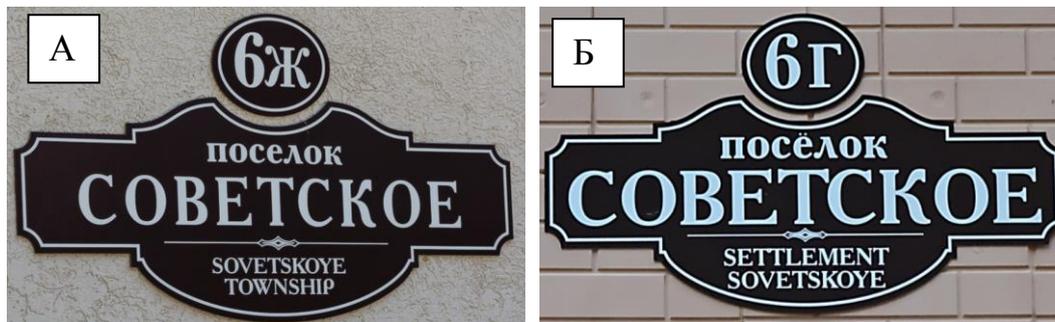
Таким образом, хотя транслитерация обеспечивает стандартизацию в документальных и картографических системах, ее утилитарная ограниченность в условиях непосредственной навигации делает транскрипцию предпочтительной для задач визуальной коммуникации в городской среде. Фонетически адаптированная форма способствует большей функциональной адекватности указателя, выполняя не только номинативную, но и ориентирующую функцию, что соответствует прагматическим потребностям межкультурной коммуникации в публичном пространстве.

Самым многочисленным из зафиксированных табличек (14 шт.) является вариант транскрипции ойконима *Советское* без указания типа населенного пункта как в русско-, так и в англоязычных версиях (*Sovetskoye*) (Рис.1).

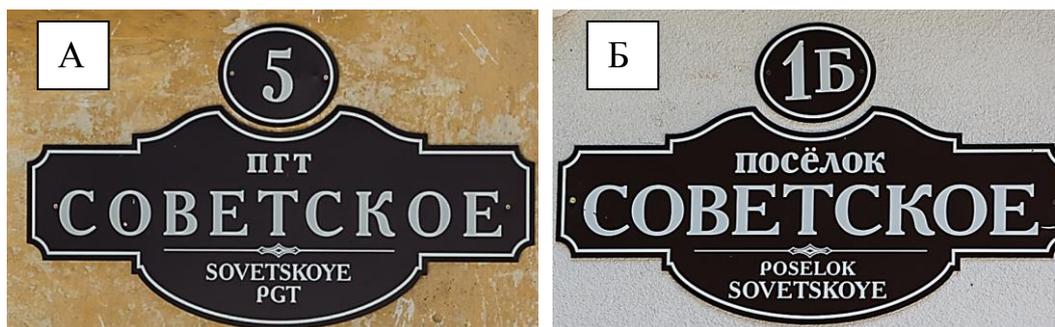
Рис. 1. Пример применения способа транслитерации названия пгт *Советское* без указания типа населенного пункта

Следующая группа табличек состоит из двух подгрупп: *Sovetskoye Township* (2 шт.) и *Settlement Sovetskoye* (4 шт.). Их объединяет общий подход к передаче номенклатурной информации: в обеих группах присутствует транскрибированная форма ойконима и неформальные варианты англоязычной версии типа населенного пункта «посёлок городского типа», не являющиеся прямыми эквивалентами установленного в стандартах термина *urban-type settlement*. В первом случае *Township* (Рис. 2А), а во втором усеченный до *Settlement* вариант «Urban-type settlement» (Рис. 2Б). Во втором случае нарушен порядок слов номенклатурных единиц.

Рис. 2. Примеры применения способа транслитерации названия Советское в сочетании с неточным вариантом перевода англоязычной версии эквивалента «посёлок городского типа»

Третья группа названий, включающая две подгруппы, практикует иной подход передачи номенклатурной информации: транскрипция ойконима и транслитерация названия категории населенного пункта. Согласно Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» [11], стратегия транслитерации типов населенных пунктов является рекомендованной для унификации географических обозначений, однако на практике в России она применяется только в крупных городах, принимавших в 2018 году чемпионат мира по футболу. В *пгт Советское* на двух адресных табличках эта стратегия преломилась в *формат Sovetskoye PGT* (Рис. 3А), а на одной табличке – *Poselok Sovetskoye* (Рис. 3Б). Безусловно, для носителей английского языка формы *pgt* и *poselok* непонятны и имеют дезориентирующий характер, поскольку не несут смысловой нагрузки о статусе населенного пункта.

Рис. 3. Примеры применения способа транскрипции ойконима и транслитерации категории населенного пункта пгт Советское

Единожды авторами зафиксирована табличка *Soviet village*, в которой осуществлен перевод обеих частей ойконима *пгт Советское* с использованием англоязычного эквивалента «village» для выражения понятия «поселок городского типа» (Рис. 4). Данный перевод страдает неточностью, поскольку «village» – это «деревня», «село», что не соответствует статусу пгт, который, как правило, более урбанизирован.

Рис. 4. Пример применения способа перевода Советское в сочетании с неформальным вариантом перевода англоязычной версии эквивалента «поселок городского типа»

Подводя итоги, можно систематизировать проанализированные варианты интерпретации топонима в таблице (Табл. 1) и выявить ошибки в переводе ойконимов на английский язык. В качестве оптимального для населенного пункта *поселок городского типа (пгт) Советское* предлагается вариант *Sovetskoye urban-type settlement*, сочетающий международный принцип транскрипции и понятный перевод типа населенного пункта. В условиях экономии места на адресных табличках допустимыми считаются варианты комбинирования транскрипции ойконима с усеченным названием типа населенного пункта (*settlement*) и транскрипция ойконима *Sovetskoye* без указания типа населенного пункта.

Наиболее проблемным является применение способа семантического перевода ойконима (*Soviet*) и англоязычной версии «поселок городского типа», не соответствующего международным стандартам (*township, village*), а также способа транслитерации неформального названия категории населенного пункта (*Poselok*) и аббревиатуры категории населенного пункта (*pgt*), искажающие историко-культурный смысл ойконима и административный статус объекта. Самой грубой ошибкой в данном случае является отсутствие единой политики интерпретации номенклатурных единиц на местном уровне.

Таблица 1. Стратегии англоязычной интерпретации номенклатурной единицы «поселок городского типа «Советское»» и их количественные характеристики

	Стратегия интерпретации номенклатурных единиц	Англоязычная интерпретация номенклатурных единиц	Кол-во экземпляров
1.	Транскрипция ойконима <i>Советское</i> без указания типа населенного пункта	<i>Sovetskoye</i>	14
2.	Транскрипции ойконима <i>Советское</i> + перевод категории населенного пункта «поселок городского типа» в полной форме	<i>Sovetskoye urban-type settlement</i>	1
3.	Транскрипция ойконима + перевод категории населенного пункта «поселок городского типа» в сокращенной форме «поселение»	<i>Sovetskoye settlement</i>	4
4.	Транскрипция ойконима + перевод неформального варианта англоязычной версии эквивалента «поселок городского типа»	<i>Sovetskoye township</i>	2
5.	Транскрипция ойконима + транслитерация аббревиатуры категории населенного пункта «поселок городского типа» в форме «пгт»	<i>Sovetskoye pgt</i>	2
6.	Транслитерация неформального названия категории населенного пункта «поселок городского типа» в форме «поселок» + транскрипция ойконима	<i>Poselok Sovetskoye</i>	1
7.	Перевод ойконима + категории населенного пункта	<i>Soviet village</i>	1

ВЫВОДЫ

Анализ 24 адресных табличек в *поселке городского типа Советское* городского округа Ялта Республики Крым продемонстрировал применение семи стратегий передачи на английский язык географических номинаций. Разнообразие подходов к передаче топонимических единиц создает необходимость выработки единых принципов и процедур, обеспечивающих ясность и точность коммуникации. С одной стороны, в широком смысле стандартизация переводов географических наименований позволит создать устойчивые и эффективные механизмы адаптации русскоязычных географических обозначений к международным стандартам, что является важным аспектом международного взаимодействия и взаимопонимания. С другой стороны, исследуемый случай показывает, что согласование и унификация должны начинаться на локальном уровне.

Список литературы

1. *Александрова Е. В.* Специфика перевода русскоязычных топонимов на английский язык в сфере туризма // *Языкознание и литературоведение*. – 2020. – № 5. – С. 181–186.
2. *Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф.* Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – Москва, 1998. – 54 с.
3. ГОСТ 7.79-2000 (ИСО 9-95). Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом. – М.: Издательство стандартов, 2002. – 23 с.
4. Долоссы: Санаторий. – Режим доступа: <https://yalta-naladoni.ru/places/sanatoriums/sanatorium-dolossy/>. – (Дата обращения: 30.10.2025).

5. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. – СПб.: редакция «Путеводителей», 1911. – 288 с.
6. Мурзаев Э. М. География в названиях. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
7. Побединский Г. Г. О многоязычной базе данных географических наименований Российской Федерации (для многоязычных карт и международного сотрудничества) // Интеграция: Наука + Промышленность. Материалы Научно-практической конференции с международным участием. – 2022. – Режим доступа: <https://sdnit.ru/images/Pobedinskii.pdf>. / – (Дата обращения: 30.10.2025).
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
9. Руководство по национальной стандартизации географических названий / Группа экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям. – Нью-Йорк: ООН, 2007. – 181 с. – Режим доступа: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_88r.pdf. – (Дата обращения: 30.10.2025).
10. Санаторий Долоссы. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://санаторий-долоссы.рф>. – (Дата обращения: 25.10.2025).
11. Федеральный закон от 01.06.2005 №53-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О государственном языке Российской Федерации». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/. – (Дата обращения: 07.11.2025).
12. Шахмулов А. Г. Некоторые вопросы системного исследования апеллятивных и топонимических единиц (на материале языков Урало-Поволжья) // Вопросы ономастики. – 1983. – Вып. 16: Методы топонимических исследований. – С. 35–41.
13. ISO 9:1995(E). Information and documentation. Transliteration of Cyrillic characters into Latin characters. Slavic and non-Slavic languages. – Режим доступа: <https://cdn.standards.iteh.ai/samples/3589/2011d3623bb448f1991f8972c6af8367/ISO-9-1995.pdf>. – (Дата обращения: 08.11.2025).
14. *Tăng Minh Châu* Toponyms Translation: The Case of Hue's Citadel Place Names // International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science. – 2023. – Vol. 6. – Iss. 7. – P. 340–343.

References

1. Aleksandrova E. V. *Spetsifika perevoda russkoyazychnykh toponimov na angliiskii yazyk v sfere turizma* [Translating Russian place names for tourism industry]. *Yazykoznanie i literaturovedenie*, 2020, no. 5, pp. 181–186.
2. Varbot Zh. Zh., Zhuravlev A. F. *Kratkii ponyatiino-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoi leksikologii* [A short conceptual and terminological reference book on etymology and historical lexicology]. Moscow, 1998. 54 p.
3. GOST 7.79-2000 (ISO 9-95). *Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatel'skomu delu. Pravila transliteratsii kirillovskogo pis'ma latinskimi alfavitom*. [System of standards on information, librarianship and publishing. Rules of transliteration of Cyrillic script by Latin alphabet]. Moscow, Izdatel'stvo standartov Publ., 2002. 23 p.
4. *Dolossy; sanatorii* [Dolossy: Sanatorium]. Available from: <https://yaltanaladoni.ru/places/sanatoriums/sanatorium-dolossy/> (accessed 30 October 2025).
5. Москвич Г. Г. *Illyustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Krymu* [Illustrated practical guide of Crimea]. St. Petersburg, Putevoditelei Publ., 1911. 288 p.
6. Мурзаев Э. М. *Geografiya v nazvaniyakh* [Geography in names]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 176 p.
7. Побединский Г. Г. *O mnogoyazychnoi baze dannykh geograficheskikh naimenovaniy Rossiiskoi Federatsii (dlya mnogoyazychnykh kart i mezhdunarodnogo sotrudnichestva)* [On the multilingual database of geographical names of the Russian Federation (for multilingual maps and international cooperation)]. *Integraciya: Nauka + Promyshlennost'. Materialy Nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, 2022. Available from: <https://sdnit.ru/images/Pobedinskii.pdf> (accessed 30 October 2025).
8. Подольская Н. В. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 93 p.
9. *Rukovodstvo po natsional'noi standartizatsii geograficheskikh nazvanii*. [Manual for the national standardization of geographical names]. *Gruppa ekspertov Organizatsii Ob'edinennykh Natsii po geograficheskim nazvaniyam*. New York, UN, 2007. 181p. Available from: https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_88r.pdf (accessed 30.10.2025).

10. *Sanatorii Dolossy. Ofitsial'nyi sait.* [Dolossy Sanatorium. Official website]. Available from: <https://sanatorii-dolossy.rf> (accessed 25 October 2025).
11. *Federal'nyi zakon ot 01.06.2005 №53-FZ (red. ot 22.04.2024) «O gosudarstvennom yazyke Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law of the Russian Federation of June 1, 2005 No. 53-FZ «About state language of the Russian Federation» (as amended on 22-04-2024)]. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (accessed 07 November 2025).
12. Shaikhulov A. G. *Nekotorye voprosy sistemnogo issledovaniya apellyativnykh i toponimicheskikh edinit (na materiale yazykov Uralo-Povolzh'ya)* [Some questions of systematic research of appellative and toponymic units (in the material languages of Ural-Volga)]. *Voprosy Onomastiki*, 1983, Iss.16: *Metody toponimicheskikh issledovaniy*, pp. 35–41.
13. *ISO 9:1995(E). Information and documentation. Transliteration of Cyrillic characters into Latin characters. Slavic and non-Slavic languages.* Available from: <https://cdn.standards.iteh.ai/samples/3589/2011d3623bb448f1991f8972c6af8367/ISO-9-1995.pdf> (accessed 08 November 2025).
14. *Tăng Minh Châu Toponyms Translation: The Case of Hue's Citadel Place Names. International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science*, 2023, vol. 6, Iss. 7, pp. 340–343.

**STANDARDISATION IN TRANSLATING RUSSIAN OIKONYMS INTO ENGLISH:
THE CASE STUDY OF THE SOVETSKOYE URBAN-TYPE SETTLEMENT
(THE REPUBLIC OF CRIMEA)**

Shestakova E. S., Nikiforova A. D.

The article addresses the pressing issue of standardizing the translation of Russian oikonyms into English using the case study of the urban-type settlement Sovetskoye in Yalta, Crimea. The relevance of this study stems from significance of place names as elements of cultural and historical heritage, as well as their practical importance for international tourism and navigation purposes. The primary objective of the research was to identify and systematically analyze typical errors and variations in the transliteration and translation of geographic and names on street signage. Methodologically, the research involved fieldwork that collected a corpus of 24 address plaques, with data analyzed through comparative and classificatory approaches. The study also examines theoretical aspects of the transmission of geographical names, highlighting the pragmatic benefits of phonetic transcription within visual navigation contexts. Empirical findings revealed seven distinct strategies for conveying nomenclature information, demonstrating the lack of standardization. A key outcome of the research includes classification of these variants and the proposal of an optimal solution that balances practical transcription principles with accurate representation of administrative and cultural characteristics. The authors give recommendations for developing and implementing local standards to enhance clarity and consistency in intercultural and infrastructural communication.

Keywords: oikonyms, transcription, transliteration, translation, urban-type settlement Sovetskoye.

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.16

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019895>

ДЕТЕРМІНАНТИ ДОПУСТУ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ: СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНИЙ АСПЕКТ

Грозян Н. Ф., Прудникова Т. І.

Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: n.f.grozyan@mail.ru

В статье определено, что детерминанты уступки коррелируют с адвербиальными уступительными синтаксемами, многогранность смысловых уступительных отношений которых воплощена в различных семантико-синтаксических единицах. В зависимости от эксплицированного значения синтаксемы уступки разделены на четыре группы: 1) обратная обусловленность в процессе сравнения компонентов субъекта или субъекта и объекта по их общим и индивидуальным чертам или сферам функционирования; 2) значение невозможности, недостаточности, отсутствия или ограниченности определенных признаков и действий субъекта несмотря на наличие реальных, возможных, благоприятных предпосылок; 3) положительная характеристика субъекта на фоне недостаточности предпосылок или наличия основы, препятствующей появлению этой характеристики; 4) экспликация результата действия субъекта, противоположного ожидаемому. Исследование подтверждает, что в украинском языке синтаксемы уступки представлены рядом морфолого-синтаксических вариантов. Наиболее распространенными из них являются предложно-падежные соединения, из которых следует выделить следующие разновидности: *несмотря на + винительный падеж*; *вопреки + дательный падеж*; *наперекор + дательный падеж*; *несмотря + винительный падеж*; *независимо от + родительный падеж*; *при + предложный падеж*. В отличие от предложно-падежных конструкций, в украинском языке случаи употребления наречий в качестве минимальных единиц уступки единичны. Обычно эту функцию выполняет морфологизированное наречие *наперекор*. Изредка допустимое значение могут выражать деепричастия.

Ключевые слова: детерминант, детерминант уступки, предложение, высказывание, минимальная синтаксическая единица.

ВВЕДЕНИЕ

Системний підхід до опису синтаксису простого речення передбачає встановлення його моделі як мінімальної, але структурно й семантично достатньої одиниці. Визнання багатоаспектності речення актуалізує проблему його сегментації – поділу на члени речення (мінімальні синтаксичні одиниці, компоненти речення, синтаксеми тощо). Члени речення постають своєрідними конденсаторами, що дають змогу доповнити раніше виявлені властивості складників речення новими властивостями, побаченими й описаними під іншим кутом зору, в аспекті нових синтаксичних напрямів.

Прибічники синтаксичної традиції та новітніх наукових концепцій по-різному класифікують члени речення, що зумовлене неоднаковими підходами до з'ясування їхньої специфіки й статусу, визначення принципів диференціації. Погоджуємося з В. В. Бабайцевою, що члени речення – це фокус, який збирає все, а тому за їхнього глибокого вивчення потрібно зважати на всі аспекти речення [1, с. 31]. Попри потужний науковий доробок, питання аналізу членів речення остаточно не розв'язане, оскільки на кожному етапі наукового пізнання з'являються нові аспекти їхнього опису, трапляються різні, навіть полярні міркування й концепції, пов'язані з витлумаченням місця аналізованих компонентів серед інших синтаксичних одиниць, їхньої типології, критеріїв розмежування, формальної, семантичної та комунікативної диференціації.

Синтаксичними компонентами, на які сегментовано речення, традиційно вважають члени речення, хоч у практиці синтаксичного аналізу відомі й інші абстрактні моделі (дистрибутивна модель Фриза, модель безпосередніх складників, трансформаційна модель). Основна вимога до компонентів, на які членовано речення, полягає в тому, що вони повинні являти собою взаємопов'язану систему понять, які об'єктивно віддзеркалюють його структуру

Ідею розгляду другорядних членів речення не тільки з формально-граматичного боку, а й із семантичного підтримав І. Р. Вихованець [2]. Він розрізняє прислівні другорядні члени речення (компоненти словосполучення) та детермінанти. Детермінантні члени речення, на його думку, вирізняювані своєю синтаксичною автономністю, яка зростає за умови їх граматичного відокремлення. Відокремлення як смислове та інтонаційне виділення другорядних у формально-синтаксичному плані членів речення надає їм більшої значеннєвої ваги, виразно членуючи просте ускладнене речення на дві частини, які передають основне і додаткове повідомлення. Проте і нині статус детермінантних членів неоднозначно потрактований у лінгвоукраїністиці.

Теорія членів речення не може бути повною без розв'язання проблеми про статус детермінантів. На сучасному етапі розвитку вчення про члени речення питання детермінантів з'ясовують на основі синтезу так званих «старих і нових знань». Аналіз мовних фактів засвідчив, що проблема розмежування прислівних і неприслівних членів речення з обставинним значенням більше пов'язана із синтаксемами, які мають локальну та темпоральну семантику. Синтаксеми зі значенням зумовленості (причини, умови, допусту, мети, порівняння тощо) меншою мірою потребують додаткових критеріїв розмежування, оскільки вони реалізують інший рівень відношень між пропозиціями чи подіями й зазвичай є детермінантами в традиційній розумінні в контексті теорії семантичного синтаксису.

Теоретико-методологічній парадигмі сучасного мовознавства притаманне прагнення до інтеграції традицій і тенденцій у граматичних дослідженнях, усвідомлення пріоритетності багатоаспектного вивчення мовних фактів. Теорія детермінантів як одна з фундаментальних посідає чільне місце в сучасному синтаксисі членів речення й має низку нерозв'язаних питань, кожне з яких потребує багатоаспектного підходу до його інтерпретації.

Проблемі детермінантних членів речення присвячені наукові праці таких мовознавців, як І. Р. Вихованець [2], М. О. Вінтонів [3], Н. В. Гуйванок [10], Г. О. Золотова [5], Н. Л. Іваницька [6], М. Ф. Кобилянська [10], В. П. Малащенко [7], Н. К. Онипенко [5], Н. Ю. Сидорова [5], О. Б. Сиротиніна [9], І. І. Слинько [10], Н. Ю. Шведова [11] та ін. Актуальність дослідження визначувана необхідністю теоретико-прикладного осмислення загальних і часткових питань, пов'язаних із подальшим розвитком нового вчення про другорядні члени речення з урахуванням сучасних лінгвістичних напрямів. Поглиблений аналіз детермінантів допусту з урахуванням нерозривної єдності їхньої форми, значення і функції дає змогу переглянути утрадиційнену класифікацію самостійних поширювачів речення – детермінантів – у системі членів речення. Актуальність теми увиразнює наявність різноманітних, нерідко протилежних, концепцій і підходів, що стосуються місця аналізованих компонентів серед інших синтаксичних одиниць, їхньої типології, критеріїв розмежування, формальної, семантичної і комунікативної диференціації.

Мета роботи полягає в комплексному аналізі детермінантів допусту крізь призму кореляції з адвербіальними синтаксемами допусту. Реалізація поставленої мети передбачає розв'язання таких завдань: 1) з'ясувати основні підходи до статусу

детермінантів допусту в загальній типології детермінантів; 2) уточнити підсистему обставинних детермінантів допусту, їхнє місце в системі членів речення; 3) окреслити специфіку кореляції детермінантів допусту та адвербіальних синтаксем допусту.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ ДОСЛІДЖЕННЯ

Синтаксична сфера тісно переплетена з лексичною сферою. Наприклад, поняття простору на лексичному рівні пов'язане з конкретною лексикою, часу – зі словами часової та процесуальної семантики. Значення зумовленості зазвичай пов'язане з подієвою лексикою, наприклад: **Через обмаль літнього часу** у цій високогірній тундрі вони досягли одночасно – суниці, афини, малини, ожини і тогодзи (Т. Прохасько); **Попри всі злигодні і турботи переднього краю** Хома навіть погладшав, щоби мав, як налиті (О. Гончар); **Вони людей – своїх рідних – повернули в усе те... І за людей** жалкував Чіпка на людей. Здавалися вони йому лихими, недобрими... (Панас Мирний). Варто зауважити, що відношення зумовленості загалом є надзвичайно важливими для семантичної організації синтаксичних конструкцій.

Традиційно серед детермінантів зумовленості виокремлюють чотири типи: детермінанти причини, мети, допусту й умови [2, с. 142–143]. А. П. Загнітко до традиційних різновидів цієї групи додає детермінанти наслідку [4]. На його думку, такі детермінантні структури містять інформацію наслідку, зумовлену дією пояснювального слова. Основним засобом репрезентації цього виду є іменник у формі знахідного відмінка з прийменником *на*, наприклад: **На муку** покохав я її (Тодось Осьмачка); **На свою біду** прийшли ми сюди (В. Підмогильний); **На біду** зустрілись ми з тобою (О. Гончар) [4, с. 186–187].

Пропонує розширити групу детермінантів зумовленості й В. П. Малащенко, зарахувавши до неї поширювачі зі значенням відповідності, підстави та приводу. На думку лінгвіста, значення детермінантів відповідності, підстави та приводу формує зазвичай сам детермінант, а взаємодія частин висловлення дає змогу реалізувати його загальнокатегорієне значення зумовленості [7, с. 161–162].

Питання про необхідність виокремлення наслідкових детермінантів у самостійну групу є дискусійним, адже нерідко такі синтаксичні одиниці мають додаткове лексичне значення причини або умови, а тому можуть бути досліджені в межах цих двох типів. Семантика підстави є складником семантики причини, наприклад: **З ініціативи райцентру** на майдані почали будівлю нової школи (А. Головка). Близькою до підстави є семантика приводу. Привід – це підстава (справжня або вигадана), причина яких-небудь дій, вчинків [2, с. 125]. Тому значеннєві відтінки приводу й підстави можуть бути об'єднані в межах причинових детермінантів зумовленості.

Семантико-синтаксичним підґрунтям виокремлених детермінантів є кореляти зі значенням зумовленості, репрезентовані адвербіальними синтаксемами.

Детермінанти допусту – один із різновидів обставинних детермінантів, які формують досить велику і специфічну групу детермінантів зі значенням зумовленості. Семантика частин у конструкціях із детермінантами зумовленості ґрунтується на відношеннях зворотної зумовленості. Детермінантна частина висловлення містить підстави, недостатні для відміни здійснення дії, заявленої в недетермінантній частині, наприклад: **Незважаючи на таку непривітну назву, це була затишна місцина серед багон і трясовин, де ми ташувалися вже не раз – востаннє тоді, коли трусили гамазеї на торфових виробках біля Іванової Греблі** (В. Шкляр).

Семантика допустовості передбачає зіткнення двох площин: апріорної й актуальної. Наприклад, у реченні *Незважаючи на пізню годину, я набрав номер свого приятеля бізнесмена і хлюпнув собі в келих цілком заслуженого коньяку* (І. Роздобудько) наявне апріорне твердження «о пізній годині зазвичай не телефонують», що заперечує актуальне твердження «я набрав номер свого приятеля бізнесмена», яке відображає реальну ситуацію. Актуальне твердження репрезентує заперечення, обмеження, спростування чи пересилання типової, звичної, загальноприйнятої умовно-наслідкової залежності, апріорне – умовно-наслідкову залежність. Спростування очікуваного відбувається внаслідок волі суб'єкта, збігу об'єктивних обставин або припущення мовця.

Корелятами детермінантів допусту є допустові мінімальні семантико-синтаксичні одиниці, які відображають семантико-синтаксичні відношення, сформовані з наслідкових і протиставних власне-семантичних відношень [8, с. 285; 2, с. 136].

Варто зауважити, що детермінанти допусту можуть або спростовувати зміст недетермінантних частин, при цьому не відмінюючи істинність повідомлюваного, або встановлювати відношення толерантності між обома частинами висловлення.

Залежно від цього конструкції з детермінантами допусту можна поділити на дві групи:

1) детермінантна частина висловлення спростовує зміст його недетермінантної частини, наприклад: *Але, незважаючи на труднощі, настрої у Чорноморській групі бадьорий, справи успішно посуваються вперед* (В. Шкляр) – важко бути бадьорим у складній ситуації; *Незважаючи на вечірні сутінки, Марко впізнав свою супутницю під час зливи* (М. Трублаїні) – зазвичай людина не може добре бачити в темряві; *Незважаючи на хуртовину собаки йшли швидко, їх тягнув за собою Волохан* (М. Трублаїні) – не можна йти швидко, коли є сильний зустрічний вітер; *Незважаючи на ніч, довго водила їх морозними вулицями; стежила, куди прямують інші голодуючі: така численність, що крізь по місту темніє лахмітинами і скупчується при розподільниках, магазинах, ларьках* (Василь Барка) – зазвичай вночі важко орієнтуватися і стежити за іншими прохожими;

2) зміст детермінантної частини допускає можливість співіснування з тим, про що повідомляє недетермінантна частина, наприклад: *Від задніх рядів, опираючись на костур, наперед пошкунтильгала зігнута в три погібелі бабуся, та, незважаючи на старечі літа, була ще бідова* (В. Шкляр) – можна бути не дуже молодим, але водночас енергійним, бадьорим, «бідовим»; *Незважаючи на брак досвіду, в них чути було лише сувору правду людини, яка добре знає: усіх її товаришів щодень однаково б'ють протяги на стволі; всіх однаково огортає хмара пилу в лаві й сушить горло спрага, а пити треба стримуватися, щоб не сходити потом; і, нарешті, всі вони однаково ризикують – цієї правди теж нікуди не подінеш* (Григорій Тютюнник) – не обов'язково бути досвідченим, щоб розуміти, що всі хлопці добре рубають (не тільки Віктор), що ще десяток хлопців дають план, а вихвалити одного негарно і несправедливо; *Незважаючи на свою молодість, він уславився серед людей острова, бо кожного полювання мав найбільше здобичі* (М. Трублаїні) – зазвичай молоді люди ще не мають достатньо досвіду й умінь у певній сфері, проте можна бути вже відомим завдяки своїм вмінням навіть у юні роки.

О. Г. Межов слушно зазначає, що допустове значення «має своїм підґрунтям усі різновиди релятивної часової перспективи – одночасність і різночасність (часову попередність і наступність). Крім того, диференційними ознаками допустового значення виступають реальна модальність і характер явища, що суперечить повідомлюваному наслідку» [8, с. 286]. Спираючись на дослідження І. Р. Вихованця, зауважимо, що

допустові синтаксеми в сучасній українській мові мають градацію значення допустовості: від нейтрального її вияву до виразного змістового акцентування, підкреслення [2, с. 152]. Цей погляд корелює з виокремленими двома групами допустових синтаксем.

Варто наголосити, що допустові семантико синтаксичні відношення найточніше реалізовані в складнопідрядних реченнях. Проте нерідко вони можуть бути трансформовані в прості ускладнені речення. Детермінанти допусту корелюють з адвербіальними допустовими синтаксемами, багатогранність смислових допустових відношень яких втілена в різних семантико-синтаксичних одиницях. Залежно від експлікованого значення допустові синтаксеми можна поділити на чотири групи, які охоплюють такі семантичні різновиди:

1) зворотна зумовленість у процесі порівняння компонентів суб'єкта або суб'єкта та об'єкта за їх загальними й індивідуальними рисами чи сферами функціонування, наприклад: **Незважаючи на зовнішню схожість та спільну ознаку таємності, операції на очах в цивільних відрізняються від суто військових, які переважно проводяться безпосередньо силами військових лікарів** (Григір Тютюнник); **Незважаючи на суттєву подібність османських акче та генуезьких аспрів на перший погляд, монети мали принципову відмінність. Акче містили виключно арабські легенди, тоді як написи на одній зі сторін аспра виконувались латиницею** (П. Загребельний);

2) значення неможливості, недостатності, відсутності чи обмеженості певних ознак і дій суб'єкта попри наявність реальних, можливих, сприятливих передумов, наприклад: **Незважаючи на гарну погоду, місяцями все одно ще буде холодно** (Г. Вдовиченко); **Незважаючи на сонячну погоду, майже всі лавки у сквері були порожні** (А. Костецький);

3) позитивна характеристика суб'єкта на тлі недостатності передумов або наявності підґрунтя, що перешкоджає появі цієї характеристики, наприклад: **Попри свою виняткову красу і вишукані манери, любить ніжитися поруч із людиною, вступає у розмову на рівних, але від поклоніння і обожнювання не відмовляється** (Г. Вдовиченко); **Попри тихий байдужий голос, очі Претича горіли таким упертим чорним вогнем, що було видно: Претич не поступиться ані на крок** (І. Білик);

4) експлікація результату дії суб'єкта, протилежного очікуваному, наприклад: **Незважаючи на помітку схожості зі зловмисником, працівник не показав своєї тривоги** (Іван Багрянний); **Всупереч петербурзьким указам він прийняв на Січі турецьких посланців, вислухав їхню пропозицію про перехід Війська Запорозького на бік Туреччини і не став чинити жодних перешкод для їхнього від'їзду** (П. Загребельний).

У сучасній українській літературній мові допустові синтаксеми репрезентовано низкою морфолого-синтаксичних варіантів. Найпоширенішими із них є приєдниково-відмінкові сполуки, з-поміж яких варто виокремити такі різновиди:

1) «незважаючи на + знахідний відмінок», наприклад: **Незважаючи на гулкий рокіт мотора, почув сильний удар у крило і, глянувши туди, побачив кілька маленьких дірочок** (М. Трублаїні); **Незважаючи на сліпоту, Вуточка потроху звикала до вічної темряви та до стежок, котрима сходила все своє життя – на роботу й з роботи, в дуг по дрівця і з дрівцями, до криниці й від криниці – і знов на роботу** (Григір Тютюнник);

2) «всупереч + давальний відмінок», наприклад: **...всупереч ревнющам, побоюванням за корону і скіпетр, бачить в Ярисі своє творче продовження** (Л. Копань); **...мушу, всупереч моїй волі, всупереч пристойності й доброзвичайності, просити тебе, щоб ти подарував мені одну ніч, вельми дорогу тобі по праву, бо твоя лиха доля не лишила тобі, oprіч неї, жодної іншої потіхи, розваги й розради, – маю на увазі твого сокола, бо синок мій хворий так його забажав, що коли я йому того птаха не дістану, боюся, що він ще**

дужче рознеможеться і тоді, крий боже, помре (Джованні Боккаччо, перекл. М. Лукаша); **Всупереч волі**, міцні й здорові юнаки, відірвані ід вітчизни, від мови батьків, з поруйнованими навіки душами, вже не мали для себе ніякого опертя у житті, крім султана, який облудно звав їх своїми синами, і нічого святого, крім платні за свою криваву службу та грабунків, якими щоразу закінчували різанину (П. Загребельний);

3) «наперекір + давальний відмінок», наприклад: *Усе було по-нашому: **наперекір** їхнім **наказам** ми не припиняли боротьбу з червоними, а Гамалій тим часом оголошував нам подяки; вони хотіли провести цей з'їзд у Києві, а ми сказали: ні, хай буде в Звенигородці; вони наполягали їхати туди поїздом, ось же поруч станція Хирівка, сідай і їдь, а ми сказали: ні, поїдемо кіньми (В. Шкляр); – Гізмондо, **наперекір честивості** твоєї, що якби сам того не бачив, то зроду нікому не повірив би, щоб ти не то кого іншого, крім мужа свого, приймала, а й подумала коли про таке; тепер же до кінця недовгого віку мого старечого буду я тим переступом твоїм каратися (Джованні Боккаччо, перекл. М. Лукаша);*

4) «попри + знахідний відмінок», наприклад: *У вагоні, **попри** всю велику **кількість** пасажирів, навдивовижу тихо (Іван Багряний); **Попри сумніви**, ти сам переконаний у тім, що правду кажеш; тільки, здається мені, не досить ти в природу речей унікавав, бо, якби до неї пильніше приглядався: така численність обережніше про сії справи говорити (Джованні Боккаччо, перекл. М. Лукаша);*

5) «незалежно від + родовий відмінок», наприклад: ***Незалежно від пояснень і обвинувачень**, Бентівенья думав, що жінка сказала ті слова з серця, тим що він її налавав, і не звернув на них уваги, але монна Белькольоре довго ще сварилась із панотцем і сердилась на нього до самого винобрання; та коли єгомось нагрозився, що запроворить її в пащу до Люціпера, вона з великого страху запила з ним змиричину молодим вином і заїла гарячими каштанами, і вони ще не раз потім утішались навзаєм (Джованні Боккаччо, перекл. М. Лукаша); **Незалежно від погодних умов**, Галка завжди долучається до процесу – чаклує над «вітамінною гіркою»: викладає віялом на велику тацю порізані помідори, болгарський перець трьох кольорів, огірки, зеленину (Г. Вдовиченко);*

6) «при + місцевий відмінок», наприклад: *І розгортав старий Мороз страхітливі картини, підгледені образки жаскої, каторжанської епопеї. ... Про нелюдські терпіння і труд каторжний, а надто взимку, **при 50-ступневому морозі** напівголих, напівбосих людей, чесних трударів – полтавських, та катеринославських, та херсонських «куркулів», «державних злодіїв», суджених «за колоски», та й всяких «ворогів» – вчених, вчителів, селян і робітників, бородатих дідів і таких же бородатих юнаків, що й не розбереш, скільки людині віку... (Іван Багряний); **При сильному морозі** рушили через вигін у село, до лавки, до конторно-колгоспної – туди, де людей густіше (Григір Тютюнник).*

На відміну від прийменниково-відмінкових конструкцій, в українській мові випадки вживання прислівників як допустових мінімальних одиниць є поодинокими. Зазвичай цю функцію виконує морфологізований прислівник *наперекір*. Він передає значення всупереч бажанню кого-небудь, наприклад: ***Наперекір** зробив Бруно і вважав, що се дає йому право говорити з ним по-свійському; от він і спитав у нього одного дня – що то за дивина, що він і Буффальмакко, люди, бачиться, неможливі, живуть так весело? (Джованні Боккаччо, перекл. М. Лукаша); **Наперекір** робить лише Луїза, збирала свої вогняні кучері у хвіст, піднімала у високу зачіску, скручувала низьким джегутом на потилиці або підгортала і кріпила гренадлями так, що складалося враження, ніби вона зважилася на стрижку-каре... (Г. Вдовиченко); **Попри** вивіски біля кожного експонату,*

що руками не можна чіпати, не сідати, не вилазити, та попри заклики присутніх співробітників частини все ж не залазити у кабіни машин, дітлахи **робили все наперекір** (М. Матіос).

Зрідка допустове значення можуть виражати дієприслівники, наприклад: **Не знаючи мови**, Вовкулака запевнив, що все казане ним є достеменно правда, он Ходя й Біжу не дадуть збрехати, а якщо хто матиме сумнів, то осьде-го вам документ і печатка ... (В. Шкляр); **Не бравши** ніколи раніше лопати до рук, я давав двісті процентів норми (Ю. Смолич); **Бо спілкування юних, яке відбувається постійно, свідчить: діти швидко знаходять спільну мову, навіть не знаючи мови...** (Марія Матіос), **Не думавши про відрядження, він полагодив тин, підрізав старою іржавою косою побитий горобцями острішок, нарубав піхлівчика вільхових дров** (Григор Тютюнник).

ВИСНОВКИ

Отже, корелятами детермінантів зумовленості є чотири різновиди синтаксем: адвербіальні причинові синтаксеми, адвербіальні цільові синтаксеми, адвербіальні допустові синтаксеми й адвербіальні умовні синтаксеми. Усі вони ніби конденсують семантико-синтаксичні відношення між підрядною та головною частинами вихідних речень і містять імпліцитне значення предиката.

Загалом допустові синтаксеми являють собою неоднорідний масив. Усі аналізовані одиниці виражають значення допусту, проте з різними додатковими відтінками. Відповідно до цього допустові синтаксеми можна об'єднати в чотири семантичні групи. Описані різновиди обставинних синтаксем допусту є віддзеркаленням спектра життєвих потреб і відповідають різним комунікативним інтенціям. Досить репрезентабельним є вираження синтаксем допусту прийменниково-відмінковими формами, менш типовою є експлікація за допомогою прислівників і дієприслівників.

Перспективними постають типологізація засобів вираження детермінантних членів речення в структурі висловлення, дослідження другорядних членів речення в різносистемних мовах у зіставному аспекті.

Список літератури

1. *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1988. – 159 с.
2. *Вихованець І. Р.* Граматика української мови. Синтаксис. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
3. *Вінтонів М. О.* Актуальне членування речення і тексту: формальні та функційні вияви: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – 328 с.
4. *Загнітко А. П.* Теоретична граматики української мови: Синтаксис: монографія. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 662 с.
5. *Золотова Г. А., Онисенко Н. К., Сидорова Н. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. М. Ломоносова, 1998. – 528 с.
6. *Іваницька Н. Б.* До проблеми валентності в граматиці // Філологічні студії. – Вінниця: ВДУ, 2004. – Вип. 2. – С. 49–51.
7. *Малащенко В. П.* Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском литературном языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1972. – 172 с.
8. *Межов О. Г.* Типологія мінімальних семантико-синтаксичних одиниць: монографія. – Луцьк: Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2012. – 464 с.
9. *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису русского языка. – М.: Высшая школа, 1980. – 141 с.
10. *Слинько І. І., Гуйванюк Н. В., Кобилянська М. Ф.* Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання. – К.: Вища школа, 1994. – 670 с.
11. *Шведова Н. Ю.* К спорам о детерминантах: обстоятельственная и обстоятельственная детерминация простого предложения // Филологические науки. – 1973. – № 5. – С. 66–77.

References

1. Babajceva V. V. *Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The system of sentence parts in modern Russian]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 159 p.
2. Vihovaneč I. R. *Gramatika ukrajins'koyi movi. Sintaksis* [Grammar of the Ukrainian language. Syntax]. Kyiv, Libid' Publ., 1993. 368 p.
3. Vintoniv M. O. *Aktual'ne chlenuvannya rechennya i tekstu: formal'ni ta funkcijni viyavi: monografiya* [Actual segmentation of sentences and texts: formal and functional manifestations]. Donec'k, DonNU Publ., 2013. 328 p.
4. Zagnitko A. P. *Teoretichna gramatika ukrajins'koï movi: Sintaksis: monografiya* [Theoretical Grammar of the Ukrainian Language: Syntax: Monograph]. Donec'k, DonNU Publ., 2001. 662 p.
5. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova N. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Institut russkogo yazyka im V.V. Vinogradova, Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.M. Lomonosova Publ., 1998. 528 p.
6. Ivanič'ka N. B. *Do problemi valentnosti v gramatici* [Before the problem of valency in grammar]. *Filologichni studiyi*. Vinnicya, VDU Publ., 2004, no. 2, pp. 49–51.
7. Malashchenko V. P. *Svobodnoe prisoedinenie predložhno-padežnyh form imeni sushchestvitel'nogo v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Free addition of prepositional-case forms of a noun in modern Russian literary language]. Rostov-na-Donu, Rostovskij unstitut Publ., 1972. 172 p.
8. Mezhev O. G. *Tipologiya minimal'nih semantiko-sintaksichnih odinic': monografiya* [Typology of minimal semantic-syntactic units: monograph]. Luc'k, Volinslij nacional'nij unstitut im. Lesi Ukrayinki Publ., 2012. 464 p.
9. Sirotnina O. B. *Lekcii po sintaksisu russkogo yazyka* [Lectures on Russian language syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 141 p.
10. Slin'ko I. I., Gujvanyuk N. V., Kobilyans'ka M. F. *Sintaksis suchasnoyi ukrajins'koyi movi. Problemni pitannya* [Syntax of the modern Ukrainian language. Problematic issues]. Kyiv, Vishcha shkola Publ., 1994. 670 p.
11. Shvedova N. Yu. *K sporam o determinantah: obstoatel'stvennaya i neobstoatel'stvennaya determinaciya prostogo predlozheniya* [On the debate about determinants: adverbial and non-adverbial determination of a simple sentence]. *Filologicheskie nauki*, 1973, no. 5, pp. 66–77.

**DETERMINANTS OF CONCESSION IN THE UKRAINIAN LANGUAGE:
SEMANTIC-SYNTACTIC ASPECT**

Grozyan N. F., Prudnikova T. I.

The article is devoted to the characterization of the determinants in the semantic and syntactic aspect. Assumption determinants correlate with adverbial assumptive syntaxemes, whose diversity of semantic assumptive relations is presented in various semantic-syntactic units. Depending on an explicated meaning, assumptive syntaxemes are classified into four groups which cover such semantic types: 1) inverse causation when comparing subject components or a subject and an object according to their general and individual features or spheres of functioning; 2) the meaning of inability, insufficiency, absence or narrowness of certain features and actions of a subject despite the availability of real, possible, favorable pre-conditions; 3) positive characteristics of a subject on the background of the insufficiency of pre conditions or the availability of the reasons which hinder the appearance of this characteristics; 4) explication of the action result of a subject, opposite to the expected one. In the contemporary Ukrainian literary language assumptive syntaxemes are presented with a number of morphologic syntactic variants. The most common among them are prepositional-case combinations. Unlike prepositional-case constructions, the use of adverbs as assumptive minimal units is rare in the Ukrainian language. Usually this function is performed by an adverb *наперекіп*. The described types of adverbial assumption syntaxemes are the reflection of a spectrum of life needs, and they meet various communication intentions.

Keywords: determinant, assumption determinant, sentence, statement, minimal syntactical unit.

УДК 81'42

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19019941>

**ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ
НА КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ**

Долгополова Л. А., Яковлева Е. П.

*Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lilian2000@mail.ru, lena-yakovleva81@mail.ru*

Статья посвящена исследованию особенностей англоязычного конфликтного коммуникативного поведения. Национальное коммуникативное поведение детерминировано влиянием исторических и культурных факторов. Формирование основных принципов коммуникации, в том числе конфликтной, определенной лингвокультурной общности можно проанализировать посредством изучения историко-культурного контекста, в котором функционирует язык. С целью установления особенностей конфликтного коммуникативного поведения представителей англоязычной лингвокультурной общности проведен анализ некооперативных речевых тактик, лексико-фразеологических и грамматических средств, их реализующих. Установлены средства, ориентированные на поиск компромисса и гармонизацию общения. Преобладание некооперативных тактик, таких как тактики несогласия, выражения сомнения и тактика дестабилизации оппонента, обусловлены прагматическими задачами коммуникантов. Таким образом, сочетание стратегий конфронтации и компромисса в англоязычном политическом дискурсе обеспечивает баланс между противоборством и диалогичностью, что способствует более гибкому и целенаправленному управлению диалогами-конфликтами в рамках прагматичной и автономной коммуникативной модели.

Ключевые слова: национальное коммуникативное поведение, некооперативная стратегия, речевая тактика.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является исследование национального коммуникативного поведения той или иной лингвокультурной общности. Согласно мнению исследователей, национальное коммуникативное поведение репрезентирует систему норм, а также культурных традиций, регулирующих процесс общения определенной лингвокультурной общности. Под данной общностью подразумевается народ, объединенный общим языком и единой культурой. Коммуникативное поведение представляет собой совокупность норм и традиций общения определенной группы людей [1; 10]. По мнению Л. В. Куликовой, специфика коммуникативных процессов в различных лингвокультурах детерминруется базовыми для каждой культуры параметрами [3]. Данные параметры, интегрируясь, формируют характерную для конкретного социума нормативно-ценностную систему координат. Эта система позволяет носителям языка осуществлять адекватное повседневное и институциональное взаимодействие, опираясь на основу традиционных специфических символов (языка, жестов, мимики, разнообразных ритуалов и т. д.) [8; 9].

Согласно В. В. Овчинникову, существует несколько типов эмоциональной культуры: *экспрессивный*, отличающийся открытым проявлением и выражением эмоций, воспринимаемый как проявление внутренней силы и *репрессивный*, предполагающий высокий уровень контроля над эмоциональной сферой и трактуемый свободное проявление чувств и эмоций как нечто неподобающее и антисоциальное [7, с. 70–80]. Эти

различия формируют уникальный коммуникативный стиль каждой культуры, который проявляется в специфических способах выражения мыслей: от ясного и прямого до допущения двусмысленностей; от лаконичности до многословия; от эмоциональности до сдержанности; от строгого соблюдения межличностной дистанции до её игнорирования.

Фундаментальный вклад в изучение культуры был сделан нидерландским социологом Гертом Хофстеде, опубликовавшим в 1980 году работу, которая произвела революцию в области кросс-культурных исследований [14]. Выдвинутая им концепция заложила методологическую основу для последующих альтернативных исследований культуры (М. А. Минков, Б. О. Соколов, И. В. Ломакин, P. Brown, S. Levinson, R. J. House, R. Inglehart, Sh. Schwartz) [6; 11; 15; 16; 17]. Исследователь выделял параметры (измерения) культуры, которые позволяют типологизировать национальные культуры в соответствии со шкалами: Power Distance Index PDI, Individualism vs Collectivism, IDV, Masculinity vs Femininity, MAS, Uncertainty Avoidance Index, UAI, Long-Term vs Short-Term Normative Orientation, LTO. Данная классификация позволяет проводить сопоставление культур и прогнозировать коммуникативное поведение их представителей.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности англоязычной культуры

Поскольку коммуникативные нормы, адекватные для одной культуры, могут быть неприемлемы для другой, универсальные принципы коммуникации, такие как максимы П. Грайса [2], сформулированные применительно к индивидуалистическим, низко контекстуальным культурам (*low context cultures*, по классификации Э. Холла), не всегда применимы к высоко контекстуальным культурам, в том числе и русской [12].

Принцип дистанцированности, определяемый в качестве ключевой характеристики английского коммуникативного стиля, является системообразующим фактором, обуславливающим прочие коммуникативные особенности и пронизывающим все сферы межличностного взаимодействия в англоязычной культуре – вербальную, невербальную и эмоциональную. Национальные особенности коммуникативного поведения представляют собой закреплённые традицией коллективные модели коммуникативного взаимодействия, которые проявляются в устойчивом предпочтении определённых коммуникативных стратегий, тактик и средств их реализации – как вербальных, так и невербальных. Их формирование и функционирование обусловлено экстралингвистическими факторами, то есть явлениями внеязыковой действительности (социально-культурными отношениями, ценностными ориентациями, нормами и традициями), в контексте которых протекает коммуникация. Совокупность этих особенностей формирует специфический национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль. Носители английской коммуникативной культуры, по мнению Т. В. Лариной, целенаправленно стремятся к поддержанию межличностной дистанции, тщательно избегая вербальных, невербальных или эмоциональных проявлений, способных нанести собеседнику коммуникативный ущерб [4; 5].

Одним из основополагающих факторов, лежащих в основе коммуникативного поведения коммуникантов, являются *горизонтальная и вертикальная дистанции*, демонстрирующие степень, в которой лингвокультурная общность принимает и легитимизирует распределение власти между индивидами и государственными институтами. Для представителей англоязычной культуры характерна

пространственная дистанция, которая предполагает большее расстояние во всех типах общения. В связи с этим главными для представителей данной культуры являются демократические ценности, независимость и равенство, а индивидуальные ценности и ориентиры личности ставятся выше групповых. Так, характерная для англичан *пространственная* дистанция находит отражение в соблюдении дистанции вербальной, что предписывается английскими культурными ценностями и системой вежливости, что проявляется в редких случаях оказания прямого коммуникативного воздействия на собеседника, в строгом ограничении употреблений императивов как наиболее «опасных» грамматических форм, а также в отказе от непрошенных советов и замечаний [13]. Поскольку национальный стиль коммуникативного взаимодействия детерминирован социально-культурными отношениями, ценностными ориентирами, нормами, традициями и спецификой национальной категории вежливости, его анализ и описание позволяют систематизировать особенности межкультурного общения, выявить их внутреннюю логику и реконструировать их в виде единой целостной системы [3].

Принцип *индивидуализм / коллективизм (Individualism / Collectivism)* демонстрирует степень социально-психологической близости между представителями культуры и характеризует степень самоидентификации и поведение коммуникантов, детерминированных личными предпочтениями и автономией или наоборот, нормами сплоченности представителей лингвокультурной общности [14].

Детерминантой, формирующей национальный стиль коммуникации, выступает тип культуры, что находит отражение в том числе в категории вежливости, которая, будучи универсальным явлением, обладает национально-культурной спецификой и реализуется в соответствии с нормами лингвокультурного общества [12]. Обращение к понятию вежливости в межкультурном контексте имеет особое значение, поскольку коммуникация – это не только процесс обмена информацией, но и средство демонстрации межличностных отношений. Чисто информативная речь является скорее исключением, чем правилом. Многие проблемы межкультурного взаимодействия возникают из-за неспособности участников адекватно, в соответствии с нормами общества и ожиданиями партнёра, продемонстрировать своё отношение к собеседнику.

Экстралингвистические факторы англоязычного коммуникативного поведения

Британское и американское коммуникативное поведение имеет общую либерально-демократическую основу, базирующуюся на исторических связях заключающуюся в плюрализме мнений, доминирование двухполюсной политической системы, приводящей к бинарной риторике. Англосаксонские страны, такие как Соединенные Штаты Америки и Великобритания, обладают продолжительной и богатой традицией демократического управления, основанного на принципах правового государства и парламентаризма. Эти нации прошли через множество исторических этапов, которые оказали значительное влияние на формирование их культуры и ценностей. Исторические события, такие как подписание Великой хартии вольностей (The Magna Carta), Эпоха Возрождения, Реформация и либеральные реформы XVIII–XIX вв. оказали значительное влияние на формирование особенностей коммуникативного поведения английской лингвокультурной общности. Либеральные движения XVIII–XIX вв., представленные такими философами, как Джон Локк и Томас Джефферсон, утвердили идеи о неотъемлемых правах человека, свободе и индивидуализме. Эти идеи стали краеугольным камнем коммуникативной культуры, формируя представление о том, что

каждый человек имеет право на жизнь и свободу слова. Концепции самоуправления и свободы религии, разработанные Джефферсоном, продолжили развиваться и оказывать влияние на современные демократические процессы. Эти преобразования способствовали развитию демократичных, уважительных и аргументативных форм межличностного взаимодействия. В рамках данного исторического контекста сформировались особенности коммуникации, предполагающие активное развитие диалога между гражданами, что обусловило появление более формализованного стиля общения, основанного на признании права индивида на личное мнение и протест. Важной тенденцией стало повышение уровня уважения к правам личности, что отражается в частотности применения кооперативных стратегий в том числе в процессе конфликтного коммуникативного взаимодействия. Такой подход, основанный на свободе слова, способствовал переходу англоязычной коммуникативной культуры к более открытому, демократическому стилю межличностного взаимодействия, плюрализму мнений, укреплению принципов дискуссии, при котором ценится аргументированность, конструктивный подход к общению, подкрепляемый доводами. Таким образом, преобразования, связанные с развитием правового, культурного и интеллектуального аспектов, сформировали устойчивые основы коммуникативного поведения английской лингвокультурной общности, ориентированные на взаимное уважение и конструктивный диалог.

Особенности конфликтогенного поведения в англоязычных ток-шоу

Несмотря на стремление англоязычных коммуникантов к аргументированному и конструктивному коммуникативному взаимодействию, нарушение принципов кооперативного общения может провоцировать проявление конфликтогенного поведения, которое может перерасти в коммуникативный конфликт. Деструктивный диалог-конфликт – это межличностное противоборство, в основе которого лежат противоречия сторон, приводящие к неадекватному взаимодействию субъектов коммуникации, когда одна из сторон или обе сознательно и активно нарушают принципы кооперативного общения, совершая речевые действия в ущерб другой стороне. Разрешение конфликтных ситуаций возможно двумя способами: компромиссным или антагонистичным. Показателем конфликтности диалога является степень интенсивности и агрессивности реакции оппонента в ответ на речевое воздействие. Согласно общепринятым нормам общения, негативные чувства коммуникантам следует скрывать, а существующие разногласия следует корректно вербализовать. Основными проявлениями конфликтогенного поведения в социально-политических ток-шоу можно считать реализацию некооперативных стратегий, выраженных тактиками. Коммуникативные тактики, в свою очередь, выражаются в речевых актах – высказываниях, адресованных собеседнику и аудитории с конкретной целью. Формируя высказывание, адресант ставит перед собой задачу достижения определенной прагматической цели.

При исследовании такого сложного явления, как конфликт, необходимо применять комплексный подход, соответственно, необходимо учитывать социокультурные, психологические и коммуникативно-ситуативные факторы, оказывающие влияние на участников конфликтного диалога.

Анализ речевого поведения участника диалога-конфликта, по нашему мнению, имеет следующие составляющие:

Анализ речевого поведения в культурологическом аспекте предполагает сопоставление параметров и факторов речевого поведения русскоязычного участника социально-политического ток-шоу, обусловленного национальными традициями в контексте политического дискурса с соответствующими параметрами и факторами англоязычного участника.

Анализ речевого поведения в коммуникативно-прагматическом аспекте отражает, как коммуниканты используют язык, учитывая их интенции в определенном социальном контексте т.е. в конфликтной ситуации.

Анализ речевого поведения в стилистическом аспекте включает изучение стилистического оформления речи коммуникантов; применение ими лексики, фразеологии и стилистических фигур, их комплексное взаимодействие.

Рассмотрим особенности коммуникативного поведения в диалоге-конflikте представителей англоязычной культуры.

Рассмотрим средства реализации диалога-конflikта на конкретном примере:

M. Hasan: “*Linda, is that phrase you like, 'American Islam'?*”

L. Sarsour: “*I also don't agree with that phrase. I think Muslims in America are also not a monolith. We are conservative, traditional, progressive liberal... we're all types of Muslims*”.

M. Hasan: “*Much of the debate, much of the hysteria in America about Islam and Muslims, is to do with their very different ways of life and different approaches. In your view, is there a clash between Western or American liberal secular values and traditional Islamic values?*”

Y. Qadhi: “*The word 'clash' is really harsh. There is the possibility of compatibility, and there's the potential for clash. But if both sides work for peace, if both sides agree to compromise, it is a very realistic and doable situation where even conservative Muslims can live and flourish and be a part of mainstream America*” (“Muslim Americans and US liberal values” Al Jazeera English. от 15.12.2015).

В данном примере диалог-конflikт реализуется посредством конфронтационной стратегии.

Тактика несогласия. В течение диалога происходит обсуждение термина “*American Islam*”, Л. Сарсур, открыто выражает свое несогласие с применением данного термина, акцентируя внимание на том, что мусульмане в Америке не являются монолитной группой. Данная тактика создает пространство для рассмотрения различных аспектов идентичности людей, исповедующих ислам, способствуя более глубокому анализу сложностей, с которыми сталкиваются мусульмане в США. Посредством реактивной реплики Я. Кадхи реализуется *тактику проявления сомнения*, демонстрируя колебания относительно целесообразности применения данного термина, акцентируя внимание аудитории на противоречивости термина и побуждая участников дискуссии учитывать сложные культурные и социальные контексты, в которых функционирует ислам в американском обществе. В рамках диалога активизируется *тактика противопоставления собственного мнения мнению собеседника*, реализующаяся посредством постановки вопросов, стимулирующих участников углубиться в анализ возможных конфликтующих аспектов между исламскими и западными ценностями.

К *лексико-фразеологическим и грамматическим средствам*, реализующим некооперативные стратегии в англоязычном диалоге-конflikте, можно отнести профессиональную, религиозную и социально-политическую лексику (например, “*secular values*,” “*traditional Islamic values*,” “*mainstream America*”), что придает диалогу официальный и экспертный характер.

Лексическая единица “*clash*” – «конфликт», «столкновение» является ключевой в высказывании и несет негативную коннотацию, выделяя тему и подчеркивая её актуальность, вызывая эмоциональный отклик у аудитории придавая динамику, конфронтационность и драматизм высказыванию. Далее спикер делает акцент на том, что конфликт – не неизбежность, а потенциальный допустимый сценарий. Прием, реализующий противопоставление противоположных концепций – “совместимость” и “конфликт”, выраженный во фразах “*The possibility of compatibility*” и “*there’s the potential for clash*”, подчеркивает возможность двух совершенно различных сценариев развития событий, противопоставляя идеи благополучного сосуществования и риски конфронтации.

В фразе “*The hysteria in America about Islam and Muslims*” слово «истерия» способствует негативному восприятию конфликта и возникновению сильных, зачастую иррациональных эмоций, связанных с обсуждаемой темой.

В данном фрагменте основные лексико-фразеологические средства, служащие построению конфронтационной стратегии, это слова “*clash*” и “*hysteria*”, а также противопоставление “*possibility of compatibility*” и “*potential for clash*”. Эти средства подчеркивают наличие конфликтного аспекта в обсуждении и способствуют эмоциональному воздействию на аудиторию, акцентируя внимание на возможных противоречиях и напряженности.

В качестве грамматических средств, реализующих конфронтационную стратегию, можно упомянуть условные конструкции. К фразам, подчеркивающим возможность компромисса в данном диалоге, можно отнести и “*if both sides work for peace*”. Данное выражение акцентирует внимание на потенциальной возможности сотрудничества, стремлению к мирному диалогу и взаимопониманию. В реплике присутствует тактика «дестабилизация оппонента», реализующаяся посредством упоминания о «консервативных мусульманах», которые могут «жить и процветать, и быть частью мейнстрима Америки», напоминая о наличии потенциальных препятствий или конфликтных ситуаций, которые могут повлечь напряжение в американском обществе. Фразы «обе стороны работают на мир» и «обе стороны согласны на компромисс» подразумевают активные усилия обеих сторон для достижения согласия, что является показателем стремления к сотрудничеству. Модальные глаголы «может» и «должны» в данном контексте указывают на возможность и необходимость действий, направленных на мирное урегулирование проблем. Использование эвфемизмов “*possibility*” и “*potential*” в данном контексте позволяют смягчить конфликтный потенциал высказывания, что делает речь спикера менее жесткой и более дипломатичной. Спикер Й. Кадхи избегает категоричных высказываний, смягчая оценку ситуации и фокусируя внимание на возможностях мирного урегулирования проблем, а не на конфронтации. Словосочетание “*really harsh*” в комментарии Й. Кадхи подчеркивает негативную окраску высказывания, одновременно делая акцент на необходимости конструктивного решения проблем.

Применение условных конструкций, модальных глаголов и эвфемизмов свидетельствует о стратегиях формирования диалога, ориентированного на взаимное уважение и компромисс, что способствует снижению напряженности и предотвращению конфронтации. Акцент на возможностях достижения согласия отражает дипломатический подход, а избегание категоричности и акцент на мирном урегулировании разногласий демонстрируют прагматичность спикеров. Выбранные языковые средства способствуют созданию благоприятной атмосферы в процессе коммуникации и укреплению взаимопонимания между сторонами.

ВЫВОДЫ

Понимание национально-культурных особенностей коммуникативных стратегий является ключевым условием для успешной межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия участников конфликтного диалога. Англоязычная культура характеризуется большей пространственной дистанцией, что проявляется в ценностях демократии, равенства и независимости. Параметр «индивидуализм – коллективизм» является ключевым измерением, влияющим на коммуникативное поведение. В англоязычной культуре наблюдается меньшая дистанция власти, что подчеркивает ценность равенства и демократических принципов.

В рамках дискуссий различной степени конфликтности, некооперативные реализуются посредством некооперативных тактик и речевых актов, направленных на достижение определенной прагматической цели.

Комбинирование тактик несогласия, проявления сомнения и тактики дестабилизации оппонента направляет диалог из плоскости «неразрешимой проблемы» и конфронтации к компромиссу и возможности адаптации, что позволяет представить мусульман как активных субъектов, способных интегрироваться в общество и участвовать в построении социального диалога.

Использование лексико-фразеологических и грамматических средств, терминов, единиц с негативной коннотацией, условных конструкций, модальных глаголов, противопоставлений и усиливают конфликтную напряженность и эмоциональное восприятие конфликта аудиторией. Широкое применение эвфемизмов и стилистических средств направлено на снижение уровня агрессии, создание условий для конструктивного дипломатического диалога и гармонизации коммуникации.

Речевые тактики, реализующие конфронтационную стратегию, способны как усиливать степень конфликтности диалога, так и способствовать более глубокому анализу обсуждаемых проблем и сложных вопросов в процессе дискуссии.

Несмотря на наличие конфликтных аспектов и очагов напряженности в диалогах, некооперативные стратегии зачастую носят управляемый характер благодаря наличию баланса между конфликтными и компромиссными тактиками в процессе коммуникативного взаимодействия. В англоязычной коммуникации преобладает стратегическая автономность, прагматизм, выраженный в использовании тактических речевых средств для достижения целей и управления конфликтом.

Использование тактик несогласия и противопоставления в английском дискурсе является важным инструментом для выражения различных точек зрения, формирования диалоговой реальности и управления конфликтами в рамках коммуникативного взаимодействия.

Список литературы

1. *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 513 с.
2. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – 1985. – С. 217–237.
3. *Куликова Л. В.* Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2006. – 40 с.
4. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Памятники древней Руси, 2009. – 512 с.
5. *Ларина Т. В.* Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // Cuadernos de Rusística Española. – 2013. – № 9. – С. 193–204.

6. Минков М. А., Соколов Б. О., Ломакин И. В. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение. – 2023. – № 2. – С. 287–317.
7. Овчинников В. В. Сакура и дуб // Роман-газета. – 1987. – № 4. – С. 70–80.
8. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение. – 5-изд. – М.: Флинта – 2022. – 289 с.
9. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие. 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 328 с.
10. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. – 2000. – С. 4–20.
11. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 360 p.
12. Hall E. T. Beyond Culture. – New York: Anchor Books, 1989. – 256 p.
13. Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies. – California: Thousand Oaks SAGE Publications, – 2004. – Vol. 1. № 1 – P. 55–71.
14. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills: Sage, 1980. – 488 p.
15. House R. J. Culture, Leadership, and Organizations. The Globe Study of 62 Societies. – California: Thousand Oaks, SAGE Publications, 2004. – 818 p.
16. Inglehart R., Baker W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. – 2000. – Vol. 65. № 1. – P. 19–51. .
17. Schwartz Sh. National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // Handbook of the Economics of Art and Culture. – Amsterdam, 2014. – P. 547– 586.

References

1. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 513 p.
2. Grajs G. P. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and Verbal Communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika*, 1985, pp. 217–237.
3. Kulikova L. V. Kommunikativnyj stil' kak problema teorii mezhkul'turnogo obshcheniya: Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. [Communicative Style as a Problem of Intercultural Communication Theory. Abstract of Tthesis]. Volgograd, 2006. 40 p.
4. Larina T. V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* [Politeness and Communication Style: A Contrastive Study of English and Russian Linguocultural Traditions]. Moscow, Pamyatniki drevnej Rusi Publ., 2009. 512 p.
5. Larina T. V. *Kommunikativnyj etnostil' kak sposob sistematizacii etnokul'turnyh osobennostej povedeniya* [Communicative Ethno-Style as a Framework for Systematizing Ethnocultural Behavioral Patterns]. *Cuadernos de Rusistica Española*, 2013, no. 9, pp. 193–204.
6. Minkov M. A., Sokolov B. O., Lomakin I. V. Evolyuciya modeli kul'turnyh izmerenij Hofstede: paralleli mezhdub ob"ektivnoj i sub"ektivnoj kul'turoj. Evolution of Hofstede's [The Evolution of Hofstede's Cultural Dimensions Model: Parallels Between Objective and Subjective Culture]. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 287–317.
7. Ovchinnikov V. V. *Sakura i dub* [Sakura and Oak]. *Roman-gazeta*, 1987, no. 4, pp. 70–80.
8. Prohorov Yu. E. *Russkie: kommunikativnoe povedenie*. [Russians: Communicative Behavior]. 5-th ed. Moscow, Flinta Publ., 2022. 289 p.
9. Radbil' T. B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: uchebnoe posobie* [Fundamentals of studying linguistic mentality: a tutorial]. 2-th ed. Moscow, Flinta; Nauka; Publ., 2012. 328 p.
10. Sternin I. A. *Kommunikativnoe povedenie v strukture nacional'noj kul'tury* [Communicative Behavior in the Structure of National Culture]. *Etnokul'turnaya specifikayaazykovogo soznaniya: sb. st.* Moscow, 2000, pp. 97–112.
11. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 360 p.
12. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books Publ., 1989. 256 p.
13. Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. California, Thousand Oaks SAGE Publications, 2004, vol. 1, no. 1, pp. 55–71.

14. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, Sage Publ., 1980. 488 p.
15. House R. J. *Culture, Leadership, and Organizations. The Globe Study of 62 Societies*. California: Thousand Oaks, SAGE Publications, 2004. 818 p.
16. Inglehart R., Baker W. E. *Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values*. *American Sociological Review*, 2000, vol. 65, no. 1, pp. 19–51.
17. Schwartz Sh. *National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance*. *Handbook of the Economics of Art and Culture*. Amsterdam, 2014, pp. 547– 586.

**INFLUENCE OF HISTORICAL AND CULTURAL FACTORS
ON COMMUNICATIVE BEHAVIOR IN CONFLICT DIALOGUE OF ENGLISH-
SPEAKING LINGUISTIC AND CULTURAL COMMUNITY REPRESENTATIVES**

Dolgoplova L. A., Yakovleva E. P.

The article is devoted to the study of the peculiarities of English-language conflictual communicative behavior. National communicative behavior is determined by the influence of historical and cultural factors. The history, culture of a people, and its language are closely interconnected. The formation of the basic principles of communication, including conflict communication, of a specific linguocultural community can be analyzed by examining the historical and cultural context in which the language functions. To identify the features of conflictual communicative behavior among representatives of the English-speaking linguocultural community, an analysis was conducted of non-cooperative speech tactics and the lexical-phraseological and grammatical means that realize them. Means aimed at finding compromise and harmonizing communication have been identified. The predominance of non-cooperative tactics, such as tactics of disagreement, expressing doubt, and destabilizing the opponent, is determined by the pragmatic goals of the communicators. Thus, the combination of confrontation and compromise strategies in English-language political discourse ensures a balance between conflict and dialogicity, which contributes to more flexible and purposeful management of conflict dialogues within a pragmatic and autonomous communicative model.

Keywords: national communicative behavior, non-cooperative strategy, speech tactic.

УДК 81`42

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19020073>

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЭМОЦИЯМИ И ЧУВСТВАМИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Ратундалова И. Ю.

*Донецкий государственный университет,
Донецк, Российская Федерация
E-mail: i.boryushova@mail.ru*

В статье рассматриваются эмоционально-чувственные способы манипулятивного воздействия в американском и российском кинодискурсе на материале диалогов современных художественных фильмов и сериалов. Исследование фокусируется на трех наиболее распространенных эмоциональных тактиках речевого манипулирования – упреке, провокации и угрозе. Рассматриваются языковые средства и выделяются семантические типы их актуализации; анализируется степень выражения имплицитности и эксплицитности, сдержанности и экспрессивности каждой тактики. Особое внимание уделяется культурно-специфическим особенностям их реализации, позволяющим выявить сходства и различия в механизме речевого манипулирования, типичные для американской и российской лингвокультур. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в англоязычном материале манипулятивные тактики преимущественно проявляются в мягкой, косвенной форме и реже включают прямую негативную оценку, в то время как в русскоязычном кинодискурсе, наоборот, доминируют эмоционально насыщенные, открытые и нередко агрессивные способы воздействия. Эти различия отражают культурные нормы взаимодействия, характерные коммуникативные ожидания, сценарные традиции двух лингвокультур и дополняют представления о национально обусловленных моделях речевого поведения в медиадискурсе современной экранной культуры.

Ключевые слова: кинодискурс, речевое манипулирование, эмотивность, речевые тактики, упрек, провокация, угроза.

ВВЕДЕНИЕ

Кинодискурс представляет собой синтез разноуровневых семиотических средств, формируя особый тип художественно смоделированной коммуникации. Речевая организация диалогов персонажей отражает эмоциональные и оценочные нормы соответствующей лингвокультуры и демонстрирует способы воздействия одного участника общения на другого, включая манипулятивные тактики. В этом смысле кинодискурс является репрезентативной моделью для анализа речевого манипулирования в естественных ситуациях.

Под речевым манипулированием понимается скрытое влияние на сознание адресата с помощью языковых средств, направленное на формирование определенных оценок, эмоциональных реакций или предпочтительных моделей поведения [20, с. 534]. Учитывая, что в структуру сознания входят эмоции и чувства [9, с. 11; 16, с. 85], регулирующие динамическую сторону мотивации и побуждающие к действию [22], обращение к эмоциональному компоненту представляет собой одну из наиболее эффективных форм манипулятивного воздействия. Следовательно, исследование способов управления эмоциональным состоянием адресата является существенным для описания механизмов речевой манипуляции.

Несмотря на широкую разработанность проблемы манипулятивного речевого воздействия в рамках политического и публицистического дискурса [2; 3; 6; 10; 13; 15; 19; 26; 27], особенности реализации тактик манипулирования в кинодискурсе до сих пор освещены фрагментарно [5; 7; 14]. Имеющиеся классификации стратегий и тактик,

ориентированные преимущественно на институциональное общение, часто не представляется возможным адаптировать к анализу естественного диалога, который отличается иной динамикой, иной степенью эмотивности и иной системой логико-структурных норм. Манипулирование в ситуациях межличностного общения активно освещается в психологических исследованиях [1; 8; 12; 18; 21; 23; 24], которые предлагают описания отдельных манипулятивных приемов, однако, как правило, не сосредоточены на языковой составляющей, не содержат системного анализа реальных диалогов и не рассматривают манипуляцию в сопоставительном аспекте.

В нашем исследовании рассматриваются три тактики манипулирования эмоциями и чувствами – тактики упрека, провокации и угрозы. Их выбор обусловлен высокой продуктивностью данных тактик в кинодискурсе, а также тем, что все они эксплуатируют негативные эмоции (вину, гнев, страх) в качестве рычагов давления. Важно и то, что при их реализации манипулятор занимает активную позицию преследователя [12], что отличает их от стратегий, основанных на апелляции к сочувствию или демонстрации слабости. Это позволяет описать устойчивые сценарии эмоционального воздействия и сопоставить их в рамках различных культурных традиций.

Основные задачи исследования – выявление общих и схожих моделей реализации тактик упрека, провокации и угрозы в американском и российском кинодискурсе, а также анализ различий актуализации данных тактик и их обоснование в культурном контексте.

Материалом исследования послужили 914 реплик, в которых реализуются тактики упрека, провокации и угрозы (412 – в английском языке и 502 – в русском). Реплики для анализа извлекались методом сплошной выборки из фильмов и сериалов, выходящих в период с 2019 по 2024 г. При выборе киноматериала наряду с годом выпуска учитывались также жанр (фильмы и сериалы, в которых присутствуют фантастические элементы, к исследованию не привлекались); период освещаемых событий (исторические фильмы также не принимались во внимание); тематическая направленность (выбор основывался на схожих сюжетных мотивах или архетипах персонажей); хронометраж (примерно по 11 тыс. минут на английском и русском языках). В качестве иллюстративного материала используются реплики из фильмов Shirley (2020), The Tutor (2022), Challengers (2024), «Триггер. Фильм» (2023), «Я богиня» (2023); сериалов Prodigal Son (2019–2021), Euphoria (2019–...), Chucky (1 сезон) (2021), Ginny & Georgia (2021–...), Black Bird (2022), Inventing Anna (2022), The Dropout (2022), Tell Me Lies (2022–...), Beef (2023), Cruel Intentions (2024), Presumed Innocent (2024), «Сама дура» (2020–2023), «Триггер» (2020–...), «Зеленый мэр» (2021), «Хрустальный» (2021), «Медиатор» (2021–2024), «Новенькие» (2022–2023), «Тетя Марта» (2022–2024), «Райцентр» (2023), Госпожа (2023–...), «Дайте шоу» (2024), «Трасса» (2024).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Тактика упрека

Тактика упрека является преобладающей в речах американских персонажей (186 примеров (45,1%)) и второй по частотности в речах российских персонажей (171 пример (34,1%)). Применяя тактику упрека, манипулятор стремится вызвать чувство вины или стыда у адресата, тем самым влияя на его поведение. Речевой акт упрека характеризуется наличием негативной оценки действий или качеств адресата [11].

Упрек может выражаться прямо (присутствует эмоционально-оценочная лексика с негативной коннотацией, указывается объект упрека (при помощи имен, личных местоимений, обращений по роли или статусу собеседника)) или косвенно (обвинение

или негативная оценка подразумеваются и могут быть выражены при помощи намеков, двойных смыслов, иронии и сарказма).

В обоих языках доминируют прямые упреки – в меньшей степени в англоязычном материале (104 реплики (55,9%)) и в большей – в русскоязычном (121 (70,8%)), например: *Why are you sulking like a little baby?* (Inventing Anna) ‘Почему ты дуешься, как маленький ребенок?’; *Ты еще ничего не добила в этой жизни, а уже пытаешься диктовать свои условия* («Новенькие»).

Косвенные упреки более продуктивны в английском языке (82 случая (44,1%)), по сравнению с русским (50 случаев (29,2%)), например: *No worries, CeCe. It's taken care of. You can sit this one out. How about you go do something for school? Let's go, ladies* (Cruel Intentions) ‘Не волнуйся, СиСи. Об этом позаботились. Можешь не беспокоиться. Как насчет того, чтобы пойти и сделать что-нибудь для колледжа? Пойдемте, дамы’ – адресант намекает на неверные приоритеты адресата, который предпочел интересы колледжа интересам сестринства; *И тогда старый король вместе со своей молодой женой напоили принца зельем. Выпив которое, принц забыл, кто он на самом деле* («Триггер. Фильм») – в форме сказки выражается мысль о неправильном выборе и поведении «принца» (объекта манипуляции). Стоит отметить, что косвенные упреки часто выражаются через оправдательные конструкции – данный прием делает манипуляцию более скрытой и мягкой. В материале на английском языке употребление оправданий более продуктивно (50 случаев (26,9%)), нежели чем в материале на русском языке (30 случаев (17,5%)), например: *I'm here because I'm concerned. My team worked all week on that presentation. I thought you wanted to see it* (Prodigal Son) ‘Я здесь, потому что обеспокоен. Моя команда всю неделю работала над этой презентацией. Я думал, вы захотите ее увидеть’; *Я его нашла. Нет, ты не думай, я его специально не искала. Я прибираться начала, на полочках пыль вытирала. Ну, и до антресолей добралась, когда он и выпал сам. Паспорт мой. Плохо ты его нынче спрятала* («Госпожа»).

Кроме того, в материале на русском языке демонстрируется более высокий уровень агрессии; применение тактики упрека часто сопровождается восклицаниями (56 примеров (32,7%): *Это ты мне сказала, а теперь скажи ее матери, что ты ничего не знаешь! И что ты не будешь ей помогать!* («Трасса»); ср. англ. – 38 (20,4%): *You're fucking lucky I care enough to keep it to myself!* (Tell Me Lies) ‘Тебе чертовски повезло, что мне не все равно, и я держу это при себе!’), оскорблениями, сниженной и обценной лексикой (53 примера (31%): *Господи, как ты мямлишь! Егор, мне за тебя стыдно. Там мама с папой в зале сидят! Позорище* («Триггер»); ср. англ. – 47 (25,3%): *You fucking did this to me!* (Euphoria) ‘Ты, черт возьми, сделал это со мной!’).

Таким образом, в речах англоязычных персонажей актуализация упрека чаще осуществляется имплицитно и эмоционально приглушенно, тогда как в речах русскоязычных персонажей наблюдается склонность к более эксплицитному и экспрессивному выражению.

Тактика провокации

Тактика провокации нацелена на вызов эмоциональной реакции (гнева, раздражения, тревоги, страха, стыда или оправдания) у объекта манипуляции при помощи прямо или косвенно выраженных негативных оценок его качеств или поведения, реплик, выражающих недоверие к его позиции, прямых запросов информации, поднятия нежелательных тем и т.д. [17].

В английском языке обнаружено 153 реплики с провокациями (37,1%), а в русском – 188 реплик (37,7%) – это наиболее высокий показатель в русскоязычном материале.

В результате анализа эмпирического материала удалось выделить пять типов провокативных высказываний (в 153 англоязычных репликах реализуется 164 провокация; а в 188 русскоязычных – 231 провокация):

1) провокация через негативную атрибуцию (англ. – 55 примеров (33,5 %); русск. – 99 случаев (42,9 %) – приписывание адресату отрицательных качеств или свойств, направленных на вызов эмоциональной реакции (гнева, стыда, желания оправдаться), дестабилизацию его позиции в диалоге, побуждение к линии поведения, выгодной говорящему. Например: *You were wrong. This was a waste of time. Your son thought that you would tell me the truth. But I knew better. You're not some self-styled genius. It's all fake, pretend. You're not a surgeon. You're not a father* (Prodigal Son) ‘Вы ошибались. Это была пустая трата времени. Ваш сын думал, что вы скажете мне правду. Но я знала, что это не так. Вы не какой-то гений, как вы сами себя называете. Это все фальшь, притворство. Вы не хирург. Вы не отец’; *Ну ладно, ладно. Водитель за стеклом. Кстати, а сколько у нас элитных водителей-баб? Я просто интересуюсь как профессионал, могу сказать, что женский мозг в целом хуже справляется с пространственным ориентированием...* («Триггер») – провокации вербализируются посредством эмоционально-оценочной, часто грубой, стилистически сниженной лексики. Провокационные высказывания через негативную атрибуцию были условно поделены на критические замечания и оскорбления, и количество оскорблений в английском языке составило 13 случаев (23,6%), тогда как в русском – 39 (39,4%), что указывает на повышенную агрессивность в материале на русском языке;

2) провокация через вызов (англ. – 55 примеров (33,5 %); русск. – 70 случаев (30,3 %) – побуждение объекта манипуляции к действию, высказыванию или эмоциональной реакции путем провоцирующего имплицитного или эксплицитного вызова, который носит форму сомнения в качествах адресата (мужественности, смелости, решительности, самостоятельности, компетентности). Данный вид провокации реализуется в смягченной форме в английском языке – при помощи вопросительных предложений, хеджирования (использования средств, придающих высказыванию неоднозначность, снижающих степень уверенности [4]) (*Don't you wanna... I don't know, to... go over there and say something? You know, be assertive? He didn't like that you're Japanese* (Beef) ‘Ты не хочешь... Не знаю... пойти туда и сказать что-нибудь? Знаешь, поагрессивничать? Ему не понравилось, что ты японец’); и в более асертивной форме – в русском языке – посредством императивных конструкций, эмфатических частиц (*Делайте свой бенефис. Оправдывайте зло, которое творит Дина. Только вот Дина вас рано или поздно уничтожит* («Дайте шоу»); *А-а, ну, естественно! Зассалис-с, Андрей Витальевич!* («Я богиня»)); в обоих языках наблюдаются апелляции к номинации этических добродетелей (смелость, честь и т.д.: *...are you brave enough to ask it?* (Prodigal Son) ‘...хватит ли у тебя смелости задать этот вопрос?’; – *Хочешь пари? 5 сеансов и ты становишься другим человеком. – А я не хочу быть другим человеком. – Боишься?* («Новенькие»));

3) провокация через указание на виновность (англ. – 24 случая (14,6%); русск. – 28 случаев (12,1 %) – провоцирующее высказывание, в котором объект манипуляции имплицитно или эксплицитно представляется виновным, ответственным или сопричастным к отрицательному действию или событию. Данный вид провокации актуализируется при помощи прямых (употребляются негативно окрашенные лексемы, виновник указывается эксплицитно) или косвенных (используются ирония, риторические вопросы, намеки, виновник подразумевается, но не называется прямо) обвинений.

Интересно, что провокация через указание на виновность в английском языке в основном выражается прямо и эксплицитно (в 18 случаях (75%), например: *No wonder she jumped. She killed herself. Because of you* (Chucky) 'Неудивительно, что она прыгнула. Она покончила с собой. Из-за тебя'); тогда как в русском – более мягко, виновность часто маркируется через иронию, риторический вопрос или гипотезу (в 11 случаях (39,2%), например: *Деньги, они же не пахнут, да?* («Зеленый мэр»));

4) провокация через сравнение (англ. – 17 примеров (10,4%); русск. – 19 примеров (8,2%)) – высказывание, основанное на эксплицитном или имплицитном сопоставлении с третьими лицами с целью индуцирования эмоциональной реакции объекта манипуляции, направленной на защиту, самоутверждение, агрессию или демонстрацию компетентности. Например: *What? You're not intimidated by him? ... Really? ... Well, you should be. ... Because he's smart. He's good looking. And he's really fucking good at tennis* (Challengers) 'Что? Ты его не боишься? ... Правда? ... Ну, тебе следовало бы... Потому что он умный. Он симпатичный. И он действительно чертовски хорош в теннисе'; *Боголепов сказал, что ты порезала картины, потому что у Кристины был врожденный талант, а тебя, к сожалению, природа обделила* («Медиатор») – провокация вербализуется посредством прилагательных и наречий в сравнительной степени; сравнительных конструкций с союзами *than, like, чем, как, а*; оценочной лексики с негативной (направленной на объект манипуляций) и позитивной окраской (направленная на третью сторону). В некоторых случаях сравнение может не выражаться напрямую, но подразумеваться (англ. – 10 примеров (58,8%), например: *Your sister just got engaged. To the mayor. She's set life* (Ginny & Georgia) 'Твоя сестра только что обручилась. С мэром. Она устроила свою жизнь'; русск. – 9 примеров (47,4%), например: *Некоторым я и таким нравлюсь* («Сама дура»));

5) провокация через прямой запрос информации / поднятие нежелательных тем (англ. – 13 (7,9%); русск. – 15 (6,5 %)) – высказывание, нарушающее коммуникативную норму посредством эксплуатации табуированных тем (напр., тема секса, измен, насилия и т.д.) с целью дестабилизации позиции собеседника в диалоге, активации защитных реакций, интенсификации эмоционального ответа или демонстрации власти. Например: *What about the baby? Was it planned? Are you worried about having a bastard?* (Shirley) 'Что насчет ребенка? Он был запланирован? Ты не беспокоись о том, что у тебя будет убудок?'; *У тебя адвокат есть? Из Москвы? Спала с ним?* («Новенькие») – используется сниженная лексика, часто лексемы с сексуально маркированной окраской (именно сексуальная тема чаще всего понимается в обоих языках (в 7 случаях (53,8%) в английском языке и в 9 (60%) – в русском).

Таким образом, провокации в англоязычном материале преимущественно реализуются в мягкой, имплицитной форме (за исключением провокаций, связанных с указанием на виновность). В русскоязычном материале, напротив, для провокативных высказываний характерна более эмоционально насыщенная и наступательная подача. Кроме того, значительно более продуктивной оказывается провокация через негативную атрибуцию, что демонстрирует более эффективный манипулятивный потенциал апелляции к личностным качествам, моральным характеристикам и социальным ролям адресата, а также меньшую склонность к оценке личности в американской лингвокультуре.

Тактика угрозы

Тактика угрозы направлена на стимулирование объекта манипуляции к определенному поведению при помощи устрашения. В материале на английском языке обнаружено 73 реплики (9,9%), в которых реализуются угрозы, а в материале на русском языке – почти в двое больше – 143 (15,9%). Подобная разница в количественных показателях может быть связана с культурной спецификой: так, вертикаль власти и патриархальные модели взаимодействия в русской культуре закрепляют речевые стратегии доминирования, включая угрозу, как социально допустимые, тогда как американская культура ориентирована на менее напористый, но более адаптивный подход [25].

Важно различать неманипулятивную угрозу, целью которой является открытое принуждение адресата к чему-либо, от манипулятивной, характеризующейся наличием скрытого механизма контроля через искажение восприятия ситуации (к примеру, угроза не имеет реального основания или возможности реализации).

В обоих языках выделяются как прямые, так и косвенные угрозы, в зависимости от коммуникативной ситуации, однако в речах англоязычных персонажей косвенные актуализируются в большей степени (34 случая (46,6%), напр.: *And if you don't, there will be consequences* (Cruel Intentions) ‘А если вы этого не сделаете, то будут последствия’), по сравнению с русскоязычными (33 случая (23,1%)), в речах которых явно доминируют прямые угрозы (110 случаев (76,9%), напр.: *Слышь, еще раз сюда придешь, я позволю в опеку и скажу, что за тобой никто не смотрит, соображаешь?* («Сама дура»)).

Прямая угроза характеризуется наличием вербального маркера – глаголов (*tell* ‘рассказать’, *find* ‘найти’, *ruin* ‘разрушить’, *put smb in jail* ‘засадить в тюрьму’; *убить, затаскать по судам, рассказать, проклясть* и т.д.); императивов (*You're afraid I'm gonna leave. This is it, and I'll never come back. Okay. I'll give you this. Help me and I'll come back* (Prodigal Son) ‘Ты боишься, что я уйду. Вот и все, я никогда больше не вернусь. Ладно, я дам тебе шанс. Помоги мне, и я вернусь’; *He подходит ко мне, или я его убью! Я его убью!* («Триггер»)); прямой отсылки к субъекту и объекту действию (*You stay away from my family. You hear me, Jackson? Or I'll hurt you. I'll hurt you* (The Tutor) ‘Держись подальше от моей семьи. Ты слышишь меня, Джексон? Или я сделаю тебе больно. Я сделаю тебе больно’; *Если ты не успокоишься, я засажу тебя за клевету. И его тоже* («Дайте шоу»)). Стоит отметить, что повелительное наклонение используется в основном в русском языке, тогда как в английском предпочтение отдается средствам модальности и будущему времени, которые могут использоваться как в прямых, так и в косвенных угрозах – за счет этого англоязычные реплики смягченные, манипулятор стремится продемонстрировать, что у адресата якобы есть выбор, например: *'Cause I'll put you in jail. Or on a sex offender registry. I mean, it's your choice. I don't want to force you to do anything* (Euphoria) ‘Потому что я засажу тебя в тюрьму. Или внесу в реестр сексуальных преступников. То есть – это твой выбор. Я не хочу принуждать тебя к чему-либо’.

Косвенная угроза выражается при помощи наличия подтекста и двойных смыслов (*Do you remember the first time you spoke to me? In Beijing? I was just remembering. I was going back over old emails, text messages. – Why would you do that? – I told you. I wanted to remember. – Why? – It's romantic to look over old texts* (The Dropout) ‘Ты помнишь, как ты впервые заговорила со мной? В Пекине? Я просто вспоминал, просматривал старые электронные письма, текстовые сообщения. – Зачем ты это делал? – Я же говорил тебе. Я хотел вспомнить. – Почему? – Это так романтично – просматривать старые сообщения’ – угроза скрыта и может быть зафиксирована только при наличии контекста: в переписке содержатся доказательства виновности адресата и напоминание о ней используется как

способ давления; *Просто помни, что мы... рядом* («Райцентр») – без контекста воспринимается как слова поддержки); средств смягчения – иронии, эвфемизмов, метафор, эллипсисов, пауз (*So, you're either Jimmy the gunrunner from Wisconsin, or you're Jimmy the drug-dealing cop's kid from Chicago. Now, if you're the first Jimmy, no problem. But if it gets out that you're the second Jimmy pretending to be the first Jimmy... Oh... That's going to be a very unfortunate day for both fucking Jimmys* (Black Bird) ‘Итак, ты либо Джимми, торговец оружием из Висконсина, либо Джимми, наркоторговец и сын полицейского из Чикаго. И если ты первый Джимми, то нет проблем. Но если выяснится, что ты второй Джимми, притворяющийся первым Джимми... О... Это будет очень неудачный день для обоих чертовых Джимми’; *Настал твой звездный час. Знаешь, кто приехал? Экспертиза! Наконец-то, да? Хочется же разобраться, как человек в реке оказался... А то версий море! Может, с машиной беда, а может, выпил что-то не то...* («Райцентр»)); риторических вопросов (*You know, I've met a lot of colorful characters in here. Murderers, hitwomen, you know, I had no idea how cheap it was to have someone killed. Did you? Like, seriously, like the price of a knock-off Chanel bag. Can you believe it?* (Inventing Anna) ‘Знаешь, я встретила здесь много ярких личностей. Убийцы, наемные убийцы... Знаешь, я понятия не имела, насколько дешево обходится чье-то убийство. А ты знал? Серьезно, по цене фейковой сумки от Шанель. Представляешь?’; *Ярик, это моя первая свадьба! И, я надеюсь, последняя. Ты же тоже хочешь, чтобы она была последней? Или я ошибаюсь?* («Зеленый мэр»)).

Реплики англоязычных персонажей более сдержанные, стилистически нейтральные (*You know, I'd hate to tell the police the wrong story, Jess. But my feelings have been hurt* (Prodigal Son) ‘Знаешь, Джесс, мне бы не хотелось рассказывать полиции ложную историю. Но мои чувства были задеты’), тогда как реплики русскоязычных героев более эмоциональные и агрессивные (*Тебя показательно посадят, будут по телеку твою рожу полоскать по всем каналам, а все твои друзья сольют тебя, как рыбку в унитаз. Это еще не главный прикол. Ты недосидишь. И дело не в амнистии* («Хрустальный»)) – всего лишь в 11 репликах (7,6%) в материале на русском языке отсутствует сниженная лексика, экспрессивные разговорные конструкции, восклицания, тогда как в английском языке таких реплик – 23 (31,5%).

В корпусе из 216 реплик зафиксирована 251 угроза (англ. – 93 угрозы; русск. – 158), которые можно распределить на пять семантических типов:

1) «Психологическое насилие» (англ.: 28 угроз (30,1%); русск.: 21 (13,3%)) – угроза, основанная на страхе потери, вины или любви, например: *You can't keep him from me. I have rights. Then you better talk to him or something. Or I'm... I'll make your life hell* (Ginny & Georgia) ‘Ты не можешь скрывать его от меня. У меня есть права. Тогда тебе лучше поговорить с ним и все такое. Или я... Я превращу твою жизнь в ад’; *Давай, я просто могу отобрать у тебя ребенка* («Триггер»);

2) «Правовые последствия» (англ.: 25 угроз (26,9%); русск. 65 (41,1%)) – угроза обратиться в полицию, привлечь к суду, посадить в тюрьму, например: *I'm more than happy to get the Chief of Police, Bill Greenwood, involved. Old family friend. Maybe he should have this conversation with you* (Euphoria) ‘Я буду очень рад привлечь к делу начальника полиции Билла Гринвуда. Старого друга семьи. Возможно, ему стоит побеседовать с вами об этом’; *Так, за дачу взятки в особо крупном, так сказать, этом самом, по тридцать лет каждому светит!* («Гетя Марта»);

3) «Репутационный ущерб» (англ.: 22 угрозы (23,7%); русск.: 24 (15,2%)) – угроза умаления авторитета, например: *I can still hurt you, Nicholas. One word from me and people*

will know exactly what you are (Prodigal Son) ‘Я все еще могу причинить тебе боль, Николас. Одно мое слово, и люди точно узнают, кто ты такой’; *Или вы перестаете мне вставлять палки в колеса, и я открываю шелтер, или это видео увидят все. Вы... вы думаете я не выложу? Я прям сейчас выложу* («Госпожа»);

4) «Физическая расправа» (англ.: 13 угроз (13,9%); русск.: 39 (24,7%)) – угроза причинить телесный вред и угроза смерти, например: *Yeah, I have a shaky hand. I got it from my dad* (Prodigal Son) ‘Да, у меня может дрогнуть рука. Это мне передалось от отца’; *А по улице шататься не страшно? А то машина мимо проедет – и никто тебя больше никогда не найдет. Поняла?* («Сама дура»);

5) «Финансовые потери» (англ.: 5 угроз (5,4%); русск. 9 (5,7%)) – угроза лишения денег или источника дохода, например: *You know, there's been a lot of restructuring going on around here, and I want you to know that Nico and I value loyalty above all else* (Presumed Innocent) ‘Вы знаете, здесь происходит большая реструктуризация, и я хочу, чтобы вы знали, что мы с Нико ценим преданность превыше всего’; *Да я тебя уволю в 3 секунды. Отойди!* («Новенькие»).

Итак, в английском языке в большей степени актуализируются психологические угрозы, тогда как в русском – угрозы физической расправы, что свидетельствует о более прямом и агрессивном подходе. Угрозы, связанные с обращением в полицию, суд, опеку также более продуктивны в русском языке, что может быть связано с культурной особенностью восприятия институциональных органов как инструмента давления и контроля; в контексте англоязычного материала более низкий процент реализации подобных угроз может объясняться отсутствием подобных ассоциаций и, наоборот, уверенностью в правовой защищенности и возможности отстоять себя. Кроме того, достаточно частотными в английском языке оказались репутационные угрозы, что связано с развитостью и более глубокой интеграцией института репутации в американской лингвокультуре.

ВЫВОДЫ

Манипулирование эмоциями и чувствами является одним из наиболее эффективных способов воздействия в речах американских и российских персонажей. Наиболее распространенными механизмами эмоционально-чувственного давления в обеих лингвокультурах являются тактики упрека, провокации и угрозы, направленные на продуцирование вины, гнева и страха. Однако степень их интенсивности, а также способы реализации значительно различаются. В материале на английском языке манипулятивные тактики характеризуются имплицитностью, сдержанностью и меньшей ориентацией на прямую негативную оценку адресата, что согласуется с культурно-обусловленными характеристиками англоязычной коммуникации, ориентированной на контроль эмоций и сохранение «лица». Русскоязычный кинодискурс, напротив, демонстрирует большую эмоциональную насыщенность, склонность к прямолинейной и часто агрессивной подаче. Полученные количественные показатели также подтверждают более высокую частотность эмоционального давления в русскоязычном материале; в англоязычном же фокус, вероятно, смещается в сторону менее эмоциональных, рационализированных механизмов манипулирования. Несмотря на общее совпадение базовых тактик и их функций, способы их реализации, тематическое наполнение и прагматические эффекты демонстрируют различия, свидетельствующие о глубоких культурных и дискурсивных различиях между американской и русской лингвокультурами.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: АСТ, 1998. – 397 с.
2. Бодулева А., Дмитриева Д. Ю., Рюкова А. Р. Дисфемистическая замена как средство реализации стратегии дискредитации в англоязычных текстах средств массовой информации // Русский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 8 (36). – Режим доступа: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.10> – (Дата обращения: 27.11.2025).
3. Ветрова Н. Н. Эвфемизация речи как способ манипулятивного воздействия на адресата в англоязычных и русскоязычных СМИ // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Донецк, 2023. – С. 17–20.
4. Власян Г. Р., Петрова Е. М. Лингвистическое хеджирование как средство реализации стратегий вежливости в разговорном диалоге // Культура и текст. – 2021. – № 1 (44). – С. 216–227.
5. Газизов Р. А., Сафина А. В. Особенности языковой манипуляции в коммуникативном поведении немцев (на материале современного немецкого кинематографа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11-2 (89). – С. 309–313.
6. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации: 2-е изд. – М.: Добросвет, 2011. – 232 с.
7. Дильмухаметова А. В. Признаки манипулятивного акта и способы распознавания манипуляции (на примере немецких художественных фильмов) // Вестник Башкирского университета. – 2020. – № 3. – С. 609–614.
8. Доенко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.
9. Ипатов А. В. Психология: учеб. пос. – СПб: РГГМУ, 2021. – 80 с.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 284 с.
11. Каразия Н. Л. Явные и косвенные способы выражения упрека // Вестник КамчатГТУ. – 2005. – № 4. – С. 225–230.
12. Карпман С. Жизнь, свободная от игр. – СПб.: Метанойя, 2016. – 342 с.
13. Кушнерук С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 12–22.
14. Маринина А. Е., Казанцева Я. Н., Мартынова М. А. Психолингвистический анализ речи манипуляторов (на материале англоязычного фильма) // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-3. – С. 365–368.
15. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
16. Никандров В. В. О соотношении категорий «сознание» и «психика» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2003. – № 2. – С. 79–91.
17. Осенняя О. В. Реализация тактики речевой провокации в ходе интервью Ксении Собчак с Сергеем Пенкиным // Россия молодая: XVII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (22–25 апреля 2025 г.). – Кемерово, 2025. – Режим доступа: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2025/RM25/pages/Articles/95406.pdf>. – (Дата обращения: 27.11.2025).
18. Панкратов В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 208 с.
19. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.
20. Сквородников А. П., Копнина Г. А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. – С. 521–539.
21. Чалдини Р. Психология влияния. Внушай, управляй, защищайся. – М.: Эксмо, 2022. – 416 с.
22. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39). – С. 22–37.
23. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. – СПб.: Питер, 2014. – 304 с.
24. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1992. – 127 с.
25. Varanova E. Facework in Organizational Conflict: A Cross-Cultural Study Comparing Russians and Americans: PhD dissertation. – Kansas, 2010. – Режим доступа: <https://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/6434>. – (Дата обращения: 27.11.2025).

26. Samoilenko S. A. Character Assassination // The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation. – 2016. – Vol. 1. – P. 115–118.
27. van Dijk T. A. The principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. – 1993. – № 4(2). – P. 249–283.

References

1. Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry: Psikhologiya chelovecheskoi sud'by* [Games People Play: The Psychology of Human Relationships]. Moscow, AST Publ., 1998. 397 p.
2. Boduleva A., Dmitrieva D. Yu., Ryukova A. R. *Disfemisticheskaya zamena kak sredstvo realizatsii strategii diskreditatsii v angloyazychnykh tekstakh sredstv massovoi informatsii* [Dysphemistic Substitution as a Means of Implementation of the Discreditation Strategy in English Media Texts]. *Russkii lingvisticheskiy byulleten'*, 2022, no. 8 (36). Available from: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.10> (accessed 27 November 2025).
3. Vetrova N. N. *Evfemizatsiya rechi kak sposob manipulyativnogo vozdeistviya na adresata v angloyazychnykh i russkoyazychnykh SMI* [Euphemization of Speech as a Way of Manipulative Influence on the Addressee in English and Russian Media]. *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii*. Donetsk, 2023, pp. 17–20.
4. Vlasyan G. R., Petrova E. M. *Lingvisticheskoe khedzhirovanie kak sredstvo realizatsii strategii vezhlivosti v razgovornom dialoge* [Linguistic Hedging as a Means of Realization Politeness Strategies in Spoken Dialogue]. *Kul'tura i tekst*, 2021, no. 1 (44), pp. 216–227.
5. Gazizov R. A., Safina A. V. *Osobennosti yazykovo manipulyatsii v kommunikativnom povedenii nemtsev (na materiale sovremennogo nemetskogo kinematografa)* [Linguistic Manipulation Peculiarities in the Germans' Communicative Behaviour (by the Material of the Modern German Cinematograph)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 11–2 (89), pp. 309–313.
6. Danilova A. A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Verbal Manipulation in Mass Media]. 2nd ed. Moscow, Dobrosvet Publ., 2011. 232 p.
7. Dil'mukhametova A. V. *Priznaki manipulyativnogo akta i sposoby raspoznavaniya manipulyatsii (na primere nemetskikh khudozhestvennykh fil'mov)* [The Features of Manipulative Act and the Ways of Identifying the Manipulation (on the Example of German Cinematography)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2020, no. 3, pp. 609–614.
8. Dotsenko E. L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection]. Moscow, CheRo Publ., 1997. 344 p.
9. Ipatov A. V. *Psikhologiya: uchebnoe posobie* [Psychology: Study Guide]. St. Petersburg, RSHU Publ., 2021. 80 p.
10. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 5th ed. Moscow, LKI Publ., 2008. 284 p.
11. Karaziya N. L. *Yavnye i kosvennye sposoby vyrazheniya upreka* [Explicit and Implicit Ways of Expressing Reproach]. *Vestnik KamchatGTU*, 2005, no. 4, pp. 225–230.
12. Karpman S. *Zhizn', svobodnaya ot igr* [A Game Free Life]. St. Petersburg, Metanoja Publ., 2016. 342 p.
13. Kushneruk S. L. *Traektorii issledovaniya informatsionno-psikhologicheskoi voyny v rossiiskoi lingvistike* [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*, 2019, no. 6 (78), pp. 12–22.
14. Marinina A. E., Kazantseva Ya. N., Martynova M. A. *Psicholingvisticheskiy analiz rechi manipulyatorov (na materiale angloyazychnogo fil'ma)* [Psycholinguistic Analysis of Manipulators' Speech (Based on English-language Film Material)]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2020, no. 66-3, pp. 365–368.
15. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political Discourse. Specifics of Manipulative Influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
16. Nikandrov V. V. *O sootnoshenii kategorii «soznanie» i «psikhika»* [About Correlation between the Categories as “Consciousness” and “Psyche”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2003, no. 2, pp. 79–91.
17. Osennaya O. V. *Realizatsiya taktiki rechevoi provokatsii v khode interv'yu Ksenii Sobchak s Sergeem Penkinym* [Implementation of the Speech Provocation Tactic in Ksenia Sobchak's Interview with Sergei

- Penkin]. *Rossiya molodaya: XVII Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferencia molodykh uchennykh (22–25 aprelya 2025 g.)*. Kemerovo, 2025. Available from: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2025/RM25/pages/Articles/95406.pdf> (accessed 27 November 2025).
18. Pankratov V. N. *Manipulyatsii v obshchenii i ikh neutralizatsiya* [Manipulation in Communication and its Neutralisation]. Moscow, Institut Psihoterapii Publ., 2001. 208 p.
  19. Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse: monografiya* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, 2004. 294 p.
  20. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. *Ekspressivnye sredstva v yazyke sovremennoi gazety: tendentsii i ikh kul'turno-rechevaya otsenka* [Expressive Means in the Language of the Modern Newspaper: Trends and Their Cultural and Speech Evaluation]. *Yazyk sredstv massovoi informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov*. Ed. by M. N. Volodina. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.; Alma Mater Publ., 2008, pp. 521–539.
  21. Chaldini R. *Psikhologiya vliyaniya. Vnushai, upravlyai, zashchishchaisya* [Influence: Science and Practice]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 416 p.
  22. Shakhovskii V. I. *Obosnovanie lingvisticheskoi teorii emotsii* [Linguistic Theory of Emotions and Its Foundations]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2019, no. 1 (39), pp. 22–37.
  23. Sheinov V. P. *Manipulirovanie i zashchita ot manipulyatsii* [Manipulation and Protection Against Manipulation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2014. 304 p.
  24. Shostrom E. *Anti-Karnegi, ili Chelovek-manipulyator* [Man, the Manipulator: The Inner Journey from Manipulation to Actualization]. Minsk, TPTs “Polifakt” Publ., 1992. 127 p.
  25. Baranova E. *Facework in organizational conflict: A cross-cultural study comparing Russians and Americans*. PhD dissertation, University of Kansas, 2010. Available from: <https://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/6434> (accessed 27 November 2025).
  26. Samoilenko S. A. *Character Assassination. The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation*. Ed. by C. Carroll. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2016, vol. 1, pp. 115–118.
  27. van Dijk T. A. *The principles of critical discourse analysis. Discourse & Society*, 1993, no. 4(2), pp. 249–283.

WAYS OF SPEECH MANIPULATION OF EMOTIONS AND FEELINGS IN AMERICAN AND RUSSIAN FILM DISCOURSE

Ratundalova I. Yu.

The article examines emotion- and feeling-oriented methods of manipulative influence in American and Russian film discourse, using dialogues from contemporary feature films and TV series as empirical material. The study focuses on three of the most common emotional tactics of speech manipulation – reproach, provocation, and threat. The linguistic means of their realization are analyzed, and the semantic types of their actualization are identified; the degree of each tactic’s implicitness and explicitness, as well as restraint and expressiveness, is examined. Particular attention is paid to the culture-specific features of their implementation, which make it possible to reveal similarities and differences in the mechanisms of speech manipulation typical of American and Russian linguocultures. The findings indicate that in the English-language material, manipulative tactics tend to manifest themselves predominantly in a mild, indirect form and less frequently involve direct negative evaluation, whereas in Russian-language film discourse, on the contrary, emotionally charged, overt, and often aggressive forms of influence prevail. These differences reflect culturally conditioned norms of interaction, typical communicative expectations, and narrative conventions of the two linguocultures and contribute to the understanding of nationally conditioned models of verbal behavior in the media discourse of contemporary screen culture.

Keywords: film discourse, speech manipulation, emotionality, speech tactics, reproach, provocation, threat.

УДК 81'373.611

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19020118>

ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АББРЕВИАТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ ИНИЦИАЛЬНОГО ТИПА

Смирнова И. Р.

*Донецкий государственный университет,
Донецк, Российская Федерация
Email: smirinaa15@gmail.com*

Статья посвящена исследованию сокращенных конструктов аббревиатур инициального типа. Формально «неполный» компонент аббревиатуры, соответствующий тому или иному слову в составе связанного с ней мотивационными отношениями словосочетания, обозначается в работе терминологическим сочетанием «аббревиатурный конструкт». Традиционно аббревиатурные конструкты классифицируются учеными на основании их структурных особенностей в рамках инициальной и слоговой разновидностей. В данном исследовании типологизация аббревиатур и их конструктов осуществляется в рамках формально-ономасиологического подхода, который учитывает механизмы формирования сокращений на базе словосочетаний – усечение (ситуативное сокращение) компонентов производящих наименований до препозитивных элементов или замещение их морфематизированным аббревиатурным конструктом. Объектом исследования являются инициальные аббревиатурные конструкты, которые описываются на основании не только структурных, но и формально-эквивалентностных, семантических, функциональных характеристик, которые также служат выделению данных единиц в отдельный формально-ономасиологический тип. В пользу того, что структурный параметр является не единственным критерием определения специфики конструктов инициальных аббревиатур, свидетельствуют случаи формального усложнения таких единиц, когда какой-либо из компонентов словосочетания ускается не до препозитивного элемента, а до препозитивного комплекса, что обуславливается экстралингвистическими факторами. В статье предпринимается попытка описания данных случаев и анализа упомянутых факторов. Одним из основных результатов исследования является заключение о необходимости выделения такой формально-ономасиологической разновидности аббревиатур, как инициальные онимы.

Ключевые слова: аббревиатурный конструкт, инициальный конструкт, сложносокращенный аппеллятив, сложносокращенный оним, инициальный аппеллятив, инициальный оним.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика исследования касается принципов типологизации и методологии описания сокращенных компонентов аббревиатур, обсуждение статуса которых в лингвистике нельзя считать закрытым, как нельзя считать решенными вопросы об определении границ понятий «аббревиация» и «аббревиатура», основаниях классификации аббревиатурных сокращений, выделении и обозначении тех или иных их разновидностей. Данные проблемы оказались в центре внимания ученых еще в XX ст., которое В. В. Борисов называет «веком аббревиации» [3, с. 3]. Несмотря на то, что к XXI ст. было создано немало словарей русской сокращенной лексики (самые известные из них – лексикографические труды Д. И. Алексеева, С. В. Фадеева, Н. Н. Новичкова, Г. Н. Скляревской, И. А. Елисеева, А. А. Щелокова [5; 8; 11; 12; 14; 16] и др.), предложены различные авторские классификации аббревиатур (Д. И. Алексеев, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, В. В. Борисов, В. В. Виноградов [1; 3; 4; 6; 7] и др.), изучение и описание аббревиационных процессов и единиц в русистике не теряет актуальности, так как лексикон русского языка продолжает активно пополняться именно за счет сокращений.

На периферии современной теории аббревиации по степени разработанности все еще остается (в частности) вопрос о статусе, специфике, типах компонентных единиц аббревиатурных сокращений. На данном этапе они преимущественно рассматриваются исследователями в качестве структурного материала того или иного типа аббревиатур: единицы, состоящие из начальных букв или звуков слов, принято называть «инициальными», а единицы, состоящие из компонентов слогового типа – «слоговыми». Например, Д. И. Алексеев выделяет формальные подтипы «смешанных» аббревиатур на основании порядково-количественного соотношения в их структуре компонентов двух типов, которые обозначает как «слог» и «инициалы»: 1. слог + инициалы (*агитАБ* – *агитационная авиабомба* и т.п.); 2. инициалы + слог + инициалы (*ТРАМ* – *театр рабочей молодежи* и т.п.); 3. слог + инициалы + слог (*ГЕОМИН* – *институт геологии и минералогии* и т.п.); 4. инициалы + слог (*РИОЖУРТА* – *Редакционно-издательское объединение журналистов Татарстана* и т.п.) [1]. В работах других исследователей встречаются также такие наименования рассматриваемых единиц, как «слоговые и инициальные звенья» («Смешанные аббревиатуры (или инициально-слоговые) содержат как *слоговые*, так и *инициальные звенья* (выделено нами – *И. С.*)» [18, с. 391]), «инициальные» и «не являющиеся инициальными элементы» («...исходное наименование сокращается до нескольких *элементов*, которые не являются *инициальными* (прим.: выделено нами – *И. С.*)» [10, с. 15]) и т.п. Данные типы единиц обыкновенно противопоставляются на основании своих формальных характеристик (состава, соответствия букве/звуку или «части» слова, морфемного и «неморфемного» характера). Однако если рядом ученых предпринимались попытки определить статус слоговых конструктов, то конструкты инициального типа как менее содержательные в силу своей «неморфемной» природы ранее не становились самостоятельным объектом изучения.

Так как ученые расходятся в трактовке границ понятия «аббревиатура», представляется необходимым задать их для данного исследования через выделение существенных характеристик и свойств данной единицы, к которым относятся:

1) эквивалентность, которая формируется у аббревиатуры как у сокращенной, вторичной единицы по отношению к развернутому, исходному для нее наименованию;

2) сложная, поликомпонентная структура, которую характеризует наличие формально сокращенных конструктов (минимум одного). Данный признак отличает аббревиатуры, в частности, от усечений (*профессор* – *проф.*, *заместитель* – *зам* и т. д.), сокращение которых осуществляется «по аббревиатурному типу», слов, подвергшихся контекстуальному сокращению в результате соседства со словом(-ами) с тем же последним компонентом (*двух- и трехместные номера*; т.п.), относительно которых В. В. Лопатин справедливо отмечает, что «в подобных случаях сокращенная часть слова не становится самостоятельным словом» [7].

Словообразующим компонентом аббревиатурной структуры, на наш взгляд, является сокращенный конструкт. Данная единица обозначается в работе терминологическим сочетанием «аббревиатурный конструкт», которое используется специализировано, с целью отделения объекта исследования от других, формально полных структурных компонентов аббревиатур.

Цель исследования заключается в описании специфики инициальных компонентов аббревиатур в качестве типа формальных средств образования сокращений в русском языке. В соответствии с целью в работе решаются следующие задачи:

1) охарактеризовать структурный и ономазиологический подходы к классификации аббревиатур и их конструкторов; 2) представить комплексную характеристику инициального конструктора; 3) отграничить инициальный аббревиатурный конструктор от неинициального на основании формальных и семантических особенностей, словообразовательной роли; 4) описать явление усложнения структуры инициального конструктора; 5) обосновать выделение инициальных онимов в качестве особой формально-ономазиологической разновидности аббревиатур.

Материал исследования составляют инициальные аббревиатуры и их синтаксические эквиваленты в количестве 705 единиц. Источником фактического материала является электронный словарь сокращений, акронимов, аббревиатур и сложносоставных слов русского языка «Sokr.ru» (169 167 сокращений на 27.01.2026) [13].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Инициальный конструктор традиционно рассматривается как компонент аббревиатуры, соответствующий начальной букве или звуку какого-либо слова, подвергаемого сокращению словосочетания: например, препозитивный компонент звуковой аббревиатуры *вуз*, которая возникла на основе словосочетания *высшее учебное заведение*, равен начальному звуку лексемы *высший*. Таким образом, в основе как термина, так и понятия, наиболее часто применяемых для определения данной единицы, лежит структурный параметр.

На наш взгляд, изучение аббревиатурных конструкторов может осуществляться в нескольких аспектах: в формальном отношении – как структурных компонентов аббревиатур, в словообразовательном – как средства формирования сокращения того или иного формально-ономазиологического типа в процессе универбализации и, в частности, как деривационного форманта, в функциональном – как значимого компонента аббревиатуры, который реализует ее языковую специфику: формирует эквивалентность аббревиатуры словосочетанию, т.е. является средством установления мотивационных отношений между ними в языке, позволяет осуществить расшифровку последней посредством выявления его соответствия тому или иному слову и т.д. Вследствие этого описание данных единиц также может производиться в нескольких плоскостях: в словообразовательной (диахронной) – с точки зрения механизма их формирования и использования в процессе словообразования, в плоскости синхронии – с точки зрения значимых характеристик и свойств таких единиц (структурных, семантических и проч.), типом которых, во-первых, мотивируются закономерности функционирования в языке образуемых с их помощью сокращений, и которые, во-вторых, имеют собственные закономерности формирования эквивалентности, дешифровки на синхронном срезе языка и проч.

Уже достаточно сложившееся представление о структуре инициального аббревиатурного конструктора исходит из того, что большинство инициальных аббревиатур (преимущественно апеллятивных) представляют собой сокращения, каждый компонент которых обнаруживает соответствие какому-либо слову развернутого наименования. Данная эквивалентностная модель представляет собой двусторонний «ключ» к образованию и расшифровке таких аббревиатур. На ее основе сложилась традиция выделения инициальных конструкторов в противопоставлении слоговым по формально-структурному параметру: во-первых, по протяженности, а во-вторых, на основании формальных характеристик, так как в отличие от последних, рассматриваемых

обыкновенно как «сокращенные корни» или «части» (результат сокращения слова без учета его актуального морфемного членения) слов, инициальные конструкты идентифицируются как единицы «неморфемного» типа.

Исследования, которые затрагивают особенности формирования данных единиц, так или иначе рассматривают способ образования инициальных аббревиатур, определяемый обыкновенно как усечение слов исходного словосочетания до начальных букв или звуков и/или сложение этих элементов. На наш взгляд, такая трактовка образования инициальных аббревиатур базируется на анализе соотношения структурных характеристик начальной и конечной единиц такого процесса, но не вполне отражает его специфику. Распространенность мотивирования способа образования различных типов аббревиатур исключительно структурными различиями данных единиц подтверждается тем, что большинство исследователей сводят их образование к усечению, а различие видят только в степени такого усечения: до букв или звуков либо до корней или «частей» слов соответственно.

Например, в самой распространенной в лингвурисистике классификации аббревиатур, наиболее полно отраженной в «Грамматике-80», выделяются: «1) Аббревиатуры инициального типа, с двумя подтипами: а) образования из сочетаний начальных звуков слов: высшее учебное заведение – вуз, загс, МХАТ, ТЮЗ; б) образования из названий начальных букв слов: Союз Советских Социалистических Республик – СССР, ЦК, РСФСР, ВДНХ (произносится: эсэсэсэр, цека, эрэсэфэсэр, вэдээнха). 2) Аббревиатуры из сочетания начальных частей слов («слоговые»): местный комитет – местком, продмаг, завхоз, комсомол. 3) Смешанный тип образований, совмещающий элементы двух предыдущих: социальное обеспечение – собес, городской отдел народного образования – гороно, главк, сельпо, ГОСТ. 4) Аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: запасные части – запчасти, роддом, оргработа, гострудсберкасса. 5) Аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: командир роты – комроты, поммастера, завкафедрой, управделами. 6) Аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго: мотоцикл-велосипед – мопед, эсминец» [9, с. 252].

В. И. Теркулов справедливо отмечает, что «в подавляющем большинстве исследований разные структурные типы сокращений рассматриваются как единая деривационная группа аббревиатур <...> Например, в одном ряду акронимы, алфавитизмы, сложносокращенные апеллятивы и онимы рассматриваются в <...> работах Г. П. Уханова (Уханов, 1961), А. Н. Елдышева (Елдышев, 1984), Т. С. Сергеевой (Сергеева, 2013) и многих других» [15, с. 98–99]. При таком подходе происходит игнорирование «ономасиологически значимых механизмов трансформации производящей единицы в аббревиатуру» [Там же, с. 97].

В концепции аббревиации Донецкой дериватологической школы, изложенной в работах сотрудников Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации при Донецком государственном университете, выделяется три формально-ономасиологических типа аббревиатур на основании реализации ими «тождественных ономасиологических оснований словопроизводства» [Там же, с. 101]: инициальные аббревиатуры, сложносокращенные апеллятивы и сложносокращенные онимы. Данные единицы возникают в соответствии с тремя основными способами преобразования словосочетаний в слова, рассмотренными ниже.

1. Инициальная аббревиация представляет собой сложение начальных букв или звуков производящего наименования (например: *Министерство внутренних дел* > *МВД*). Данная словообразовательная модель осуществляется при помощи усечения компонентов словосочетания, то есть посредством формирования на их базе сокращенных конструктов инициального типа. Образование инициальных аббревиатур стремится к абсолютному сохранению структуры (количества и порядка компонентов) производящего наименования.

2. «Стихийная» универбализация – «автоматически» осуществляемая носителями языка синтаксическая компрессия словосочетаний, в основе которой лежит стремление к преодолению асимметричного дуализма дескриптивного наименования. Термин «"стихийная" универбализация» был предложен В. И. Теркуловым для обозначения способа образования сложносокращенных (неинициальных) апеллятивов. Имеются основания полагать, что данная словообразовательная модель реализуется не усечением всех или некоторых слов развернутого наименования до их начальных элементов, а замещением к.-л. компонента(-ов) развернутого наименования сокращенным формальным дублетом (например: *туристический маршрут* > *турмаршрут*, *туристический лагерь* > *турлагерь* и т.д.; *пограничный отряд* > *погранотряд*, *пограничный контроль* > *погранконтроль* и т.д.). В качестве такого дублета выступает неинициальный (слоговой) аббревиатурный конструкт, репрезентирующий в структуре сложносокращенных слов лексемы, принадлежащие к той или иной понятийной сфере: например, *агитационный*, *агитирующий*, *агитация* и проч. > *агит-* (*агитационная акция* > *агитакция*; *отдел агитации* > *агитотдел*; *агитирующее видео* > *агитвидео*; и т.д.); *онкологический*, *онкогенный*, *онкология* и проч. > *онко-* (*онкологическая больница* > *онкобольница*; *онкогенный белок* > *онкобелок*; *больной онкологией* > *онкобольной*; и т.д.); *продовольственный*, *продуктовый*, *продовольствие* и проч. > *прод-* (*продовольственный магазин*, *продуктовый магазин* > *продмаг*; *заказ продовольствия* > *продзаказ*; *экспорт продуктов* > *продэкспорт*; и т.д.)

Таким образом, в основе процессов образования апеллятивных аббревиатур инициального и неинициального типа лежат механизмы усечения (реального сокращения) и стереотипного замещения соответственно.

3. Третий способ образования аббревиатур условно обозначается как «конструирование» (описан в работах [15], [17]).

Конструированию подвергаются, в частности, сложносокращенные (неинициальные) онимы, выделяемые В. И. Теркуловым и Т. А. Штельман в особый формально-ономасиологический тип лексем. Образование неинициальных онимов на базе собственного наименования, подобно образованию неинициальных апеллятивов, осуществляется посредством замещения того или иного компонента словосочетания стереотипным сокращенным конструктом слогового типа (например, *государственный* > *гос-*, *российский* > *рос-*; *хозяйство* > *хоз-*). Однако нередко производная единица обнаруживает структурную нерелевантность «развернутому» наименованию: некоторые компоненты «полного» официального наименования в процессе конструирования могут не только опускаться, но и заменяться аббревиатурным конструктом, не всегда связанным с ними формально (*Государственный комитет по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору при Совете Министров* > *Госгортехнадзор*); а также в структуру конструируемого сложносокращенного онима могут быть привнесены признаковые компоненты, не отраженные в ономасиологической

структуре исходного наименования (как правило, они содержат указание на статус предприятия или учреждения): *Росинфосерт – Система добровольной сертификации средств и систем в сфере информатизации; Азербайджанское фотокиноуправление при Наркомпросе Азербайджанской ССР > Азгоскино*. Таким образом, внутренняя форма сложносокращенных онимов, как правило, не в полной мере отражает ономасиологическую структуру производящих единиц, так как является результатом «опосредованного формирования» слов на базе словосочетаний. Под последним подразумевается участие в этом процессе «творческой фантазии номинатора» [15, с. 105], подчиняемой цели создать емкое, доступное для восприятия, а также соответствующее базовым принципам формирования эргонимов сокращенное наименование, не обязательно совпадающее с ним формально. Например, на основе наименования федерального органа исполнительной власти Российской Федерации «Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии» формируется его официально утвержденное сокращение – Росреестр.

Таким образом, усечение как способ словообразования, в общепринятом понимании свойственный аббревиатурам в целом, применяется преимущественно к инициальным единицам. Их конструкты образуются посредством усечения слов производящего словосочетания до, как правило, неморфемных элементов, в результате чего обладают «изолированной», т.е. формируемой непосредственно в ходе словообразовательного акта, эквивалентностью: например, аббревиатура *АС* в русском языке соответствует словосочетаниям *акустическая система, аппарат слуховой, аортальный стеноз, аморфный сплав* и др., при сопоставлении с которыми ее препозитивный конструкт в одном случае будет эквивалентом лексемы *акустический*, а в других – слов *аппарат, аортальный, аморфный* и др.

Однако, по нашим наблюдениям, как и при образовании сложносокращенных слов посредством конструирования, модель инициальной аббревиации способна трансформироваться, одним из следствий чего является усложнение структуры инициального конструкта.

В результате формально-эквивалентного и ономасиологического анализа выборки, в которую вошли различные инициальные аббревиатуры русского языка и их эквиваленты, были обнаружены лексические единицы, образованные в соответствии с принципом инициальной аббревиации, т.е. посредством усечения слов производящего наименования, содержащие в своей структуре формально слоговые конструкты, например *ТРАМ (Театр рабочей молодежи), ГИТИС (Государственный институт театрального искусства), ИМЛИ (Институт мировой литературы имени), МАРХИ (Московский архитектурный институт)* и проч. Такие единицы обыкновенно трактуются учеными (Д. И. Алексеевым, В. В. Лопатиным, Н. Ю. Шведовой и др.) как аббревиатуры инициально-слоговой (смешанного) типа. Однако, на наш взгляд, инициально-слоговые аббревиатуры являются исключительно структурной разновидностью сокращений, в основе выделения которой лежит констатация различия формальных характеристик ее компонентов. Такие аббревиатуры не представляют собой отдельного формально-ономасиологического типа единиц, которые образовывались бы, к примеру, при помощи усечения одной части компонентов словосочетания и замещения другой, так как, в частности, у данных словообразовательных механизмов не существует общих закономерностей, которые бы способствовали их комбинированию: замещение свойственно «автоматической» синтаксической компрессии слова «вследствие обычно

неосознанного стремления носителя языка» к преодолению расчлененности синлекса – формально расчлененного наименования с цельной семантикой; усечение же является механизмом осуществления «осознанной ситуативной замены слова, входящего в коллокативное словосочетание», его инициальным элементом» [15, с. 104].

Вслед за другими исследователями отнести данные единицы к сложносокращенным словам, то есть единицам, содержащим неинициальный компонент, нам не позволяет ряд факторов, для них нехарактерных. Во-первых, несмотря на наличие в их структуре слоговых сокращенных компонентов, внутренняя форма таких аббревиатур является непрозрачной: их двух (-РА-, -ИС, -ЛИ), трехфонемные (-АРХ-) компоненты могут быть «опознаны» как слоговые только при формальном сопоставлении с эквивалентом. Во-вторых, образование сложносокращенных слов осуществляется по модели, в соответствии с которой формируется препозиция аббревиатурного конструкта: *обработка фотографий > фотообработка; сиденье для мотоцикла > мотосиденье*. Только в т.н. «слоговых» аббревиатурах типа *армревком (революционный комитет армии), гендир (генеральный директор)* и т.п., целиком состоящих из неинициальных конструктов, позиционная детерминированность компонентов нивелируется. Именно препозиция слогового конструкта, на наш взгляд, позволяет носителю языка «вычленить» слоговой конструкт в структуре аббревиатуры, и, как следствие, осуществить его дешифровку, т.е. «развернуть» его при помощи того или иного слова. Так, хотя бы частично «прояснить» внутреннюю форму таких аббревиатур как *Учпедгиз (Государственное учебно-педагогическое издательство), ГЕОМИН (Институт геологии и минералогии;* в трактовке Д.И. Алексеева это инициально-слоговое сокращение: *геологии > гео, минералогии > м, институт > ин*) представляется более возможным, чем лексемы *МАРХИ (Московский архитектурный институт)*. Характерной также является принадлежность таких единиц к онимам, так как единицы, обнаруживающие формально слоговые непрепозитивные конструкты, являются, как правило, эргонимами. Среди аппелятивных единиц с подобной структурой нами до сих пор была обнаружена только аббревиатура *ГАРС (главный артиллерийский склад)*, но вероятное обоснование данного случая будет предложено далее.

На наш взгляд, единицы, образованные по модели инициальной аббревиации, то есть посредством усечения компонентов развернутого собственного наименования, содержащие инициальные, а также непрепозитивные слоговые конструкты, представляют собой особую формально-ономасиологическую разновидность аббревиатур – инициальные онимы. Для модели образования сокращений данного типа необязательно, но характерно усложнение структуры какого-либо сокращенного конструкта, который формируется в результате усечения слова не до начального элемента, а до нескольких препозитивных фонем.

На наш взгляд, усложнение структуры инициальных аббревиатурных конструктов может происходить в результате стремления:

- избежать совпадения образуемого сокращения с к.-л. существующей частотной аббревиатурой (*БрГУ – Брестский государственный университет* вместо *БГУ* (такое сокращение уже закреплено за одним из ведущих высших учебных заведений Беларуси: *БГУ – Белорусский государственный университет*); *ГАРС – главный артиллерийский склад* вместо достаточно распространенного в военной сфере сокращения *ГАС (головной авиационный склад)*), и заодно облегчить «дешифровку» сокращения, возможность корректного осуществления которой значительно возрастает, если конструкт,

ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АББРЕВИАТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ...

маркирующий наиболее семантически актуальный признак наименования, равен не одной, а нескольким фонемам;

- сконструировать благозвучное (*ИМЛИ – Институт мировой литературы* вместо *ИМЛ, *ГИТИС – Государственный институт театрального искусства* вместо *ГИТИ) и/или удобное для устного воспроизведения собственное сокращенное наименование звукового типа (*ТРАМ – Театр рабочей молодежи* вместо *ТРМ); и т.п.

Усложнение структуры инициального конструкта является частным случаем, характерным преимущественно для образования инициальных онимных наименований. На наш взгляд, оно не нивелирует понятие «инициальности» (лат. *initialis* ‘исходный, начальный’) такого конструкта, то есть его соответствия начальному элементу усекаемого слова: так, например, Г. Г. Арзуманов определяет формально слоговые компоненты аббревиатур в качестве «инициальных отрезков компонентов исходного словосочетания (прим.: выделено нами – *И. С.*)» [2, с. 11]. В нашем случае такой начальный элемент является препозитивным комплексом того или иного слова.

Следует отметить, что явление усложнения структуры инициального конструкта не «укладывается» в структурную трактовку данной единицы, не учитывающую зависимость формы той или иной единицы от частных словообразовательных закономерностей. Так, усечение слова не до одной, а до нескольких препозитивных морфем обуславливается экстралингвистическими факторами: необходимостью дифференциации образуемой единицы от уже существующих; благозвучием; удобством произношения и т.д.

ВЫВОДЫ

На основании полученных в ходе исследования результатов можно заключить, что аббревиатуры представляют собой единицы со сложной, поликомпонентной структурой, формообразующим элементом которой является аббревиатурный конструкт. Он соответствует какому-либо слову производящего наименования и выступает формальным средством «сокращения» словосочетания до аббревиатуры. В соответствии со структурным основанием аббревиатурные конструкты принято разделять на инициальные и слоговые. Данные типы выделяются на основании формальных характеристик таких единиц и характеризуют степень их структурной соотнесенности со словосочетанием. В соответствии с формально-ономасиологическим основанием выделяются аббревиатурные конструкты инициального и неинициального типов. Структурная и формально-ономасиологическая трактовка инициальных и слоговых конструктов не всегда совпадают, что подтверждается существованием в языке формально слоговых, но инициальных с формально-ономасиологической точки зрения компонентов аббревиатур. Ономасиологический подход к изучению сокращенных компонентов аббревиатур позволяет углубить представление о данных единицах, рассматривать их не только в рамках соотношения с формальным эквивалентом, то есть с точки зрения их структуры, но и как средство формирования сокращения того или иного формально-ономасиологического типа, то есть позволяет учитывать также значимые функциональные характеристики и свойства данных единиц.

Инициальные конструкты образуются посредством усечения слов производящего словосочетания. Они представляют собой формализованные, не имеющие закрепленной семантики единицы, обладающие «изолированной» эквивалентностью. Конструкт такого типа используется в ходе инициальной, «неморфемного» типа аббревиации, которая

представляет собой сложение препозитивных элементов (реже – препозитивных комплексов: например, *КОИЗ* – *Кооперативное издательство*) усеченных слов производящего наименования. Этой словообразовательной модели противопоставляется «стихийная» универбализация, которая представляет собой «автоматическую» синтаксическую компрессию словосочетаний, осуществляемую посредством не усечения их компонента(-ов), а замещения последних сокращенным формальным дублетом. Конструирование как способ образования аббревиатур на основе, как правило, собственных наименований базируется на двух предыдущих, но отличается принципом формирования структуры сокращенного наименования, так как его целью является не просто преобразование словосочетания в слово посредством усечения или замены аббревиатурой его компонентов, но создание аббревиатуры, соответствующей требованиям номинатора и принципам формирования сокращений в рамках ономастического поля русского языка. Конструирование применяется преимущественно для образования онимных аббревиатур, которое осуществляется по стереотипным коррелятивным моделям, используемым в делопроизводстве. Образование онимных аббревиатур инициального и неинициального типов имеет различия в механизме реализации данного процесса. Конструирование неинициальных онимов, подобно образованию неинициальных апеллятивов, осуществляется посредством замены какого-либо компонента словосочетания стереотипным сокращенным конструктом слогового типа (например: *государственный* > *гос*, *российский* > *рос*; *хозяйство* > *хоз* и т.д.), однако созданная не «стихийно», а искусственно производная единица зачастую обнаруживает структурную нерелевантность «развернутому» наименованию. Конструирование инициальных онимов предполагает типичное для образования инициальных аббревиатур усечение компонентов словосочетания, однако некоторые из них при этом могут усекаются не до «инициалов» (начальных букв или звуков), а до нескольких фонем (например: *Институт мировой литературы* > *ИМЛИ*).

В качестве развития данного исследования предполагается произвести подробный анализ универбализационных моделей инициальных аббревиатур с формально усложненными конструктами с целью выявить частные закономерности использования последних в процессе словообразования.

Список литературы

1. *Алексеев Д. И.* Сокращенные слова в русском языке. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. – 328 с.
2. *Арзуманов Г. Г.* Аббревиатуры в английской научно-технической литературе: метод. рук-во / сост. Г. Г. Арзуманов. – Баку: Издание АЗИНЕФТЕХИМа, 1980. – 36 с.
3. *Борисов В. В.* Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
4. *Виноградов В. В.* Грамматика русского языка / Ред. коллегия акад. В. В. Виноградов и др.; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – Москва, 1953: Акад. наук СССР. – Т. 1. Фонетика и морфология. – 720 с.
5. *Елисеев И. А.* Словарь аббревиатур и акронимов русского языка. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 718 с.
6. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование: Учебное пособие. Москва: Просвещение, 1973. – 304 с.
7. *Лопатин В. В.* Аббревиатура // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4045832>. – (Дата обращения: 27.01.2026).
8. *Новичков Н. Н.* Словарь современных русских сокращений и аббревиатур: около 12 000 сокращений и аббревиатур. – М.: ТОО "Тривала"; Париж: ИНФОГЛЮБ, 1995. – 297 с.

9. Русская грамматика: [в 2 т.]. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др.]. – 783 с.
10. Свистун Т. И. К вопросу о типологии интернет-аббревиатур // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2010. – № 1. – С. 14–20.
11. Складьяевская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка: более 6000 сокращений / Г. Н. Складьяевская. – М.: Эксмо, 2006. – 445 с.
12. Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб: Ок. 7000 слов / [Сост. А. А. Щелоков]. – М.: АСТ: Geleos, 2003. – 318 с.
13. Словарь сокращений русского языка Sokr.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sokr.ru/>. – (Дата обращения: 27.01.2026).
14. Словарь сокращений русского языка: 12500 сокр. / сост.: Д. И. Алексеев [и др.], под общ. ред. В. Ф. Корицкого. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 486 с.
15. Теркулов В. И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. – 2020. – Т. 18. № 1. – С. 97–112.
16. Фадеев С. В. Тематический словарь сокращений современного русского языка. – М.: Руссо, 1998. – 538 с.
17. Штельман Т. А. Сложносокращенные онимы как формально-ономасиологический тип аббревиатур / Т. А. Штельман // Новые горизонты русистики. – 2022. – № 18. – С. 58–63.
18. Якушкина П. И. Основные способы формирования железнодорожной терминологии: аббревиация / П. И. Якушкина // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – № 11-5(81). – С. 390–392.

References

1. Alekseev D. I. *Sokrashchennye slova v russkom jazyke* [Abbreviated words in the Russian language]. Saratov: Saratov University Publ., 1979. 328 p.
2. Arzumanov G. G. *Abbreviatury v anglijskoj nauchno -tekhneskoj literature* [Abbreviations in English scientific and technical literature]: Methodological guide / Comp. G. G. Arzumanov. Baku: AzINEFTKHM Publ., 1980. 36 p.
3. Borisov V. V. *Abbreviatsija i akronimija. Voennye i nauchno -tekhneskie sokrashchenija v inostrannykh jazykakh* [Abbreviation and acronyms. Military and scientific - technical abbreviations in foreign languages]. Moscow: Voenizdat Publ., 1972. 320 p.
4. Vinogradov V. V. *Grammatika russkogo jazyka* [Grammar of the Russian language] / Ed. board: Acad. V. V. Vinogradov et al.; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, 1953. Vol. 1: Phonetics and Morphology. 720 p.
5. Eliseev I. A. *Slovar' abbreviatur i akronimov russkogo jazyka* [Dictionary of abbreviations and acronyms of the Russian language]. Moscow: INFRA-M Publ., 2015. 718 p.
6. Zemskaja E. A. *Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]: Textbook. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1973. 304 p.
7. Lopatin V. V. *Abbreviatura* [Abbreviation]. Bol'shaja rossijskaja entsiklopedija. Online edition (2016). Available from: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4045832> (accessed 27 January 2026).
8. Novichkov N. N. *Slovar' sovremennykh russkikh sokrashchenij i abbreviatur: Okolo 12 000 sokrashchenij i abbreviatur* [Dictionary of modern Russian abbreviations and acronyms: about 12,000 entries]. Moscow: Trival Publ.; Paris: INFOLOG, 1995. 297 p.
9. *Russkaja grammatika* [Russian Grammar]: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology / [N. S. Avilova, A. V. Bondarko, E. A. Bryzgunova et al.]. 783 p.
10. Svistun T. I. *K voprosu o tipologii internet -abbreviatur* [On the Typology of Internet Abbreviations]. Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія, 2010, no. 1, pp. 14–20.
11. Skljarevskaja G. N. *Slovar' sokrashchenij sovremennogo russkogo jazyka: bolee 6000 sokrashchenij* [Dictionary of abbreviations of the modern Russian language: Over 6,000 Entries]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 445 p.
12. *Slovar' sokrashchenij i abbreviatur armii i spetssluzhb: okolo 7000 slov* [Dictionary of abbreviations of the army and special services: about 7,000 words] / Comp. A. A. Shchelokov. Moscow: AST: Geleos, 2003. 318 p.

13. *Slovar' sokrashchenij russkogo jazyka Sokr.ru* [Dictionary of Russian abbreviations, Sokr.ru]. Online resource. Available from: <https://sokr.ru/> (accessed 27 January 2026).
14. *Slovar' sokrashchenij russkogo jazyka: 12 500 sokrashchenij* [Dictionary of Russian abbreviations: 12,500 entries] / Comp.: D. I. Alekseev et al.; ed. V. F. Koritskij. Moscow: State Publ. House of foreign and national dictionaries, 1963. 486 p.
15. Terkulov V. I. *Slozhnosokrashchennye apelljativy kak avtonomnaja raznovidnost' abbreviatur* [Complex abbreviated appellatives as an autonomous type of abbreviations]. *Rusistika*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 97–112.
16. Fadeev S. V. *Tematicheskij slovar' sokrashchenij sovremennogo russkogo jazyka* [Thematic dictionary of abbreviations of the modern Russian language]. Moscow: Russo Publ., 1998. 538 p.
17. Shtelman T. A. *Slozhnosokrashchennye onimy kak formal'no - onomasiologicheskij tip abbreviatur* [Complex abbreviated onyms as a formal - onomasiological type of abbreviations]. *Novye gorizonty rusistiki*, 2022, no. 18, pp. 58–63.
18. Jakushkina P. I. *Osnovnye sposoby formirovaniya zheleznodorozhnoy terminologii: abbreviatsija* [Main ways of forming railway terminology: Abbreviation]. *Evraziyskoe Nauchnoe Ob'edinenie*, 2021, no. 11-5 (81), pp. 390–392.

FORMAL AND ONOMASIOLOGICAL SPECIFICS OF INITIAL-TYPE ABBREVIATED CONSTRUCTS

Smirnova I. R.

The present article is devoted to the study of abbreviated constructs of the initial type. This work introduces the term 'abbreviated construct' to denote a formally incomplete component of an abbreviation. This work introduces the term 'abbreviated construct' to denote a formally incomplete component of an abbreviation. The term corresponds to a particular word in a collocation connected with it by motivational relations. Traditionally, scientists divide abbreviated constructs into initial and syllabic ones depending on their structural features. In this study, the determination of the type of abbreviations and their constructs is based on an onomasiological approach, which considers the mechanisms of abbreviation formation based on collocations: truncation of components producing names to prepositional elements or their replacement with a morphemic abbreviation construct. The object of the study is initial abbreviation constructs, which are described based on its the structural and also semantic and functional characteristics, formal equivalence which also serve to distinguish these units into a separate formal onomasiological type. The structural parameter is not the only criterion for determining the specificity of initial abbreviations, as confirmed by cases of formal complication of such units, when any of the components of the collocation is truncated not to the prepositional element, but to the prepositional complex, which is due to extralinguistic factors. One of the main results of the study is the identification of such an onomasiological variety of abbreviations as an initial onym abbreviations.

Keywords: abbreviated construct, initial-type abbreviated construct, non-initial appellative abbreviation, non-initial onym abbreviation, initial appellative abbreviation, initial onym abbreviation.

УДК 811.161.1'37:81'25:82-22

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19020182>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В КОМЕДИЙНОЙ ДРАМЕ «1+1» ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Хорошева Е. А., Савина Е. В.

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Российская Федерация*

E-mail: Katerina-Skoptsova@yandex.ru; Elena-Savina@yandex.ru

Исследование посвящено изучению разговорной лексики, представленной в современном французском кинематографе, и проблеме ее перевода на русский язык. Пласт разговорной лексики рассматривается как один из ключевых компонентов лексического корпуса языка. Исходя из этого, анализ перевода французской разговорной лексики на русский язык организован с учетом лексического построения и своеобразия контекста, где данная лексика фигурирует. Можно назвать новым проведение аналитической работы над уникальностью репрезентации разговорного стиля (элементы исходного языка и соответствующие им литературные переводы) в современном кинематографе. Фактологической базой послужил разговорный регистр речи комедийной драмы Оливье Накаша и Эрика Толедано “*Intouchables*” («1+1»), не являвшейся ранее объектом пристального внимания языковедов и переводчиков. Были выявлены переводческие трансформации и приемы перевода, использованные С. А. Козиным при работе над кинотекстом. Авторы статьи пришли к выводу о том, что проанализированный перевод разговорной лексики отвечает «универсальным критериям оценки качества», предложенным профессором О. В. Петровой.

Ключевые слова: репрезентация разговорной лексики; трансформации (лексические, грамматические, лексико-грамматические); приемы перевода (модуляция, эвфемистический, дисфемистический, лакунарный).

ВВЕДЕНИЕ

По своей сути перевод – многогранный и весьма сложный процесс человеческой деятельности. В действительности перевод представляется актом не только лингвистического плана – замена одного языка другим, это еще и акт коммуникации на границе культур [10, с. 9].

Перевод как предмет лингвистической переводческой теории являет собой межъязыковую трансформацию оригинального текста через применение в непосредственном переводческом процессе конкретных методов и приемов. Хотя созданному переводчиком тексту присуща определенная новизна по сравнению с исходным, преобразованный и исходный тексты должны быть эквивалентны [10, с. 42]. Одним из наиболее интересных переводческих аспектов для изучения является передача разговорной речи с иностранного языка на переводной язык [4, с. 927].

Данный лексический пласт – разновидность литературного языка, которая реализуется в неофициальной устной спонтанной речи. Эта речь понятна и естественна в определенной коммуникативной ситуации, т. к. ее характерной чертой является ситуативность [8].

В. В. Овсянников и Н. Н. Газда, перечисляя переводческие проблемы передачи разговорного регистра речи, отмечают, что даже с учетом «всеобщей переводимости, в основе которой лежат три фактора (одинаковый механизм физического восприятия у всех людей, единство окружающего нас материального мира и универсальность базовых

намерений)» [13], вовсе не исключено существование лакун в языковых межсоответствиях; «в области разговорной лексики едва ли следует искать абсолютные эквиваленты», то есть в большинстве случаев определенное соответствие способно отразить только часть общего семантического плана исходной лексемы; нередко в контексте одного предложения могут наблюдаться разные стратегии в переводе названного класса единиц языка; семантика разговорных единиц имеет свойство меняться со стремительной скоростью, и современные словари не успевают это фиксировать [13].

В числе причин полной или относительной переводимости разговорной речи может оказаться не только характерная подвижная семантика. Иногда при прямом переводе, где сохранение стилистической нагрузки единицы исходного текста вполне возможно, принимающая культура не приемлет употребление нецензурных и вульгарных выражений и отвергает их.

А. Камаш утверждает, что, с целью достижения эквивалентности и адекватности при переводе лексики данного стиля, целесообразнее использовать такие приемы, как модуляция, добавление, целостное преобразование и окказиональное соответствие. В случае, если в языке перевода отсутствует конкретный эквивалент, к примеру разговорный фразеологизм, ученый советует прибегнуть к метафорическим трансформациям (деметафоризации или реметафоризации), способным «передать семантику исходного текста» [8, с. 62].

На наш взгляд, классификация переводческих трансформаций относительно передачи на русский язык разговорных лексем, описанная Р. Ф. Валеевой, является наиболее полной [4, с. 927]. Следовательно, приемы, предложенные исследователем (эвфемистический и дисфемистический перевод, подбор полных и частичных эквивалентов), некоторые переводческие трансформации (транскрибирование, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены, грамматические и лексико-грамматические трансформации), будут использованы в процессе анализа передачи разговорного регистра речи.

Необходимо подчеркнуть, что кинодискурс в первую очередь ориентируется на отработку навыков стилистического, культурного и прагматического соответствия исходному тексту.

В настоящем исследовании для анализа перевода разговорной лексики нами выбраны «универсальные критерии оценки качества», предложенные О. В. Петровой [15, с. 122]. Среди них: 1) сохранность господствующей функции исходного текста в осуществляемом переводе; 2) сопоставление переводимого текста узусу принимающего языка; 3) отсутствие неточностей, нарушений в структуризации смысловых фраз; 4) сопоставление перевода его композиционным формам в различных жанрах; 5) вариативность использования переводческих трансформаций.

Обозначенные выше критерии разговорного пласта лексики в контексте современного французского кинематографа практически не изучены.

Материалом для нашего исследования послужила французская комедийная драма Оливье Накаша и Эрика Толедано “*Intouchables*” (2011) и ее перевод на русский язык «1+1» (2012), выполненный С. А. Козиным.

“*Intouchables*” (в русскоязычной версии – «1+1» или «Неприкасаемые») – французская комедийная драма, повествующая о встрече двух противоположностей: аристократа Филиппа Поццо ди Борго и бывшего преступника Дрисса. В результате

несчастного случая тело Филиппа полностью парализовано, поэтому он прикован к инвалидному креслу и нуждается в помощнике. Им, к великому удивлению всех окружающих, становится выходец из Сенегала с криминальными наклонностями Дрисс.

С лингвистической точки зрения данный фильм интересен именно тем, как в его контексте синтезированы разные элементы разговорного регистра и органично контрастируют между собой. Исходя из темы исследования, разговорный регистр речи мы условно градируем на:

- собственно разговорную лексику (со словарной пометой *разг.* [6]);
- коллоквиализмы (стилистически сниженная лексика со словарной пометой *арго, вульг., груб., простор.* [6]);
- нейтральную лексику, которая под влиянием контекста принимает статус разговорного регистра.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим подробно каждый из предложенных составляющих классификации и способы их репрезентации на русский язык.

Репрезентация собственно разговорной лексики

С первых кадров ленты, когда Дрисс на огромной скорости едет по автомагистрали, слышим из его уст: “*Degage-toi!*” [24] со значением, близким к разговорным *проваливай / катись* [14, с. 605]. Данный случай является примером *уподобляющего перевода*. Фраза является своеобразной характеристикой героя. Уже с первых минут фильма можно предположить, что за человек перед нами, каково его образование, что скрывается в его характере. В этом небольшом кадре проявляются сразу две значимые функции разговорной речи – функция оценки, заключающаяся в выражении резких эмоций, реакций на события / явления [17, с. 71], и функция речевой характеристики [16]. Однако последняя, по Р. Якобсону, не может быть достаточно реализованной лишь в конкретном временном отрезке. Для верной интерпретации образа нужно проследить частотность использований данных стилистически сниженных единиц в речи [23, с. 198]. Мы солидарны с исследователем и добавим, что в литературе и кинематографе, без сомнения, есть множество способов создания портрета персонажа, однако только речевые свойства и признаки раскрывают личность с соответствующей глубиной и явностью.

Подобные фразы с пометой *разг.* присутствуют еще в ряде случаев. Например: “*C’est avec tes magouilles que je vais payer le loyer?*” [24] – «Мне что, шоколадками платит за жилье, за еду?» [26]. Выделенная лексема зафиксирована в словаре В. Г. Гака с дефиницией «политические интриги, комбинации, возня, махинации, темное дело» [6, с. 649]. Это яркий пример сарказма, т.к. тетя главного героя использует данное слово, чтобы с усмешкой подчеркнуть отсутствие денежных средств. Объяснить переводческое решение в данном случае, а именно использование приема *модуляции*, возможно только с учетом контекста. Так, в эпизоде кинофильма, когда происходит указанный диалог, Дрисс преподносит матери в подарок яйцо Фаберже, украденное из дома Филиппа. Мать юноши живет в районе для малоимущих, необразованна, поэтому не понимает, насколько ценная вещь лежит перед ней. Ей кажется, что это обычный «Киндер-сюрприз» – шоколадное лакомство с игрушкой внутри. Кроме того, сын только что освободился из тюрьмы, и она догадывается, откуда взялись деньги на презент, поэтому отвечает резко и с негативом. Как видно, использованное в оригинале слово *magouilles* (ср.: *махинации*) развивается до лексемы *шоколадки*, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы.

Разговорное выражение в предложении “*Tu prends tes cliques et tes claques, et tu fous le camp d’ici! Va-t’en. Va-t’en!*” [24] зафиксировано в словаре со значением «забрать свои манатки» [6, с. 207]. Его в кинофильме произносит мама главного героя, когда указывает сыну на дверь. Данное выражение несет функцию речевой характеристики персонажа. В переводе фраза выглядит следующим образом: «*Забирай свои манатки и проваливай отсюда. Ты понял? Уходи. Уходи!*» [26]. В ряду преобразований, осуществленных переводчиком при передаче выделенных слов на русский язык, находим **уподобляющий перевод**. Можно предположить, что мать главного героя имела в виду имущество Дрисса, с которым он пришел в дом и которое было нажито нечестным путем. Так, фраза «собирай свои манатки» в русском языке обычно заканчивается словами «и проваливай». Она используется, когда человека прогоняют/выгоняют откуда-либо насовсем [18]. Употребление такого эквивалента вполне оправданно, т.к. переводчик в данном случае полагается на ассоциации, которые вызывают у зрителя речевые ситуации, подобные данной. Более того, в оригинальном тексте французский глагол *va-t’en* дублируется для усиления воздействия на адресата. При переводе лексема воспроизводится **дословно**, без изменений – *уйди*. В высказывании на русском языке также отмечено наличие лексического повтора.

В анализируемом фильме социально-идентифицирующая функция объединяет еще ряд примеров. Так, несколько раз на протяжении повествования в фильме встречается разговорная лексема *kiffe*, которая, согласно Le Robert de poche, означает “prendre de plaisir” [25, с. 428] (досл. «получать удовольствие»). Следует также отметить градационную организацию на уровне языка, в частности интенсификацию значений слова [12]. В звучащем контексте она представлена имплицитно, т.е. проявляется лишь путем сопоставления слов, без соответствующего формального показателя. Проиллюстрируем сказанное.

Лексема *kiffe* соотносится с разговорным словом *кайфовать*: “*Elle me kiffe, ça se voit*” [24] – «*Она явно меня хочет*» [26]. В оригинале Дрисс бестактен, у него нет хороших манер, поэтому изъясняется грубо, используя разговорные слова и выражения. При переводе фразы прием **компенсации** на лексико-фразеологическом уровне обеспечивает сохранность перечисленных особенностей, свойственных речи героя. С этой целью вместо буквального перевода выделенной лексической единицы *kiffe* (досл. «кайфовать» [6, с. 609]) употребляется близкая по смыслу просторечно-фамильярная форма *хочет* [14, с. 868].

Лексема *kiffe* коррелирует также со словосочетанием *не дает покоя / приводит в волнение*: “*Elle me kiffe*” [24] – «*Она стопудово меня хочет*» [26]. Герою свойственна самоирония, которая ярко представлена через **добавление** разговорного наречия *стопудово* со значением *наверняка* на молодежном сленге [18]. В целом особенности речи на переводящем языке сохранены и переданы довольно точно.

Лексема *kiffe* может быть соотнесена со сленговым выражением *волнует / колышет*: “*Elle passe 6 mois à lire vos poèmes, et elle kiffe*” [24] – «*Смотрите, она полгода читает ваши идиотские стишки и ее штырит*» [26]. В данном случае переводчик использует **эквивалентную замену**, при которой употребленному в тексте оригинала разговорному слову *kiffe* соответствует жаргонное *штырит* в значении «неописуемого, невероятного удовольствия от чего-л.» [11, с. 711] на русском языке.

Проанализируем еще ряд лексем разговорного регистра исходного текста и их передачу на русский язык. В частности, “*Il est grand, costaud, il a un cerveau qui fonctionne*

alors, tout le reste, dans mon état de vie d'avant, je m'en fous» [24]. В словаре В. Г. Гака лексема *costaud* означает «крепкий, коренастый» [6, с. 249]. Именно на этом слове акцентирует внимание Филипп, когда описывает приятелю своего нового помощника, пытаясь объяснить, почему он принял его на работу. Разговорное выражение *je m'en fous* передается на русский язык посредством **дословного перевода**, при котором порядок слов и структура оригинальной конструкции на языке перевода сохраняются. Для этого переводчик использует словосочетание *мне наплевать*. Кроме того, отметим **членение** при переводе сложного оригинального предложения на три [26]: «Он здоровый, сильный, руки, ноги на месте, голова работает» (сложное бессоюзное предложение); «Все при нем» (простое предложение); «А на все остальное, особенно в моем-то состоянии: откуда он, что он делал раньше – мне наплевать» (сложное бессоюзное предложение).

Выражение “*C'est dégueulasse, ça*” [24] – «Какая же это **гадость**, Филипп!» [26] присутствует в словаре Le Robert de poche с пометой *familier*. Выделенное слово означает “*sale, répugnant*” [25, с. 197] (досл. «гадко, грязно, отвратительно») и несет функцию оценки. В аспекте перевода наблюдаем **грамматическую (частеречную) замену**, при которой лексема *dégueulasse*, принадлежащая к классу прилагательных во французском языке, передается на русский язык посредством существительного *гадость*. В указанном примере отметим наличие добавления: переводчик вводит в структуру восклицательного предложения сочетание определительного местоимения *какая*, выражающего «возмущение качеством чего-либо» [14, с. 260], и энклитической частицы *же* для придания высказыванию большей эмоциональной выразительности. Мы считаем, такое решение предпринято переводчиком с целью уложиться в рамки экранного времени, т.к. переведенная фраза звучит несколько длиннее исходной.

Подобная эмоционально-оценочная разговорная лексика с тем же функционалом выявлена нами в следующей фразе: “*Il est marrant*” [24] – «Ну и что? Вы что **смеетесь что ли?**» [26]. В словаре Le Robert de poche выделенное слово представлено со значением “*amusant, drôle*” [25, с. 466] (досл. «смешной, забавный»). При передаче прилагательного *marrant* переводчик использовал прием **грамматической замены** на уровне частей речи, т.к. в русском языке соответствующая лексема *смеетесь* относится к классу глаголов. Кроме этого, расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, осуществляется переводчиком за счет **добавления** риторического вопроса «Ну и что?», отсутствующего в оригинальной фразе. Еще одним приемом, обеспечившим повышение категоричности оценки и ее интенсивности, стал имплицативный **антонимический перевод**, в рамках которого синтаксическая единица “*Il est marrant*”, призванная сообщить утвердительную информацию, преобразовалась в вопросительное предложение «Вы что смеетесь что ли?» с субъективным значением привлечения внимания к содержанию высказывания [3, с. 56]. Несмотря на обилие приемов перевода, переводчику удалось сохранить коннотацию, свойственную исходному тексту.

Репрезентация коллоквиализмов

Присутствие арготичных слов указывает на принадлежность говорящего к конкретной общественной группе населения. Например, “*La daronne le sait ?*” [24] – «**Матери** сказал?» [26]. В словаре В. Г. Гака выделенная лексема означает «отец, мать; хозяйка» [6, с. 279]. В кинофильме главный герой подобным образом обращается к матери. Переводчик осуществляет подбор **эквивалента**: арготичная лексическая единица французского языка *daronne* при переводе заменяется лексемой *матери*,

характеризующейся с точки зрения эмоционально-экспрессивной стилистической окраски как нейтральная.

“*Un effet du joint*” [24] – «От *травки* так бывает» [26]. Используемый Дриссом англицизм с предложением Филиппу покурить в словаре Le Robert de poche обладает значением “*cigarette de haschich*” [25, с. 422] (досл. «сигарета с наркотиком»). В русском варианте наиболее подходящей адаптацией, как нам кажется, будет являться слово «косяк» – жаргонное название папиросы с марихуаной [1, с. 271]. Специалист путем **конкретизации** значения лексемы подбирает не менее удачный эквивалент *травка*.

Обратимся к словосочетаниям «*Arrêtez les vannes*», «*C’est une vanne!*» [24]. Зафиксированная в словаре Le Robert de poche просторечная лексема *vanne* обладает дефиницией “*plaisanterie, blague*” [25, с. 774] (досл. «шутка, розыгрыш»). Данная лексема имеет функцию речевой характеристики, поскольку главный персонаж часто использует это слово, когда шутит, чтобы подчеркнуть, что он говорит не всерьез. Интересно, что такие вкрапления показывают не опрометчивость или беспечность, а, скорее, свидетельствуют о его оптимистичном и неунывающим отношении к жизненным тяготам и трудностям. С точки зрения переводческого аспекта в обоих примерах перед нами **грамматическая замена**: существительное *vanne* в языке перевода переходит в разряд глаголов – *шутить* «*Может хорош шутить*», «*Да шучу я*» [26]. Первый случай иллюстрирует стремление переводчика компенсировать сниженную стилистическую окраску исходной лексической единицы через добавление разговорной частицы *хорош* [14, с. 867], которая усиливает реакцию воздействия на зрителя и способствует выражению угрозы.

При переводе лексической единицы *vanne* из фразы «*C’est une vanne!*» [24] – «*Да шучу я!*» [26] переводчик не сохраняет коннотативное значение, заменив ее более нейтральной русской лексемой *шучу*. С целью усиления экспрессивности в начале предложения употребляется разговорная усилительная частица *да*, придающая высказыванию большую силу выразительности [19, с. 213]. Данный прием воспроизводит общую оценочность, присущую фрагменту оригинального текста.

Нами выявлены и другие случаи употребления просторечной лексики, в частности, слово *tes* имеет значение «мужчина, человек; парень; тип» [6, с. 674]. Оно характеризуется наиболее частотным использованием среди героев с целью привлечения внимания собеседника или неформального обращения к коммуниканту. Важно, что лексема обладает функцией оценки и наделена принципиально разными семантическими оттенками, а потому и переводится тоже неодинаково.

В примере «*Je vide pas le cul d’un tes que je ne connais pas*» [24] – «*Не важно, готов или нет, я едва его знаю, я не буду подтирать ему задницу*» [26] французская лексема *tes* передает отрицательную оценку, потому что называет подозрительного человека, в какой-то степени неприятного адресанту. Данная лексическая единица переведена на русский язык при помощи формы личного местоимения *его*. Отметим, что в языке оригинала эмоциональный компонент выражен ярче, чем в русском, перевод эмоционально-экспрессивного слова сопровождается смысловыми и **прагматическими потерями**. Здесь также встречаем разговорное выражение *vider le cul*, которое передается на язык перевода путем **подбора полного эквивалента** – *подтирать задницу* [2, с. 129].

Значение нейтрального слова *мужья*, употребленного в переводе предложения “*Dans le Nord, les tes cognent*” [24] – «*У них на севере мужья их колотят*» [26], не соотносится с разговорной лексемой *tes*, в оригинале выражающую симпатию:

обозначает лиц, с которыми протагонист находится в приятельских отношениях. Это способствует частичному снижению эмоциональности и ведет к **стилистической переводческой потере**. Однако экспрессивный заряд высказывания на языке перевода все же сохраняется за счет использования **эквивалентной замены**: отрицательная оценка, свойственная разговорной лексеме *cognent*, находит место в значениях глагола *colotят* – «бить; наносить побои» [14, с. 284].

В примере «*Il est malade, se tes*» [24] – «Да что же такое, он совсем оборзел» [26] перевод на русский язык окрашенной лексемы *tes* осуществляется при помощи нейтрального личного местоимения *он*. Такое решение изменяет прагматический эффект высказывания, поскольку происходит разное воздействие исходного текста и текста перевода благодаря **переводческой потере** стилистических оттенков, присутствующих в оригинале. Более того, в данном отрывке выявлена **стилистическая аллюзия**: переводчиком подобрано не зависящее от контекста соответствие, сходное с оригинальным выражением с точки зрения формы и семантического наполнения, но отличающееся экспрессивным компонентом. Если быть точнее, отмечено неодобрительное обозначение изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки – французское *malade* в значении *с ума сошел?* преобразовывается на переводящем языке в грубо-просторечный глагол *оборзел* [18].

В анализируемых фрагментах французская лексическая единица *tes* приобретает еще одно смысловое значение. К примеру, ее можно соотнести с русской лексемой *парень* – жаргонным синонимом слов *ухажер, любовник, бойфренд* и т.п. в молодежном сленге [18]. В примере «*Elle s'habille n'importe comment, elle galoche son tes partout*» [24] – «Она ходит, как бомжиха, и еще лижется по углам со своим патлатый» [26] переводчик отдает предпочтение **дисфемистическому переводу**, при котором происходит замена названного слова с вышеуказанной семантикой и характерной экспрессией на другое, с оттенками презрения, уничижения – *патлатый*, отличающееся более грубой стилистической окраской, по сравнению с оригиналом. Тот же способ применен и к следующему выражению исходного текста: эмоционально окрашенный сравнительный оборот *как бомжиха* в русском языке выражает сильную отрицательную коннотацию вместо словосочетания нейтрального характера *n'importe comment* (досл. «кое-как» [6, с. 560]). Также сленговая лексема с положительной эмоционально-экспрессивной оценочностью *galoche* (досл. «поцелуй, засос» [6, с. 492]), распространенный в молодежной среде, подменяется вульгарным сленгизмом *лизаться*. Выбранный переводчиком эквивалент с усиленным неодобрительным и эмоциональным компонентом, как мы считаем, точнее отвечает условиям речевой ситуации, в которой Дрисс пытается пристыдить дочь Филиппа за ведение разгульного образа жизни.

В контексте исследуемой кинокартины нельзя не упомянуть изречения лингвиста и переводчика В. В. Сдобникова о том, что подобные социально-маркированные слова становятся неотъемлемой характеристикой низкого социального статуса действующего лица, т. к. превалируют именно в его лексиконе [16, с. 29]. Однако в следующем варианте мы уже не можем согласиться со словами филолога. Так, в предложении “*Tu as une dope?*” [24] – «У тебя сигарета есть?» [26] Элисса, дочь аристократа Филиппа, обращаясь к Дриссу с вопросом, употребляет популярную заимствованную лексему со значением “*drogue, stupéfiant*” («наркотик» [6, с. 352]). Но наличие подобных арготизмов в словаре девочки подводит не к социальной идентификации, как может показаться на первый взгляд, ведь она растет в приличном обществе, получая достойное образование.

Дело в том, что ребенку в силу обстоятельств не достаёт должного внимания отца, а потому дочка уже давно не воспринимает его как авторитет. Такие резкие высказывания оказываются речевой характеристикой психологических особенностей подростка. Обобщая вышесказанное, можем утверждать, что та или иная функция может видоизменяться в зависимости от конкретного случая, поэтому будет ошибкой на основе речевого своеобразия обобщать всех героев, проводя между ними параллель.

Следует отметить, что в данном примере возникает некоторый сдвиг на стилистическом уровне: арготизм *dore* относится к разговорно-сниженной лексике и выражает негативную экспрессию, в то время как *сигарета* является общеупотребительным словом и имеет более мягкую коннотацию. Это яркий пример **эвфемистического перевода**. По нашему мнению, обращение к такому приему объясняется тем, что буквальный перевод лексемы мог вызвать противоречивую реакцию зрителя: восприняться с экрана как пропаганда запрещенных наркотических средств.

В начале фильма слышим фамильярное слово “*Merde!*” [24] – «*Блин!*» [26], употребленное в значении “*matière fécale*” [25, с. 476]. Русскоязычным соответствием, по нашему мнению, следует считать просторечия типа «дерьмо, черт и т. п.» [6, с. 162]. Представлен **эвфемистический перевод**: фамил. *merde* → разг.-сниж. *блин*, употребленное в значении «возглас, выражающий сильную досаду, неудовольствие» [21, с. 104]. На примере упомянутой лексической единицы можем отметить еще одну функцию разговорной речи в рамках фильма – стилиобразующую функцию. По этому поводу высказывалась Н. М. Кожина: «...реплики персонажей, включающие грубые, порой вульгарные слова, необходимые для выражения эмоций или оценок, делают текст своеобразным и уникальным» [9, с. 19].

Лексема *emmerdant* зафиксирована в словаре В. Г. Гака и означает «надоедливый, нудный» [6, с. 385]. Выражение “*Ah ouais, c’est emmerdant*” [24] несет эмоционально-экспрессивную функцию. Переводчиком использована **эквивалентная замена** «*Да, это хреново*» [26], в рамках которой вместо стилистически сниженной лексемы *emmerdant* в переводящем языке употребляется просторечное наречие *хреново* в значении *плохо* [6, с. 869].

Подобные лексемы со схожей функцией выявлены нами в следующих фразах:

“*T’es con*”; “*Mais, quel con! Au secours!*” [24] – лексема *con* со значением «дурак; идиот» [6, с. 224] отличается частотностью в употреблении и произносится Дриссом, членами его семьи или окружением. В случае с редуцированной конструкцией «*T’es con*» (досл. «Ты идиот») наблюдаем **эвфемистический перевод**, при котором бранное слово *con* с резко негативной оценкой заменяется сниженной разговорной лексемой *дурак*, выражающей отрицательную коннотацию менее ярко [6, с. 182].

“*Mais, quel con! Au secours!*” [24] – «*Какой болван! Помогите!*» [26]. В переводе присутствует **частичный лексический эквивалент**: просторечное существительное *con* заменяется в русском языке разговорным словом *болван* [6, с. 54]. На наш взгляд, русскоязычному зрителю понятней и привычней слышать такой вариант, возможно, из-за аналогии с распространенным выражением, строящимся по модели «Какой болван придумал...». На месте многоточия, как правило употребляется общеизвестный факт или новшество, не удовлетворяющее ожиданий говорящего [7].

“*Abruti! Connard!*” [24] вульгарная лексическая единица со сниженной коннотацией в словаре В. Г. Гака имеет значение «дурацкий, глупый» [6, с. 231] При переводе «*Дебил!*

Идиот!» [26] использована **частичная эквивалентная замена**. Здесь мы видим следующее стилистическое расхождение: лексическая единица оригинального текста *connard* относится к разряду сниженной ненормативной лексики, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего говорящего, уровень его речевой и общей культуры. В то же время слово *идиот* относится к бранной лексике [6, с. 236], использование которой в целом осуждается общественным сознанием с морально-этической точки зрения, хотя данные лексические единицы не запрещены полностью, то есть возможны случаи, когда их наличие в речи говорящего оправданно. Часто это крайне эмоциональные ситуации, подобные той, что описана в анализируемом предложении.

“*Je fais semblant d’être surpris, chacun fait un effort, mais, on se fait tous chier*” [24] – указанное вульгарное слово со значением «испражняться» [6, с. 194] герой употребляет в разговоре с Филиппом, чем не только выражает собственное эмоционально-оценочное состояние, но и демонстрирует речевой контраст (стилеобразующая функция): сниженная речь Дрисса и высокий стиль речи Филиппа. В данном случае «*Я притворяюсь что удивлен, гости тоже стараются, но в конечном счете все отбывают повинность*» [26] представлен **эвфемистический перевод**: употребление фразеологизма «отбывать повинность» [22, с. 471].

Рассмотрим ряд примеров с использованием грубовато-экспрессивных просторечных слов, в частности, “*Oh putain, elle a toutes ses dents!*” – «*Ну фуза себе! Она в Дюнкерке со всеми зубами*»; “*Putain, pardon*” – «*Черт, опять простите*»; “*On envoie cette putain de photo*” – «*Ну и суйте эту чертову фотографию*»; “*Putain, qu’est-ce que je l’ai aimée*” – «*Как же я ее любил!*» [24] – [26]. В кинофильме лексема *putain* со значением «потаскуха; проститутка; путана» [6, с. 885] произносится многими персонажами, в основном из окружения Дрисса или им самим. В первых трех предложениях способ передачи выделенного слова на русский язык – **эвфемистический перевод**. Грубое французское слово изменено на другое с более «мягкой» экспрессией. В последнем примере “*Putain, qu’est-ce que je l’ai aimée*” – «*Как же я ее любил!*» выделим **лакунарный способ** передачи, т.к. лексическая единица *putain*, которая, по мысли переводчика, для отражения в тексте перевода не так важна и имеет второстепенный характер, подвергается опущению. Указанные фразы используются в нескольких целях: во-первых, для реализации социально-идентификационной функции – чтобы показать особенности определенной социальной среды, характеров ее участников; во-вторых, как стилеобразующий фактор.

По такому же принципу в кинофильме употребляется арготичная лексема *niquer*: “*On s’est fait niquer*” [24] – «*Мы с пацанами вчетвером запалились*» [26] в значении «надуть, облапошить» [6, с. 732]. Способ перевода – **модуляция**, при которой каузативная лексема французского языка *niquer* со значением «облажаться» посредством **смыслового развития** заменяется возвратным русским глаголом *запалились*, являющимся следствием исходного понятия.

**Репрезентация нейтральной лексики,
которая под влиянием контекста принимает статус разговорного регистра**

При анализе разговорной речи героев кинофильма показательным является обращение к глаголу *soulager*. Чтобы как-то ослабить боль Филиппа и подарить ему хотя бы толику радости привычной жизни, Дрисс неоднократно изъясняется фразами типа

“*Tirez, ça soulage*” [24] – «*Затянитесь и полеживает*» [26]. Протагонист произносит данную фразу, протягивая шефу сигареты, от которых, по его уверению, должно стать лучше. В словаре Le Robert de poche находим соответствующее значение глагола *soulager* “satisfaire un besoin nature” [25, с. 698] (досл. «удовлетворять естественные потребности»). В переводческом ракурсе оба выделенных слова представляют собой **дисфемизмы**. Переводчик снизил нейтральный стиль текста оригинала и приблизил его к разговорному: вместо нейтральной лексемы *tirez* употребляется разговорная форма *затянитесь* [14, с. 223], а вместо нейтрального *soulage* используется разговорное слово со сниженной стилистической окраской *полеживает* [14, с. 321]. Здесь проявляется социально-идентифицирующая функция разговорной речи, т.к. в отбираемых персонажем в процессе коммуникации языковых средствах отражаются особенности социальных характеров и соответствующей среды, представителем которой он является [5, с. 10].

В выражениях “*C’est chaud*” и “*Il est chaud. Il est pistol*” [24] подчеркнутая лексема употреблена в значении “avoir chaud, très, trop chaud” [25, с. 125], что означает «быть горячим». В переводческом аспекте данные примеры интересны: при переводе первой фразы “*C’est chaud*” – «*Вот засада*» [26] использована **модуляция**, т.к. преобразование затрагивает семантический план лексических единиц: уточняется смысловое содержание нейтрального прилагательного *chaud* («теплый, горячий; пылкий» [6, с. 188]). Слово *жара* в «Словаре молодежного сленга» имеет значение «затруднительное, безвыходное, сложное, непредвиденное положение, большая проблема» [11, с. 302]. Переводчик находит более конкретное и стилистически уместное контекстуальное решение, употребив понятный русскоязычному зрителю синонимичный эквивалент – жаргонизм *засада*, который характеризуется как «неожиданное положение дел, при котором радоваться не приходится» [11, с. 284].

Вторая фраза “*Il est chaud. Il est pistol*” [24] – «*Он ходок. Связи у него пистолярные*» [26] также привлекает внимание способом передачи на русский язык лексемы *chaud*, где используется прием **модуляции**, иначе говоря, употребляется лексическая единица *ходок*, значение которой является логическим развитием значения переводимой единицы. Исходное прилагательное *chaud* (досл. «горячий») можно истолковать как пылкий и страстный любовник, поэтому переводчик соотносит его с разговорным существительным *ходок* на переводящем языке, обозначающим «ловкого человека, способного, умелого в каком-н. отношении», чаще всего в отношении женского пола [21, с. 816]. Также целесообразно прокомментировать специфику перевода лексической единицы *pistole*. В оригинале диалог Дрисса с гувернанткой Ивонной содержит каламбур: обсуждая подробности переписки Филиппа с таинственной Элеонорой, собеседники затрагивают тему эпистолярного жанра. Не знакомый с этим понятием ранее выходец из Сенегала искажает лексему *épistolaire*, употребляя *pistole*. Отмечая факт проникновения многих французских слов в лексическую систему русского языка, переводчик решает компенсировать на фонологическом уровне комический эффект исходного выражения и прибегает к **частичной транслитерации**. Так, на основе русского слова *эпистолярный*, заимствованного из французского (*épistolaire*), образуется просторечие *pistoлярные*, в котором пропущена начальная гласная. Данные особенности свидетельствуют о неграмотности персонажа.

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что в лингвистической системе французского кинофильма, взятого нами для анализа, мы наблюдали большое количество разговорных лексических единиц, относящихся к разным категориям и применяющихся при самых разнообразных условиях неформальной коммуникации. С точки зрения лексического уровня мы разделили все выявленные примеры на 3 ключевые группы: а) собственно разговорная лексика; б) коллоквиализмы; в) нейтральные слова с расширенным кругом значений. В анализируемой комедийной драме для более детальной интерпретации мы вычленили конкретную функцию, которую выполняет та или иная лексема. Практически каждой отдельной группе лексических единиц соответствует своя функция (функция оценки, эмоционально-экспрессивная, функция речевой характеристики, стилиобразующая, функция контекстуального ядра и др.). Иногда одна лексема может выполнять несколько важных функций, способствующих восприятию кинотекста, пониманию стиля или авторской идеи.

При переводе разговорного регистра речи с французского языка на русский для сохранения смысла оригинального текста, воспроизведения соответствующей обстановки и, главное, обеспечения адекватности перевода, были использованы различные лексические, грамматические, лексико-грамматические трансформации, а также приемы перевода (модуляция, эвфемистический и дисфемистический переводы, компенсация, уподобляющий и дословный переводы, лакунарный способ, стилистическая аллюзия и др.).

Список литературы

1. *Балдаев Д. С.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. – М.: Края Москвы, 1992. – 525 с.
2. *Белянин В. П.* Живая речь : Словарь разговорных выражений. – М.: Изд-во ПАИМС, 1994. – 183 с.
3. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
4. *Валева Р. Ф.* Специфика перевода на русский язык разговорной лексики в жанре Young Adult // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании: сборник научных статей по материалам Международной студенческой конференции, 14–16 марта 2019 г. – Екатеринбург, 2019. – С. 926–928.
5. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 255 с.
6. *Гак В. Г.* Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2003. – 1195 с.
7. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
8. *Камаи А.* Особенности перевода разговорной речи художественной литературе (на материале перевода повести Б. Нуржекеева «Виновата любовь» на английский язык) // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 59–62.
9. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. – М.: Флинта, 2008. – 462 с.
10. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. – М.: Валент, 2014. – 407 с.
11. *Левикова С. И.* Большой словарь молодежного сленга. – М.: Гранд, 2003. – 923 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
13. *Овсянников В. В., Газда Н. Н.* Университетское переводоведение. – Режим доступа: http://voats.ucoz.ru/publ/osobennosti_perevoda_nekotorykh_jazykovykh_edinic/v_v_ovsjannikov_n_n_gazda_perevod_razgovornoj_leksiki/16-1-0-169. – (Дата обращения: 10.09.2025).
14. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
15. *Петрова О. В.* Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2 – С.119–123.
16. *Сдобников В. В.* Теория перевода. – М.: АСТ, 2006. – 444 с.
17. *Сиротинина О. Б.* Хорошая речь. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 316 с.

18. Словарь молодежного сленга / Terminy.info: энциклопедии, словари, справочники. – Режим доступа: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/paren>. (Дата обращения: 13.09.2025).
19. Словарь русского языка: в 4 ч. Ч. 1. А-Й. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – М.: Рус. яз., 1985. – 702 с.
20. Словарь современной лексики и жаргона // law.niv.ru. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-209-3.htm#zag-5024>. – (Дата обращения: 11.09.2025).
21. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской книги, 2008. – 959 с.
22. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. – М.: АСТ, 2008. – 878 с.
23. Якобсон Р. О. О языковых аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Просвещение, 1978. – С. 16–24.
24. Intouchables: [фильм] / Olivier Nakache, Eric Toledano // Ahmat Yuksel. – Режим доступа: <https://my.mail.ru/mail/oksana.hunuzidi/video/1646/35135.html>. – (Дата обращения: 05.09.2025).
25. Le Robert de poche. Langue française. 40000 mots. – Paris, 2006. – 1075 p.
26. «1+1»: [фильм] // Кинопоиск. – Режим доступа: https://hd.kinopoisk.ru/film/4127663ed234fa8584aeb969ceb02cd8?from_block=kp-button-online&playingContentId=4127663ed234fa8584aeb969ceb02cd8&watch=. – (Дата обращения: 05.09.2025).

References

1. Baldaev D. S. *Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona. Rechevoj i graficheskij portret sovetskoj tyurny* [Dictionary of Prison-Camp-Criminal Slang. Speech and Graphic Portrait of the Soviet Prison]. Moscow, Kraja Moskvy Publ., 1992. 525 p.
2. Belyanin V. P. *Zhivaya rech : Slovar razgovornykh vyrazhenij* [Live Speech: Dictionary of Colloquial Expressions]. Moscow, PAIMS Publ., 1994. 183 p.
3. Valgina N. S. *Sovremennyy russkij yazyk: Sintaksis* [Modern Russian language: Syntax. 4th ed., rev. Moscow, Vysshaya shkola, 2003. 416 p.
4. Valeeva R. F. *Specifika perevoda na russkij yazyk razgovornoj leksiki v zhanre Young Adult* [Specific Features of Translating Colloquial Vocabulary in the Young Adult Books]. *Mnogomernost obshchestva: cifrovoj povorot v gumanitarnom znanii: sbornik nauchnykh statej po materialam Mezhdunarodnoj studentskoj konferencii, 14–16 marta 2019 g.* Yekaterinburg, 2019. Pp. 926–928.
5. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poehticheskoy rechi. Poehtika* [Stylistics. Theory of Poetic Discourse. Poetics]. Moscow: Akademija nauk SSSR Publ., 1963. 255 p.
6. Gak V. G. *Novyj francuzsko-russkij slovar* [New French-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij yazyk-Media Publ., 2003. 1195 p.
7. Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General issues. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 276 p.
8. Kamash A. *Osobennosti perevoda razgovornoj rechi khudozhestvennoj literature (na materiale perevoda povesti B. Nurzhekeeva «Vinovata lyubov» na anglijskij yazyk)* [Features of the Translation of Colloquial Speech in Fiction Writing (based on the translation of B. Nurzhekeev's novella "Love is to Blame" into English)]. *Molodoj uchenyj*, 2020, no. 51(341), pp. 59–62.
9. Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., 2008. 462 p.
10. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow, R.Valent Publ., 2014. 407 p.
11. Levikova S. I. *Bolshoj slovar molodezhnogo slenga* [The Great Dictionary of Youth Slang]. Moscow, Grand Publ., 2003. 923 p.
12. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990. 682 p.
13. Ovsyannikov V. V., Gazda N. N. *Universitetskoe perevodovedenie* [University Translation Studies]. Available from: http://voats.ucoz.ru/publ/osobennosti_perevoda_nekotorykh_jazykovykh_edinic/v_v_ovsjannikov_n_n_gazda_perevod_razgovornoj_leksiki/16-1-0-169 (accessed 10 September 2025).

14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p.
15. Petrova O. V. *Sushchestvuyut li universalnye kriterii ocenki kachestva perevoda?* [Are there Universal Criteria for Assessing the Quality of Translation?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya*, 2009, no. 2, pp. 119–123.
16. Sdobnikov V. V. *Teoriya perevoda* [Theory of Translation]. Moscow, AST Publ., 2006. 444 p.
17. Sirotinina O. B. *Khoroshaya rech* [Good Speech]. Saratov, Saratovskij universitet Publ., 2001. 316 p.
18. *Slovar molodezhnogo slenga. Terminy.info: ehnciklopedii, slovari, spravochniki* [Youth Slang Dictionary Terminy info: encyclopedias, dictionaries, reference books]. Available from: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/paren> (accessed 13 September 2025).
19. *Slovar russkogo yazyka: v 4 ch. CH. 1. A-J*. [Russian Language Dictionary: 4 vol. Vol. 1. A-Й]. chief editor A. P. Yevgenyeva. Moscow, Russkij Yazyk Publ., 1985. 702 p.
20. *Slovar sovremennoj leksiki i zhargona* [Dictionary of Modern vocabulary and jargon]. Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/fc/slovar-209-3.htm#zag-5024> (accessed 11 September 2025).
21. Ushakov D. N. *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka: sovremennaya redakciya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: new edition]. Moscow, Dom Slavyanskoj Knigi Publ., 2008. 959 p.
22. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinic* [Phraseological Dictionary of the Russian Standard Language: about 13 000 phraseological units]. Moscow, AST Publ., 2008. 878 p.
23. Jakobson R. O. *O yazykovykh aspektakh perevoda* [On Linguistic Aspects of Translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, Prosveschenie Publ., 1978, pp. 16–24.
24. *Intouchables*: [film]. Olivier Nakache, Eric Toledano. Ahmat Yuksel : [the official account on the Video Mail.ru]. Available from: <https://my.mail.ru/mail/oksana.hunuzidi/video/1646/35135.html> (accessed: 05.09.2025).
25. *Le Robert de poche. French language. 40 000 words*. Paris, 2006. 1075 p.
26. «1+1»: [film]. Kinopoisk: Available from: https://hd.kinopoisk.ru/film/4127663ed234fa8584aeb969ceb02cd8?from_block=kp-button-online&playingContentId=4127663_ed234fa8584aeb969ceb02cd8&watch= (accessed: 05.09.2025).

**ACTUALIZATION OF THE LEXICAL FEATURES
OF COLLOQUIAL LANGUAGE
IN THE COMEDY DRAMA “THE INTOUCHABLES”
WHEN TRANSLATING FROM FRENCH INTO RUSSIAN**

Khorosheva E. A., Savina E. V.

The present research is devoted to the study of colloquial vocabulary presented in modern French cinema and the problem of its translation into Russian. The layer of colloquial vocabulary is considered as one of the key components of the lexical corpus of the language. Consequently, the analysis of the translation of French colloquial vocabulary into Russian is organized taking into account the lexical structure and the uniqueness of the context in which this vocabulary appears. It can be called new to conduct analytical work on the uniqueness of the representation of colloquial style (elements of the source language and their corresponding literary translations) in modern cinema. The factual basis for this research is the colloquial speech register of the comedy drama "Intouchables" ("1+1") by Olivier Nakashe and Éric Toledano, , which has not previously been a subject of close scrutiny by linguists and translators. The translation transformations and translation techniques used by S.A. Kozin in his work on the film text were revealed. The authors of this article came to the conclusion that the analyzed translation of colloquial vocabulary aligns with the "universal criteria for quality assessment" proposed by O.V. Petrova.

Keywords: representation of colloquial vocabulary; transformations (lexical, grammatical, lexico-grammatical); translation techniques (modulation, euphemism, dysphemism, accidental gap).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргашокова Светлана Хазраильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск, Россия

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и украинской филологии КИПУ им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

Грозян Нина Федоровна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и украинской филологии КИПУ им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

Долгополова Лилия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации КИПУ им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

Дюсекеева Мадина Рысбаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета русского языка и литературы Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой мировых языков Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, Витебск, Белоруссия

Иванова Наталья Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета русского языка и литературы Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Кидакоева Зарема Шихамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Конивец Арсений Павлович – аспирант кафедры рекламы и визуальных коммуникаций Московского финансово-промышленного университета «Синергия», г. Москва, Россия

Литвишко Ольга Михайловна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета, г. Пятигорск, Россия

Лобовикова Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент, лейтенант юстиции, заведующий кафедрой гуманитарных, социально-экономических дисциплин, русского и иностранных языков Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Луганск, Россия

Лукашова Ирина Вадимовна – аспирант кафедры теории и практики перевода Донецкого государственного университета, г. Донецк, Россия

Маркелов Кирилл Вячеславович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Мащенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент, директор Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, заведующий кафедрой медиакоммуникаций Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Некрасова Мария Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология» Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Никифорова Арина Дмитриевна – обучающаяся 1 курса магистратуры кафедры геоэкологии факультета географии, геоэкологии и туризма Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Полховская Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Прудникова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии КИПУ им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

Ратундалова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры теории и практики перевода Донецкого государственного университета, г. Донецк, Россия

Рейнова Анастасия Владимировна – специалист кафедры теории и практики перевода, ассистент кафедры основ российской государственности Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Савина Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Сечин Денис Юрьевич – аспирант кафедра журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Смирнова Ирина Романовна – аспирант кафедры русского языка Донецкого государственного университета, г. Донецк, Россия

Хорошева Екатерина Андреевна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Шестакова Елена Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №1 Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Россия

Яковлева Елена Павловна – преподаватель кафедры английской филологии КИПУ им. Февзи Якубова, г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

- Баранская Е. М.**
«ПЕРЕЗВОНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» Б. К. ЗАЙЦЕВА.....3
- Дюсекеева М. Р., Иванова Н. П.**
КОНСТАНТЫ БЫТИЯ В РОМАНЕ А. Б. САЛЬНИКОВА «ОККУЛЬТТРЕГЕР».....18
- Зайцева И. П.**
ФРОНТОВАЯ ПОЭЗИЯ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО:
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ
И КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ.....27
- Орехова Л. А.**
О НЕИЗВЕСТНОЙ РУКОПИСИ Н. П. СУСЛОВОЙ
В ФОНДАХ КРЫМСКОГО АРХИВА: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ.....42
- Рейнова А. В., Полховская Е. В.**
ПОЭТИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАРСА
МАЙКЛА ФРЕЙНА «БАЛМОРАЛ».....73

**2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

- Кидакочева З. Ш.**
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
В ПОДДЕРЖКУ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ:
НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКОЙ ПЕРИОДИКИ.....84
- Конивец А. П.**
ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ТРАНСЛЯТОР КОМИЧЕСКОГО.....94
- Мащенко А. П.**
МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ЗАХАР ПРИЛЕПИН:
ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ.....108
- Орехов В. В.**
ФЕЙКИ И НОВОСТНАЯ ТАКТИКА ПРЕССЫ:
ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ I.....117
- Сечин Д. Ю., Маркелов К. В.**
НАРРАТОР В ПОРТРЕТНЫХ ТЕКСТАХ
ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА».....154

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Аргашикова С. Х., Некрасова М. Ю.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ЮРИДИЧЕСКИХ МЕТАФОР.....162

Литвишко О. М.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ТЕКСТОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИМПЛИФИКАЦИИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....172

Лукашова И. В.

МЕЖСИСТЕМНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ТЕРМИНОЛОГИИ БИЗНЕСА И МЕНЕДЖМЕНТА
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....183

Лобовикова Е. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕКЛАМНАЯ КАМПАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ.....193

Шестакова Е. С., Никифорова А. Д.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПЕРЕДАЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОЙКОНИМОВ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПГТ СОВЕТСКОЕ (РЕСПУБЛИКА КРЫМ).....201

4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Грозян Н. Ф., Прудникова Т. I.

ДЕТЕРМІНАНТИ ДОПУСТУ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ:
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНИЙ АСПЕКТ.....211

Долгополова Л. А., Яковлева Е. П.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ
НА КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ДИАЛОГЕ-КОНФЛИКТЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ.....219

Ратундалова И. Ю.

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЭМОЦИЯМИ И ЧУВСТВАМИ
В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ.....228

Смирнова И. Р.

ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
АББРЕВИАТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ ИНИЦИАЛЬНОГО ТИПА.....239

Хорошева Е. А., Савина Е. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В КОМЕДИЙНОЙ ДРАМЕ «1+1»
ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....250

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....263